

LEGEA ȘI VIAȚA

Publicație științifico-practică
ISSN 1810-309X

Întreprindere de stat
Fondator – Ministerul Justiției
al Republicii Moldova
Certificat de înregistrare
nr. 10202264 din 11.02.1993

Publicație acreditată de Consiliul
Suprem pentru Știință și Dezvoltare Tehnologică
al Academiei de Științe a Moldovei prin
Hotărârea nr. 169 din 21.12.2017

Revista este inclusă în baza științifică internațională
Index Copernicus International (Republica Polonă)

Categoria C

Asociați: Curtea Constituțională, Curtea Supremă de Justiție, Ministerul Afacerilor Interne, Institutul de Științe Penale și Criminologie Aplicată, Institutul de cercetări Juridice și Politice al Academiei de Științe a Moldovei, Academia „Ștefan cel Mare” a MAI, Universitatea de Stat „B. P. Hasdeu” (Cahul), Universitatea Slavonă, Universitatea „Spiru Haret” (Constanța), Universitatea „Petre Andrei” (Iași), Universitatea de Stat din Herson (Ucraina).

Se editează din ianuarie 1991
Nr. 8/2 (320) 2018

Redactor-șef L. Arsene

Colegiul de redacție:

Gh. Alecu, doctor în drept, profesor universitar (Constanța, România); T. Barzo, doctor hab. în drept, profesor, (Miskolc, Ungaria); Gh. Costachi, doctor hab. în drept, profesor univ.; V. Cușnir, doctor hab. în drept, profesor univ.; D. Garadjaev, doctor în drept, profesor, Judecătoria la Curtea Constituțională (Bacu, Azerbaidjan); E. Haritonov, doctor hab., profesor, membru cor. al AND (Odesa, Ucraina); E. Ișenco, doctor hab. în drept, profesor (Moscova, FR); T. Kolomoieț, doctor hab. în drept, profesor (Zaporojie, Ucraina); J. Kovac, doctor hab. în drept, profesor, Universitatea Paneuropeană (Bratislava, Slovenia); A. Lonciacov, doctor hab. în drept, profesor (Habarovsk, FR); V. Stratonov, doctor hab. în drept, profesor (Herson, Ucraina); V. Șepitico, doctor hab. în drept, profesor, membru cor. al AND (Harcov, Ucraina).

Adresa redacției:
Casa presei, et. 5
str. Pușkin 22, mun. Chișinău, MD – 2012,
Republica Moldova
Tel.: 022-233 790;
022-234 132 (contabilitatea)

E-mail: publicare@legeasiviata.in.ua
Index: RM 77030

© Legea și viața
Pagina web: www.legeazakon.md
www.legeasiviata.in.ua

СОДЕРЖАНИЕ

Inna BOYKO. Judicial law-making as a function of the international court of justice.....	3
Елена БУГЕРА. Проблемы использования сети Интернет для предупреждения преступности на индивидуальном уровне.....	7
Виталия БУДАРНАЯ. Инвестиционная политика и развитие инвестиционного законодательства Украины.....	11
Юлия БЫКОВА. Зарубежный опыт публичного управления в сфере экологической политики в условиях децентрализации	15
Галина ВАЛЬЧИШИН. Условия и обстоятельства, обуславливающие необходимость проведения следственного эксперимента при расследовании ДТП	19
Александр ВОЛЬВАК. Справедливость как критерий эффективности правового регулирования: мусульманский аспект.....	23
Марина ДЕЙНЕГА. Межотраслевые связи природоресурсного и гражданского права	26
Мария ДОЛИНСКАЯ. Сравнительный анализ прекращения деятельности фермерских хозяйств по законодательству Украины и Молдовы	31
Елена ЗАПОТОЦКАЯ. Сравнительно-правовой аспект публичного администрирования сферы безопасности и качества продуктов питания Украины и Канады	35
Юлия КАБЕНОК. Управление предприятием в процедуре банкротства в некоторых странах романо-германской правовой системы (на примере Бельгии и Нидерландов).....	39
Юрий КАЛГУШКИН. Направления совершенствования национального административного законодательства, регламентирующего территориальную оборону Украины.....	43
Руслан КОМИСАРЧУК. Криминалистика – технология борьбы с преступностью (криминалистическая технология).....	47
Андрей КОПТЕВ. Административные услуги сервисных центров МВД Украины по регистрации транспортных средств.....	51
Роман КРУСЯН. Концептуальная модель реформирования системы судоустройства Украины.....	55
Андрей КУЛЬКО. Международно-правовое регулирование судоходства на международных реках Азии на примере Меконга и Коси.....	60
Виталий КУЧЕР, Татьяна КУРЬЛО. Особенности предоставления безоплатной правовой помощи в Украине	64
Лев ЛЕФТЕРОВ. Криминалистическая характеристика мошенничества, совершенного с использованием электронно-вычислительной техники	69

Irina LUKASEVYCH-KRUTNYK. Concept of mechanism of legal regulation of contract relations with the provision of transport services	74
Nikolay MIKITIYUK. Ensuring security to persons under state protection during mass guard venues.....	78
Елена МИНЕВИЧ. Роль юридической техники в предупреждении и исправлении юридических ошибок: теоретико-правовой аспект.....	81
Эрик МИЩЕНКО. Деятельное раскаяние в системе уголовного законодательства постсоветских стран.....	85
Анатолий НОВАК. Особенности формирования национальной антикоррупционной политики в контексте трансформации системы публичного управления и администрирования в Украине.....	90
Анвер ОМАРОВ. Хозяйственно-правовая политика государства относительно малого бизнеса в Украине.....	95
Наталья ПОЛЯХ. Особенности реализации в административном судопроизводстве Украины европейских стандартов в сфере права на свободные выборы.....	101
Анатолий ПУГАЧ. Особенности регламентации личного досмотра в Украине и опыт зарубежного моделирования.....	106
Людмила РОМАНЕНКО. Сравнительный анализ законов Молдовы и Украины «О физической культуре и спорте».....	110
Людмила СЛИВА. Консультирование адвокатом как комплексное явление	114

Оксана СТРЕЛЬЧЕНКО. Концептуальные основы формирования принципов государственной политики оборота лекарственных средств	118
Виталий ТЕЛИЙЧУК, Алексей СЕМЕНИЦКИЙ. Взаимодействие подразделений криминальной полиции (уголовного розыска) со следователем при раскрытии и расследовании грабежей и разбойных нападений.....	121
Тарас ТОКАРСКИЙ. Социальная политика преодоления бедности в Украине в контексте европейской интеграции	127
Андрей ЦЫБКА. Конституционные принципы обеспечения энергетической безопасности Украины.....	132
Анастасия ЧАЙКОВСКАЯ. Введение безотзывной доверенности по корпоративным правам в законодательство Украины	136
Alena CHIRIK. Genesis of legislative provision of the right to share partial land owned property in Ukraine.....	140
Ирина ШАПОВАЛОВА. Обеспечение следственным судьей прав подозреваемого при рассмотрении ходатайства об избрании меры пресечения в контексте практики Европейского Суда по правам человека	143
Галина ЯНОВИЦКА. Право потребителя на качество и безопасность продукции по законодательству Украины	148

UDC 341.1.01

JUDICIAL LAW-MAKING AS A FUNCTION OF THE INTERNATIONAL COURT OF JUSTICE

Inna BOYKO,

Candidate of Political Sciences, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Maritime Law
of National University "Odessa Maritime Academy"

SUMMARY

This article deals with a theoretical and practical problem of recognizing judicial precedent as a formal source of international law. The author proves that the legislation of international justice bodies, in particular the UN International Court of Justice, are not only closely connected with law application, but also have independent significance. It is established that the importance of judicial legislation by international judicial institutions and its results are difficult to overemphasize, as from "auxiliary means of determining legal norms" judicial decisions have evolved into an effective tool for resolving international disputes improving the quality of international law. The results of judicial legislation are acts-regulations; case-law decisions; and rules of international instruments (Convention on the Territorial Sea and the Contiguous Zone 1958 and UN Convention on the Law of the Sea 1982).

Key words: judicial legislation, judicial precedent, the International Court of Justice, international public law, maritime delimitation.

СУДЕБНОЕ ПРАВСТВО КАК ФУНКЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО СУДА ООН

Инна БОЙКО,

кандидат политических наук, доцент,
доцент кафедры морского права
Национального университета «Одесская морская академия»

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена теоретической и практической проблеме признания судебного прецедента как формального источника международного права. Автором доказано, что правосудие международных органов правосудия, в частности Международного суда ООН, не только тесно связано с применением права, но и имеет самостоятельное значение. Установлено, что значение судебного правосудия международных судебных учреждений и ее результатов переоценить трудно, так как от «вспомогательных средств определения правовых норм» судебные решения эволюционировали в эффективный инструмент разрешения международных споров, качественно совершенствуя международное право. Результаты судебного правосудия – акты-регламенты, решения прецедентного характера, нормы международных документов (Конвенции о территориальном море и прилегающей зоне 1958 г., Конвенции ООН по морскому праву 1982 г.).

Ключевые слова: судебное правосудие, судебный прецедент, Международный суд ООН, международное публичное право, делимитация морских пространств.

Problem statement. Over the past 70 years, experts in international law have been discussing a number of the problem issues: whether the decisions of international justice bodies are a formal source of international law. At first glance, such a simple formulation of the problem should not contain special difficulties in its study. However, this problem includes several important components: international experts need to come to an unequivocal understanding of the of "judicial precedent" concept, to formulate the doctrine of judicial precedent as a form of international law and to recognize that judicial law-making by international justice bodies is a function closely related to law enforcement while having an independent value in the regulation of international relations.

The relevance of the research topic is due to a qualitatively new state of international relations and international law. However, the question remains unanswered: what is the legal force of the international justice bodies decisions, which constitute the result of these bodies law-making.

State of research. Among international scholars, it is widely believed that there is a tendency in international law to preserve judicial continuity and formation of case law elements. The principle of the relative strength of the preliminary decision (a convincing precedent) of the court is at the stage of formation. International law lacks the requirement to comply with previous decisions of international justice bodies, which does not prevent some of the latter from starting

the practice of taking into account their preliminary judicial decisions [1].

The concept of "law-making process" and "legal source of law" are, in a certain sense, overlapped by the authors. With all the differences in the international scholars' approach to the problem of definition of law source, it is understood as the state bodies legal norms creation activity or such activity result. The procedure for the development and adoption of international conventions is a recognized law-making process. In addition to pointing to the form (external form) of existence of the rule of law, scientists include the method of its creation in the definition of law sources (e.g. T.A. Antsupova) [2].

Anglo-American literature widely uses the equating of international courts with national ones that offer case-by-case

law development [3]. Both judges and experts analyzing the work of courts are sure that court judgments are awarded due to the law-making activity. They admit that international courts do not formally apply the concept “look at previous judgments” (*stare decisis*), which is literally translated as “stick to the adjudicated”, but they invariably refer to their previous judgments. M. Shahabuddeen writes, “The International Court of Justice often quotes its decisions” [4].

Ukrainian experts in international law have no doubt about the statement that the judicial precedent in the form it operates in the common law systems does not exist in international law. It is also widely believed that thanks to case law, in particular, the European Convention on Human Rights has in fact become a system of norms that shape European human rights standards. At the same time, the legal nature of decisions of the European Court of Human Rights is determined in different ways in the legal science, which is facilitated by the vagueness of the certain terms use: “judicial law-making”, “judicial precedent”, “judicial practice”, “court judgment”, “precedent of interpretation” [5, p. 28]. Such conceptual ambiguity hinders the characterization of the nature of judicial law-making by international justice bodies.

Purpose of the Article. The author of this article analyses the content of decisions of the International Court of Justice on the maritime delimitation issue in order to prove that such decisions can be deemed judicial precedents established in the process of the long-term judicial practice.

Presentation of Main Material. In the legal literature, most authors associate the process of judicial law-making with justice, the court principal function. At the same time, scientists pay attention to the subordinate, dependent, incidental, integral, derivative nature of judicial law-making. Such statements can be accepted in part when characterizing the precedent judicial law-making. Indeed, the function of law-making is the auxiliary one in the justice provision. The need in the judicial bodies law-making arises only when some difficulties arise in the process of justice administration (the necessity of interpretation or bridging the law gaps). And since judicial law-making help to eliminate them, it,

respectively, has a subsidiary character. However, without establishing the nature of the judicial law-making connection with other functions of the judiciary, it is impossible to clearly consider the essence of judicial law-making as an auxiliary activity, since the adoption of the rules of the judicial activity procedure is not of auxiliary, but of independent law-making nature. In accordance with Art. 30 (1) of the UN International Court of Justice Statute, the court performs the function of regulatory law-making [6]: The Court shall frame rules for carrying out its functions. In particular, it shall lay down rules of procedure.

There are two opposing views on the characterization of the decisions of international judicial institutions as a source of public international law in the legal literature. The proponents of the “negative” view argue that judicial judgments are only the evidence for determining the existence or absence of certain principles and rules, and the Court’s essential role in interpreting the existing rules of international law is also recognized. In the opinion of Hersch Lauterpacht, decisions of the International Court of Justice state that there is law. Moreover, the scientist in the mid-50s of the last century admitted that the modern international law consisted in the decisions of the International Court of Justice: “they are not binding on states. Nor are they binding on the Court. But no written order can prevent them from authoritatively showing that there is international law, and no written rule can prevent the Court from considering them as such” [7, p. 21–22].

A trend has taken shape in the Ukrainian scientific community, according to which it is recognized that “judges of the International Court of Justice sometimes do more than just “qualify the rules of law” [8, p. 102]. The example of judgment in the case of the British-Norwegian dispute (1951) that established criteria for identifying the lines, from which the territorial sea width is calculated, is used as proof. And it is very important to note that the above criteria are included in the rules of the Geneva Convention on the Territorial Sea and the Contiguous Zone, 1958.

Ukrainian scientist V.G. Butkevich notes that most theorists and practitioners of international law determine formal sources of international law as the existing factual material, out of which in-

ternational experts choose legally binding sources. In this context, we can use the following classification, which, as the scientist points out, is a kind of compromise and a certain result of heated discussions about the sources of international law: 5 main categories or forms: a) international treaties; b) international customs; c) rulings of international courts and arbitral tribunals; d) doctrines of international law; and e) decisions of international bodies and organizations [9, p. 111]. This classification is consistent with the content of article 38 of the International Court of Justice Statute [6].

Interpretation of the literal content of provisions of Art. 38 and Art. 59, Statute of the International Court of Justice, leads to the statement that court judgments of international instances are only additional means for determining the rules of law. But it should be taken into account that these documents were drawn up after World War II, and today the International Court of Justice have *de facto* made a significant contribution to the development of international law. In addition, some Judges of the Court, e.g. D. Fitzmaurice, consider that the jurisprudence of the Court on clarifying the content of rules and principles of international law gradually forms the general effect of its rulings per sample of the French current practice (*une jurisprudence constante*) [10, p. 8].

According to the updated information posted on the official website of the International Court of Justice, the Court can clarify, improve and interpret rules of international law. “It may also pay attention to defects in law and state the emergence of new trends” [11].

In the practice of the International Court of Justice, we find a number of issues, regarding which there is a stable group of cited judgments that constitute a judicial precedent. These decisions relate to the delimitation of maritime spaces. The analysis of such decisions is related to the precedent contained in the case on the North Sea the continental shelf delimitation adopted in 1969 in disputes between the Federal Republic of Germany and Denmark; the Federal Republic of Germany and the Netherlands requested the Court to determine the principles and rules of the international law to be used in the delimitation of the adjacent continental shelf areas between them.

Denmark and the Netherlands referring to provisions of article 6 of the 1958 Convention on the Continental Shelf believed that the principle of “equal distance” should be used as the principle of delimitation. Germany insisted that the delimitation should be carried out based on the principle of justice, because if the principle of “equal distance” is applied, the part of the continental shelf belonging to Germany in accordance with the length of its North Sea coast will be wrongfully reduced, i.e. Germany demanded a resolution of the dispute from the standpoint of borders delimitation, and not the division of the continental shelf.

On 20 February 1969, the Court, by 11 votes to 6, issued a decision, in which it determined that the basic principle of the shelf delimitation was an agreement between the parties concerned and stressed that the use of the method of equal distance was not binding on the parties. The court recognized that the continental shelf was “a natural extension of the land territory (of a state) in the sea and under the sea” and it shall be delimited “with the consent of the parties in accordance with the principles of justice and taking into account all relevant circumstances” [12]. In subsequent decisions, the Court developed that trend by clarifying the content of the principles of justice. The conclusions reached predetermined the subsequent practice of dispute resolution in the field of maritime delimitation (it is mentioned and used in all decisions on maritime delimitation). Thus, in a recent case (No. 165), the Court states that “in accordance with established jurisprudence, the territorial sea is delimited out in two stages”, “the continental shelf and the exclusive economic area must also be delimited in two stages” [13; paras. 135, 150, 172, 174], i.e. the Court uses its own decisions on such problematic issues in order to make a similar decision in the new dispute.

Arbitral awards on the continental shelf delimitation between the United Kingdom and France (1974 and 1978), and between Guinea and Guinea-Bissau (1985) were used by the International Tribunal for the Law of the Sea in the case between Bangladesh and Myanmar (2012), as well as in the case on delimitation of land and maritime boundaries between Nicaragua and Colombia [14].

Thus, in fact, as to the issue of maritime delimitation, a jurisprudence *constante* has been formed in the international judicial and arbitration practice, i.e. in the process of citing and borrowing, the relevant decisions are gradually acquiring a precedent nature. We believe that precedent decisions can be understood as decisions that, due to the credibility of the arguments contained in them, are perceived as authoritative statements of rules of law and therefore form international law. Without being binding on future disputes, such decisions, by virtue of their citedness and their conclusions borrowings, have some impact on the subsequent practice of dispute resolution and development of international relations, and, accordingly, of international law. Precedent decisions form interlinked groups emerging around individual issues of international law. This, in turn, as A. Smbatyan believes, allows us to distinguish two groups of precedent decisions: system-forming and consolidating ones [15, p. 35]. The system-forming decisions, in her opinion, are those, which are considered by the international judicial community as the most authoritative, and are cited in the majority of disputes addressing the relevant similar issues. The decisions that justify their own conclusions by provisions set out in the system-forming decisions are called consolidating decisions by the scientist. As a vivid example, A. Smbatyan cites the decision of the International Court of Justice in the case of the territorial dispute between Romania and Ukraine regarding the Zmiinyi Island. The Court’s conclusions are based on the arguments set out in the most authoritative decisions in the field of maritime delimitation [15]. The decision on this dispute can be considered as an example of a consolidating decision. At the same time, in the said case, the Court not only analyzed and adopted the findings of its previous decisions, but also made a number of new conclusions, which, as the practice shows, were used by it in the settlement of subsequent disputes. For example, many of the Court’s findings in the decision made in 2012 in the case concerning the delimitation of land and maritime boundaries between Nicaragua and Colombia are based on references to the dispute between Romania and Ukraine. A similar approach can be seen in the decision of the International

al Tribunal for the Law of the Sea on the delimitation of the maritime boundary in the Bay of Bengal. This gives reason to believe that the decision regarding the Zmiinyi Island, due to the credibility of arguments set out in it, is gradually acquiring the status of a system-forming decision.

Examples of citation, borrowing and references to previous decisions of the International Court of Justice (e.g., we believe that one of the recent procedural decisions in case No. 163 “Immunities and Criminal Proceedings”, *Equatorial Guinea v. France* (Preliminary objections of 6/06/2018) can be attributed to mandatory precedents since the failure of the parties (or one of the parties) to comply with a procedural requirement has specific binding consequences. Furthermore, providing such decisions with binding legal force will further ensure not only respect for the decisions of international justice bodies, but will also facilitate the implementation of decisions on the merits [16].

Conclusions. Thus, it can be argued that the long-term practice of the International Court of Justice on certain issues (topics), for example, on the issue of maritime delimitation has created decisions, which should be characterized as judicial precedents established in the process of jurisprudence *constante*.

The international legal system does not apply the principle of *stare decisis* and lacks rules and criteria that distinguish among the decisions of international courts and arbitrations, i.e. those, to which judges and arbitrators should subsequently be particularly attentive. In each case, it is for judges to decide whether and how to rely on previous dispute resolution practices, and if “yes”, then in which manner exactly.

Decisions of international courts and arbitration tribunals have the same legal force, and become part of the international legal order from the moment they are adopted. Only judges, within the limits of discretion and the best judgment, have the right to determine whether the given decision has a precedent value.

It is difficult to overestimate the importance of judicial legislation of international judicial institutions and its results, since from “auxiliary means of rules of law determination” judicial decisions have evolved into an effective tool for re-

solving international disputes and qualitatively improved international law.

Judicial precedents of the UN International Court of Justice have led to the emergence of international standards on the peaceful passage and obligations of coastal states.

Thanks to decisions of the UN International Court of Justice, a method for determining the boundaries of the continental shelf has been established, as well as the basic provisions of the continental shelf concept have been formulated.

Judicial practice had contributed to the drafting of the Convention on the Territorial Sea and the Contiguous Zone of 1958 and UN Convention on the Law of the Sea of 1982.

References:

1. Москаленко В. Специфіка прецедентного права Суду європейського співтовариства. Актуальні проблеми державного управління. Х., 2005. № 3 (26). С. 179–186.
2. Анцупова Т.О. Процесуальне право Ради Європи: принципи, система, динаміка: дис... докт. юрид. наук: спец. 12.00.11 – «Міжнародне право». О.: Національний університет «Одеська юридична академія», 2013. 443 с.
3. Познер Р.А. Проблемы юриспруденции / Пер. с англ. К.: Акта, 2004. 487 с.
4. Shahabuddeen M. Precedent in the World Court. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1996. 245 p.
5. Буроменьський М.В. Звернення до Європейського суду з прав людини: практика Суду і особливості українського законодавства. Харків: Фоліо, 2000. 304 с.
6. Statute of The International Court of Justice. URL: <http://www.icj-cij.org/files/statute-of-the-court/statute-of-the-court-ru.pdf/>
7. International Law: The Development of International Law by The International Court / By Sir Hersch Lauterpacht. London: Stevens, 1958. 408 p.
8. Міжнародне публічне право: підручник / За заг. ред. В.М. Репецького. 2-е вид. К.:Знання, 2012. 437 с.
9. Буткевич В.Г., Мицик В.В., Задорожній О.В. Міжнародне право. Основи теорії: підручник. К.: Либідь, 2002. 608 с.
10. Gilbert Guillaume. The Use of Precedent by International Judges and Arbitrators. Oxford Journals Law & Social Sciences Jnl of Int. Dispute Settlement. 2011. Vol. 2. Issue 1. P. 5–23. URL: <https://ru.scribd.com/document/295103004/GUILLAUME-Gilbert-the-Use-of-Precedent-by-International-Judges-and-Arbitrator-2011>
11. International Court of Justice. URL: <http://www.icj-cij.org/en/annual-reports>
12. North Sea Continental Shelf cases. URL: <http://www.icj-cij.org/docket/files/51/5535.pdf/>
13. Land Boundary in the Northern Part of Isla Portillos (Costa Rica v. Nicaragua). URL: <http://www.icj-cij.org/en/case/165>
14. Continental Shelf (Tunisia/Libyan Arab Jamahiriya) case. URL: <http://www.icj-cij.org/docket/files/63/950/>; Delimitation of the Maritime Boundary in the Gulf of Maine Area. URL: <http://www.icj-cij.org/docket/files/67/6369.pdf>; Continental Shelf (Libyan Arab Jamahiriya/Malta) case. URL: <http://www.icj-cij.org/docket/files/68/6393.pdf>; Territorial and Maritime Dispute between Nicaragua and Honduras in the Caribbean Sea case. URL: <http://www.icj-cij.org/docket/files/120/14075.pdf>; Maritime Delimitation in the Black Sea case. URL: <http://www.icj-cij.org/docket/files/132/14987.pdf>; Maritime Delimitation and Territorial Questions between Qatar and Bahrain case. URL: <http://www.icj-cij.org/docket/files/87/7027.pdf>; Reports of International Arbitral Awards. URL: http://legal.un.org/riaa/cases/vol_XVI-II/3-413.pdf
15. Смбагян А.С. Прецедентные решения органов международного правосудия. Евразийский юридический журнал. 2013. № 3 (58). С. 33–39.
16. Immunities and Criminal Proceedings (Equatorial Guinea v. France). URL: <http://www.icj-cij.org/en/case/163>

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Boiko Inna Semenovna – Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Maritime Law at the National University “Odessa Maritime Academy”

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бойко Инна Семеновна – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры морского права Национального университета «Одесская морская академия»

isboyko@ukr.net

УДК 343.97

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СЕТИ ИНТЕРНЕТ ДЛЯ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ НА ИНДИВИДУАЛЬНОМ УРОВНЕ

Елена БУГЕРА,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры права
Киевского национального лингвистического университета

АННОТАЦИЯ

В статье проводится исследование проблем использования сети Интернет для предупреждения преступности на индивидуальном уровне. Осуществляется анализ зарубежного опыта. На основе проведенных исследований определены такие пути использования сети Интернет для предупреждения преступности: создание аудио- и видеофайлов с информацией предупредительного характера; создание соответствующих блогов и организация чатов в социальных Интернет-сетях; использование Интернета вещей для обеспечения контроля за лицами, находящимися под домашним арестом либо осужденных к наказанию в виде ограничения свободы, и тому подобное. Предложено принятие законодательного акта «Об использовании сети Интернет для предупреждения преступности».

Ключевые слова: сеть Интернет, преступность, предупреждение, индивидуальный уровень, усовершенствование законодательства.

PROBLEMS OF USING THE INTERNET NETWORK FOR PREVENTING CRIME AT THE INDIVIDUAL LEVEL

Elena BUGERA,
Candidate of Law Sciences, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Law
of Kyiv National Linguistic University

SUMMARY

The article explores the problems of using the Internet to prevent crime at the individual level. The analysis of foreign experience is carried out. Based on the studies conducted, such ways of using the Internet for crime prevention are defined: creation of audio and video files with information of a preventive nature; creation of appropriate blogs and organization of chat rooms in social networks; the use of the Internet of things to ensure the control of persons under house arrest, or sentenced to punishment in the form of restraint of liberty, etc. The adoption of a legislative act "On the use of the Internet for the prevention of crime" was proposed.

Key words: Internet, crime, prevention, individual level, improvement of legislation.

Постановка проблемы. Предупреждение преступности на индивидуальном уровне – это совокупность специальных мер по отношению к конкретным лицам, которые не совершали противоправных деяний, но находятся в неблагоприятных условиях, под влиянием которых могут совершить такие действия; ведут антиобщественный способ жизни, характеризуются формированием умысла и мотива для совершения преступления, подготовкой конкретного преступления; совершили покушение на преступление, но не довели его до конца; совершили преступление и могут допустить рецидив [1, с. 273].

Одним из базовых направлений развития общества на современном этапе есть существенное повышение

уровня его информатизации. И прежде всего за счет развития возможностей сети Интернет. При этом с точки зрения криминологии эти процессы имеют как позитивную, так и негативную стороны. Негативной стороной есть, прежде всего, использование сети Интернет как основы, база для совершения преступлений, увеличение числа преступлений, совершенных с помощью информационных технологий. Вместе с этим одной из современных тенденций развития криминологии есть использование сети Интернет для предупреждения преступности.

Актуальность темы исследования подтверждается тем, что недостаточно проведено исследований относительно использования сети Интернет для предупреждения преступности на

индивидуальном уровне. Результатом исследования данного вопроса может быть разработка практических мер по использованию сети Интернет для предупреждения преступности. Эти меры разделяют на три группы: информационные; меры воздействия; меры контроля. К информационным мерам относятся меры, направленные на выявление лиц, нуждающихся в профилактическом воздействии, а также на сбор необходимых сведений о них, чтобы правильно построить работу с ними. Меры воздействия составляют ядро индивидуальной профилактики. Именно они призваны обеспечить устранение дефектов социализации личности и тем самым уберечь ее от совершения преступления. Меры контроля направлены на проверку эффек-

тивности применения мер воздействия и в зависимости от этого должны признать их достаточными или наметить дополнительные меры профилактики [2, с. 118].

Состояние исследования. Проблемы использования сети Интернет для предупреждения преступности исследованы недостаточно. Вместе с тем вопросы информационного обеспечения криминологических исследований, картографирования криминологической информации в сети Интернет, а также возможность использования социальных Интернет-сетей для предупреждения преступности изучали такие ученые, как К.А. Автухов, Н.О. Андриив, А.Н. Бабенко, В.С. Батыргареева, В.Д. Гавловский, А.Ф. Гида, Д.И. Голосниченко, С.В. Горова, О.Н. Джужа, А.П. Закалюк, О.В. Косолап, Е.В. Орлов, В.А. Пересадько, О.Ю. Юрченко и другие.

Целью и задачей статьи является исследование проблем использования сети Интернет для предупреждения преступности на индивидуальном уровне.

Изложение основного материала. Предупреждения преступности – это разновидность общественной социально-профилактической деятельности, функциональное содержание и цель которой заключается в препятствовании действия детерминантов преступности и ее проявлений, прежде всего причин и условий последних, путем ограничения, нейтрализации, а по возможности – устранения их действия. Предупредительную деятельность осуществляют как на общегосударственном и региональном уровне, так и индивидуально – касательно конкретного лица и его микросоциальных условий [3, с. 324, 326–327].

Необходимо отметить, что мировой тенденцией в стратегии предупреждения преступности есть тенденция внедрения в этот процесс технологических инноваций с целью переоснащения всей правозащитной системы, и в первую очередь это касается использования возможностей сети Интернет. Например, в США инновационные технологии, предназначенные для предупреждения преступности и переоснащения полиции, разделяют на так называемые “HARD Technology” – «тяжелые технологии», которые касаются

усовершенствования уровня физической защиты граждан и полицейских, повышения уровня компьютеризации патрульных автомобилей, использования дистанционных датчиков для контроля и анализа различных ситуаций, и “SOFT Technology” – «легкие технологии», которые предполагают внедрение информационных технологий для создания специализированных баз данных, картографирования криминалистически значимой информации, мониторинга информации в сети Интернет и тому подобное [4].

При этом наблюдается комплексное использование указанных технологий на основе сети Интернет. В частности, для разработки информационных мер предупреждения преступности на индивидуальном уровне используется подкастинг – процесс создания и распространения звуковых или видеофайлов (подкастов) в стиле радио- и телепередач в Интернете (вещание в Интернете). Как правило, подкасты имеют определенную тематику и периодичность издания. Подкастом называется либо отдельный файл, либо регулярно обновляемая серия таких файлов, публикуемых на одном ресурсе Интернета, с возможностью подписки [5].

С помощью подкастинга возможно создание презентаций или лекций для предупреждения преступности. В частности, в США разработаны рекомендации (Creating a Crime Prevention Podcast) по реализации этой информационной технологии полицией [6].

Необходимо отметить, что для предупреждения преступности правоохранительными органами ряда государств используются социальные Интернет-сети. Правоохранители пытаются использовать новые технологии, в том числе в социальных сетях, для выявления, раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. Ими осуществляется постоянный мониторинг подозрительных блогов, чатов, сайтов с целью получения оперативно значимой для правоохранителей информации. Также социальные сети широко используются правоохранительными органами зарубежных стран как средство для связи с общественностью, в том числе с целью получения криминалистически значимой информации [7, с. 277, 280].

При этом социальными сетями пользуются 82 % от всех Интернет-пользователей в мире – это 1,2 млрд человек. Высокий уровень их проникновения отражает один из главных трендов Глобальной сети – как только люди подключаются к Интернету, они немедленно начинают общаться с другими людьми. Сегодня процент людей, которые используют социальные сети, в мире колеблется от 53 % – в Китае до 98 % – в США [8].

В общем, о предотвращении преступлений посредством сети Интернет следует говорить в контексте нескольких аспектов. Так, во-первых, целесообразным являются создание структурированной системы криминологического предупреждения, повышение правового сознания, а также проведение мероприятий, направленных на снижение виктимности лиц в социальных сетях. Во-вторых, используя уже проверенную информацию о возможности совершения преступления, в будущем можно предотвратить реализацию преступной цели. В-третьих, достаточно распространенным сегодня является взаимодействие правоохранительных органов с администрацией социальных сервисов. Также проводится мониторинг информации о подозреваемых или разыскиваемых лицах. Актуальным является то, что обращение к информации, содержащейся в социальных сетях, может дать результат на всех стадиях совершения преступления. Можно сделать вывод о наличии взаимосвязи между использованием социальных сетей правоохранительными органами и повышением эффективности предотвращения и расследования преступлений [9, с. 152–153].

Важным направлением предупреждения преступности на индивидуальном уровне есть также использование возможностей Интернета вещей (Internet of Things (IoT) – сети физических объектов, которые содержат встроенную технологию для взаимодействия друг с другом или внешней средой [10].

Необходимо отметить, что Интернет вещей находит свое применение в различных отраслях экономики: в производстве продукции, для использования в инфраструктуре так называемых «умных городов», для транспорта, торговли и здравоохранения. В частно-

сти, с помощью носимых датчиков врачи могут удаленно отслеживать состояние здоровья пациентов и реагировать в режиме реального времени [11].

С точки зрения криминологии применение Интернета вещей возможно в виде разнообразных датчиков, контролирующих устройств и других технологических элементов. В частности, электронный браслет – это электронное устройство, надеваемое на подконтрольное лицо, находящееся под домашним арестом, либо на осужденного к наказанию в виде ограничения свободы с целью его дистанционной идентификации и отслеживания его местонахождения, предназначенное для длительного ношения на теле и имеющее встроенную систему контроля несанкционированного снятия и вскрытия корпуса. Через определенные интервалы времени подобный браслет посылает сотрудникам правоохранительных органов радиочастотный сигнал, содержащий информацию о его перемещениях. Если установленные границы зоны перемещения будут нарушены, контролирующие органы получат сигнал. Электронные браслеты также всегда снабжаются специальной защитой, предупреждающей представителей власти о попытке снять его самостоятельно [12]. Технологически возможно получение соответствующей информации в виде SMS-сообщений или сообщений на E-mail.

Еще одним направлением использования Интернета вещей для предупреждения преступности, который применяется в США, есть разработка систем блокировки запуска двигателя транспортных средств в случае, если водитель находится в нетрезвом состоянии. Необходимо отметить, что в Соединенных Штатах Америки смертельные исходы, связанные с алкоголем, составляют более 1/3 всех жертв дорожно-транспортных происшествий. Вожделение в нетрезвом состоянии остается серьезной проблемой общественного здравоохранения и безопасности. Поэтому в США были проведены исследования по программе разработки системы обнаружения алкоголя для водителей – The Driver Alcohol Detection System for Safety (DADSS). Система позволяет дистанционно установить концентрацию алкоголя в крови водителя – Blood alcohol concentration (BAC) [13].

Действие системы DADSS состоит из трех уровней оценки. Специальные датчики, следящие за состоянием воздуха, улавливают мельчайшие испарения алкоголя в воздухе и передают информацию бортовому компьютеру. Эти датчики находятся на передней панели автомобиля или на потолке, то есть там, куда попадает дыхание водителя. Датчики второго типа установлены на руле и во время контакта с ладонями водителя по состоянию кожной электропроводимости оценивают наличие алкоголя в крови. Третий уровень оценки состоит из камеры и программного обеспечения, которое по состоянию кожных покровов лица и по поведению водителя делает вывод о его состоянии. В случае совпадения информации, которая поступила от всех этих датчиков, компьютер принимает решение блокировать запуск двигателя [14].

Также в этой ситуации на автомобиле активируется звуковой сигнал. Полиции направляется «предупреждающее SMS», указывающее место расположения, номер транспортного средства. Кроме полиции, SMS может направляться членам семьи [15, с. 45]. Также возможен вариант направления информации на E-mail.

Необходимо отметить, что использование Интернета вещей для предупреждения преступности, и в частности для дистанционного контроля состояния человека, будет развиваться. На это указывает развитие Интернет-технологий в медицине. Так, в Великобритании врачам разрешили использовать стетоскопы, подключенные к Интернету. С помощью такого аппарата врач может удаленно получать данные о состоянии пациента. Цифровой стетоскоп сканирует грудную клетку пациента, записывает аудиофайл и отправляет его лечащему врачу на смартфон. Собственное приложение создает аудиофайлы высокой четкости, а также составляет кардиограммы. Устройство можно использовать и как традиционный стетоскоп без цифрового преобразователя и Bluetooth-гарнитуры. Стетоскоп с выходом в Интернет является, по сути, персональным устройством телемедицины и девайсом Интернета вещей [16].

Необходимо отметить, что в США расследуется первое уголовное дело, в котором вещественными доказа-

тельствами стали домашние «умные» устройства. Дом, в котором произошло преступление, был оснащен сетью Интернета вещей, которые управляли большинством технологических процессов. Это расследование может стать первым случаем, когда данные, полученные с потребительских устройств, используются в качестве вещественных доказательств по уголовным делам [17].

В целом Интернет-технологии активно развиваются. В Нидерландах запущена первая в мире специализированная сеть для Интернета вещей, охватывающая всю территорию страны. По прогнозам, к 2020 году в инфраструктуру Интернета вещей будут интегрированы около 200 млрд устройств во всем мире [18].

В общем, повышение уровня форматизации общества путем использования возможностей сети Интернет является постоянно продолжающимся процессом, который должен быть предметом исследования криминологической науки с целью выработки подходов по предотвращению преступности в качественно новых условиях обмена информацией.

Важными также есть разработка и принятие законодательного акта «Об использовании сети Интернет для предотвращения преступности». Закон может иметь следующую структуру: определение понятий; законодательство в сфере использования сети Интернет для предотвращения преступности; цель, основные направления и задачи предупреждения преступности; субъекты предотвращения преступности, их функции; контроль над осуществлением мер; заключительные положения. При этом основными направлениями предупреждения преступности с использованием сети Интернет могут быть картографирование криминологической информации; использование социальных Интернет-сетей, а также возможностей Интернета вещей; формирование специализированных информационных баз данных; обеспечение коммуникации между сотрудниками правоохранительных органов и общественностью и тому подобное.

Выводы. Итак, как показывает зарубежный опыт, сеть Интернет может быть использована для предупрежде-

ния преступности на индивидуальном уровне. Направления этой работы могут быть следующими: 1) информационное влияние: создание подкастов – аудио- и видеофайлов с информацией о предупреждении преступности, использование социальных Интернет-сетей путем создания соответствующих блогов, организации чатов и другое; 2) использование Интернета вещей для обеспечения контроля: а) за лицами, находящиеся под домашним арестом, либо осужденного к наказанию в виде ограничения свободы (электронные браслеты); б) с целью предотвращения управления автотранспортными средствами лицами в нетрезвом состоянии (системы блокировки запуска двигателя автомобиля). Важным также является законодательное обеспечение процесса технологического переоснащения правоохранительных органов с учетом возможностей сети Интернет по предупреждению преступности.

Список использованной литературы:

1. Василевич В.В., Кальченко Т.Л., Кулакова Н.В. та ін.. Кримінологія: навчально-методичний посібник / За заг. ред. проф. О.М. Джужи. К.: Атіка, 2008. 316 с.
2. Джужа О.М., Кондратьев Я.Ю., Кулик О.Г., Михайленко П.П. та ін. Кримінологія: підручник для студентів вищих навч. закладів / За заг. ред. О.М. Джужи. К.: Юрінком Інтер, 2002. 416 с.
3. Закалюк А.П. Курс сучасної української кримінології: теорія і практика: у 3 кн. К.: Видавничий Дім «Ін Юре», 2007. Кн. 1: Теоретичні засади та історія української кримінологічної науки. 424 с.
4. Byrne J., Gary Marx G. Technological Innovations in Crime Prevention and Policing. URL: <https://www.ncjrs.gov/App/Publications/abstract.aspx?ID=260054> (дата звернення: 3.07.2018).
5. Подкастинг. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Подкастинг> (дата звернення: 3.07.2018).
6. Social Media and Crime Prevention. URL: <https://www.nationalpublicsafetypartnership.org/.../Social%2> (дата звернення: 3.07.2018).
7. Гавловський В.Д. Щодо використання соціальних мереж для виявлення, розкриття та попередження злочинів. Боротьба з організованою злочинністю і корупцією (теорія і практика). Київ: Міжвідом. наук. дослід. центр з проблеми боротьби з організ. злочинністю. 2012. № 2. (28). С. 271–282.
8. Беркій Т.М. Соціальні мережі: різні аспекти впливу на людину. URL: http://ukrainepravo.com/legal_publications/essay-on-it-law/itlaw_berkiy_Socialnetworks_and_there_involves/ (дата звернення: 3.07.2018).
9. Автухов К.А., Андріїв Н.О. Кримінологічний погляд на соціальні мережі. Актуальні питання публічного та приватного права. 2013. № 1. С. 150–153.
10. Internet of Things. URL: <https://www.gartner.com/it-glossary/internet-of-things/> (дата звернення: 3.07.2018).
11. Как используется Интернет вещей в отраслях экономики. URL: <https://techexpert.ua/products/internet-of-things-iot/> (дата звернення: 3.07.2018).
12. Электронный браслет. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Электронный_браслет (дата звернення: 3.07.2018).
13. Driver Alcohol Detection System for Safety (DADSS). URL: <https://www.dadss.org/program-overview/> (дата звернення: 3.07.2018).
14. Машины откажутся ехать, если учуют запах алкоголя. URL: <https://ru.pokerstrategy.com/forum/thread.php?threadid=921102> (дата звернення: 3.07.2018).
15. Rajesh Kumar Jakkur, Roop Pahuja, Raj Kumar Saini, Bhagirath Sahu, Natwar. Drunk-Driver Detection and Alert System (DDDAS) for Smart Vehicles. American Journal of Traffic and Transportation Engineering. 2017. № 2(4). P. 45–58. URL: <http://article.sciencepublishinggroup.com/pdf/10.11648.j.ajtte.20170204.12.pdf> (дата звернення: 3.07.2018).
16. Байназаров Н. Британские врачи начали использовать стетоскопы, подключенные к Интернету. URL: <https://aboutdata.ru/2017/01/10/iotscope/> (дата звернення: 3.07.2018).
17. Байназаров Н. Полиция США впервые использует Интернет вещей для поимки преступников. URL: <https://aboutdata.ru/2017/01/09/iot-criminal/> (дата звернення: 3.07.2018).
18. Карасёв С. Нидерланды стали первой страной с глобальной сетью Интернета вещей. URL: <https://3dnews.ru/935549> (дата звернення: 3.07.2018).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бугера Елена Ивановна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры права Киевского национального лингвистического университета

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Bugera Elena Ivanovna – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Law of Kiev National Linguistic University

sib22@ukr.net

УДК 346.16

ИНВЕСТИЦИОННАЯ ПОЛИТИКА И РАЗВИТИЕ ИНВЕСТИЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА УКРАИНЫ

Виталия БУДАРНАЯ,

соискатель кафедры хозяйственного права
Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого

АННОТАЦИЯ

В статье проанализировано современное состояние развития инвестиционных отношений в Украине. Доказано, что, несмотря на то, что Украина хотя и находится на начальном этапе развития инвестиционных отношений, по сравнению с экономически развитыми странами мира, она имеет довольно перспективные направления формирования инвестиционного потенциала. Аргументировано положение о том, что только увеличение объема капиталовложений является тем механизмом, который поможет быстро преодолеть последствия экономического кризиса и приведет к процветанию экономики Украины.

Ключевые слова: инвестиции, инвестиционные отношения, инвестиционный потенциал, инвестиционная политика государства.

INVESTMENT POLICY AND DEVELOPMENT OF INVESTMENT LEGISLATION OF UKRAINE

Vitaliya BUDARNAYA,

Applicant at the Department of Economic Law
of the Yaroslav Mudryi National Law University

SUMMARY

The article analyzes the current state of development of investment relations in Ukraine. It is proved that despite the fact that Ukraine, although it is at the initial stage of development of investment relations, in comparison with economically developed countries of the world, it has quite promising directions of formation of investment potential. It is argued that only an increase in the volume of investments is a mechanism that will help to quickly overcome the consequences of the economic crisis and lead to the prosperity of the Ukrainian economy.

Key words: investments, investment relations, investment potential, investment policy of the state.

Постановка проблемы. Обретение Украиной независимости принесло период экономических реформ и трансформаций, имеющих европейский экономический вектор своего развития. Нацеленный на построение социально развитой европейской экономики, имеющей мощный гражданский промышленный комплекс, значительный сегмент услуг и эффективный государственный сектор.

Это связано с тем, что основной целью государственной инвестиционной политики в Украине должно стать достижение благоприятного инвестиционного климата, который приведет к притоку инвестиций в ее экономику. Именно поэтому важная роль в этом механизме отводилась формированию научно обоснованной инвестиционной политики государства, с определением реальных источников инвестиционного ресурса, приоритетов структуры инвестиций, рациональных и эффективных мер выполнения общегосударственных, региональных и местных социально-экономических и технологиче-

ских программ и проектов, с учётом макро- и микроэкономических аспектов инвестиционных отношений.

Учитывая то, что сегодня экономика Украины находится в состоянии реформирования, остается актуальным вопрос поиска оптимальных путей развития и урегулирования инвестиционных механизмов как элемента экономической политики государства, а также эффективных правовых форм и средств их нормативного закрепления.

Состояние исследования. Научно-теоретическую базу работы составили труды ведущих отечественных и зарубежных ученых, таких как А.Б. Андреева, А.Р. Бахматюк, Н.В. Бугас, О.М. Винник, Д.В. Задыхайло, Ю. Кальтенбек, В.В. Кудрявцева, В.И. Кухар, Дж. Танаки, А.В. Фарат, Е.В. Швердина и других.

Целью и задачей статьи является определение основных направлений усовершенствования содержания инвестиционного законодательства Украины в соответствии с требованиями инвестиционной политики государства.

Изложение основного материала. Несомненным является тот факт, что взвешенное законодательное обеспечение является важнейшим критерием успешного государственного регулирования инвестиционных процессов. Конечно, большинство мер государственного регулирования внедряется через правовые формы, в связи с чем совершенствование системы и принципов правового регулирования процесса инвестирования является решающим фактором оживления поступлений капитала в экономику страны.

С обретением в 1991 году независимости Украина выходит на новый уровень в регулировании инвестиционных механизмов. Отходя от советской модели осуществления инвестиционной деятельности, характерной чертой которой было бюджетное финансирование, государство вступает в рыночный формат инвестиционных отношений. Принимаются нормативно-правовые акты, направленные на привлечение иностранного инвестора, установление определенных льгот, определяются регионы с приоритетным развитием.

Сегодняшние механизмы трансформации экономики Украины основаны на активном привлечении инвестиций, и важную роль в обеспечении этого процесса играет государство. Поэтому, учитывая все особенности национальной экономики, эта роль государства объективно требует формирования государственной инвестиционной политики. Взвешенная и осмысленная государственная инвестиционная политика позволяет максимально использовать имеющийся национальный инвестиционный ресурсный потенциал для обеспечения долгосрочных и краткосрочных целей и задач социально-экономического развития, а также эффективного вовлечения в эти процессы иностранных инвестиций.

По этому поводу справедливо подчеркнул А.Н. Кундеус, что на объем инвестиций существенное влияние оказывает состояние инвестиционного климата, включая совокупность политических, экономических, социальных и правовых условий, которые способствуют развитию инвестиционной деятельности отечественных и иностранных инвесторов [1, с. 148]. То есть для того, чтобы сделать более привлекательным инвестиционный климат в государстве, необходимо законодательно закрепить четкие механизмы осуществления инвестиционной политики, механизмы привлечения к активной инвестиционной деятельности субъектов всех форм хозяйствования, определить сферы ограниченных инвестиционных ресурсов и разработать программы приоритетных первоочередных направлений инвестиций общегосударственного и регионального уровней, а также создать высокотехнологичное и конкурентоспособное производство для будущего прогресса. Ведь эффективное протекание инвестиционного процесса является залогом устойчивого развития экономики в государстве.

К сожалению, сегодня в Украине нет четкой системы механизма формирования и реализации инвестиционной политики, что связано, в первую очередь, с несовершенным процессом ее модификации в конкретные законодательные действия, что делает эту проблему чрезвычайно актуальной.

Такой проблемой для формирования единой согласованной государственной инвестиционной политики является отсутствие в Украине общепризнанной обществом и академической средой государственной экономической док-

трины. Следует согласиться с мнением Д.В. Задахайла о том, что речь идет не столько об экономической стратегии государства, справедливо предусмотренной в ст. 9 Хозяйственного кодекса Украины, в которой также есть чрезвычайная общественная потребность, сколько об экономической доктрине, которая должна стать согласованной методологической научной базой для выяснения содержания, систематики, характера и тенденций развития экономических отношений. Именно такая доктрина, по мнению ученого, должна дать ответы на ключевые вопросы, в частности о роли государства в экономических процессах и его функциях, об экономических интересах общества в условиях глобализации экономического пространства, об отношении к формированию собственных и деятельности иностранных и международных транснациональных компаний (далее – ТНК), о желаемых направлениях формирования инвестиционного и инновационного рынков, о путях преодоления асимметрии информационного обеспечения субъектов хозяйствования, о современных параметрах определения рынка конкурентным и так далее [2, с. 14].

В целом, проблемы, существующие в инвестиционной сфере, можно свести к тому, что сегодня в Украине существует слабо развитый рынок инвестиционных ресурсов, недостаточно развитая информационная инфраструктура рынка инвестиций, а также наблюдается существенный разрыв между спросом на инвестиции и их предложением. Поэтому приоритетной задачей для государства является возрождение, восстановление и ввод в эксплуатацию современных инвестиционных производственных активов на предприятиях, требующих коренных преобразований в их структуре.

Достичь таких результатов возможно при условии взвешенной экономической политики государства, которая непременно должна основываться на четком и последовательном научно разработанном и экспертно апробированном механизме ее осуществления.

Актуальным по этому поводу есть мнение А.В. Фарат о том, что в современных условиях нестабильности одним из важнейших факторов решения проблем, которые оказывают негативное влияние на развитие инвестиционной деятельности, является эффективная государственная политика. Главным ее направлением в условиях рынка выступает создание

благоприятной среды для участников хозяйственных отношений. Украина ограничена четкой системой разработки и осуществления инвестиционной политики, однако основным препятствием можно назвать несовершенство процесса ее модификации в конкретные законодательные действия, что чрезвычайно актуализирует эту проблему [3, с. 276].

Заметим, что основной задачей государственной политики в инвестиционной деятельности является создание надлежащих условий для осуществления эффективного процесса инвестирования путем надлежащего нормирования, создания прозрачных и цивилизованных условий структуры инвестиционных источников. Именно поэтому политика государства должна быть сосредоточена на: построении благоприятных для каждого условий ведения хозяйственной деятельности независимо от формы собственности и происхождения капитала его субъектов; укреплении фондового рынка, развитии институтов совместного инвестирования, страховых и пенсионных фондов, рынка корпоративных ценных бумаг, его интегрировании в международные рынки капитала; формировании эффективной конкурентной среды; создании дополнительных экономических стимулов для привлечения инвестиций в приоритетные отрасли экономики.

Предоставление экономическим отношениям инвестиционной направленности может стать главным фактором, который поможет обеспечить социально-экономическое развитие страны не только в текущем периоде, но и на будущее. Сочетание различных финансово-инвестиционных ресурсов и направление их в инвестиционные программы, а также эффективное использование имеющихся финансовых инструментов требуют четкого управления инвестиционным потенциалом.

Следует согласиться с мнением В.И. Кухаря о том, что важной формой реализации государственной инвестиционной политики является собственно законодательное влияние на регулирование инвестиционных отношений. В этом контексте важным вопросом, по мнению ученого, является проблема становления инвестиционного законодательства как подотрасли законодательства, проблема выделения в его составе отдельного законодательного института об иностранном инвестировании, а также проблема кодификации законодательства или ин-

вестиционного как такового, или через принятие специальных кодексов именно об иностранных инвестициях, имеющих целью создание комплексных льготных режимов для собственно иностранного инвестирования [4, с. 147].

Следует отметить, что среди, пожалуй, наиболее поддерживаемых в науке предложений по реформированию инвестиционного законодательства можно с уверенностью назвать кодификацию, а именно – создание единого нормативного акта – Инвестиционного кодекса Украины, который, однако, содержательно и концептуально должен соответствовать положениям действующего Хозяйственного кодекса Украины. Как отмечает В.В. Кудрявцева, после довольно бурного развития современное инвестиционное законодательство требует серьезных законотворческих усилий, направленных на объединение большого количества его институтов путем систематизации и максимальной унификации норм о правовом регулировании состава инвестиционных отношений, правовых форм их реализации, средств регулирования, стимулирования инвестиционных процессов и оптимизации функционирования рынка инвестиционных ресурсов [5, с. 845]. И это действительно так, значительное количество законодательных актов, отделившись по своему предмету от Хозяйственного кодекса Украины, в дальнейшем начали параллельное существование, иногда даже вопреки принципам, закрепленным самим Кодексом.

В связи с этим идея кодификации инвестиционного законодательства, как механизм группировки и приведения в единую систему всего многообразия норм инвестиционного законодательства, представляется довольно привлекательной и актуальной на сегодня, что требует дальнейшего более детального исследования.

Не менее важным фактором, имеющим влияние на развитие инвестиционных отношений в государстве, являются те механизмы, источники, которые способствуют накоплению капитала, что в дальнейшем становится инвестициями и таким образом способствует развитию экономики.

Как отмечает В.Л. Смесова, источниками формирования инвестиционного потенциала есть фонды и потоки временно свободных средств, образующихся в процессе взаимоотношений между экономическими агентами по поводу по-

тенциального формирования сбережений и дальнейшего их использования в инвестиционном направлении [6, с. 58].

В литературе предлагается разделять источники формирования инвестиционного потенциала на внешние и внутренние, что, по мнению ученых, позволяет анализировать и оценивать внутренний и внешний инвестиционный потенциал отдельно и отражает их взаимосвязи [7, с. 6–7].

Например, по нашему мнению, к внешним источникам инвестиционного потенциала можно отнести инвестиции ТНК, портфельные инвестиции, средства работников, ресурсы международных организаций. В свою очередь внутренние – накопления населения, внутренние ресурсы предприятий, венчурные фонды, эмиссия государственных облигаций. Конечно, этот перечень не является исчерпывающим и он может быть дополнен.

С целью выяснения того, каким образом указанные источники могут влиять на развитие инвестиционных отношений в Украине и экономики, в частности, рассмотрим несколько из них в качестве примера.

Так, современный этап развития мировой экономики ознаменовался существованием мощных возможностей инвестиционных вливаний, которыми обладают крупные ТНК и роль которых в мировой экономике все более возрастает.

Как отмечает Е.М. Лимонова, и с мнением которой следует согласиться, деятельность ТНК осуществляет непосредственное влияние на состояние платежного баланса, объемы производства, внешнеторговый оборот, занятость, конкурентоспособность принимающей экономики. Вследствие того, что вложение капитала в конкретную отрасль страны-реципиента часто сопровождается перемещением трудовых, технологических и других ресурсов из страны базирования, все большее значение приобретают политические факторы, связанные с осуществлением контроля над национальной экономикой, с вопросами ее экстерриториальной и национальной независимости [8, с. 67].

Сегодня в Украине действуют десятки крупных ТНК, которые инвестируют средства в экономику страны в значительных объемах. Среди них – McDonalds (США) – 198 300 000 грн; Nestlé (Швейцария) – 178 500 000 грн; British American Tobacco (Великобритания) –

166 800 000 грн; Procter&Gamble (США) – 135 100 000 грн.; British Petroleum (Великобритания) – 142 600 000 грн; Shell (Нидерланды) – 124900000 грн и прочие.

Однако анализ деятельности ТНК в Украине показывает, что национальная экономика находится лишь на начальном этапе получения выгоды от размещения филиалов ТНК на своей территории. Для повышения ее эффективности необходимо создавать условия для дальнейшей экспансии ТНК на рынки Украины и способствовать интеграции отечественных предприятий в мировое хозяйство [7, с. 70].

Как и ТНК, международные инвестиции также являются одним из источников формирования инвестиционного потенциала национальной экономики и одним из инструментов роста конкурентоспособности нашего государства на мировом рынке. В случае, когда внутренних ресурсов недостаточно для удовлетворения всех потребностей участников рынка, иностранные инвестиции играют значительную роль в этом процессе.

Важными институтами в механизме осуществления международных инвестиций являются Всемирный банк, Европейский банк реконструкции и развития, Международный валютный фонд и другие.

С точки зрения международных экспертов, Украина имеет достаточно перспективный инвестиционный рынок. Однако множество факторов сдерживают приход инвестора к нему. Например, оценивая риски предоставления Украине кредита, среди других МВФ выделил интенсификацию конфликта на востоке страны. Можем предположить, что урегулирование указанной ситуации положительным образом повлияет на поведение инвестора при решении вопроса относительно вложения средств. Второе и не менее важное условие для повышения инвестиционной привлекательности – это проведение комплексной реформы судебной и правоохранительной систем с целью обеспечения защиты прав собственности и безопасности инвесторов. Также необходима реформа налоговой системы, в частности сокращение количества налогов и сборов, а также повышение ее прозрачности. До тех пор, пока Украина не сможет гарантировать беспристрастность и одинаковую защиту всем инвесторам, ситуация в государстве не изменится. Третьим условием для возврата инвестиций в страну является минимизация уровня коррупции.

В частности, необходимо максимально сократить количество разрешительных и контролирующих органов.

Не менее важным источником формирования рыночного инвестиционного предложения в системе национальной экономики является деятельность, связанная с оборотом ценных бумаг. В контексте рассматриваемого вопроса интерес представляют именно ценные бумаги, эмитированные государством с целью привлечения средств в государственный бюджет. Их механизм активно используется и занимает львиную долю облигационных отношений. Речь идет об облигациях, являющихся ценной бумагой, которая выпускается государством для финансирования дефицита государственного бюджета.

Не углубляясь в детальный анализ сущности этого понятия, заметим, что рынок государственных ценных бумаг имеет значение не только как сегмент в структуре финансового рынка, но и как важная составляющая инвестиционного потенциала национальной экономики. Основная цель эмиссии этого вида ценных бумаг – привлечение свободных средств от физических или юридических лиц в государственный бюджет. Этот процесс позволяет хотя и частично, но все же покрыть дефицит государственного бюджета и таким образом привлечь определенное количество ресурсов как форму инвестиций для реализации определенных проектов. Вместе с тем рыночное предложение облигаций эмитируемых субъектами хозяйственной деятельности является минимальным. Таким образом, создание институциональной среды для активизации именно такой формы заимствования инвестиционных ресурсов предприятиями является важнейшей проблемой законодательного обеспечения инвестиционной политики государства.

В свете рассматриваемого вопроса следует отметить, что нахождение эффективных инструментов восстановления инвестирования должно стать одним из ключевых направлений формирования и реализации инвестиционной политики государства. Вполне убедительно в таком случае как один из инструментов выплывает механизм краудфандингового привлечения инвестиций.

Говоря о перспективности краудфандинга как потенциальной инвестиционной модели, следует указать на его преимущества. С практической точки зрения такие преимущества можно разделить

на экономические и организационные, целесообразным также будет диверсифицировать их по направлению интересов – те, которые мотивируют инвестора, и те, которые мотивируют должника в правоотношениях. Так, экономическими преимуществами для инвестора следует назвать такие: возможность в условиях ограниченных финансов приобщиться к масштабному проекту со значительными перспективами, получить продукт по сниженной стоимости, диверсифицировать инвестиционные риски, учитывая преимущественно минимальные размеры инвестиционных взносов, низкую рискованность операции; экономическими преимуществами должника являются гибкая и оперативная модель привлечения средств, снижение расходов в связи с обслуживанием долга. Организационными преимуществами для инвестора будут выступать наличие активного контакта с получателем инвестиции, способность влиять на результат для должника (получателя инвестиций) – это способность продвигать проект, который не укладывается в рамки традиционного инвестирования, способность продемонстрировать рынку, что его продукт имеет целевую аудиторию, возможность получения соответствующей положительной бизнес-репутации.

В связи с изложенным следует заметить, что установление определенных преференций, которые стимулируют инвестора к вложению средств является не только направлением государства в реализации его инвестиционной политики, но и его обязанностью, поскольку, как определено в Конституции Украины, государство не только должно сформировать структуру органов, реализующих такую политику, но и определять основные приоритетные направления развития государства, где, безусловно, отведено место и для инвестиционной деятельности.

Выводы.

1. Результатом двадцатипятилетнего развития инвестиционного законодательства Украины является сформированная самостоятельная сложноорганизованная подотрасль хозяйственного законодательства. Этот нормативно-правовой массив под воздействием мощных процессов специализации инвестиционного законодательства достиг того уровня своего развития, который предполагает постановку вопроса о его систематизации в виде работки и принятия Инвестиционного кодекса Украины.

2. Сложность самой природы инвестиционных отношений, их включенность в рыночный формат, в том числе и в международном контексте, а также учитывая сложный характер взаимодействия инвестиционных отношений с отношениями рынка ценных бумаг, инновационной деятельности, функционирования банковской системы и субъектов инвестиционной инфраструктуры – специализированных фондов, компаний и тому подобное, остро затронутой является как и экономическая доктрина развития инвестиционного рынка, так и доктрина его правового обеспечения.

3. Особую актуальность приобретает вопрос программирования деятельности государства в инвестиционной сфере, включая и модернизацию законодательного ее обеспечения. В этом смысле в Украине на данном этапе нет действующей государственной программы инвестиционного развития (предыдущая закончилась в силу истечения предусмотренных в ней временных этапов), что является большой недоработкой в реализации государственной инвестиционной политики.

4. Отдельным направлением развития инвестиционного законодательства является правовое обеспечение отношений, которые напрямую не являются инвестиционными, но обязательно предвзывают их возникновение. Это отношения опосредующие формирование, аккумуляцию с целью инвестиционного использования соответствующих экономических активов. В этом смысле государством должны быть предложены эффективные правовые инструменты привлечения и инвестиционного использования денежных средств украинцев, работающих за границей; средств, аккумулируемых на основе краудфандинговых технологий; средств, которые должны быть репатрированы из зарубежных оффшоров и так далее.

Список использованной литературы:

1. Кундеус О.М. Інвестиційне забезпечення діяльності підприємств на інноваційній основі. Інноваційна економіка. 2007. № 4. С. 148–155.
2. Задахайло Д.В. Правові засади формування та реалізації економічної політики держави: автореф. дис. ... докт. юрид. наук: спец. 12.00.04 – «Го-

сподарське право; господарсько-процесуальне право». Харків, 2013. 38 с.

3. Фарат О.В. Формування механізму реалізації державної інвестиційної політики України та напрями його вдосконалення. Науковий вісник Буквинського державного фінансово-економічного університету. Економічні науки. 2013. Вип. 1. С. 276–282.

4. Кухар В.І. Господарсько-правове забезпечення державної інвестиційної політики в Україні: дис. ... канд. юрид. наук спец: 12.00.04 – «Господарське право; господарсько-процесуальне право». Харків, 2008. 198 с.

5. Кудрявцева В.В. Окремі доктринальні питання удосконалення інвестиційного законодавства України. Правова доктрина – основа формування правової системи держави: мат-ли Міжнар. наук.-практ. конф., присвяч. 20-річчю НАПрН України та обговоренню п'яти том. моногр. «Правова доктрина України» (м. Харків, 20–21 листопада 2013 р.) Харків, 2013. С. 843–847.

6. Смесова В.Л. Сутність та класифікація джерел національного інвестиційного потенціалу. Вісник ТНЕУ. 2007. № 2. С. 57–63.

7. Кучерук Г.Ю., Вовк О.М. Економічне обґрунтування комплексної оцінки інвестиційного потенціалу авіа підприємства. Економіка. Фінанси. Право. 2008. № 5. С. 6–7.

8. Лимонова Е.М. Інвестиційна діяльність ТНК в Україні: проблеми і перспективи. Економічний вісник. 2013. № 3. С. 67–72.

9. Бугас Н.В., Богданець І.С. Державне регулювання інвестиційної діяльності в Україні. Технології та дизайн. 2014. № 2. URL: file:///C:/Users/%D0%94%D0%BE%D0%BC/Downloads/td_2014_2_16.pdf.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бударная Виталия Алексеевна – соискатель кафедры хозяйственного права Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Budarnaya Vitaliya Alekseyevna – Applicant at the Department of Economic Law of the Yaroslav Mudryi National Law University

hp.nau@gmail.com

УДК 35.352:342

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИИ

Юлия БЫКОВА,

соискатель Днепропетровского регионального института государственного управления
Национальной академии государственного управления при Президенте Украины,
заместитель начальника отдела работы с персоналом территориальных структурных подразделений управления персоналом Главного управления Госгеокадастра в Днепропетровской области

АННОТАЦИЯ

В статье проводится теоретическое исследование осуществления органами государственной и местной власти экологической политики в зарубежных развитых странах. Анализируется опыт зарубежных стран государственного администрирования в сфере экологической политики в переходный период. Проводится сравнительная характеристика в сфере экологической политики, опыта европейских стран для Украины. Определяются подходящие направления для Украины в усовершенствовании публичного управления, регулирующего вопросы эосоциального развития. На основе проведенного исследования выделяются приоритетные пути развития государственного управления в Украине относительно природоохранной деятельности в условиях децентрализации.

Ключевые слова: публичное администрирование, децентрализация, экологическая политика, гармонизация, устойчивое развитие.

FOREIGN EXPERIENCE OF PUBLIC ADMINISTRATION IN THE SPHERE OF ENVIRONMENTAL POLICY UNDER THE CONDITIONS OF DECENTRALIZATION

Yuliia BYKOVA,

Applicant of the Dnipropetrovsk Regional Institute of Public Administration of National Academy of Public Administration, Office of the President of Ukraine, Deputy Head of the Personnel Unit which is working with the territorial structural units of the Personnel Department of the Main Directorate of the State Geocadastr in the Dnipropetrovsk region

SUMMARY

This article is a theoretical study of the implementation by state and local authorities of environmental policy in foreign developed countries. The experience of foreign countries of state administration in the sphere of environmental policy during the transition period is analyzed. A comparative study is carried out in the field of activity, which is related to the environmental policy of Western European countries and Ukraine. Priority directions for Ukraine in improving public administration regulating issues of eco-social development are determined. Based on the study, priority is given to the development of public administration in Ukraine in relation to environmental activities, in the context of decentralization.

Key words: public administration, decentralization, environmental policy, harmonization, sustainable development.

Постановка проблемы. Согласно ст. 50 Конституции Украины, каждый гражданин имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на

возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением. В условиях рыночных отношений в Украине обостряются экономические и экологиче-

ские интересы государства, что, в свою очередь, оказывает негативное влияние на будущее развитие страны и на гармоничное развитие общества в целом [1]. В настоящий момент в этом плане проблемы состоят в низкоэффективном использовании региональными властями местной природно-ресурсной базы как следствии её слабых возможностей управленческих полномочий природопользования в целом. Особенно это проявляет себя в сохранении не только старых управленческих структур, но и системы и механизмов формирования финансовой базы, необходимой для устойчивого развития территорий [2, с. 109].

Актуальность темы исследования системы государственного управления в сфере охраны окружающей среды и дальнейшего её устойчивого развития, в том числе опираясь на успешный опыт развитых стран, не вызывает сомнений. В контексте евроинтеграционного курса Украины актуальным является исследование опыта стран Европейского Союза (ЕС) относительно формирования, усовершенствования, внедрения государственной экологической политики.

Эта система требует неотложного реформирования в направлении перехода к интегрированному управлению экологическими вопросами [1]. Так как функции управления в экологической сфере разделены между разными центральными органами исполнительной власти, это приводит к их дублированию, неоднозначному объяснению положений природоохранного законодательства и, соответственно, неэффективному использованию бюджетных средств. Недостаточность нормативно-правового обеспечения, проведения образовательной и просветительской работы, низкая институциональная способность подчеркивают актуальность данной темы исследования.

Состояние исследования. На сегодняшний день достаточно большое число учёных изучают данную тему исследования. В предыдущих исследованиях заложены теоретические и методологические подходы разработки и реализации национальной экологической политики на разных уровнях государственного управления. Мировой опыт функционирования государственной экологической политики,

особенности ее внедрения в условиях глобальных вызовов, направления обеспечения экологического мониторинга безопасности в современных условиях, перспективы экологического устойчивого развития государства в условиях глобализации, зарубежный опыт управления природоохранными вопросами на разных уровнях управления и приоритетные направления реализации экологической политики на государственном и местном уровнях в Украине рассматривали такие ученые, как Б.М. Данилишин, Л.Г. Мельник, Е.А. Хлобыстов, А.А. Веклич, О.Д. Ветвицкий, В.Л. Качуринер, В.Ю. Колесник, А.П. Мирошниченко, В.А. Трофимчук и другие [3].

Однако, несмотря на результаты многочисленных исследований, данная проблематика остается актуальной и требует дальнейшего изучения, что обусловлено её значимостью в существовании и стабильном развитии украинского общества.

Целью и задачей статьи является анализ и обобщение мирового опыта, в частности экономически высокоразвитых стран, для дальнейшего его применения, внедрения в практику или использования ключевых механизмов и подходов государственного управления вопросами устойчивого, эколого-экономического сбалансированного развития в Украине.

Изложение основного материала. Согласно «Стратегии устойчивого развития «Украина – 2020», целью политики в сфере децентрализации является отход от централизованной модели государственного управления, обеспечение способности местного самоуправления и построение эффективной системы территориальной организации власти в Украине, реализация всех положений Европейской хартии местного самоуправления, принципов субсидиарности, вездесущности и финансовой самодостаточности местного самоуправления через создание системы устойчивых объединенных территориальных общин [4].

Необходимость внедрения политики устойчивого развития на местном уровне обусловлена пониманием того, что он должен начинаться и поддерживаться на базовом уровне и, соответственно, обеспечение такого развития должно осуществляться снизу вверх,

то есть от конкретной общины к национальному и мировому масштабу. Идея устойчивого развития на местном уровне, в конкретном поселении, городе или общине (sustainable communities), приобрела популярность с середины 90-х годов во многих странах мира [5].

В целом, деятельность устойчивых общин направлена на обеспечение повышения качества жизни своего населения без угрозы его ухудшения в других общинах; поддержание экосистем в собственных пределах; обеспечение эффективной государственной поддержки деятельности общества; создание условий для экономической безопасности. Устойчивое развитие на местном уровне и формирование устойчивой общины предполагает достижение экологического, социального и экономического равновесия локальных образований. Каждая из этой триады составляющих устойчивого развития имеет свои задачи. Следует отметить, что концепция устойчивого социально-экономического развития на местном уровне, в том числе концепция устойчивого общества, является уникальной методикой долгосрочного планирования местного развития. Этот опыт приобретает чрезвычайно большое значение именно в условиях реформирования территориальной организации власти в Украине [5].

Приоритетным направлением обеспечения эффективного территориального развития в рамках государственной программы децентрализации власти является сбалансирование отношений между центром и регионами вследствие увеличения части региональных бюджетных поступлений на основании собственной, закреплённой прибыли. Важным фактором системы платежей в местные бюджеты должны стать поступления за счёт преимущественно рентного поступления. Они должны охватывать как можно большее количество источников ренты и быть оптимальными за величиной, и извлекаться с помощью ценовых и фискальных механизмов [2, с. 110].

Отметим, что многие города и сельские общины во всем мире внедряют свои местные программы действий, стремясь к обеспечению устойчивого местного развития.

Например, в Нидерландах, которые имеют многолетний опыт формирова-

ния и реализации экологической политики и уже давно считаются лидером по многим направлениям охраны окружающей природной среды, правительство постоянно работает над совершенствованием нормативно-правовой базы. Так, сегодня в этой сфере происходят мощные процессы реструктуризации. Усилия правительства направлены на то, чтобы консолидировать национальное законодательство по охране окружающей среды в рамки одного нормативно-правового акта – закона об охране окружающей природной среды, который вступает в силу уже в этом году. Указанный процесс станет важным переходом от экологического права, рассредоточенного по отраслевому законодательству (13 актов и 14 частей других актов), в сводный нормативно-правовой акт. Новый сводный акт также учитывает положения более 30 директив Европейского Союза, касающихся окружающей среды. В Нидерландах механизмы горизонтальной координации мероприятий экологической политики включают аналогичные собрания заинтересованных сторон, в частности Многоуровневое совещание по вопросам пространственного планирования и Многоуровневое совещание по вопросам водопользования. Например, такие механизмы координации природоохранной деятельности, как вертикальные и горизонтальные. Выделенные мероприятия проводятся с 2013 года при участии министра окружающей среды, представителей охраны природной среды, представителей региональной власти и Ассоциации муниципалитетов Нидерландов, представителей Союза региональных органов управления в сфере водопользования и других. Решение отдельных вопросов требует создания межправительственных и межведомственных рабочих групп, которое касается, в частности, вопроса определения общей позиции относительно предложений ЕС [6].

В Испании последнее десятилетие характеризуется все большим укреплением собственной нормативно-правовой базы экологической политики, что в значительной мере связано с требованиями ЕС. Многие законы и правила, которые принято за этот промежуток времени, существенно усложнили нормативно-правовую базу.

В связи с этим правительством принят ряд инициатив по снижению административной нагрузки. В частности, это нормативно-правовые акты по реформированию требований к процессам предоставления разрешений, лицензирования и планирования. После создания в 2013 году Комиссии по реформированию государственного управления приняты законы для дальнейшего ослабления административных барьеров, в том числе связанных с оценкой воздействия на окружающую среду, экологической ответственностью и управлением прибрежной зоной. Здесь следует отметить, что реализация правил обусловила улучшение охраны окружающей среды [5].

В Польше, которая стала членом ЕС в 2004 году, развитие экологической политики и соответственного законодательства во многом стимулировалось природоохранным законодательством Содружества. Имплементация экологических директив ЕС – это серьезная проблема для правительства страны и происходит с достаточно большим количеством нарушений. Несмотря на то, что закон про охрану окружающей среды 2001 года заложил основы экологического законодательства страны, имплементация европейских директив привела к появлению ещё 20 нормативно-правовых актов, что, в свою очередь, вызвало необходимость внедрения правительством Польши соответствующих мероприятий, которые касаются рационализации всего этого количества законов и уменьшения связанной с ними административной нагрузки [7].

В Дании охрана окружающей среды стала независимой сферой, в которой задачи решаются региональной и местной властью. Региональные власти разрабатывают планы по поддержке качества воды в системах водоснабжения, озерах, водотоках, планы по использованию водосборной территории, размещению экологически грязных предприятий и тому подобное. Муниципалитеты планируют размещение водоочистных сооружений, систем водоснабжения, сброса твердых отходов и другое. Главная цель экологической политики Дании состоит в охране окружающей среды, предотвращении загрязнения воздуха, воды и земель, контроле над шумовым

загрязнением. Деятельность органов местного самоуправления по охране окружающей среды базируется на следующих основных принципах: оценка объекта и средств решения проблемы, загрязнитель должен оплатить природоохранные расходы. Структура выполнения закона об охране окружающей среды состоит из следующих действий картографирования и планирования: выдача разрешений и согласований, надзор и контроль [8].

Франция, в отличие от большинства стран Европы, пока еще является наиболее централизованной страной со стойкими традициями крепкой центральной власти, которая имеет существенное влияние на уровне департаментов и регионов. Французская система управления состоит из трёх уровней: 1 – коммуна, 2 – департамент, который состоит из коммун, 3 – регион, который образуют несколько департаментов. Экологическая политика Франции на национальном уровне координируется Министерством окружающей среды, энергетики и морских дел, которое является ответственным за реализацию стратегии устойчивого развития, предотвращение изменения климата, природных и техногенных рисков, состояние прибрежных территорий и тому подобное. К его компетенции также относится контроль над деятельностью ряда организаций, которые играют важную роль в сфере охраны окружающей среды и природопользования: Национальное водное агентство Франции, Агентство по вопросам управления в сфере охраны окружающей среды, Агентство Франции по биоразнообразию и другие [9].

К функциям региональных органов власти входят подготовка всевозможных планов, схем планирования и развития инфраструктуры, управление парками регионов и тому подобное. Среди основных заданий органов власти на уровне департаментов выделяют создание планов поведения с бытовыми отходами и водопользование. К обязанностям местных коммун относится планирование городов, сбор бытовых отходов, услуги водоснабжения и очистка сточных вод. Начиная с 2015 года, к этим обязанностям также входят функции по управлению водной средой и предотвращение наводнений [9].

На основании материалов, разработанных и полученных от местных органов власти, картографируют источники загрязнения и поля загрязнения на окружающих территориях, готовят подробный доклад о состоянии окружающей среды. Доклад становится основой для разработки планов, касающихся, например, улучшения качества окружающей среды, размещения предприятий и сброса отходов.

Кроме этого, муниципалитеты планируют районное теплоснабжение, объем сточных вод, водоснабжение, использование расходов. Расходы на охрану окружающей среды в Дании составляют примерно 4 % от всего бюджета страны, при этом основная часть (более 90 %) этих средств поступает из городского бюджета. Расходы региональной и центральной власти составляют меньшую долю (3 % и 6 % соответственно). Основная часть государственных расходов идет на строительство и эксплуатацию различных очистных сооружений [10].

На местном уровне должны приобрести большего распространения экономические методы как прямой государственной поддержки, так и предоставление субсидий, создание специальных фондов для финансирования программ, льготного кредитования и налогообложения.

Ведущим направлением этих преобразований должно стать широкое использование внебюджетных средств, в том числе полученных путём задействования зарубежного и отечественного капитала, ресурсов национальных и мировых финансовых рынков. Для повышения эффективности использования природного богатства под управлением местной власти целесообразно обеспечение интеграции природного богатства в виде природных активов и производных от них финансовых инструментов в действенную систему экономических отношений. В их основу может быть положена инновационная концепция корпоративного менеджмента в управлении природными ресурсами при участии местных общин [2, с. 110].

Выводы. Сегодня Украина находится на этапе накопления практических действий относительно реального наполнения децентрализации нормативными, организационными и управленческими мероприятиями,

определения конкретного содержания децентрализации для экологической политики. Кроме того, Украина не имеет опыта формирования эффективных инструментов «снизу-вверх», когда базовый территориальный уровень является основным и определяет дальнейшие требования и ориентиры для более высоких иерархических ступеней. [5, с. 98–99].

Проводя анализ зарубежного опыта публичного администрирования охраной окружающей среды органами местного самоуправления, следует отметить, что важной сферой местного самоуправления в последние годы стала именно экологическая политика.

Функционирование публичного администрирования в Украине в сфере охраны окружающей среды должно строиться с учетом мирового опыта внедрения эффективной экологической политики на местном уровне. Приоритным направлением в совершенствовании функционирования публичного администрирования в этой сфере должно стать сотрудничество органов местного самоуправления, предприятий и общественных организаций. Адаптируя опыт стран ЕС к условиям Украины, необходимо также учитывать компетенцию страны или региона, а также предусмотреть конфликтные ситуации, противоречие и дублирование функций между разными уровнями власти.

Список использованной литературы:

1. Про основні засади (стратегію) державної екологічної політики на період до 2020 року: Закон України. URL: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/2818-17>.
2. Взаємозв'язок політики і управління: теоретичний і прикладний аспект: матеріали круглого столу / За заг. ред. С.О. Шевченка. Д.: ДРІДУ НАДУ, 2016, 170 с.
3. Актуальні проблеми державного управління: зб. наук. пр. Х.: Вид-во ХарПІ НАДУ «Магістр», 2017. Вип. 1 (51). 176 с.
4. Стратегія сталого розвитку «Україна – 2020» від 12 січня 2015 року. URL: <http://president.gov.ua/documents/18688.html>.
5. Державна екологічна політика України в умовах децентралізації влади / За наук. ред. д-ра екол. наук., проф.

Є.В. Хлобистова. К.: ДУ ІЕПРСР НАН України, 2016 226 с.

6. OECD Environmental performance reviews: Netherlands 2015. OECD, 2016. 230 p. URL: <http://www.keepeek.com/Digital-Asset-Management/oecd/environment/oecd-environmental-performance-reviews-the-netherlands-2015>.

7. OECD Environmental performance reviews: Poland 2015. OECD, 2015. 204 p. URL: <http://www.keepeek.com/Digital-Asset-Management/oecd/environment/oecd-environmental-performance-reviews-poland-2015>.

8. Бомчак Я.О. Зарубіжний досвід реалізації органами місцевого самоврядування державної політики у сфері охорони навколишнього природного середовища. Держава та регіони. 2017. № 1 (57). С. 126–130.

9. OECD Environmental performance reviews: France 2016. OECD, 2016. 257 p. URL: <http://www.keepeek.com/Digital-Asset-Management/oecd/environment/oecd-environmental-performance-reviews-france-2016>.

10. Кернична А.Є. Досвід зарубіжних країн щодо вдосконалення механізмів державного управління в екологічній сфері у контексті євроінтеграції. Інвестиції: практика та досвід. К.: ДКС Центр. 2013. № 24. С. 152–156.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Быкова Юлия Дмитриевна – соискатель Днепропетровского регионального института государственного управления Национальной академии государственного управления при Президенте Украины, заместитель начальника отдела работы с персоналом территориальных структурных подразделений управления персоналом Главного управления Госгеокадастра в Днепропетровской области

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bykova Yuliya Dmitriyevna – Applicant of the Dnipropetrovsk Regional Institute of Public Administration, National Academy of Public Administration, Office of the President of Ukraine, deputy Head of the Personnel Unit which is working with the territorial structural units of the Personnel Department of the Main Directorate of the State Geocadastr in the Dnipropetrovsk region

yuliia28021978@gmail.com

УДК 343.98

УСЛОВИЯ И ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ОБУСЛАВЛИВАЮЩИЕ НЕОБХОДИМОСТЬ ПРОВЕДЕНИЯ СЛЕДСТВЕННОГО ЭКСПЕРИМЕНТА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ДТП

Галина ВАЛЬЧИШИН,
аспирант кафедры криминалистики и судебной медицины
Днепропетровского государственного университета внутренних дел

АННОТАЦИЯ

В статье проводится теоретическое исследование условий и обстоятельств, обуславливающих необходимость проведения следственного эксперимента при расследовании дорожно-транспортных происшествий. Осуществляется анализ юридической литературы по исследованию подготовки, производства следственного эксперимента при расследовании ДТП и его фиксации. Обосновано, что проведение следственного эксперимента, несмотря на то, что это следственное действие не считается обязательным при расследовании других уголовных правонарушений, при расследовании ДТП во многих случаях является необходимым и наиболее эффективным способом выяснения обстоятельств происшествия.

Ключевые слова: ДТП, механизм, следственный эксперимент, опыт, транспорт.

CONDITIONS AND CIRCUMSTANCES STIPULATING THE NECESSITY TO CARRY AN INVESTIGATION EXPERIMENT DURING THE INVESTIGATION OF A ROAD ACCIDENT

Galina VALCHISHIN,
Postgraduate Student at the Department of Criminalistics and Forensic Medicine
of Dnipro State University of Internal Affairs

SUMMARY

The article gives theoretical investigation of conditions and circumstances which stipulate the necessity to carry an investigation experiment during the investigation of road accidents. The author implements the analysis of legal literature which is connected with a preparatory investigation execution of an investigation experiment during the investigation of a road accident and its fixation. It substantiates that to carry an investigation experiment in spite of the fact, that it is not necessary during the investigation of other criminal law breakings during the investigation of road accidents in many cases prove to be very necessary and the most effective in elucidating the circumstances of an accident.

Key words: road accident, mechanism, investigation experiment, trial, transport.

Постановка проблемы. Преступления против безопасности дорожного движения составляют значительную часть среди всех преступных деяний, которые совершаются в Украине и наносят достаточно большой вред людям и обществу в целом, который обычно связан с травмированием и гибелью как водителей транспортных средств, так и пассажиров или случайных прохожих. Однако для органов досудебного расследования они остаются одними из самых сложных для расследования, требуют незаурядных знаний следователей, привлечения зачастую широкого круга экспертов, психологов и других специалистов по разным областям знаний.

При расследовании дорожно-транспортных происшествий (далее – ДТП) важную роль играет проведение следственного эксперимента, в первую очередь это касается выяснения механизма события и других обстоятельств.

Актуальность темы исследования подтверждается тем, что следственный эксперимент остается малоисследованным следственным (розыскным) действием как с точки зрения тактики его проведения, так и с процессуальной стороны, что в конечном итоге негативно отражается в целом на методике расследования ДТП и других уголовных правонарушений.

В связи со сходством следственного эксперимента с проверкой показаний на месте, а также тем, что длительное время в украинском уголовно-процессуальном законодательстве названные следственные действия охватывались воспроизведением обстановки и обстоятельства события, в криминалистической литературе они часто подменяются.

На первый взгляд, «ошибки» следователей, связанные с подменой следственного эксперимента другими видами следственных (розыскных)

действий, обусловлены сходством, и даже совпадением, многих их элементов. Однако основная причина такой путаницы, по мнению А.С. Рубана, связана не с тем, что многие элементы разных следственных действий подобны между собой, а с тем, что некоторые следователи не понимают опытной сущности следственного эксперимента и не придают ей надлежащего значения [1, с. 7].

Состояние исследования. Отдельные уголовно-процессуальные и тактические аспекты проведения следственного эксперимента исследовали в своих работах отечественные и зарубежные ученые А.Г. Алексеев, Л.Е. Ароцкер, Р.Ю. Ачмиз, Р.С. Белкин, С.В. Владимиров, Н.И. Гуковская, Н.И. Жукова, О.Д. Ким, И.И. Колесник, А.Г. Кольчурин, Л.П. Онучин, В.А. Очеретяный, С.Н. Путивка, А.С. Рубан, Ю.Б. Суворов, Н.В. Чих, Ш.Ш. Яра-

мышьян и другие. Вместе с тем немало вопросов, связанных с особенностями организации и проведения следственного эксперимента при расследовании ДТП, остаются нерешенными.

Целью и задачей статьи является исследование условий, а также обстоятельств, обуславливающих необходимость проведения следственного эксперимента при расследовании ДТП.

Изложение основного материала.

Как показывает следственная практика, следственный эксперимент проводится больше чем в 60 % от всех расследованных уголовных производств по ДТП. Иногда он выступает в качестве чуть ли не единственного действия, с помощью которого возможно выяснить объективную истину по делу, в частности, как заметила В.Л. Погребная, когда нет очевидцев и приходится иметь дело лишь с непосредственными их участниками – водителями и пешеходами [2, с. 27].

В «Настольной книге следователя» говорится, что «сравнительно простая ситуация на начальном этапе расследования ДТП складывается тогда, когда преступное нарушение совершено в присутствии свидетелей, а водитель и транспортное средство остались на месте события. В этом случае основные усилия следствия направлены на исследование обстановки места происшествия, установление причин ДТП, сбор доказательств, которые подтверждают вину его участников. Для решения этих задач производятся разнообразные следственные действия: осмотр места происшествия, освидетельствование и назначение судебно-медицинской экспертизы водителя и пострадавшего лица, допросы водителей, свидетелей, потерпевших» [3, с. 445]. Как можно увидеть, в этом перечне отсутствует такое следственное действие, как следственный эксперимент, так как его проведение не является обязательным, однако зачастую он является необходимым при расследовании на первый взгляд «несложных» происшествий, не говоря об определенных следственных ситуациях при расследовании более сложных ДТП.

В целом, при расследовании любого ДТП следователю необходимо выяснить определенные обстоятельства, которые имеют значение для правильного разрешения дела:

1) является ли событие дорожно-транспортным, его вид;

2) дорожную обстановку в момент события (место, время и другое);

3) какие транспортные средства участвовали в событии, их техническое состояние (как до события, так и после него);

4) последствия, которые наступили в результате преступного нарушения правил безопасности дорожного движения (смерть, степень тяжести телесных повреждений, характер и размеры материального убытка), что очень важно для квалификации преступления;

5) способ совершения ДТП;

6) кто пострадал, поведение участников события;

7) какая непосредственная причина ДТП;

8) степень вины каждого участника события (водителя, пассажира, пешехода и других);

9) какие положения правил дорожного движения были нарушены виновным;

10) существует ли причинная связь с допущенным нарушением и наступившими последствиями;

11) обстоятельства, которые способствовали преступлению (недостатки в организации движения транспорта и пешеходов и тому подобное).

Стоит также сказать, что и самих ДТП существует достаточно много видов, что требует незаурядной квалификации следователей при их расследовании. В следственно-судебной практике чаще всего встречаются следующие:

1) столкновение – происшествие, при котором движущиеся транспортные средства столкнулись между собой или с подвижным составом железных дорог;

2) опрокидывание – происшествие, при котором движущиеся транспортные средства опрокинулись (однако к ним не относятся такие виды опрокидываний, которым предшествовали другие виды происшествий);

3) наезд на недвижимое транспортное средство, а также на прицеп или полуприцеп;

4) наезд на препятствие (опору моста, столб, дерево, мачту, строительные материалы, ограждение и тому подобное);

5) наезд на пешехода (или сам пешеход столкнулся с транспортным

средством). К этому виду относятся также происшествия, при которых пешеходы пострадали в результате падения груза, который перевозится транспортным средством (досок, колод, канатов, труб и тому подобного);

6) наезд на велосипедиста;

7) наезд на гужевой транспорт;

8) наезд на животных;

9) другие происшествия (схождение трамвая с рельс, выпадение пешехода из транспортного средства и другие) [4, с. 121; 5, с. 4–5].

Как свидетельствует статистика, чаще всего ДТП возникают в результате нарушений, которые допускает водитель транспортного средства, а именно: превышение установленной скорости движения; несоблюдение правил обгона, поворота и рядности; выезд на полосу встречного движения; нарушение правил проезда перекрестков; несоблюдение безопасной дистанции движения; перевозка пассажиров в непригодном для этого транспорте; неправильное укрепление груза на транспорте; несоблюдение сигналов светофора; выезд на заведомо технически неисправном транспорте; нарушение правил движения на железнодорожных переездах и тому подобное.

Кроме того, ДТП могут случаться в результате неправомерных действий пешеходов, пассажиров; неправомерных действий или бездеятельности работников автопредприятий, ответственных за техническое состояние или эксплуатацию транспортных средств; преступных нарушений правил, норм и стандартов лицами, ответственными за строительство, ремонт или содержание дорог, улиц, дорожных сооружений.

Иногда ДТП могут случиться в результате случайного стечения обстоятельств, которые не могли быть предусмотрены участниками движения (неисправность транспорта, возникшая внезапно, и тому подобное) [6, с. 380–383; 3, 442–443].

Отсюда следует также и разнообразие самих экспериментальных действий, которые могут быть проведены при расследовании разных ДТП. И не обязательно это касается сугубо следственного эксперимента, так как следователь, суд, другие участники процесса широко используют этот метод исследования при производстве и других

процессуальных действий, а эксперимент в этих случаях выступает в качестве их составного элемента [7, с. 33].

Как верно отметил П.Д. Биленчук, научной основой следственного эксперимента является общий экспериментальный метод исследования (познание теории и практики) и общие положения его проверки. В науке и на практике с целью познания любого явления, события их воссоздают в натуральную величину или моделируют, то есть создают материальную или абстрактную (мнимую) модель. Созданную модель при определенных воссозданных условиях наблюдают в процессе ее изменения. Таким способом проверяют факты, действия, свойства реальных объектов, устанавливают новые факты, признаки и свойства реальных вещей.

Эффективность применения экспериментального метода предопределена соблюдением таких общих положений:

1) при проведении опытов (эксперимента) необходимо использовать реальный объект или его модель (материальную, мнимую);

2) при проведении эксперимента необходимо воссоздать такие внешние условия, которые максимально приближены к условиям, существовавшим на момент факта;

3) изменять внешние условия поводится в зависимости от цели исследования;

4) опытные действия необходимо повторять несколько раз [8, с. 52–53].

М.П. Хилобок считает, что по рассматриваемой категории уголовных дел чаще всего проводятся следственные эксперименты трех видов: 1) по установлению возможности восприятия какого-либо явления; 2) по выяснению возможности совершения определенного действия; 3) по выяснению механизма ДТП [9, с. 379].

А.Л. Дудников наводит такой перечень случаев проведения следственного эксперимента при расследовании ДТП:

1) установление возможности восприятия любого факта или явления (например, мог ли водитель в конкретных условиях места и времени видеть препятствие; могли ли участники ДТП слышать звуковые сигналы, шум транспорта; какие видимость и обзорность с места водителя; мог ли свидетель из определенного расстояния узнать лицо, которое находилось за рулем);

2) установление возможности совершения определенного действия в данных обстоятельствах (разворота, поворота транспортного средства на конкретном участке дороги; торможения автомобиля; наличия или отсутствия у водителя профессиональных навыков, необходимых для управления и обслуживания транспорта);

3) установление возможности существования какого-либо явления (например, внезапного возникновения неисправности определенной системы или детали транспортного средства в данных условиях; заноса транспорта; самовольного скатывания транспортного средства из уклона; освещение водителя светом фар);

4) установление отдельных элементов механизма преступного нарушения правил безопасности дорожного движения (например, возможности образования следов на дорожном полотне при определенном расположении участников события) [6, с. 398–399; 3, с. 453].

Однако в следственной практике имеют место не только перечисленные виды следственных экспериментов, но и их разновидности. Так, в ходе проведения эксперимента по возможности восприятия того или иного факта, явления нередко устанавливают: возможность визуально наблюдать определенные объекты, явления; возможность слышать звуки (торможения, звукового сигнала); возможность чувствовать определенные процессы, явления (изменение направления или скорости движения) [10, с. 113–114].

И.И. Колесник на основании анализа материалов уголовных дел по ДТП и научных публикаций пришел к заключению, что следственный эксперимент может проводиться с разными целями, которые можно объединить в три группы:

1) установление субъективных возможностей конкретных лиц: воспринимать определенный факт или явление, например видеть или слышать при определенных обстоятельствах и условиях (возможности для пешехода видеть или слышать обстоятельства наезда при нахождении в определенном месте и тому подобное); совершить определенные действия в конкретных условиях, например остановить автомобиль на определенном отрезке доро-

ги; наличия у водителя профессиональных навыков, например заехать задним ходом на место парковки, развернуться на ограниченной площади и тому подобное;

2) установление времени, необходимого для совершения тех или иных действий, или длительности определенных процессов: времени для преодоления пешеходом определенного расстояния (с момента возникновения опасности для движения до момента наезда); времени для преодоления на транспортном средстве определенного участка пути; скорости движения транспортного средства на определенном отрезке пути; времени, необходимого водителю для осуществления определенного маневра, и другое.

3) установление отдельных элементов механизма ДТП: видимости на конкретном участке дороги, например при наличии объектов, которые препятствуют обзорности определенного отрезка дороги; возможности существования определенного явления, например заноса транспорта без торможения в конкретных дорожных условиях, самовольного скатывания конкретного автомобиля и тому подобное; определение расстояния, с которого водитель имел объективную возможность увидеть препятствие; определение места, из которого водитель начал торможение, места, где остановилось транспортное средство; определения места, с которого пешеход увидел транспортное средство, и расстояния, которое он успел преодолеть от обочины или тротуара до места, где произошел наезд; определение взаимного размещения потерпевшего и транспортного средства в момент контакта (наезда) [11, с. 212–213].

Как было отмечено, следственный эксперимент применяется в следственной практике далеко не всегда, однако при расследовании ДТП это следственное (розыскное) действие занимает особенное место. Полностью поддерживаем мнение А.С. Рубана, что бывают ситуации, когда исключительно в ходе следственного эксперимента могут быть подтверждены или опровергнуты данные, имеющиеся в распоряжении следователя, проверены выдвинутые версии. В таких случаях полностью правомерными являются решения судов о том, что отсутствие

следственного эксперимента не позволяет принять однозначное решение по делу [1, с. 8].

Следственный эксперимент при расследовании ДТП является следственным (розыскным) действием, которое позволяет проверить или уточнить уже имеющиеся свидетельства, а также выявить и исследовать материальные следы дорожно-транспортного приключения.

Следственный эксперимент важен тем, что позволяет ответить экспериментально на многие вопросы досудебного следствия, ответы на которые существуют или в форме судебной информации – показаниях, или не существует совсем. Следственный эксперимент производится с целью экспериментальной проверки достоверности показаний водителя, очевидцев, других лиц о многих обстоятельствах ДТП, в частности об обзорности и видимости на данном участке дороги в момент ДТП, о дорожной обстановке, которая сложилась на этот момент. Нередко возникает необходимость проверки с помощью проведения этого следственного действия способности потерпевших и свидетелей «на глаз» правильно определять скорость движения транспортных средств и пешеходов. Производством следственных экспериментов часто решается задача устранения противоречий в показаниях этих лиц [12, с. 108–109].

Выводы. Таким образом, несмотря на то, что следственный эксперимент не считается обязательным (розыскным) действием при расследовании уголовных правонарушений, при расследовании ДТП он таковым во многих случаях является и проведение его необходимо.

Без правильного и своевременного проведения следственного эксперимента, кроме того, в необходимых

случаях не является возможным проведение автотехнической экспертизы, которая дает возможность получить более точные или же исчерпывающие ответы на вопросы, которые касаются обстоятельств ДТП и действий или бездействия участников.

Список использованной литературы:

1. Рубан А.С. Следственный эксперимент: теория и практика: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: спец. 12.00.09 «Уголовный процесс и криминалистика; судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность». Владимир, 2009. 25 с.
2. Погрібна В.Л. Особливості використання слідчого експерименту та судових експертиз при розслідуванні ДТП. Радянське право. 1986. № 9. С. 27–29.
3. Панов М.І., Шепітько В.Ю., Коновалова В.О. та ін. Настільна книга слідчого: наук.-практ. видання для слідчих і дізнавачів. 2-е вид. перероб. і доп. К.: Видавничий дім «Ін Юре», 2008. 728 с.
4. Алексеев А.Г. Методика расследования дорожно-транспортных преступлений, совершенных в условиях неочевидности: дис. ... канд. юрид. наук: спец. 12.00.09. Саратов, 2001. 187 с.
5. Писаренко И.В., Магера В.Н., Ткаченко В.И., Чудновский В.В. Расследование дорожно-транспортных происшествий. К.: РИО МВД Украины, 1994. 336 с.
6. Криміналістика. Криміналістична тактика і методика розслідування злочинів: підручник для студентів юрид. вузів і фак. / За ред. проф. В.Ю. Шепітька. Харків: Право, 1998. 376 с: іл. 21.

7. Белкин Р.С. Эксперимент в следственной, судебной и экспертной практике. М.: Изд-во «Юридическая литература», 1964. 222 с.

8. Біленчук П.Д., Гель А.П., Семаков Г.С. Криміналістична тактика і методи розслідування окремих видів злочинів: навч. посіб. для студ. вищ. навч. закл. К.: МАУП, 2007. 512 с.

9. Криминалистика: учебник / Под ред. Е.П. Ищенко. М.: Юристъ, 2000. 751 с.

10. Чих Н.В. Механизм дорожно-транспортного преступления и его установление на предварительном следствии: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Н. Новгород, 1999. 202 с.

11. Колеснік І.І. Особливості підготовки і проведення слідчого експерименту при розслідуванні злочинів проти безпеки дорожнього руху та експлуатації транспорту. Вісник Харк. нац. ун-ту. імені В.Н. Каразіна. 2016. Вип. 22. С. 212–215.

12. Ачмиз Р.Ю. Расследование дорожно-транспортных происшествий (теоретические и тактико-методические аспекты): дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Краснодар, 1999. 213 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Вальчишин Галина Игоревна – аспирант кафедры криминалистики и судебной медицины Днепропетровского государственного университета внутренних дел

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Valchishin Galina Igorevna – Postgraduate Student at the Department of Criminalistics and Forensic Medicine of Dnipro State University of Internal Affairs

wsawchenko11@gmail.com

УДК 340.1 (477)

СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК КРИТЕРИЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ: МУСУЛЬМАНСКИЙ АСПЕКТ

Александр ВОЛЬВАК,
адвокат, юрист Высшей квалификационно-дисциплинарной
комиссии адвокатуры

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу феномена справедливости как критерия эффективности правового регулирования с точки зрения исламской правовой культуры. Приведен исторический анализ понимания справедливости в исламе, раскрыты формы проявления справедливости и ее взаимосвязь с категорией равенства. Показана взаимосвязь арабо-мусульманской философии с мировой философской мыслью и современностью.

Ключевые слова: справедливость, равенство, ислам, стремительность, абсолютное равенство, идеальное государство, стремление к счастью.

JUSTICE AS A CRITERION FOR THE EFFECTIVENESS OF LEGAL REGULATION: THE MUSLIM ASPECT

Aleksandr VOLVAK,
Attorney at Law, Lawyer of Higher Qualification and Disciplinary Bar Commission of Ukraine

SUMMARY

The article is devoted to the analysis of the phenomenon of justice as a criterion for the effectiveness of legal regulation from the point of view of Islamic legal culture. A historical analysis of the understanding of justice in Islam is given, forms of manifestation of justice are revealed and its interrelation with the category of equality. The interrelation of the Arab-Muslim philosophy with the world's philosophical thought and modernity is shown.

Key words: justice, equality, Islam, swiftness, absolute equality, ideal state, pursuit of happiness.

Постановка проблемы. Исследования справедливости как явления связаны с ее свойством быть основополагающей правовой ценностью, главенствующей ролью понимания сущности права и одновременно основным требованием построения правовой системы и обеспечения прав и свобод индивида. Проявление справедливости в тех или иных правовых системах как соотношение интересов государства, гражданского общества и личности остается значимой для современного мира. В свете происходящих цивилизационных столкновений «восток-запад» или «ислам-и не ислам», в условиях наращиваемой стремительности социального развития и исламизации общества на первый план выходит проблема поиска баланса в достижении справедливости и обеспечении свободы развития религии ислам для обеспечения международных стандартов прав человека.

Актуальность темы исследования. Дискуссионным остается вопрос о соотношении субъективной и объективной справедливости в современных мусульманских обществах и государствах, где ислам признан государственной религией.

Не раскрытым остаётся вопрос проявлений справедливости в исламских обществах и их соотношение с современными концепциями прав человека.

Состояние исследования. Исследование проблемы справедливости берет свое начало в сочинениях Платона, Аристотеля, Цицерона, Сенеки, Аврелия Августина, трактатах Фомы Аквинского и произведениях мыслителей Нового времени: Б. Спинозы, Г. Лейбница, Г. Гроция, Ж.-Ж. Руссо, Т. Гоббса, Дж. Локка, И. Канта, Г. Гегеля. Среди современных исследований не обходимо отметить труды С.С. Алексеева, В.К. Бабаева, В.М. Баранова, З.А. Бербешкина, А.Т. Боннера, Л.Г. Гринберга, Н.Н. Вопленко, Д.А. Керимова, В.Н. Кудрявцева, В.М. Лазарева, Г.В. Мальцева, В.С. Нерсисянца, А. Баракка, Ж.-Л. Берজেя, Г.Дж. Бермана, К. Зелеманна, Д. Ллойда, Дж. Роулза, Г. Радбруха, М. Стоукса, Г. Шпренгера и других.

Целью и задачей статьи является исследование феномена справедливости в мусульманских правовых системах, формах его проявления и порядка регламентации в соответствии со священными писаниями мусульман.

Изложение основного материала. Продолжающееся ускорение перемен в человечестве и на планете сегодня в соединении с интенсификацией ритмов жизни и работы образуют то, что по-испански некоторые называют “rapidación” (наращивание стремительности). Хотя перемена относится к динамике сложных систем, скорость, с которой человеческие действия ее осуществляют, сегодня контрастирует с естественной медленностью биологической эволюции. К этому добавляется та проблема, что цели этой быстрой и постоянной перемены не обязательно ориентированы на общее благо и на устойчивое и целостное развитие человека. Перемена желаемая, но вызывает беспокойство, когда превращается в истощение мира и ухудшение качества жизни большей части человечества [1, с. 18–19].

Исламизация общества, с одной стороны, и невозможность достижения эффективного правового регулирования при помощи современных моделей, с другой стороны, приводят к стремлению в создании исламского государства. Например, 80 % населения Пакистана выступает за построение государства на принципах

шариата. Одной из причин такого стремления является недостижение баланса справедливости с точки зрения исламского миропорядка.

«Адль» (по-арабски – справедливость) со времен зарождения ислама стало основным религиозным принципом, который зиждется на принципе «Аллах всегда справедлив». Этому принципу мы находим подтверждение в следующих аятах:

– «Аллах, ангелы и ученые мужи свидетельствуют, что нет бога, кроме Него Одного, Придерживающегося справедливости во всем. Нет бога, кроме Него Одного, Великого и Мудрого» (сура Али Имран, аят 18);

– «Если же вы боитесь, что не будете одинаково справедливы к ним, то довольствуйтесь одной или невольницами, которыми овладели ваши десницы. Это ближе к тому, чтобы избежать несправедливости (или бедности)» (сура ан-Ниса, аят 3);

– «Воистину, Аллах велит вам возвращать вверенное на хранение имущество его владельцам и судить по справедливости, когда вы судите среди людей. Как прекрасно то, чем увещевает вас Аллах! Воистину, Аллах – Слышащий, Видящий» (сура ан-Ниса, аят 58);

– «А еще вы должны относиться к сиротам справедливо, и что бы вы ни сделали доброго, Аллаху известно об этом» (сура ан-Ниса, аят 127);

– «О те, которые уверовали! Свидетельствуя перед Аллахом, отстаивайте справедливость, если даже свидетельство будет против вас самих, или против родителей, или против близких родственников. Будет ли он богатым или неимущим, Аллах ближе к ним обоим. Не потакайте желаниям, чтобы не отступить от справедливости. Если же вы скривите или уклонитесь, то ведь Аллах ведает о том, что вы совершаете» (сура ан-Ниса, аят 135);

– «О те, которые уверовали! Будьте стойки ради Аллаха, свидетельствуя беспристрастно, и пусть ненависть людей не подтолкнет вас к несправедливости. Будьте справедливы, ибо это ближе к богобоязненности. Бойтесь Аллаха, ведь Аллах ведает о том, что вы совершаете» (сура аль-Маида, аят 8);

– «Слова твоего Господа полны правды и справедливости! Они неизменяемы (никто не сможет их изменить). Он абсолютно все слышит и обо всем знает» (сура аль-Ан'ам, аят 115);

– «Не приближайтесь к имуществу сироты, кроме как во благо ему, пока он

не достигнет зрелого возраста. Наполняйте меру и весы по справедливости. Мы не возлагаем на человека сверх его возможностей. Когда вы произносите слово, будьте справедливы, даже если это касается родственника. Будьте верны договору с Аллахом. Это заповедал вам Аллах – быть может, вы помяните назидание» (сура аль-Ан'ам, аят 152);

– «Господь повелевает быть справедливыми (следовать «золотой середине») [не впадать в крайности]. В какой бы из мечетей вы ни молились [где бы ни совершали земной поклон пред Богом], пусть лик ваш будет правлен (движения верны; сердце спокойно, умиротворенно), молитесь Богу искренне. Как все начиналось [из ничего], так вы к Нему и вернетесь [ничем, прахом, а затем из остатков будете воскрешены в Судный День]» (сура аль-Араф, аят 29);

– «Все вы возвратитесь к Нему, согласно истинному обещанию Аллаха. Он создает творение в первый раз, а затем воссоздает его, чтобы по справедливости вознаградить тех, которые уверовали и совершали праведные деяния. Тем же, которые не уверовали, уготованы напиток из кипятка и мучительные страдания за то, что они не уверовали» (сура Юнус, аят 4);

– «Воистину, Аллах повелевает блюсти справедливость, делать добро и одаривать родственников. Он запрещает мерзости, предосудительные деяния и бесчинства. Он увещевает вас – быть может, вы помяните назидание» (сура ан-Нахль 90).

Справедливость – это та основа, которая объединяет мусульманское общество с момента его зарождения. По утверждению праведного Имама Али, «справедливость – это столп, на котором зиждется мир» («Мизан аль-хикма»). В «Нахдж аль-балага» приводится комментарий Имама Али, в котором он дает толкование кораническому аяту: «Поистине, Аллах повелевает справедливость и благодать» (16:90). Имам Али (а) пояснил: «Здесь «справедливость» означает равенство в распределении благ, а благодать – благодаяние». Сущность справедливости выражено в суре «Йунус» (аят 44): «Воистину, Аллах ни в чем не проявляет несправедливости к людям, но люди сами поступают несправедливо по отношению к себе».

Абу Наср Аль-Фараби говорит: «Справедливость – это прежде всего распределение общих благ, которыми наделяются все жители города, и затем сохранение того, что распределено между ними. Этими благами являются благо-

получие, богатство, почести, положение и прочие блага, которыми они могут быть сопричастны. Ибо каждый горожанин имеет долю этих благ, равную его заслугам, так что когда их у него меньше или больше, то это несправедливость: когда меньше – несправедливость по отношению к нему, а когда больше – несправедливость по отношению к горожанам. Когда произведено распределение и каждому установлена его доля, тогда она должна быть сохранена для него либо тем, что он не выпускает ее из своих рук, либо тем, что если это уж произойдет, то при таких условиях и обстоятельствах, при которых это не нанесет никакого ущерба ни ему, ни городу... То, что возвращается или ему лично, или горожанам. В любом из этих случаев (жителю города) возвращается равноценное, в чем и состоит справедливость, благодаря которой блага, однажды разделенные, сохраняются за горожанами [3, с. 224–225].

Абу Валид Мухаммад бен Рушд в своем трактате «Талхис ас-сияса», как бы адаптируя Платоновскую концепцию идеального государства и Аристотелевскую этику к потребностям мусульманского общества, желает создать теорию такого государства, где будет царить справедливость. Ибн Рушд, развивая тезисы Аристотеля, пишет: «Вообще повсюду причиной возмущений бывает отсутствие равенства, коль скоро ему не соответствует действительное неравенство, ведь и пожизненная царская власть есть неравенство, если она имеется среди равных. И возмущения поднимаются вообще ради достижения равенства» [4, с. 528]; «государственным благом является справедливость, то есть то, что служит общей пользе. По общему представлению, справедливость есть некое равенство» [4, с. 467], – последовательно доказывает равенство мужчины и женщины, защищая ее свободу и предоставляя ей неотъемлемый статус в обществе, отстаивает ее общественные, политические и законные права, что делает его достойным сподвижником всех сторонников защиты прав женщин и в наш современный век.

Ал-Газали рассматривает проблематику справедливости в связи с проблемами вреда, равенства, благоденствия, ущербного и совершенного, середины или умеренности, довольства, намерения. Ал-Газали утверждает абсолютную неограниченность воли Бога – Творца всех человеческих поступков и признает лишь относительную свободу воли человека, сводящуюся к «присвоению» сотворен-

ного Богом (способность человека к присвоению носит характер принуждения или вынужденности, поскольку и она творилась Богом). Яхйа б. Ади подчеркивает естественный характер справедливости как данной от природы, а Насир ад-Дин ат-Туси – искусственный, приобретенный в процессе воспитания. Мискавейх же рассматривает добродетель справедливости как склад души. Справедливость тождественна умеренности, середине между избытком и недостатком, равновесию.

Следует отметить, что основатель Пакистанского философского конгресса, составитель и ответственный редактор авторитетной двухтомной «Истории мусульманской философии» М.М. Шариф рассматривает справедливость как специфическую для мусульманской религии этическую ценность. «У древних греков, – пишет он, – основной ценностью считался разум, у буддистов – самоконтроль, у христиан – любовь, в исламе – справедливость, в современном западном обществе таковой выступает власть над природой».

А.А. Игнатенко свою работу «Зенит исламской мысли» посвящает исследованию социально-политических идей арабо-мусульманских философов IX–XII веков, ориентированных на поиск путей достижения счастья. В связи с этим рассматривается справедливость как один из способов достижения счастья в Добродетельном Граде ал-Фараби, Справедливом Граде Ибн Сины (980-1037). По мнению автора, город, в котором царит истинная справедливость, дает человеку счастье. Однако автор признает, что такой город – всего лишь «идеальное человеческое объединение, какого нет в действительности» [5, с. 162–165].

Одной из тенденций сегодняшнего дня является изменение предмета справедливости. Так, Н. Фрэнгер, например, полагает, что можно наблюдать постепенный переход от «справедливости распределения к справедливости признания». Этот переход означает, что наиболее актуальными становятся отнюдь не социальные проблемы распределения обществом ограниченного количества благ между подозрительными и завистливыми индивидами, но проблемы признания достоинства и самого права на существование групп, в том числе и маргинальных, будь то национальные или сексуальные меньшинства, женщины или цветные люди, пенсионеры или инвалиды. Этот переход означает также переход от языка полити-

ческой экономии, которым говорила предшествующая политическая философия, к языку культуры. Иначе говоря, проследивается переход от интереса к распределению материальных благ к интересу в воздаянии благами духовными и прежде всего признание права на достоинство [6, с. 89].

В Коране Всевышний говорит: «Будьте беспристрастны. Воистину, Аллах любит беспристрастных» (сура «аль Худжурат», «Комнаты», аят 9). Со слов Абу Зарра аль-Гифари: «О рабы Мои, поистине, Я запретил несправедливость Себе и сделал её запретной меж вами, так не притесняйте же друг друга!»

Справедливость – это нравственная правота, основанная на этике, разумности, законности, естественном праве, религии, равенстве и объективности.

В исламе справедливость заключается в том, чтобы каждая вещь занимала предназначенное для нее место (Рагиб Асфохани. Аль-Муфрадат фи гариб аль-Куран). Она также заключается в том, чтобы относиться ко всем одинаково, никого не ущемляя.

Указаний принцип находит свое закрепление во многих правовых нормах прошлого и настоящего, например в уложении Тимура один из принципов гласил: «Действую по совести и справедливости, убоготорял рабов Божьих. Простирал милость свою как над провинившимися, так и над бедными; вершил суд по справедливости... Притесняемого вызволял из-под гнета тирана. Доказав вещественный урон и телесный вред, причиненный притеснителями, гласно вершил над ними суд по шариату и вину одного не перекладывал на плечи другого... [7, с. 1].

Ислам не поддерживает идею абсолютного равенства людей, так как по природе своей люди отличаются друг от друга и телесно, и душевно. Они имеют неравную силу и неодинаковое здоровье, получают разное воспитание и образование.

Все люди равны только перед Аллахом и пользуются правом на человеческое достоинство и прочими правами. Неравенство в любых сферах жизни должны регулироваться так, чтобы не ущемлялись ни индивидуальные, ни коллективные права членов общества.

Ислам рассматривает справедливость в контексте взаимоотношений индивида с Аллахом, между окружающим миром и самим собой. Человек имеет права и обязанности, соразмерные с его возможностями и соответствующие Боже-

ственной мудрости: «Аллах не возлагает на человека сверх его возможностей» (сура 2 «Корова», аят 286).

И в этом проявляется проблема соотношения справедливости и равенства. И подтверждается научная мысль, которая понимает справедливость как правовое равенство и требование в соблюдении равенства для достижения справедливости [8, с. 258–268].

В связи с этим показательным примером достижение справедливости через обеспечение равенства может быть осуществлено решением Федерального Конституционного суда Германии от 24 сентября 2013 г. № 2 BvR 1436/02 так называемое «дело о платке». В данном решении Суд отмечает: «Значение платка, который носят мусульманки, воспринимается совершенно по-разному. Он может быть знаком религиозно мотивированных форм одежды, воспринимаемых как обязательные, а также традицией общества происхождения. В последнее время в нем все чаще усматривается политический символ исламского фундаментализма. Однако значение платка нельзя сводить к символу общественного угнетения женщины. Молодые женщины – мусульманки и по своей воле выбирают платок, чтобы вести самостоятельную жизнь, не разрывая при этом связь со своей культурой. Запрет на ношение платка в государственных школах может как элемент законодательного регулирования соотношения государства и религии в системе школьного образования допустимым образом ограничить свободу вероисповедания. Данное предположение соответствует ст. 9 ЕКПЧ [9, с. 270–272].

Выводы. Справедливость является одной и важнейших ценностей Корана. С точки зрения того, что равенство в исламе не есть абсолютным, мы чаще всего, когда говорим о справедливости в исламе, говорим о социальной справедливости. И если сегодня все больше и больше ученых склоняются к пониманию справедливости как признания духовных благ (культурного многообразия), а не правильного распределения материальных благ, то ислам об этих вещах говорил со времен своего зарождения.

Исламская формула справедливости, которая закреплена в суре ан-Наси, аят 135, гласит: «О те, которые уверовали! Свидетельствуя перед Аллахом, отстаивайте справедливость, если даже свидетельство будет против вас самих, или против родителей, или против близких родственников. Будет ли он богатым или

неимущим, Аллах ближе к ним обоим. Не потакайте желаниям, чтобы не отступить от справедливости. Если же вы скривите или уклонитесь, то ведь Аллах ведает о том, что вы совершаете». Коран предписывает каждый день поступать правоверному мусульманину справедливо, и мера этой справедливости – равенство, но не абсолютное, а то, которое закреплено в Коране и охраняется им. Сура ан-Наси (аят 135) утверждает своеобразный критерий эффективного поведения членов уммы, исполняя который мусульманин воплощает предписания Корана в свою повседневную жизнь, тем самым живет по шариату.

Список использованной литературы:

1. Энциклика Верховного Понтифика Франциска «О заботе об общем доме». URL: http://sib-catholic.ru/wp-content/uploads/2015/10/Laudato_si.pdf
2. Коран / Пер. И.Ю. Крачковского, Москва, 1998.
3. Аль Фараби, «Афоризмы государственного деятеля». Социально-этические трактаты. Алма-Аты, 1978.
4. Аристотель. Сочинения: в 4-х т. М., 1984. Т. 4.
5. Игнатенко А.А. Зенит исламской мысли, М., 2015. Т. 2.
6. Кашников Б.Н. Концепция общей справедливости Аристотеля: опыт реконструкции. URL: <https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/em/em2/6.pdf>
7. Уложение Тимура. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/rus5/Ulozenie/frametext1.htm>
8. Иконниковой Г.И., Лешенко В.П. Философия права. М., 2015.
9. Избранные решения Федерального Конституционного суда Германии. М., 2015.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Вольвак Александр Николаевич – адвокат, юрист Высшей квалификационно-дисциплинарной комиссии адвокатуры

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Volvak Aleksandr Nikolayevich – Attorney at Law, Lawyer of Higher Qualification and Disciplinary Bar Commission of Ukraine

avolvak@email.ua

УДК 349.6:347.1

МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ СВЯЗИ ПРИРОДОРЕСУРСНОГО И ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Марина ДЕЙНЕГА,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры аграрного, земельного и экологического права
имени академика В.З. Янчука

Национального университета биоресурсов и природопользования Украины

АННОТАЦИЯ

В статье исследуются межотраслевые связи природоресурсного и гражданского права, то есть отношения взаимной зависимости, обусловленности и общности между правовыми нормами различной правовой отраслевой принадлежности. Проанализированы научные подходы к поднятой проблеме, а также нормы природоресурсного и гражданского законодательства. Установлено, что природоресурсное и гражданское законодательство пересекаются в части имущественных отношений, возникающих в сфере использования природных ресурсов, прежде всего в части приобретения прав на природные ресурсы на основании гражданско-правовых сделок и применения гражданско-правовой ответственности за нарушение природоресурсного законодательства. При этом природоресурсное законодательство является специальным по отношению к гражданскому законодательству.

Ключевые слова: межотраслевые связи, природоресурсное право, гражданское право, природопользование, использование природных ресурсов.

INTER-BRANCHES OF NATURAL RESOURCES LAW AND CIVIL LAW

Marina DEYNEGA,

Candidate of Law Sciences, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Agricultural,
Land and Environmental Law named after Academician V.Z. Yanchuk
of the National University of Life and Environmental Sciences of Ukraine

SUMMARY

The article explores inter-branch relations of natural resource and civil law, relations of mutual dependence, conditionality and commonality between the legal norms of various legal sectoral affiliations. It is analyzed scientific approaches to the problem raised, as well as the norms of natural resource and civil legislation. It is established that the natural and civil legislation intersects in the part of property relations arising in the sphere of the use of natural resources, first of all, in the acquisition of rights to natural resources on the basis of civil transactions and the application of civil liability for violation of environmental resources legislation. At the same time, natural resource legislation is special in relation to civil legislation.

Key words: inter-branch relations, natural resource law, civil law, nature management, use of natural resources.

Постановка проблемы. Все отрасли права признаются составляющими единой системы права Украины, а соответственно, не могут существовать полностью автономно друг от друга, они взаимодействуют между собой и взаимно влияют друг на друга. Место соответствующей отрасли права в системе права Украины в значительной степени определяется способностью правовых норм различной отраслевой

принадлежности создавать межотраслевые связи.

Установление межотраслевых связей и одновременно разграничение сфер действия природоресурсного и гражданского права и законодательства в настоящее время является одной из самых острых проблем, что связано, с одной стороны, с экологизацией всех отраслей права, а с другой – подчинением положениям гражданского

законодательства отношений в сфере использования природных ресурсов, включенных в гражданский оборот.

Состояние исследования. Проблемы соотношения норм природоресурсного и гражданского права – предмет исследования отечественных и зарубежных ученых как в сфере природоресурсного, экологического права, так и гражданского, в частности таких ученых, как В.И. Андрейцева, М.М. Бринчука, Д.Н. Горшунова, И.А. Иконичкой, И.Б. Калинина, И.И. Каракаша, В.Л. Мунтяна, П.Ф. Кулинич, В.В. Петрова, В.Д. Сидор, Н.И. Титовой, М.Ю. Чельшева, М.В. Шульги и других ученых. Однако отдельные аспекты поднятой проблематики остаются малоисследованными.

Цель и задача статьи – анализ межотраслевых связей природоресурсного и гражданского права, характеристика отношений взаимной зависимости, обусловленности и общности между правовыми нормами различной правовой отраслевой принадлежности, исследование научных подходов к поднятой проблеме, а также норм природоресурсного и гражданского законодательства.

Изложение основного материала. Межотраслевые связи в праве – это отношения взаимной зависимости, обусловленности и общности между различными правовыми отраслями, включая их отдельные части. Это системные связи многоуровневого характера между правовыми нормами различной правовой отраслевой принадлежности [1, с. 8].

Межотраслевые связи разделяют на две группы в зависимости от того, отражены они в законе или нет. Фиксация системных связей в тексте закона требует их обязательного отражения в правоприменительном акте, в то время как другие связи, в зависимости от конкретных обстоятельств, могут указываться в процессе правоприменения, а могут лишь подразумеваться [2, с. 28–29]. Действительно, такое разделение имеет не только чисто теоретическое, но и практическое значение. Ведь динамичное развитие общественных отношений и правовой системы не может предусмотреть все возможные жизненные ситуации. В юридической литературе высказывается также мнение о том, что именно норма права выступает в роли уровня взаимодействия различных отраслей права [3, с. 48].

Примером проявления межотраслевых связей гражданского права являются прямые и косвенные ссылки на гражданско-правовые нормы, содержащиеся в соответствующих нормативно-правовых актах других отраслей права, и, наоборот, в гражданско-правовых нормах – на нормы других отраслей права. Так, в ч. 1 ст. 9 Гражданского кодекса (далее – ГК Украины) непосредственно предусмотрена возможность применения норм ГК Украины для урегулирования отношений, возникающих в сфере использования природных ресурсов и охраны окружающей среды, если они не урегулированы другими актами законодательства. Ст. 131 Земельного кодекса (далее – ЗК Украины) определено, что заключение гражданско-правовых сделок по приобретению права собственности на земельные участки осуществляется в соответствии с ГК Украины с учетом требований ЗК Украины.

Как можно заметить из предмета правового регулирования обеих отраслей, природоресурсное и гражданское законодательство пересекаются в части имущественных отношений, возникающих в сфере использования природных ресурсов, прежде всего в части приобретения прав на природные ресурсы на основании гражданско-правовых сделок (ст. ст. 79-1, 81, 102-1, 131, 132 ЗК Украины, ст. 23 Лесного кодекса (далее – ЛК Украины) и так далее) и применения гражданско-правовой ответственности за нарушение природоресурсного законодательства (ст. 211 ЗК Украины, ст. 105 ЛК Украины, ст. 110 Водного кодекса (далее – ВК Украины) и так далее).

Эта сфера отношений имеет комплексный характер и подвергается совместному воздействию природоресурсных и гражданско-правовых норм. И это не случайно и не удивительно. Определенная сфера общественных отношений испытывает правовое воздействие разноотраслевых норм в силу взаимосвязанности общественных отношений. Правовое регулирование таких общественных отношений осуществляется не только специальными нормами, содержащимися в природоресурсном законодательстве, в Земельном, Водном, Лесном кодексах, но и нормами гражданского права.

Форма и содержание взаимосвязи норм природоресурсного и гражданского законодательства менялись в силу различных факторов и в связи с потребностями развития общества. Например, стоит напомнить, что исторически земельные отношения выносились из сферы гражданского законодательства. Так, ст. 53 ГК УССР от 16 декабря 1922 г. исключала из числа объектов права собственности землю, недра, леса, воды и другие природные ресурсы. Правовой режим земель регулировался специальным кодексом – ЗК УССР от 29 ноября 1922 г. Принятые в 1961 г. Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик в ст. 2 отмечали, что земельные отношения регулируются земельным законодательством. Аналогичная норма содержалась и в ст. 2 ГК УССР 1963 г. [4, с. 7].

Особый смысл природоресурсные и гражданские отношения приобрели в условиях перехода к рыночным основам хозяйствования, когда определенная часть земельных ресурсов была включена в сферу имущественного оборота, законодательно признаны арендные и концессионные основы использования природных ресурсов, в сферу хозяйственной деятельности внедрились ипотечные отношения, значительно расширены договорные формы природопользования и тому подобное. Поэтому в ГК Украины 2003 г. были включены не только отдельные правовые нормы, но и соответствующие разделы с природоресурсным содержанием. Кроме того, В.Л. Мунтян отмечал, что в настоящее время усиливается тенденция отхода от принципа приоритетности земельного законодательства в регулировании земельных отношений и расширение применения к этим отношениям гражданско-правовых норм [5, с. 363]. Поглощение земельного законодательства гражданским обосновывается, прежде всего, тем, что в зарубежных странах земельные отношения в условиях рынка регулируются гражданским законодательством.

Однако принятый ГК Украины 2003 г. является по отношению к ЗК Украины 2001 г. кодексом общего характера, закрепляет основные принципы имущественных отношений. ЗК Украины в своей основе является

специальным кодексом, который, используя общие принципы гражданского законодательства (ст. 3 ГК Украины) и специализируя их, регламентирует широкую сферу современных земельных отношений. Так, И.А. Иконичка обоснованно считает, что нормы гражданского права по отношению к регулированию земельных отношений имеют общий характер, а в земельном законодательстве должна найти отражение специфика правового регулирования земельных отношений, вытекающая из того факта, что земля является не только объектом недвижимости, но и важнейшим природным ресурсом [6, с. 29]. При этом, регулируя имущественные отношения, гражданское законодательство не в состоянии отразить и учесть всю специфику природоресурсных отношений (оно и не ставит такую задачу), поэтому оно определяет лишь общие требования к порядку заключения сделок с недвижимостью, форме договора и условий их действительности, способствуя тем самым унификации имущественных и договорных отношений в сфере природопользования [7, с. 146].

Гражданское законодательство Украины содержит как общие нормы, регулирующие все имущественные отношения независимо от их объекта и которые могут быть применены также к природоресурсным отношениям, так и нормы, непосредственно касающиеся имущественных отношений, объектом которых является природный ресурс. Ст. 1 ГК Украины определено, что гражданским законодательством Украины регулируются личные неимущественные и имущественные отношения (гражданские отношения), основанные на юридическом равенстве, свободном волеизъявлении, имущественной самостоятельности их участников. При этом глава 27 ГК Украины «Право собственности на землю (земельный участок)» характеризует особенности земли (земельного участка) как объекта права собственности, определяет субъектов права собственности на землю (земельный участок), устанавливает право собственника на застройку земельного участка, регламентирует последствия самовольного строительства, определяет право на земельный участок в случае приобретения права собственности на жилой дом, здание или сооружение, рас-

положенные на ней, регулирует основания прекращения права собственности на земельный участок. В главе 32 «Право пользования чужим имуществом» определено содержание и порядок установления земельного сервитута, в главе 33 – особенности права пользования чужим земельным участком для сельскохозяйственных нужд, а в главе 34 – право пользования чужим земельным участком для застройки.

Однако, как справедливо отмечает М.В. Шульга, правовое регулирование земельных отношений не может быть полностью сосредоточено в пределах ГК Украины, поскольку это специфическая и широкая сфера общественных отношений. Объединяющим элементом этих отношений является то, что их материальным объектом выступает земля. Она может находиться в собственности, пользовании, выступать объектом сделок. Но во всех случаях, даже как объект недвижимого имущества, земля не подпадает полностью под гражданско-правовое регулирование, а всегда сохраняет свою специфику [8, с. 124].

При этом Н.И. Титова обращала внимание на то, что земля не может рассматриваться как объект имущественного характера. Ст. 190 ГК Украины предусмотрено, что имуществом как особым объектом считается отдельная вещь, совокупность вещей, а также имущественные права и обязанности. В свою очередь, вещью является предмет материального мира, относительно которого могут возникать гражданские права и обязанности (ст. 179 ГК Украины). Такая «цивилистическая арифметика» не подходит к пониманию земель. Во-первых, она не учитывает их естественную специфику и чрезвычайную общесоциальную ценность. Во-вторых, материальная вещественная собственность создается трудом людей, а значит, имеет балансовую стоимость, что не характерно для земель. В-третьих, земли не поддаются под их количественное измерение: они исчисляются не в арифметически-количественных единицах, а в гектарах – специфическом измерении их площадей [4, с. 8].

В.И. Андрейцев отмечает, что земля, как и другие природные ресурсы, имеет биологическую и экологическую, а также материально-правовую

природу, а не имущественный, вещный характер, которые могут быть отнесены к общей категории недвижимости, но не в том смысле, как это определено ГК Украины, поскольку это может привести к искусственным изменениям их физической и правовой природы и соответствующего правового режима [9, с. 240].

Земля, прежде всего, является природным объектом, составляющей окружающей природной среды, а затем уже предметом гражданского оборота или недвижимым имуществом [10, с. 108]. Даже в качестве объекта недвижимого имущества земля, как и другие природные ресурсы, как отмечает П.Ф. Кулинич, полностью не подпадает под гражданско-правовое регулирование. Она всегда сохраняет свою специфику. Тем более земельно-правовая доктрина основывается на том, что земля характеризуется такой совокупностью специфических черт и присущих ей особенностей, которые выводят ее за рамки обычных представлений об имуществе и вещи. Земля не является обычным товаром в традиционном понимании – она выступает прежде всего как уникальный природный ресурс, поэтому чисто цивилистический подход к урегулированию и регламентации правовыми средствами общественных отношений, возникающих по земле, не является приемлемым [11, с. 23–24].

Безусловно, природные ресурсы отличаются от объектов гражданско-правового регулирования рядом черт и свойств. В частности, природные ресурсы создаются не человеком, а самой природой, поэтому процесс распространения на них гражданских прав и формирования при этом определенного вида общественных отношений носит сложный и неоднозначный характер. Некоторые ученые указывают даже на то, что само происхождение природных ресурсов является основанием для сомнений в необходимости, возможности, допустимости, а главное – в социальной справедливости установления гражданских прав на природные богатства [12, с. 155]. Поскольку природные ресурсы не созданы трудом и усилиями человека или с помощью материальных затрат. Они могут благоприятно существовать и успешно функционировать без участия и усилий со стороны общества.

Особые черты природных ресурсов проявляются, в частности, и в том, что, в отличие от других материальных благ, они характеризуются, прежде всего, по натуральным показателям и лишь в некоторых случаях – по стоимости (например, денежная оценка земельного участка). Проблема стоимости природных ресурсов является наиболее спорной в экономической и правовой литературе. Большинство исследователей признает тот факт, что природные ресурсы не имеют реальной стоимости и в строго экономическом смысле не могут быть товаром [13, с. 76].

И.Б. Калинин утверждает, что характер природоресурсной и экономической ренты неодинаков. Рента (как доход, получаемый без затрат труда) может быть получена не только в результате использования природных ресурсов, но и в процессе другой экономической деятельности. Отношения, связанные с возникновением, оборотом экономической ренты, регулируются гражданским законодательством. В отличие от экономической, природная рента обусловлена существованием природных ресурсов, без использования которых общество существовать не может. Принципиальное отличие экономической ренты от природной заключается в том, что первая возникает в результате производства и оборота товаров и услуг, созданных трудом человека [14, с. 69]. Тем не менее, окончательный переход к принципу платности специального природопользования, установленного в законодательном порядке по всем видам природных ресурсов, и постепенное вовлечение природных ресурсов в товарно-материальной оборот существенно изменили устоявшиеся взгляды на указанный признак природных ресурсов [15, с. 14]. Кроме того, развитие законодательства свидетельствует о том, что в перспективе отдельные природные ресурсы могут приобрести полноценные признаки товаров, и тогда рядом с экономической и денежной оценкой сформируется рыночная цена на них как на товар.

Поскольку природные ресурсы являются природными комплексами, нарушение связей между составляющими их элементами влечет за собой часто труднопредсказуемые последствия. В ряде же случаев ущерб, нанесенный экосистемам, может быть со-

всем непоправимым [16, с. 39]. В связи с этим правовое регулирование имущественной ответственности за вред, причиненный природным ресурсам, определяется порядком и размерами его возмещения имеет определенные особенности.

Отношения по возмещению вреда природной среде выражают различные виды компенсационной ответственности. Основные ее принципы сформулированы в гражданском законодательстве, ибо они призваны регулировать имущественные отношения. В то же время они имеют применительно к природе свои характерные особенности. Прежде всего, потому, что природа – это не имущество, хотя к ней в определенных пределах применяются денежные оценки [17, с. 339]. Например, размер причиненного вреда определяется одним из приведенных методов: по фактическим затратам на восстановление поврежденных или уничтоженных ресурсов; в соответствии с утвержденными методиками подсчета ущерба; по утвержденным таксам исчисления причиненного вреда; по использованию сочетания указанных выше методов.

Природные ресурсы являются единственным источником получения человеком материальных благ. Будучи ограниченными по объему и в значительной степени невозобновляемыми, они должны использоваться крайне бережно и рационально с тем, чтобы в максимальной степени обеспечить потребности людей в соответствующих видах сырья, материалов и тому подобного [16, с. 40]. Из этого следует, что государство обязано планировать, контролировать процесс использования природных ресурсов, в определенной степени ограничивая полномочия владельца. Данный подход обусловлен и тем, что природные ресурсы представляют собой совокупность элементов окружающей природной среды, а их экологическое состояние влияет (положительно или отрицательно) на условия проживания человека. В Конституции Украины, ГК Украины и поресурсовых нормативно-правовых актах установлено, что владение, пользование и распоряжение природными ресурсами в той мере, в какой их оборот допускается законодательством, осуществляется их собственниками

свободно, если это не наносит ущерба окружающей естественной среде и не нарушает прав и интересов других лиц.

Особенности приобретения и реализации гражданских прав на природные ресурсы определяются и другими признаками, которые свойственны природным ресурсам.

Безусловно, природоресурсные отношения, имеющие экономическое содержание, всегда были связаны с имущественными отношениями. Природные ресурсы и другие природные богатства были и остаются естественным базисом для удовлетворения материальных потребностей [18, с. 16]. На этом основывается взаимодействие природоресурсного права с гражданским правом.

Сейчас природоресурсные отношения регулируются как нормами природоресурсного, так и гражданского права. Их связь проявляется в тесном переплетении природоресурсных и имущественных отношений, обусловленном связью права на природные ресурсы с правом на имущество, которое находится, например, на земельном участке, в определении субъектов права собственности на природные ресурсы, в регулировании договорных отношений, в возмещении убытков, причиненных правонарушениями, в судебной защите прав и тому подобное [6, с. 58]. В такой ситуации следует не только в научном, но и практическом применении найти нишу для природоресурсного и гражданского законодательства в целостной системе регулирования природоресурсных отношений.

Однако элементы сходства природоресурсных и имущественных отношений не дают оснований для их отождествления. Между природоресурсными и имущественными отношениями существуют значительные различия, которые позволяют считать их разнородными отношениями. Во-первых, природоресурсные отношения существуют только при наличии природных ресурсов без отделения их от природной среды. Так, добытые полезные ископаемые, срубленная древесина, выловленная рыба и тому подобное не являются объектами природоресурсных отношений, поскольку они отделены от среды, стали имущественными объектами и перешли в сферу отноше-

ний, регулируемых гражданским правом [18, с. 16]. Во-вторых, природоресурсные отношения складываются по поводу объектов природного происхождения, поэтому правовое регулирование этих отношений ограничивается закономерностями функционирования природы. Имущественные отношения имеют социально-экономическое происхождение, поэтому правовое воздействие на их возникновение и прекращение зависит только от форм и средств урегулирования общественных отношений. В-третьих, правовой режим использования природных ресурсов содержит значительное количество императивных предписаний, выполнение которых является обязательным. Для регулирования имущественных отношений императивные нормы непригодны, а те из них, которые содержатся в гражданском законодательстве, являются исключением из общего правила [18, с. 17].

Выводы. Нормы гражданского права регулируют отношения по гражданско-правовому обороту природных ресурсов, извлечённых из окружающей природной среды, а также ряд отношений, возникающих в ходе природопользования. Природоресурсное законодательство является специальным по отношению к гражданскому законодательству. Нормы природоресурсного и гражданского законодательства устанавливают, что имущественные отношения, возникающие при использовании природных ресурсов, регулируются гражданским законодательством, если иное не предусмотрено природоресурсным законом. В других случаях применение гражданского законодательства допускается, если на это прямо указано в законе. Земельное, водное, лесное и иное поресурсовое законодательство допускают возможность применения норм гражданского права для регулирования отношений, возникающих в процессе использования природных ресурсов. Однако условия и границы их применения устанавливаются природоресурсным законодательством. Нормативное определение сферы применения гражданского права для регулирования природоресурсных отношений приводит к чёткому разделению предметов гражданского и природоресурсного права.

На этом основании сегодня следует говорить только о рецепции (отражение, вписывание) норм гражданского права в природоресурсное и поресурсовые отрасли права. Иной роли гражданское право в области регулирования природоресурсных отношений не играет, ибо это не является предметом его регулирования.

При этом ученые отмечают, что признание такой правовой конструкции без ее закрепления в законодательстве остается только «добрым пожеланием». Изменить такую ситуацию возможно только признанием и законодательным закреплением освобождения гражданского права от норм, предназначенных для регулирования природоресурсных отношений [19, с. 123].

Список использованной литературы:

1. Чельшев М.Ю. Система межотраслевых связей гражданского права: цивилистическое исследование: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2009. 42 с.
2. Пикуров Н.И. Теоретические проблемы межотраслевых связей уголовного права: автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. Волгоград, 1998. 40 с.
3. Горшунов Д.Н. Интерес в частном праве: вопросы теории: монография. Казань: Казан. ун-т им. Б.И. Ульянова-Ленина, 2005. 176 с.
4. Титова Н.І. Про співвідношення Земельного і Цивільного кодексів України. Забезпечення законності у сфері земельних правовідносин: тези доповідей, виступів, повідомлень на міжвуз. наук.-практ. конф. Львів, 2003. С. 6–9.
5. Мунтян В.Л. Деякі актуальні проблеми правового регулювання земельних відносин в Україні. Розвиток наук земельного, аграрного, екологічного та природоресурсного права: зб. наук. пр. Круглого столу (19 жовтня 2012 р.) / За ред. Г.І. Балюк, М.В. Краснової, А.М. Мірошніченка, В.В. Носіка. К., 2012. С. 348–369.
6. Иконичкая И.А. Земельное право Российской Федерации: теория и тенденции развития. М., 1999. 127 с.
7. Можарова Н.Г. О соотношении норм гражданского и экологического права. Вестник Чувашского университета. 2013. № 4. С. 141–146.

8. Шульга М.В. Співвідношення земельно-правових та цивільно-правових приписів при регулюванні земельних відносин: стан та перспективи. Вісник Академії правових наук України. 2004. № 1. С. 115–124.

9. Андрейцев В.І. Екологічне право і законодавство суверенної України: проблеми реалізації державної екологічної політики: монографія. Донецьк: Національний гірничий університет, 2011. 373 с.

10. Сидор В.Д. Земельне і цивільне законодавство: проблеми взаємодії. Право і суспільство. 2011. № 1. С. 106–110.

11. Кулинич П.Ф. Право власності на землю: нові підходи до визначення змісту. Право України. 2009. № 9. С. 22–29.

12. Бринчук М.М. Право собственности на природу: проблемы теории. Актуальные проблемы государства и права: труды Института государства и права РАН. 2011. № 4. С. 152–158.

13. Каракаш І.І. Право власності на природні об'єкти та їх ресурси в Україні: монографія. Одеса: Юридична література, 2017. 438 с.

14. Калинин И.Б. Природоресурсное право: учеб. пособие. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. 350 с.

15. Комарницький В.М. Право спеціального природокористування: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. К., 2012. 36 с.

16. Соболев И.А. Институт права собственности на природные ресурсы: проблемы формирования в российском праве. Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. № 4 (33). 2007. С. 36–42.

17. Петров В.В. Экологическое право России: учебник для вузов. М.: БЕК, 1995. 558 с.

18. Природоресурсове право України: навч. посібник / За ред. І.І. Каракаша. К.: Вид-во «Істина», 2005. 376 с.

19. Яковлев В.Н. Компоненты окружающей природной среды – не «вещи» и не «имущество». Отношения по их использованию и охране – предмет регулирования природоресурсной и экологической отраслей права. Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. 2010. Вып. 3. С. 115–123.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дейнега Марина Андреевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры аграрного, земельного и экологического права имени академика В.З. Янчука Национального университета биоресурсов и природопользования Украины

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Deynega Marina Andreyevna – Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Associate Professor of Department of Agricultural, Land and Environmental Law named after Academician V.Z. Yanchuk of the National University of Life and Environmental Sciences of Ukraine

marinad@meta.ua

УДК 346.5

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРЕКРАЩЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФЕРМЕРСКИХ ХОЗЯЙСТВ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ УКРАИНЫ И МОЛДОВЫ

Мария ДОЛИНСКАЯ,

доктор юридических наук, доцент,
заведующая кафедрой хозяйственно-правовых дисциплин
Львовского государственного университета внутренних дел

АННОТАЦИЯ

В статье проводится теоретическое исследование сравнительного анализа оснований прекращения деятельности фермерских хозяйств в Украине и Республике Молдова. Раскрывается понятие фермерского хозяйства. Рассмотрены законодательные акты, регулирующие фермерскую деятельность. Автором произведен сравнительный анализ лиц, имеющих право на создание фермерских хозяйств в Украине и Молдове. Выявлены общие черты и отличия в правовом регулировании прекращения деятельности фермерских и крестьянских (фермерских) хозяйств в Украине и Республике Молдова. Обосновано, что законодательство Украины, регулирующее прекращение деятельности фермерских хозяйств, имеет неурегулированные вопросы в сфере регулирования банкротства фермерских хозяйств. Исследуются пути усовершенствования законодательства, регулирующего право на прекращения деятельности фермерских хозяйств.

Ключевые слова: фермерское хозяйство, фермер, фермерское законодательство, банкротство фермерского хозяйства.

COMPARATIVE ANALYSIS OF TERMINATION OF FARMING ACTIVITIES UNDER THE LEGISLATION OF UKRAINE AND MOLDOVA

Mariya DOLINSKAYA,

Doctor of Law, Associate Professor,
Head of the Department of Economic and Legal Disciplines
of Lviv State University of Internal Affairs

SUMMARY

The article deals with the theoretical study of the comparative analysis of the grounds for termination of farming activities in Ukraine and the Republic of Moldova. The concept of farming is revealed. The legislative acts regulating farming activities are considered. The author made a comparative analysis of individuals who have the right to establish farms in Ukraine and Moldova. Common features and differences in the legal regulation of the termination of the activities of farms and peasant farms in Ukraine and the Republic of Moldova are described. It is proved that the Ukrainian legislation regulating the termination of farming activities has unresolved issues in the field of regulating the bankruptcy of farms. The ways to improve the legislation regulating the right to stop farming activities are investigated.

Key words: farming, farmer, farming legislation, bankruptcy of farm.

Постановка проблемы. Приоритетность аграрного промышленного комплекса в системе экономических отношений признана во всем мире. Это связано с уникальными природно-биологическими факторами этой отрасли хозяйства, которое использует земли

сельскохозяйственного назначения в качестве основного и незаменимого средства производства.

Нельзя не согласиться с авторитетным мнением М.И. Козыря, что от успешного развития сельского хозяйства зависят обеспечение населения

продовольствием, легкой и пищевой промышленности – сырьем, а в конечном счете – продовольственная безопасность государства [1, с. 15].

К субъектам аграрных правоотношений, в первую очередь, относятся сельскохозяйственные товаропроизводители, то есть физические и юридические лица, осуществляющие производство, переработку и реализацию сельскохозяйственной продукции, а также другие аграрные структуры. Фермерские хозяйства являются наиболее ярко выраженными субъектами аграрного предпринимательства, поскольку главным содержанием их деятельности является производство, переработка и реализация аграрной, в первую очередь сельскохозяйственной, продукции.

В современных экономических условиях насущной необходимостью является расширение производства определенных видов сельскохозяйственной продукции, предназначенных для обеспечения населения продуктами питания. Основными товаропроизводителями, которые остро и быстро реагируют на изменения конъюнктуры сельскохозяйственного рынка и способны немедленно переквалифицироваться, по нашему мнению, являются фермерские хозяйства. От качества и количества выращенной сельскохозяйственной продукции фермерами в определенной степени зависит благополучие и здоровье населения государства.

Стоит отметить, что в последние годы произошли существенные изменения относительно регулирования деятельности фермерских хозяйств в законодательстве Украины.

Защита прав и законных фермерских хозяйств и фермеров, при ликвидации фермерских хозяйств в частности, является одной из важнейших проблем фермерского законодательства как в Украине, так и в Молдове.

Актуальность темы исследования подтверждается тем, что недостаточно произведено исследований относительно сравнительного анализа норм украинского и молдавского фермерского законодательства. Следует отметить, что законодательство Украины постоянно меняется, в том числе относительно регулирования фермерской деятельности. Например, произошло расширение видов фермерских хо-

зяйств. Существование значительного количества дискуссионных проблем относительно прекращения деятельности фермерских хозяйств, необходимость усовершенствования законодательства относительно правового регулирования банкротства фермерских хозяйств – всё это также предопределяет актуальность статьи.

Состояние исследования. Молдавские и украинские ученые уделяют должное внимание изучению фермерского законодательства. Анализ правового статуса фермерских хозяйств Украины провели такие ученые: Н.О. Багай, М.Я. Вашишин, В.П. Жушман, Т.А. Коваленко, А.Н. Мирошниченко, А.А. Погребной, Т.П. Проценко, В.И. Семчик, Н.И. Титова, М.В. Шульга и многие другие. Однако в основном исследования касались только общих вопросов деятельности фермерских хозяйств и почти отсутствуют исследования, посвященные сравнительному анализу фермерского законодательства Украины и Молдовы.

Целью и задачей статьи является исследование субъектов фермерского законодательства; сравнительный анализ понятия фермерского хозяйства, а также прекращения деятельности таких хозяйств по законодательству Украины и Молдовы.

С помощью сравнительно-правового, диалектического, логического и других методов провести анализ норм действующего законодательства Украины и Молдовы относительно прекращения деятельности фермерских хозяйств.

Изложение основного материала. Как в Украине, так и в Молдове правовое регулирование деятельности фермерских хозяйств осуществляется на законодательном уровне, основная роль в которых принадлежит соответствующим фермерским законам. Например, Закону Украины «О фермерском хозяйстве» [2] от 19 июня 2003 г. № 973-IV, Закону Республики Молдова «О крестьянских (фермерских) хозяйствах» [3] от 3 ноября 2000 г. № 1353.

В соответствии со ст. 1 Закона Украины «О фермерском хозяйстве», фермерское хозяйство является формой предпринимательской деятельности граждан, изъявивших желание производить товарную сельскохозяйственную продукцию, осуществлять

ее переработку и реализацию с целью получения прибыли на земельных участках, предоставленных им в собственность и / или пользование, в том числе в аренду, для ведения фермерского хозяйства, товарного сельскохозяйственного производства, личного крестьянского хозяйства, в соответствии с законом [2]. Обращаем внимание на то, что фермерское хозяйство может быть создано одним гражданином Украины или несколькими гражданами Украины, которые являются родственниками или членами семьи, согласно закону.

Анализируя нормы Закона Украины «О фермерском хозяйстве» в редакции Закона Украины от 31 марта 2016 г. № 1067-VIII «О внесении изменений в Закон Украины «О фермерском хозяйстве» по стимулированию создания и деятельности семейных фермерских хозяйств», приходим к выводу, что в Украине фермерское хозяйство может функционировать в двух формах хозяйственных формирований – как юридическое лицо и физическое лицо-предприниматель [4, с. 394].

Согласно ст. 2 Закона Республики Молдова «О крестьянских (фермерских) хозяйствах», крестьянское хозяйство является индивидуальным предприятием, основанным на частной собственности, на земле сельскохозяйственного назначения (далее – земельные участки), иного имущества и индивидуальном труде членов одной семьи (членов крестьянского хозяйства), осуществляющим производство, первичную переработку и реализацию преимущественно собственной сельскохозяйственной продукции [3]. Учредителем крестьянского хозяйства вправе быть физическое лицо, которое достигло возраста 18 лет, обладает полной дееспособностью, владеет земельным участком по праву частной собственности. То есть молдавское законодательство не выдвигает требования относительно гражданства членов такого хозяйства, хотя и устанавливает определенные ограничения «быть учредителем (членом) только одного крестьянского хозяйства» (ст. 9 Закона) [32].

Таким образом, в отличие от Украины, в Республике Молдова крестьянское (фермерское) хозяйство имеет правовой статус только физического лица.

В последние годы в Украине наблюдается сокращение количества фермерских хозяйств. При этом подчеркиваем, что за 2017 г. количество таких хозяйств увеличилось на 2 %. По нашему мнению, этому способствовало принятие в 2016 г. Закона Украины от 31 марта 2016 г. № 1067-VIII «О внесении изменений в Закон Украины «О фермерском хозяйстве» по стимулированию создания и деятельности семейных фермерских хозяйств».

В ключе статьи уместно заметить, что в разделе X Закона Украины «О фермерском хозяйстве» 2003 г. говорится о прекращении деятельности фермерского хозяйства. Стоит согласиться с мнением профессора Н.И. Титовой, что более точным является положение не о прекращении «деятельности», а о прекращении существования самого хозяйства, поскольку первое может носить временный характер и быть связанным с болезнью, отсутствием на определенный период членов крестьянского (фермерского) хозяйства и другое. Его прекращение должно означать ликвидацию крестьянского (фермерского) хозяйства как юридического лица, субъекта правоотношений [5, с. 31].

Также подобный вывод вытекает из анализа ст. 35 украинского фермерского закона, то есть законодатель рассматривает вопрос о прекращении деятельности фермерского хозяйства только как ликвидацию юридического лица.

Правовые основания и порядок прекращения деятельности украинского фермерского хозяйства предусмотрено в разделе X «Прекращение деятельности фермерского хозяйства» Закона Украины «О фермерском хозяйстве», в частности ст. ст. 35 и 36 указанного нормативного акта. К таким основаниям законодатель относит: 1) реорганизацию фермерского хозяйства; 2) ликвидацию фермерского хозяйства; 3) признание фермерского хозяйства неплатежеспособным (банкротом); 4) если не остается ни одного члена фермерского хозяйства или наследника, желающего продолжить деятельность хозяйства [2].

В Республике Молдова глава VIII «Реорганизация и ликвидация крестьянского хозяйства» Закона «О крестьянских (фермерских) хозяйствах»

состоит из двух статей. В частности, ст. 26 регулирует вопросы реорганизации крестьянского хозяйства, а ст. 27 – ликвидацию указанных хозяйств. Таким образом, основания прекращения деятельности крестьянских (фермерских) хозяйств регулируются двумя отдельными статьями.

Основаниями для ликвидации крестьянского (фермерского) хозяйства в Молдове являются добровольная ликвидация и ликвидация в судебном порядке.

Ликвидация в судебном порядке происходит в следующих случаях: а) нарушены требования ч. 1 ст. 2 или ч. 2 ст. 3, в том числе если ни один из членов хозяйства не обладает правом собственности на землю, – по заявлению одного из членов хозяйства, примэрии или Государственной налоговой службы; б) утрачена его платежеспособность – по заявлению одного из членов хозяйства или кредитора (кредиторов); в) не осталось ни одного члена хозяйства и ни один из наследников членов хозяйства не желает продолжить деятельность хозяйства – по заявлению наследника или примэрии, а также д) в иных случаях, предусмотренных законом [3].

Таким образом, как в Украине, так и в Молдове законодатель в отдельный подпункт выделил особенности ликвидации крестьянского хозяйства в случае его неплатежеспособности, которое происходит в порядке, определенном законодательством о банкротстве.

Анализируя нормы фермерского законодательства обеих стран, приходим к выводу, что в Молдове существуют больше оснований для прекращения крестьянских (фермерских) хозяйств.

Важно отметить, что новый закон Украины «О фермерском хозяйстве» от 19 июня 2003 г. исключил основание прекращения деятельности фермерского хозяйства, которое связано с прекращением права собственности или права пользования земельным участком.

Преимуществами добровольного способа ликвидации фермерского хозяйства, как и остальных сельскохозяйственных товаропроизводителей, является то, что такая ликвидация осуществляется ими самостоятельно – его уставными органами (учредителем – в случае создания хозяйства одним лицом или общим собранием

членов хозяйства, если создан несколькими членами и это предусмотрено их уставом). Кроме того, ликвидация хозяйства в добровольном порядке, как правило, занимает меньше времени, чем принудительная.

Признание фермерского хозяйства в Украине или крестьянского (фермерского) хозяйства в Молдове происходит в соответствии с законодательством о банкротстве. Основания и порядок признания украинского фермерского хозяйства банкротом осуществляется в соответствии с Законом Украины «О восстановлении платежеспособности должника или признании его банкротом» в редакции от 22 декабря 2011 г., в частности ст. 93 «Особенности банкротства фермерского хозяйства».

Мы согласны с Т.И. Коваленко, что при применении обновленного Закона Украины «О фермерском хозяйстве» возникает вопрос о том, какие статьи Закона Украины «О восстановлении платежеспособности должника или признании его банкротом» в редакции от 22 декабря 2011 г. будут регулировать банкротство фермерского хозяйства, созданного в организационно-правовой форме физического лица-предпринимателя – ст. ст. 90–92 (определяющие особенности правового регулирования банкротства физического лица-предпринимателя) или ст. 93 (закрепляет специфику банкротства фермерского хозяйства в организационно-правовой форме юридического лица). По мнению автора, анализ указанных предписаний при применении коллизионного правового положения по приоритетности специальной нормы над общей позволяет сделать вывод о необходимости применения ст. 93 «Особенности банкротства фермерского хозяйства», поскольку она: а) устанавливает особый порядок банкротства специфической организационно-правовой формы субъекта хозяйствования в сфере сельскохозяйственного производства – фермерского хозяйства; б) позволяет учесть специфику сельскохозяйственного производства, в частности его сезонность, при определении сроков санации и тому подобное; в) закрепляет особый порядок наложения взыскания на земельный участок и имущество для ведения фермерского хозяйства; г) получается из семейного характера фермерского хозяйства, оказывается в необходимости

получения согласия всех членов такого хозяйства на инициирование дела о банкротстве председателем фермерского хозяйства [6, с. 33].

Вместе с тем необходимо обратить внимание на то, что в ст. 93 Закона Украины «О восстановлении платежеспособности должника или признании его банкротом» не учтено специфику правового режима имущества фермерского хозяйства, которое создается в организационно-правовой форме физического лица-предпринимателя. Т.И. Коваленко отмечает, что до внесения изменений в указанной статье при определении состава и объема имущества, на которое может быть наложено взыскание в случае банкротства физического лица – фермера, необходимо применять предписания ст. ст. 90–92 Закона Украины «О восстановлении платежеспособности должника или признании его банкротом» [6, с. 33]. Соглашаясь с автором, следует отметить, что данные нормы стоит применять только в случае, если предприниматель (физическое лицо) осуществляет фермерскую деятельность единолично.

Также деятельность фермерского хозяйства прекращается, если не остается ни одного члена хозяйства или наследника, желающего продолжить его деятельность. Это может быть в случае смерти председателя и членов фермерского хозяйства. В случае, когда у них не было наследников по завещанию и по закону, устранению их от права наследования, непринятия ими наследства, а также отказа от их принятия суд признает наследство выморочным по заявлению соответствующего органа местного самоуправления по месту открытия наследства.

Согласно ст. 23 Закона Украины «О фермерском хозяйстве», наследование фермерского хозяйства (целостного имущественного комплекса или его части) осуществляется в соответствии с законом, то есть по закону или по завещанию. Наследниками по закону являются родственники умершего (в зависимости от очереди, которая призывается к наследованию) в равных долях каждый, и возможны случаи, когда они не являются членами этого хозяйства. Законодатель в ч. 2 ст. 23 Фермерского закона предположил, что если фермерское хо-

зяйство наследуется двумя или более наследниками, то земельный участок разделу не подлежит, если в результате разделения образуется хотя бы один земельный участок меньше минимального размера, установленного для данного региона. Если возникает спор по этому вопросу, то он должен быть решен в судебном порядке.

Считаем целесообразным, чтобы в Уставе каждого фермерского хозяйства обязательно был раздел о прекращении деятельности (существовании) фермерского хозяйства, в котором следует предусмотреть порядок распределения его прибылей, оставшиеся после уплаты долгов и тому подобное.

Выводы. Украинское фермерское хозяйство может функционировать в двух организационно-правовых формах: как юридическое лицо и как физическое лицо-предприниматель. В отличие от Украины, в Республике Молдова крестьянское (фермерское) хозяйство имеет правовой статус только физического лица.

Порядок ликвидации фермерского хозяйства или крестьянского (фермерского) хозяйства обеих стран зависит от основания для этого. По общему правилу, основания ликвидации таких хозяйств делятся на добровольные и принудительные (в судебном порядке).

Основания и порядок признания как фермерского, так и крестьянского (фермерского) хозяйства банкротом являются специализированными, исходя из особенностей его сельскохозяйственной деятельности как субъекта аграрных правоотношений.

В Республике Молдова существует больше оснований для ликвидации деятельности крестьянских (фермерских) хозяйств, чем в Украине.

Список использованной литературы:

1. Козырь М.И. Аграрное право России: состояние, проблемы и тенденции развития. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: Инфра, М., 2011. 336 с.
2. Про фермерське господарство: Закон України від 19 червня 2003 р. № 973- IV. Відомості Верховної Ради України. 2003. № 45. Ст. 363.
3. О крестьянских (фермерских) хозяйствах: Закон Республики Мол-

дова от 3 ноября 2000 г. № 1353-XIV. Monitorul Oficial. № 14–15 от 08.02.2001. Ст. 52.

4. Долинська М.С. Новели законодавства щодо створення фермерських господарств України. Вісник Національного університету «Львівська політехніка». Серія: Юридичні науки. 2017. Вип. 865. С. 392–397.

5. Титова Н.І. Фермер і закон. Львів, 1996. 126 с.

6. Коваленко Т.І. Новели законодавства про фермерські господарства: позитивні та негативні аспекти. Юридична Україна. 2016. № 7–8. С. 30–37.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Долинская Мария Степановна – доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой хозяйственно-правовых дисциплин Львовского государственного университета внутренних дел

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Dolinskaya Mariya Stepanovna – Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of Economic and Legal Disciplines of State University of Internal Affairs of Lviv

dolynska_ms@ukr.net

УДК 342.7

СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ ПУБЛИЧНОГО АДМИНИСТРИРОВАНИЯ СФЕРЫ БЕЗОПАСНОСТИ И КАЧЕСТВА ПРОДУКТОВ ПИТАНИЯ УКРАИНЫ И КАНАДЫ

Елена ЗАПОТОЦКАЯ,

кандидат технических наук, докторант
Университета современных знаний

АННОТАЦИЯ

В научной статье автором предоставлено сравнительно-правовой аспект публичного администрирования сферы безопасности и качества продуктов питания Украины и Канады. Особое внимание уделено вопросам устранения проблемы несоответствия современного оборудования государственным стандартам; введения он-лайн сертификации путем обезличивания сертификационного дела; урегулирования порядка и условий возврата бракованной (просроченной) продукции; разработки и внедрения государственных программ помощи операторам рынков; устранения проблемы информационного «голода» по определению новейших передовых технологий определения состояния показателей безопасности и качества пищевых продуктов; необходимость усовершенствования интерфейса и наполнение сайта специального органа в сфере безопасности и качества пищевых продуктов – Государственной службы Украины по вопросам безопасности пищевых продуктов и защиты прав потребителей.

Ключевые слова: пищевые продукты, надзор, документы разрешительного характера, государственная инспекция, надзорное производство.

COMPARATIVE LEGAL ASPECTS OF PUBLIC ADMINISTRATION OF THE SECURITY AND QUALITY OF FOODSTUFFS IN UKRAINE AND CANADA

Elena ZAPOTOTSKAYA,

Candidate of Technical Sciences, Doctoral Student
of the University of Modern Knowledge

SUMMARY

In this scientific article the author presents a comparative legal aspect of public administration in the sphere of safety and quality of food products of Ukraine and Canada. Particular attention is paid to the issues of eliminating the problem of inconsistency of modern equipment with state standards; the introduction of online certification through the depersonalization of the certification case; settlement of the order and conditions for the return of defective (overdue) products; development and implementation of government programs to assist market operators; elimination of the problem of information “hunger” by definition of the newest advanced technologies for determining the state of food safety indicators and quality; the need for improving the interface and filling the site of a special body in the field of food safety and quality – the State Service of Ukraine on Food Safety and Consumer Protection.

Key words: food products, supervision, documents of permissive character, state inspection, supervisory proceedings.

Постановка проблемы. Адаптация украинского законодательства к стандартам Европейского Союза осуществляется путем: развития законодательства Украины в направлении его приближения к законодательству Европейского Союза и обеспечения высокого уровня подготовки в Украине проектов законов и других нормативно-правовых актов; создания правовой базы для интеграции Украины в Европейский Союз; создания на законодательном уровне общегосударственного механизма адаптации законодательства, который определял бы цели и сферы, этапы адаптации законодательства, составными элементами которого должно быть финансовое, информационное, научное и кадровое обеспечение; обеспе-

чения системности и согласованности в работе органов государственной власти при осуществлении мероприятий по адаптации законодательства и тому подобное. Одним из векторов данного процесса является и законодательство Украины, которое регулирует отношения в сфере обеспечения соблюдения требований безопасности и качества пищевых продуктов. Движущим шагом, который сделала Украина в этом направлении, стало введение в сфере обеспечения безопасности и качества пищевых продуктов системы анализа опасных факторов и контроля в критических точках (НАССР).

Актуальность темы исследования продиктована необходимостью усовершенствования публичного адми-

нистрирования в сфере безопасности и качества пищевой продукции.

Состояние исследования. Научный анализ проблем публичного администрирования в сфере безопасности и качества пищевой продукции осуществляется многими отечественными учеными. Среди них следует назвать Д.Ф. Крисанова, О.М. Шмалый и других ученых.

Целью и задачей статьи является исследование направлений усовершенствования публичного администрирования в сфере безопасности и качества пищевой продукции.

Изложение основного материала. НАССР представляет собой общие правила гигиены пищевых продуктов, а также способы подтверждения соблю-

дения указанных правил. Данные правила введены в действие Директивой Совета 93/43 / ЕЕС от 14 июля 1993 г. «О гигиене пищевых продуктов» [1; 2]. Эта Директива не противоречит положениям, принятым в рамках конкретных правил Сообщества относительно гигиены пищевых продуктов. В течение трех лет после принятия Директивы Комиссия изучает связи между конкретными правилами Сообщества относительно гигиены пищевых продуктов и правилами этой Директивы, в случае необходимости она вносит соответствующие предложения. Впрочем, следует отметить, что внедрение принципов данной системы на сегодняшний день в Украине не завершилось, до сегодняшнего дня на всех предприятиях сферы данный процесс продолжается. Ведь желание операторов рынка получить знак соответствия принципам НАССР огромное, однако отсутствие надлежащего оборудования, недостаточность средств на переоборудование, недостаточность соответствующего квалифицированного персонала не дают возможность каждому оператору рынка получить соответствующее признание.

Впрочем, следует отметить, что не совсем правильным будет говорить об ориентации на зарубежный опыт относительно имплементации в сфере безопасности и качества пищевых продуктов. Ведь в данном случае следует сказать, что исследуемая сфера является особой сферой как жизнедеятельности населения, так и отраслью экономики страны в целом. В то же время не стоит забывать, что Украина относится к так называемым аграрным странам, которые соответствующим образом направляют свое развитие с учетом данной особенности. В данном случае считаем необходимым привести мнение таких административистов, как Т.А. Коломеец, И.А. Сквирский и А.М. Школык, которые отмечают, что международный опыт и, соответственно, его имплементация должны заимствоваться с учетом ряда критериев: логичность и последовательность той или иной зарубежной модели; достаточный период эффективного функционирования модели в определенном государстве; отсутствие исторической или идеологической обусловленности соответствующей модели в конкретной стране; прогнозные показатели отно-

сительно реального функционирования модели заимствуются в условиях украинского общества и государства [3, с. 92; 4, с. 125].

Таким образом, считаем, чтобы исследовать международный опыт публичного администрирования в сфере безопасности и качества пищевой продукции, необходимо, прежде всего, изучить международный опыт стран, которые взяли на себя обязанность имплементировать в нормы национального законодательства положения Директивы 93/43/ ЕЭС «О гигиене пищевых продуктов», что позволит определить механизм и шаговость введения данных принципов в Украине, а также определить возможность имплементации отдельных шагов в законодательство и практическую деятельность операторов рынка Украины. Именно поэтому особое внимание мы уделим изучению зарубежного опыта обеспечения безопасности и качества пищевых продуктов в таких странах, как Канада, Соединенные Штаты Америки, Дания, Швеция, Польша, Хорватия, Словения, Грузия, Белоруссия.

Гарантия безопасности импортных товаров в Канаде должна удостоверяться: 1) фитосанитарным сертификатом (для подкарантинных товаров растительного происхождения); 2) ветеринарным сертификатом (для товаров животного происхождения), выдаваемым компетентным органом страны-экспортера. Центральным органом, устанавливающим ветеринарные и фитосанитарные ограничения для канадских производителей и импортеров на федеральном уровне, является Канадское агентство по контролю пищевых продуктов (Canadian Food Inspection Agency). По характеру выполняемых полномочий и компетенции Canadian Food Inspection Agency – это аналог Государственной службы Украины по безопасности пищевых продуктов и защиты потребителей [5].

В Канаде существует система управления снабжением (Supply Management System). Она базируется на мониторинге потребления молочных продуктов и системе квот на производство молока для канадских фермеров. Канадцы стараются максимально удовлетворить спрос молочными продуктами местного производства. Недостаточные объемы этих продуктов

покрываются за счет квотировано импорта. Таким образом, даже не принимая во внимание санитарные ограничения, рыночные возможности для торговли молочными продуктами в Канаде достаточно узкие [5].

Согласно официальной процедуре, которая существует в Канаде, украинская сторона как экспортер должна предоставить исчерпывающую информацию (ответы на опросник) относительно законодательной базы, сети компетентного органа, существующей системы и мер государственного контроля, статистических данных и так далее в Украине. После обработки канадской стороной предоставленной информации Госпрдпотребслужба и заинтересованы предприятия-экспортеры проходят аудит канадского регуляторного органа. Только после положительных результатов аудита, согласования формы ветеринарных сертификатов на конкретную категорию товаров Госпрдпотребслужба получает разрешение на экспорт данного вида товаров.

В Канаде именно импортер несет ответственность за соответствие импортируемого товара местному законодательству. Для этого при канадском Министерстве сельского хозяйства организовано Секретариат доступа к рынкам (Market Access Secretariat), который через «открытое окно» в форме общедоступной электронной почты получает вопрос от представителей канадского продовольственного бизнеса и предоставляет комментарии относительно доступа как к национальному, так и к зарубежному рынку. Стоит обратить внимание, что с 1 июня 2018 г. в Канаде вступают в силу законодательные изменения, предусматривающие изменение подхода в контроле безопасности пищевых продуктов. В частности, предполагается, что они будут основаны на принципе анализа рисков (то есть принципы, которые освещены в НАССР), а также необходимости дальнейшего получения импортерами лицензии на импорт подконтрольных грузов. Украинским экспортерам уже сейчас нужно обращать внимание на новые канадские меры превентивного контроля безопасности пищевых продуктов [5].

В то же время в Украине в исследуемой сфере прослеживается ряд недостатков, которые замедляют интеграцию исследуемой сферы в ЕС.

Одной из проблем по определению безопасными и качественными пищевых продуктов украинского происхождения и выхода на международный рынок украинских операторов рынка как экспортера является отсутствие в Украине аудиторов (специалистов) НАССР, которые придадут сертификат НАССР украинским операторам рынка. По состоянию на 1 мая 2018 г. в Украине всего 318 ветеринарных инспекторов Госпродпотребслужбы из всех регионов Украины имеют право проверять операторов рынка по внедрению системы анализа опасностей и критических точек контроля (НАССР). Данные лица получили квалификацию аудиторов, имеющих право проверять операторов рынка и 58 ведущих аудиторов, которые имеют полномочия в дальнейшем обучать коллег в регионах по процедурам проведения аудита внедрения принципов НАССР в рамках проведения мероприятий государственного контроля [6].

Другой не менее важной проблемой является нехватка высококвалифицированных кадров, имеющих квалификацию проводить соответствующие лабораторные исследования. Так, наличие образования, опыта работы в сфере применения (осуществления) санитарных и / или фитосанитарных и / или ветеринарно-санитарных мероприятий не является тем определяющим критерием, которым должен обладать работник аккредитованной лаборатории, ведь современное оборудование является иностранным производством, а соответственно, инструкции и алгоритмы действий могут быть на иностранном языке, предполагает ее свободный.

Отметим, что в структуре Национального агентства по аккредитации Украины действует Аттестационная комиссия персонала по аккредитации, которая должна определять соответствие персонала по аккредитации документу «Квалификационные требования». Впрочем, вопрос о повышении квалификации персонала аккредитованных лабораторий не принадлежит ни к полномочиям Аттестационной комиссии персонала по аккредитации, ни к полномочиям Национального агентства по аккредитации Украины, что, на нашему мнению, является неуместным и недопустимым в условиях заключения вектора на внедрение принципов НАССР. Принимая во внимание, что задачами Национального

агентства по аккредитации Украины являются обеспечение единой технической политики в области оценки соответствия, обеспечение доверия потребителей к деятельности по оценке соответствия, создание условий для взаимного определения результатов деятельности аккредитованных органов на международном уровне, а также устранение технических барьеров торговли [7], считаем, что полномочия по обеспечению повышения квалификации специалистов аккредитованных лабораторий относятся к компетенции Национального агентства по аккредитации Украины.

Следующей проблемой в сфере обеспечения безопасности и качества пищевых продуктов являются безопасность сельскохозяйственной продукции, выращенной вдоль обочин дорог, частный забор молока и реализация молочных продуктов на стихийных рынках, а также условия забоя домашнего скота.

Согласно ст. 1 Директивы Совета 93/43/ЕЕС от 14 июля 1993 г. «О гигиене пищевых продуктов», которой определены основные критерии качества и безопасности пищевых продуктов, определено, что гигиена пищевых продуктов – это любые меры, необходимые для обеспечения безопасности и безвредности пищевых продуктов для здоровья человека. Эти меры охватывают все стадии, которые происходят после первичного производства (последнее включает, например, сбор урожая, забой скота и доение), а именно: приготвление, переработка, изготовление, упаковка, складирование, транспортировка, распределение, обращение или продажа, или предоставление в распоряжение потребителю. То есть для того, чтобы оператор рынка получил сертификат НАССР, ему необходимо гарантировать реализацию всех стадий процесса первичного производства. В данном случае первой стадией процесса обеспечения безопасности пищевых продуктов является сбор урожая, забой скота и доения скота. В то же время следует отметить, что на сегодняшний день наблюдается ситуация, когда поля, засеянные сельскохозяйственными зерновыми, которые в дальнейшем используются как отдельный пищевой продукт или для приготовления пищевых продуктов, засеиваются вдоль дорожных полос, что явно противоречит требованиям гигиены пищевых продуктов и влияет на их безопасность

и качество. Отметим, что такая ситуация характерна для всех областей Украины, где вдоль дороги высаживают сельскохозяйственные культуры.

Между тем отметим, что согласно ДБН В.2.3-4: 2007 в местности, где возможны выпас скота, выращивание сельскохозяйственных культур, ширина боковой придорожной полосы должна быть на расстоянии 25 м от кромки проезжей части для дорог I-б, II и III категорий и 15 м для дорог IV и V категорий [8]. Зато, что мы можем наблюдать в сельской местности, – засел полей заканчивается на расстоянии не более 5 метров от проезжей части.

В связи с этим напрашивается вывод, что сельскохозяйственная продукция, выращенная в придорожной полосе, может представлять угрозу жизни и здоровью конечного потребителя. Ведь транспорт выбрасывает массу вредных веществ, которые оседают в придорожной полосе. В их числе и тяжелые металлы, например свинец. Эти вещества накапливаются в организме человека, потребляющего выращенную и собранную в данных участках продукцию. При этом в данном случае следует отметить, что процесс сбора урожая предусматривает его смешивание, тогда получается, что загрязненная продукция, выращенная вдоль обочин, автоматически смешивается с той, которая выращена подальше от дороги, а в процессе перемещения опасная и безопасная продукция перемешиваются и портят свои полезные свойства.

Похожей проблемой является и бесконтрольность условий забоя сельскохозяйственного скота туши, которую используют для производства готовой и полуготовой продукции. В данном случае вообще существует пробел в осуществлении контроля (надзора) за частными индивидуальными местами такого забоя. Речь идет как о единичном забое домашнего скота, так и о периодическом и системном.

Также следует акцентировать внимание на проблеме реализации молока и молочных продуктов «с рук» в сельской местности. Так, в сельской местности одиночные хозяйства могут реализовать молоко и молочные продукты или в пунктах забора молока, или на стихийных рынках. В пунктах забора молока проверяется только процент его жирности, тогда как проверить

состав молока на вместимость опасных веществ нет технической возможности. Как в первом, так и во втором случае возникает вопрос здоровое ли животное, от которого получены данные молочные продукты. По нашему мнению, преодоление данной проблемы возможно путем обеспечения пребывания ветеринарного врача на определенной территориальной единице, особенно это касается сельской местности, который бы выполнял полномочия по осуществлению контроля за наличием у владельца молокозаборного скота (например, корова, коза и так далее) справки на состояние здоровья скота, а также предусмотреть осуществление постоянного надзора за ее здоровьем, что позволит обеспечить безопасность молочных продуктов.

Еще одним направлением, который нуждается в совершенствовании, является устранение проблемы информационного «голода» по определению новейших передовых технологий определения состояния показателей безопасности и качества пищевых продуктов. С целью улучшения деятельности операторов рынка, государственных инспекторов, помощников государственных инспекторов и с целью обмена передовым опытом представляется необходимым ввести хотя бы один раз в год организацию и проведение в Украине международного форума, например «Продуктэкспо-2019». Данное мероприятие позволило бы объединить всех субъектов сферы безопасности и качества пищевых продуктов, по направлениям работы (секциям) определять достижения операторов рынка и других субъектов рынка в исследуемой сфере; очерчивать и акцентировать внимание на недостатках в работе операторов рынка, государственных инспекторов, аудиторов НАССР и других участников отношений в данной сфере и тому подобное.

Выводы. Решительным шагом к совершенствованию безопасности и качества пищевых продуктов является необходимость усовершенствования интерфейса и наполнение сайта специального органа в сфере безопасности и качества пищевых продуктов – Государственной службы Украины по вопросам безопасности пищевых продуктов и защиты прав потребителей. Так, если оператор рынка или другое лицо открывает Интернет-страницу данного органа, то в перечне нормативно-пра-

вовых актов, регулирующих исследуемую сферу отношений, открывается возможность перехода только на 5 нормативно-правовых актов, к тому же данные акты определяют общие принципы деятельности субъектов в сфере обеспечения безопасности и качества пищевых продуктов, что, по нашему мнению, является неправильным.

В первую очередь на сайте должны содержаться, кроме законов Украины «Об основных принципах и требованиях к безопасности и качеству пищевых продуктов», «О государственном контроле за соблюдением законодательства о пищевых продуктах, кормах, побочных продуктах животного происхождения, здоровье и благополучии животных», приказы министерств и ведомств по регулированию отдельных вопросов безопасности и качества пищевых продуктов; акты, регламентирующие порядок сертификации, лицензирования, аккредитации, стандартизации и осуществления других процедур в исследуемой сфере. Также стоит обратить внимание, что на этикетке каждого упакованного пищевого продукта содержится обозначения ДСТУ или ТУ и соответствующий номер. Так вот, например, если потребитель захочет понять и поинтересоваться, что означают данные обозначения, то, в первую очередь, он должен получить запрашиваемую информацию на официальном сайте компетентного органа, причем в Украине он является единственным.

Предлагаем вкладку «Нормативно-правовое обеспечение» сайта Государственной службы Украины по вопросам безопасности пищевых продуктов и защиты потребителей систематизировать и заполнить по иерархии следующим образом: 1) международные договоры; 2) законы Украины; 3) акты Президента Украины; 4) акты центральных органов исполнительной власти (приказы, распоряжения, текст ДСТУ, ТУ); 5) акты местных органов власти; 6) акты органов местного самоуправления. Причем данные вкладки должны быть активными и находиться в открытом доступе, кроме, конечно, информации с ограниченным доступом.

Список использованной литературы:

1. Директива Ради 93/43/ЕЕС від 14 липня 1993 р. «Про гігієну харчових

продуктів». URL: <https://www.zakon.rada.gov.ua>

2. Директива 2009/39/ЄС Європейського парламенту та Ради від 6 травня 2009 р. «Про харчові продукти, призначені для спеціального споживання». URL: <https://www.zakon.rada.gov.ua>

3. Школик А.М. Можливості використання зарубіжної адміністративно-правової доктрини в українському адміністративному праві: V Національна наук.-теорет. конф. «Українське адміністративне право: сучасний стан і перспективи реформування»: тези виступів експертів Центру політико-правових реформ. Одеса, 2007. С. 51–58.

4. Коломоєць Т.О., Сквирський І.О. Виправні роботи за законодавством України: теорія, досвід та практика застосування: монографія. К.: Істина, 2008. 184 с.

5. Нагодувати Канаду: до яких сюрпризів треба бути готовим українським експортерам. URL: <https://cutisproject.org/publications/canada-food-exports/>

6. Сертифікати аудиторів НАССР мають лише 318 інспекторів Держпродспоживслужби. URL: <http://www.unn.com.ua/uk/news/1726274-sertifikati-auditoriv-nassr-mayut-lishe-318-inspektoriv-derzhprodspozhivsluzhbi>

7. Положення про Національне агентство з акредитації України: затв. наказом Міністерства економічного розвитку і торгівлі України від 8 лютого 2017 р. № 161. URL: https://naau.org.ua/wp-content/uploads/2018/04/Polozhennya-NAAU-skan_1.pdf

8. ДБН В.2.3-4:2007 «Автомобільні дороги»: затв. наказом Міністерства регіонального розвитку та будівництва України від 31 жовтня 2007 р. № 292.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Запотоцкая Елена Васильевна – кандидат технических наук, докторант Университета современных знаний

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Zapototskaya Elena Vasilyevna – Candidate of Technical Sciences, Doctoral Student of the University of Modern Knowledge

demidenkov@ukr.net

УДК 346.16

УПРАВЛЕНИЕ ПРЕДПРИЯТИЕМ В ПРОЦЕДУРЕ БАНКРОТСТВА В НЕКОТОРЫХ СТРАНАХ РОМАНО-ГЕРМАНСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ (НА ПРИМЕРЕ БЕЛЬГИИ И НИДЕРЛАНДОВ)

Юлия КАБЕНОК,

соискатель Института экономико-правовых исследований
Национальной академии наук Украины

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются вопросы правового регулирования управления предприятием в процедуре банкротства в Бельгии и Нидерландах. Выбранные страны являются представителями романо-германской правовой системы и входят в двадцатку стран рейтинга «Ведение бизнеса за критерием разрешение несостоятельности». Проводится анализ законодательных актов, которые регулируют правоотношения в сфере несостоятельности (банкротства), исследуются субъекты указанных правоотношений. В статье раскрывается вопрос управления предприятием в процедуре банкротства, субъект управления и порядок его назначения, ответственность за осуществление такого управления.

Ключевые слова: несостоятельность, банкротство, управление, доверительный управляющий.

MANAGEMENT OF THE ENTERPRISE IN BANKRUPTCY PROCEEDINGS IN SOME COUNTRIES OF THE ROMANO-GERMAN LEGAL SYSTEM (ON THE EXAMPLE OF BELGIUM AND THE NETHERLANDS)

Yuliya KABENOK,

Applicant of the Institute of Economic and Legal Studies
of the National Academy of Sciences of Ukraine

SUMMARY

The article deals with issues of the legal regulation of enterprise management in the bankruptcy procedure in Belgium and the Netherlands. The selected countries are representatives of the Romano-German legal system and are ranked in the Top 20 ranking of Doing Business for the criterion of insolvency. The analysis of legislative acts that regulate legal relations in the field of insolvency (bankruptcy) is conducted; subjects of the specified legal relations are investigated. The article discloses the issue of enterprise management in bankruptcy procedure, the subject of management and the procedure for its appointment, responsibility for the implementation of such management.

Key words: insolvency, bankruptcy, management, trustee.

Постановка проблемы. Национальное законодательство Украины находится на этапе развития и формирования эффективного законодательства о несостоятельности (банкротстве). Для создания действенных конструкций в этой сфере важную роль играет учет зарубежного опыта. Это позволяет выделить те подходы в законодательстве зарубежных стран, что положительно влияют на восстановление платежеспособности предприятий и недопущение их ликвидации. Для того чтобы зарубежный опыт стал полезным для совершенствования национального законодательства, по нашему мнению, следует рассматривать опыт именно тех государств, которые реально решают проблему несостоятельности (банкротства).

Актуальность темы исследования. Согласно рейтингу «Ведение

бизнеса», представленные к исследованию страны занимают высокие позиции, что касается вопроса о разрешении проблемы несостоятельности. В этом контексте при решении указанной проблематики важную роль играет управление предприятием в процедуре банкротства. От эффективности такого управления напрямую зависит возможность выведения предприятия из кризиса и возобновление его платежеспособности. Поэтому считаем необходимым исследовать как правовое регулирование процедуры банкротства в Бельгии и Нидерландах, так и порядок управления должником, органы такого управления и их ответственность.

Целью и задачей статьи является анализ законодательства Бельгии и Нидерландов, которое регулирует отношения несостоятельности (бан-

кротства), а также порядок управления должником в процедуре банкротства.

Изложение основного материала. Законодательство каждого государства, как форма выражения норм права через процесс нормотворчества, представляет собой один из элементов любой правовой системы. Анализируя отечественную специальную литературу по этому вопросу, можно сделать вывод, что на сегодняшний день не существует единого подхода к классификации типов (семей) правовых систем. Однако, по нашему мнению, наиболее близкой и основательной представляется классификация, осуществлена О.Ф. Скакун. Ученый выделяет следующие типы правовых систем:

- романо-германский тип (Франция, Бельгия, Германия, Австрия, Швейцария, Нидерланды);
- англо-американский тип (Англия, США, Канада, Австралия);

– смешанный тип (Дания, Швеция, Норвегия, Аргентина);

– религиозно-традиционный тип (Индия, Китай, Япония) [1, с. 525].

В теории права и в специальной литературе принято анализировать законодательство определенного государства или группы государств исходя из принадлежности последних к конкретной правовой семье. В этом контексте, рассматривая вопрос об особенностях правового регулирования отношений несостоятельности в разных странах мира, целесообразно отметить, что существует определенная специфика и классификации самого законодательства, регулирующего отношения несостоятельности, независимо от принадлежности того или иного государства к любой из правовых систем. Речь идет о цели и направленности норм такого законодательства, балансе интересов кредиторов и должника и так далее. Справедливым представляется утверждение А.Н. Бирюкова по этому поводу. Ученый отмечает, что «принадлежность страны к соответствующей правовой семье еще не значит, что у представителей той или иной группы стран одинаковы подходы к задачам и ключевым элементам законодательства в сфере банкротства» [2, с. 69]. Так, законодательство о несостоятельности может быть направлено на финансовое оздоровление предприятия, то есть его реабилитацию, погашение требований кредиторов и недопущение ликвидации последнего. Ликвидация должника в этом случае возможна только при условии использования всех предусмотренных законодательством реабилитационных процедур, когда их применение не дало эффективных результатов. Или в другом варианте, когда нормы законодательства о несостоятельности не предоставляют приоритет реабилитационным процедурам. Наоборот, при возникновении неплатежеспособности должника интересы кредиторов преобладают, что приводит к ликвидации предприятия для погашения задолженностей перед кредиторами, не оказывая возможности осуществить любые восстановительные хозяйственную деятельность меры.

Таким образом, если за критерий классификации законодательства о несостоятельности брать именно направ-

ленность последнего, то в специальной литературе есть несколько подходов к определению систем (моделей) такого законодательства. М.В. Телюкина по этому поводу отмечает: «Система закона о банкротстве конкретного государства может быть направлена на предоставление определенной поддержки той или иной стороне – должнику или кредиторам». Исходя из такой позиции, ученый выделяет пять различных мировых систем построения конкурсного законодательства (его направленности): радикально-продолжниковую, умеренно-продолжниковую, нейтральную, умеренно-прокредиторскую, радикально-прокредиторскую [3, с. 77]. Похожие выводы по этому вопросу освещены в работах русского ученого-правоведа В.В. Витрянского [4, с. 7]. В своих исследованиях А.Н. Бирюков, рассматривая вопрос режимов правового регулирования отношений несостоятельности в различных правовых системах мира, отмечает: «В качестве основного критерия обычно выступает задача, которую ставит законодатель любой страны при выборе режима банкротства. Это дает возможность сформировать два основных режима законодательства о банкротстве – продолжниковый и прокредиторский» [5, с. 50].

Как указывает В.В. Джунь, градация национальных моделей о банкротстве (несостоятельности) дифференцируется по уровню заложенных в их нормативных системах ограничений и запретов на передачу прав на имущественные активы неплатежеспособного должника: низкий уровень ограничений и запретов предусмотрено в максимально прокредиторском режиме, а высокий уровень ограничений и запретов – в максимально кредиторском режиме [6].

Основываясь на работах отечественных и зарубежных ученых по поводу классификации и типологии правовых систем в целом и систем (моделей) законодательства о банкротстве в частности, по нашему мнению, целесообразнее проанализировать такое законодательство, опираясь именно на типологию правовых систем современности. Это связано, в первую очередь, с тем, что именно такой подход позволит осуществить исследования тех стран, которые имеют между собой

связь в развитии подходов к пониманию определенных явлений, законодательства и тому подобное. В рамках исследования следует также принять во внимание рейтинг государств в «Ведении бизнеса» (Doing Business), который представляет собой проект в составе Всемирного банка [7]. Такой рейтинг включает в себя анализ нормативно-правового обеспечения и условий для ведения предпринимательской деятельности и охватывает около 190 стран мира. Каждая страна занимает соответствующую позицию исходя из следующих критериев: легкость ведения бизнеса, регистрация предприятий, получение разрешений на строительство, подключение к системе электроснабжения, регистрация собственности, получение кредитов, защита миноритарных инвесторов, налогообложение, международная торговля, обеспечение исполнения контрактов, решение неплатежеспособности. С целью проведения основательного исследования предлагаем проанализировать правовое регулирование управления предприятием в процедуре банкротства, ориентируясь на некоторые страны романо-германской правовой системы, входящие в первую двадцатку по критерию решения неплатежеспособности, рассмотрев их в пределах определенного типа правовой семьи.

Согласно рейтингу «Ведение бизнеса», Нидерланды занимают восьмое место по критерию решения несостоятельности. По данным этого рейтинга, процедура банкротства в общем длится год и один месяц [7]. Процедура банкротства в Нидерландах урегулирована специальным актом – Законом о банкротстве (Faillissementswet) 1893 года. Дела о банкротстве отнесены к компетенции окружных судов по местонахождению должника. Инициировать дело о банкротстве может должник, кредитор или прокурор. В Нидерландах отсутствует специальный контролирующий орган государственной власти за действиями назначенных управляющих или самой процедурой банкротства. Если кредитор хочет инициировать процедуру банкротства, он должен доказать, что перед ним у должника возникла задолженность, по которой должник прекратил выплаты.

Закон о банкротстве сегодня предусматривает три различных типа процедур несостоятельности: банкротство юридических и физических лиц; предварительная или окончательная остановка платежей; реорганизация долга физических лиц [8]. На суд возлагаются функции контроля над осуществлением процедур, назначается судья-надзиратель. Такой судья вправе допрашивать свидетелей; выносить решение относительно допроса, проведения экспертизы, например бухгалтерии; предлагать суду вынести решение о задержании должника или члена правления должника, не желающих сотрудничать с судом; кроме того, окружной суд назначает конкурсного (доверительно-го) управляющего, который управляет имуществом должника под контролем суда [9]. Лицо, назначаемое в качестве такого управляющего, обязательно должно быть юристом и быть членом Ассоциации юристов Нидерландов. Доверительный управляющий распоряжается имуществом должника исключительно по предварительному согласованию с судьей-надзирателем, а также отчитывается перед судом за свои действия.

В процедуре остановки платежей органы управления должника сохраняются. Однако руководитель должен действовать только по согласованию с управляющим, который назначен судом. В Нидерландах директор предприятия, которое находится в процедуре остановки платежей, может быть привлечен к ответственности, если действует без согласования своих действий с управляющим [10].

В процедуре банкротства также назначается специальный субъект для управления процедурой – ресивер (куратор, управляющий активами должника). Он назначается вместе с надзорным судьей после принятия решения об объявлении должника банкротом. После принятия такого решения последний теряет всякий контроль над своими активами. Такой куратор может нести гражданско-правовую или дисциплинарную ответственность.

Королевство Бельгия (далее – Бельгия), согласно рейтингу «Ведение бизнеса», занимает одиннадцатое место по показателю решения несостоятельности. В среднем продолжительность процедуры банкротства составляет

девять месяцев, после завершения которой предприятие-должник обычно продолжает функционировать и не прекращает своей деятельности [7].

Следует отметить, что в Бельгии сейчас идет процесс реформирования законодательства о банкротстве. Так, с 1851 года отношения в сфере банкротства были урегулированы Законом о банкротстве, который имел прокредиторское направление. Этот акт почти не предусматривал способов восстановления платежеспособности предприятия и был нацелен на защиту интересов кредиторов. Позже, в 1997 году, в Бельгии было принято два новых закона – Закон о банкротстве, который заменил старый закон, и Закон о конкордате. Новый Закон о банкротстве почти не подвергся существенным изменениям, по сравнению со своим предшественником, и включил большинство его положений. Основной новеллой этого Закона стало такое явление, как «свежий старт» (fresh start). По этой концепции, предприятие, которое испытывает определенные финансовые трудности, освобождается от своих долгов. А с 2002 года такой подход стал применяться и к физическим лицам. Но ключевой реформой в сфере банкротства в Бельгии стало принятие Закона о конкордате. Если Закон о банкротстве предусматривал ликвидацию должника, то процедура конкордата была нацелена на преодоление неплатежеспособности должника. С тех пор на законодательном уровне было введено две процедуры по отношению к должнику – процедура конкордата и процедура банкротства. Дела по рассмотрению этих двух процедур относятся к компетенции коммерческих судов.

Закон о конкордате предусматривал определенную совокупность способов восстановления финансового положения должника и обязательное наличие плана реорганизации предприятия. Такой план утверждался судом по предварительному одобрению большей части кредиторов. Процедура конкордата осуществляется под контролем суда, в частности назначается надзорный судья, который может назначить администраторов (одного или нескольких). Однако в Бельгии такой надзорный судья не принимает решений по отношению к должнику и не может предо-

ставлять обязательные инструкции должнику [11]. Администраторы отчитываются перед судом, предоставляют свою помощь в разработке плана реорганизации, осуществляют надзор за руководством должника, но к администратору не переходят полномочия по управлению должником. Управление предприятием в процедуре конкордата осуществляется старыми органами управления. Следует подчеркнуть, что в Бельгии, как и в Нидерландах, отсутствует специальный государственный орган в сфере банкротства. Его функции выполняет прокуратура.

Квалификационные требования как таковые к администратору почти отсутствуют. Как правило, они назначались из числа юристов или бухгалтеров. Основным условием при их назначении являются отсутствие конфликта интересов и опыт в осуществлении корпоративного менеджмента.

Однако Закон о конкордате также не оправдал надежд по решению проблемы неплатежеспособности. Оказалось, что возможности, предлагаемые этим законом для реорганизации бизнеса, не были удовлетворительными [12]. В сфере преодоления неплатежеспособности в 2009 году был принят Закон о непрерывности бизнеса. Этот закон предусмотрел новый вид процедуры несостоятельности: судебную реорганизацию, вдохновившись законодательными реформами соседних стран, использующих модель «должник во владении» (debtor in possession), и процедурой в США [12]. Цель судебной реорганизации выражается в поддержке под наблюдением суда непрерывности всего или части бизнеса должника или его деятельности; судебное реорганизационное производство может начаться только в том случае, если непрерывность бизнеса находится под угрозой в краткосрочной или долгосрочной перспективе [11]. Однако некоторые нормы нового акта сохранились с Законом о конкордате. Это касается положений, когда должник продолжает оставаться в управлении своими органами до момента мирного урегулирования несостоятельности или плана реорганизации; одобрение путем голосования плана реорганизации; положения, касающиеся требований к администратору в процедуре судебной реорганизации.

Процедура реорганизации вводится сроком на шесть месяцев и может быть продлена дважды – каждый раз по шесть месяцев. Ответственность за активы должника возлагаются на его органы управления, за свои активы должник сам несет ответственность. Но в случае возникновения угрозы так называемой непрерывности бизнеса судом назначается администратор, а органы управления должника отстраняются от участия в процедуре реорганизации. В процедуре судебной реорганизации судом вводится мораторий на исполнение обязательств должником сроком на шесть месяцев, однако должнику разрешается продолжать свою деятельность. В течение действия моратория не может быть открыто производство по делу о банкротстве в отношении должника. Относительно полномочий кредиторов в процедуре реорганизации, то, во-первых, они могут просить назначить временного администратора (для моратория) в случае очевидного невыполнения обязательств должником; во-вторых, им принадлежит право требования досрочного прекращения процедуры реорганизации в случаях, когда должник явно не может продолжать свою деятельность или когда информация, предоставленная при открытии процедуры, является неполной или ложной; в-третьих, кредиторы могут требовать аннулирования плана реорганизации, когда должник надлежащим образом его не выполняет [11].

По бельгийскому законодательству, процедура банкротства предусматривает целенаправленную ликвидацию предприятия-должника. Процедура банкротства может быть трансформирована в процедуру реорганизации. Есть случаи, когда должник выполнил все требования для открытия процедуры банкротства (то есть должник остановил выплаты на постоянной основе), но он имеет право подать в суд запрос об открытии судебной реорганизационной процедуры с целью сохранения непрерывности бизнеса, но при условии, что суд не открыл процедуру банкротства [11]. Инициировать такую процедуру может как сам должник, так и кредитор или прокурор. После открытия такой процедуры из числа судей коммерческого суда избирается судья, который будет осуществлять надзор в течение всей процедуры банкротства

над реализацией активов должника и погашением долгов перед кредиторами. Такой судья не осуществляет непосредственного управления должником и не вмешивается в деятельность ликвидатора. К его компетенции относятся исключительно функции контроля и надзора в процедуре банкротства должника. Полномочия по управлению должником переходят к управляющему (ликвидатору), который назначается судом. Ликвидатор не должен быть заинтересованным лицом. Стоит отметить, что, в отличие от процедуры судебной реорганизации, в процедуре банкротства может быть назначен управляющим исключительно адвокат в списке коммерческого суда, зарегистрирован в Бельгийской коллегии адвокатов и обладающий практическими навыками по осуществлению процедур ликвидации при банкротстве предприятий. При больших банкротствах суд может назначить ликвидатором лицо, не зарегистрированное, с учетом особых обстоятельств таким лицом может быть бухгалтер [10].

С мая 2018 года Закон о банкротстве и Закон о непрерывности бизнеса вошли в Книгу XX Кодекса экономического права. Положения настоящего раздела применяются к процедурам реорганизации и банкротства, которые открыты с 1 мая 2018 года. Существенно процедуры не подверглись изменениям. Новеллой стало расширение ответственности руководителя должника. В случае банкротства директор или менеджеры могут быть полностью или частично ответственными за обязательства, если: во-первых, до банкротства они знали или должны были знать, что явно не существует разумной перспективы поддержки предприятия или его деятельности и невозможно избежать банкротства; во-вторых, данное лицо уже исполняло обязанности директора в то время; и, в-третьих, с такого момента соответствующее лицо не действовало, как обычно умный и осторожный директор действовал бы при таких же обстоятельствах [13]. Это правило не применяется, когда объявленное банкротом предприятие является небольшой некоммерческой организацией, международной некоммерческой организацией или фондом.

Выводы. Анализируя правовое регулирование процедуры банкротства

и подходы к управлению должником в этой процедуре, стоит отметить, что конкурсный (доверительный) управляющий является достаточно важной фигурой в правоотношениях несостоятельности в целом и управления должником в частности. Важным является тот факт, что законодательство обеих стран предусматривает возможность возобновить финансовое состояние должника, прежде чем переходить к его ликвидации. Соответственно, управляющий назначается судом для контроля над деятельностью директора (органов управления) либо для непосредственного управления должником. Полезным есть опыт, что касается возложения ответственности за активы должника на органы его управления в реорганизационной процедуре, поскольку к управляющему не переходят полномочия органов управления.

Список использованной литературы:

1. Скакун О.Ф. Теорія держави і права: підручник / Пер. з рос. Харків: Консум, 2001. 656 с.
2. Бірюков О.М. Міжнародні аспекти банкрутства: режими правового регулювання відносин неспроможності. Міжнародне приватне право. 2009. № 3. С. 68–71.
3. Телокина М.В. Основы конкурсного права. М.: Волтерс Клувер, 2004. 560 с.
4. Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)». / Под общей ред. В.В. Витрянского. М., 1998. 418 с.
5. Бірюков О.М. Банкрутство в сучасному міжнародному приватному праві. Право України. 2013. № 7. С. 48–53.
6. Джунь В.В. Про необхідність зміни правового режиму в конкурсному праві України. URL: <http://uaip.org.ua/v-dzhun-pro-neobhidnist-zminy-pravovoho-rezhymu-v-konkursnomu-pravi-ukrajini/> (дата посещения: 05.03.2018).
7. Ведение бизнеса. Рейтинг стран. URL: <http://russian.doingbusiness.org/rankings> (дата посещения: 10.06.2018).
8. Getting the Deal Through. Restructuring & Insolvency. Netherlands URL: <https://gettingthedealthrough.com/area/35/jurisdiction/17/restructuring->

insolvency-netherlands/ (дата посещения: 10.06.2018).

9. Левченков Д.А. Опыт банкротства зарубежных корпораций и его использование в России: дисс. ... канд. экон. наук: спец. 08.00.14. Москва, 2004. 198 с. URL: <http://www.dslib.net/economika-mira/opyt-bankrotstva-zarubezhnyh-korporacij-i-ego-ispolzovanie-v-rossii.html> (дата посещения: 11.06.2018).

10. Instrument of the European Law Institute. Rescue of Business in Insolvency Law. URL: https://www.europeanlawinstitute.eu/fileadmin/user_upload/p_eli/Publications/Instrument_INSOLVENCY.pdf (дата посещения: 10.06.2018).

11. Getting the Deal Through. Restructuring & Insolvency. Belgium URL <https://gettingthedealthrough.com/area/35/jurisdiction/31/restructuring-insolvency-belgium/> (дата посещения: 10.06.2018).

12. Faber D., Vermunt N., Kilborn J., Richter T. Commencement of Insolvency Proceedings. Oxford international and comparative insolvency law series. Oxford University Press. 2012. URL: <https://books.google.com.ua/book?id=KEjj7d3e7AgC&pg=PT289&lpg=PT289&dq=Law+of+the+Concordat+insolvency+belgium&source=bl&ots=FI3hBJnJ1z&sig=U1GhxP8tUkUxfiu436bat9YDqsU&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwioIJS3pPTbAhXEjywKhc6xCZYQ6AEIWzAG#v=onepage&q=Law%20of%20the%20Concordat%20insolvency%20belgium&f=false> (дата посещения: 15.06.2018).

13. Belgium's new insolvency law has arrived. Eubelius. URL: <https://www.eubelius.com/en/news/belgiums-new-insolvency-law-has-arrived> (дата посещения: 10.06.2018).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кабенок Юлия Валерьевна – соискатель Института экономико-правовых исследований Национальной академии наук Украины

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kabenok Yuliya Valeryevna – Applicant of the Institute of Economic and Legal Studies of the National Academy of Sciences of Ukraine

tyv2310@gmail.com

УДК 342.95 (477)

НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО АДМИНИСТРАТИВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩЕГО ТЕРРИТОРИАЛЬНУЮ ОБОРОНУ УКРАИНЫ

Юрий КАЛГУШКИН,

аспирант Харьковского национального университета внутренних дел

АННОТАЦИЯ

В статье приведено теоретическое обобщение и новое решение научной задачи, заключающейся в определении направлений совершенствования национального административного законодательства, регламентирующего территориальную оборону Украины.

Обосновывается, что важным этапом совершенствования национального административного законодательства, регламентирующего территориальную оборону Украины, должна стать разработка типовых положений территориальной обороны на региональном уровне, поскольку одних программ развития территориальной обороны на определенный период недостаточно. Акцентируется внимание на том, что отдельные регионы требуют усиленного внимания в правотворческой и правоприменительной сферах, поскольку имеют на своей территории проявления вооруженной агрессии. Определяется перечень обязательных мероприятий территориальной обороны, которые должны осуществляться региональными субъектами территориальной обороны.

Ключевые слова: направления, усовершенствование, национальное законодательство, административное законодательство, территориальная оборона Украины.

DIRECTIONS OF IMPROVING NATIONAL ADMINISTRATIVE LEGISLATION REGULATING THE TERRITORIAL DEFENSE OF UKRAINE

Yuriy KALGUSHKIN,

Postgraduate Student
of Kharkiv National University of Internal Affairs

SUMMARY

The author of the article has provided theoretical generalization and a new solution to the scientific problem, which is to determine the directions of improving national administrative legislation that regulates the territorial defense of Ukraine.

It has been substantiated that an important stage for the improvement of national administrative legislation that regulates the territorial defense of Ukraine should be the development of typical provisions of territorial defense at the regional level, since only the programs of developing territorial defense for a certain period are not enough. The emphasis has been placed on the fact that certain regions need to be intensified in law-making and law-enforcement spheres as they have manifestations of armed aggression on their territory. The list of mandatory territorial defense measures, which should be carried out by regional subjects of territorial defense, has been outlined.

Key words: directions, improvement, national legislation, administrative legislation, territorial defense of Ukraine.

Постановка проблемы. Актуализация вопроса территориальной обороны обусловлена целым рядом обстоятельств, в частности тех, которые влияют на способность Украины адекватно реагировать на вызовы и риски

военной безопасности. Но есть целый ряд внутригосударственных вызовов, которые также негативно влияют на формирование территориальной обороны и замедляют ее развитие. Среди них стоит выделить следующие:

экономический кризис, нарушение целостности национальной экономики вследствие временной оккупации Российской Федерацией Автономной Республики Крым и г. Севастополя, а также деятельности поддерживаемых ею незаконных вооруженных формирований в отдельных районах Донецкой и Луганской областей, обусловленное этим ограничение финансовых возможностей государства; разбалансированность и незавершенность системных реформ в сфере национальной безопасности и обороны, недостаточность ресурсного обеспечения сил обороны и неэффективное использование имеющихся ресурсов; низкая эффективность системы государственного управления субъектами обеспечения национальной безопасности Украины в военной сфере, несовершенство механизмов планирования развития таких субъектов; недостаточный уровень готовности Вооруженных сил Украины, Государственной службы специальной связи и защиты информации Украины, Государственной специальной службы транспорта, других образованных в соответствии с законами Украины воинских формирований, а также правоохранительных органов специального назначения в ведение современной вооруженной борьбы и так далее [1].

Все это, конечно, приводит к возникновению целого ряда угроз, которые отражены в военной доктрине Украины. Естественно, что противодействие подобным опасностям и угрозам может быть эффективным только в рамках единой общегосударственной системы. Деятельность подрывных сил, которые направлены на поэтапную или резкую эскалацию конфликта, вызывает необходимость обеспечения готовности всех государственных органов, силовых структур и ведомств, населения к оперативному наращиванию усилий в целях решения возложенных на них задач, проведения органами исполнительной власти соответствующих действий – как предупредительно-оборонного и правоохранительного характера, так и других, соответствующих уровню угрозы. Именно такой системой может стать территориальная оборона страны. Изменения в ее организации, направленные на совершенствование существующей до недавнего

времени системы, по сути, определяют ее кардинальную перестройку, которая будет влиять на ее содержание и сущность функционирования.

Состояние исследования. Безусловно, вопросы совершенствования национального законодательства, регламентирующего территориальную оборону Украины, постоянно находятся в поле зрения ученых. В частности, им уделяли внимание такие ученые: М.Р. Новикова, А.Н. Бандурка, И.В. Бойко, А.Т. Зима, А.Н. Соловьева, Д.А. Безносенко, И.М. Варзар, В.М. Князев, А.Н. Клочко, С.А. Кравченко, А.Н. Муzychuk, Л.Г. Штыка, А.Н. Суходоля, В.И. Жуков, В.П. Кочерга, А.С. Титов и многие другие. Однако в современных социально-экономических и политических условиях этот вопрос не теряет своей актуальности и требует большего внимания со стороны ученых.

Целью и задачей статьи является определить направления совершенствования национального административного законодательства, регламентирующего территориальную оборону Украины

Изложение основного материала. Начиная исследование, мы должны также исходить из того, что большая часть нормативно-правовых актов, которые содержат вопросы организации территориальной обороны государства, являются и должны быть закрытыми и не подлежат распространению. Но наша задача состоит в том, чтобы выработать определенный алгоритм нормативных процедур, которые предоставят возможность упорядочить административно-правовое регулирование территориальной обороной. И первое, на чем хотелось бы остановиться, это Раздел 3 Закона Украины «Об обороне Украины». Представляется уместным уточнить определение территориальной обороны, которое содержится в статье 18 указанного Закона, и изложить его в следующей редакции: «Территориальная оборона – это совокупность общегосударственных или региональных действий субъектов территориальной обороны по применению военных и специальных мероприятий, осуществляемых в особый период с задачами: охраны и защиты государственной границы; обеспечения условий для надежного функци-

онирования органов государственной власти, органов военного управления, стратегического (оперативного) развертывания войск (сил); охраны и обороны важных объектов и коммуникаций; борьбы с диверсионно-разведывательными силами, другими вооруженными формированиями агрессора и антигосударственными незаконно образованными вооруженными формированиями; поддержания правового режима военного положения».

За счет такого определения вводится отдельная правовая категория – субъекты территориальной обороны, которых следует расписать в отдельной статье 18-1 «Субъекты территориальной обороны» Закона Украины «Об обороне Украины». При этом следует отметить, что реализация мероприятий территориальной обороны должна быть прямой и основной обязанностью этих органов. Поэтому субъектов территориальной обороны предлагаем сформировать по двухуровневой системе. Исходя из приведенного определения территориальной обороны, это должен быть общегосударственный уровень субъектов территориальной обороны и региональный. Генеральный штаб Вооруженных сил Украины во главе с начальником Генерального штаба – Главнокомандующим Вооруженных сил Украины составляют общегосударственный уровень. Соответственно органы местного самоуправления, воинские части, формирования и соединения региона, другие территориальные органы центральных органов исполнительной власти (по полномочиям) составляют региональный уровень субъектов территориальной обороны.

Следующим этапом должна стать разработка типовых положений территориальной обороны на региональном уровне, поскольку одних программ развития территориальной обороны на определенный период недостаточно. Но стоит сделать ремарку на том, что отдельные регионы требуют усиленного внимания в правотворческой и правоприменительной сферах, поскольку имеют на своей территории проявления вооруженной агрессии. Поэтому системы мероприятий территориальной обороны таких регионов могут отличаться усилением тех или иных административно-распорядительных

действий оборонного, правоохранительного, организационного характера и тому подобное.

К обязательным мероприятиям территориальной обороны, которые должны осуществляться региональными субъектами территориальной обороны, следует отнести:

1) проведение систематического обучения населения региона в сфере территориальной обороны. Оно должно включать: а) нормативно-методическое обеспечение функционирования единой системы подготовки населения в области территориальной обороны; б) планирование и осуществление обучения населения; в) создание, оснащение и всестороннее обеспечение учебно-консультационных пунктов по вопросам территориальной обороны; г) создание и поддержание в рабочем состоянии учебной и материально-технической базы; д) организация и осуществление пропаганды знаний в области территориальной обороны;

2) оповещение населения о возникновении опасности при ведении военных действий или последствий этих действий, а также при возникновении чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера. Для этого необходимо: а) создание локальных систем оперативного оповещения населения; б) установка специализированных технических средств оповещения и информирования населения в местах массового пребывания людей; в) комплексное использование средств единой сети Интернет, сетей и средств радио, телевизионного вещания и других технических средств передачи информации; г) сбор и мониторинг информации в сфере территориальной обороны;

3) обеспечение эвакуации населения, материальных и культурных ценностей в безопасные районы за счет: а) организации планирования, подготовки и проведения эвакуации; б) подготовки районов размещения эвакуированного населения, мест хранения материальных и культурных ценностей; в) создание и организация деятельности эвакуационных органов, а также подготовка их личного состава;

4) меры по оказанию населению убежищ и средств индивидуальной защиты;

5) мероприятия по проведению аварийно-спасательных работ в случае

возникновения опасностей для населения при ведении военных действий или вследствие этих действий. Для этого необходимо: а) создать, оснастить и подготовить аварийно-спасательные формирования и спасательные службы, а также планировать их действия; б) создать и поддерживать в состоянии постоянной готовности к использованию по назначению запасов материально-технических, продовольственных, медицинских и иных средств для всестороннего обеспечения аварийно-спасательных работ; в) разработать и внедрить современные технологии и технические средства проведения аварийно-спасательных работ; г) организовать взаимодействие с органами государственной власти, специальными формированиями и общественностью;

6) меры первоочередного обеспечения населения, пострадавшего от военных действий или вследствие этих действий; медицинское обслуживание;

7) меры по восстановлению и поддержанию порядка в районах, пострадавших во время военных действий или вследствие этих действий. Они предусматривают: а) создание сил охраны общественного порядка, их оснащение материально-техническими средствами; б) восстановление и охрана общественного порядка, обеспечение безопасности дорожного движения в населенных пунктах района и на маршрутах эвакуации населения; в) охрана объектов, подлежащих обязательной охране органами Национальной полиции, имущества юридических и физических лиц (в соответствии с договором), принятие мер по охране имущества, оставшегося без присмотра и тому подобное;

8) меры, направленные на сохранение важных объектов и коммуникаций, а именно: а) рациональное размещение важных объектов экономики и инфраструктуры, а также средств производства в соответствии с требованиями строительных норм и правил осуществления инженерно-технических мероприятий гражданской обороны; б) планирование и проведение мероприятий комплексной маскировки; в) разработка и проведение мероприятий, направленных на повышение надежности функционирования систем и источников энерго-, тепло- и водоснабжения;

г) разработка и реализация в мирное и военное время инженерно-технических мероприятий гражданской обороны; д) планирование, подготовка и проведение аварийно-спасательных и других неотложных работ на важных объектах экономики и коммуникациях, которые продолжают работу в военное время; е) заблаговременное создание запасов материально-технических, продовольственных, медицинских и иных средств, необходимых для сохранения и (или) восстановление производственного процесса; ё) создание территориального страхового фонда документации; ж) повышение эффективности защиты производственных фондов при воздействии на них современных средств поражения.

В общем, подготовку территориальной обороны целесообразно проводить в два этапа. На первом этапе заблаговременно в мирное время должны быть приняты все организационные решения, спланированы мероприятия территориальной обороны во всех звеньях, определены и доведены задания исполнителям. Кроме того, заблаговременно организуются взаимодействие, управление, обеспечение, подготовка территории, объектов, органов управления, сил и средств, привлекаемых для территориальной обороны. Одновременно решаются вопросы: охраны государственной границы; прикрытия и охраны важных военных, народнохозяйственных объектов, объектов на коммуникациях; осуществления контрразведывательной деятельности по выявлению, предупреждению и пресечению разведывательно-подрывной деятельности иностранных спецслужб, проведения антитеррористических мероприятий; обеспечения общественного порядка и общественной безопасности; ликвидации последствий стихийных бедствий, катастроф, аварий, решения других задач.

На втором этапе – в период возникновения угрозы – уточняются решения, задачи субъектам территориальной обороны, решаются вопросы взаимодействия, управления и обеспечения; осуществляется развертывание в полном объеме сил, средств и выполнение мероприятий территориальной обороны.

Достаточно сложным и нерешенным остается вопрос функциониро-

вания и привлечения в ряды территориальной обороны добровольческих батальонов и других военных формирований, структурно входящих в состав Вооруженных сил Украины. Согласно Конституции Украины на территории нашего государства запрещена деятельность не предусмотренных законом военизированных или вооруженных формирований. Такие действия наказываются Уголовным кодексом Украины (статья 260). При этом законодатель уточняет, что под военизированными следует понимать формирования, которые имеют организационную структуру военного типа, а именно: единоначалие, подчиненность и дисциплину, и в которых проводится военная или строевая или физическая подготовка. В свою очередь, под вооруженными формированиями следует понимать военизированные группы, которые незаконно имеют на вооружении пригодное для использования огнестрельное, взрывное или другое оружие [2].

Но с 2014 года начали появляться добровольческие воинские формирования Украины (известные также как Добровольческие батальоны или Добробаты); есть военные, полицейские и парамилитарные формирования, вступление в которые проходит на добровольческой основе, и которые были созданы в ответ на российскую агрессию с целью защиты территориальной целостности и суверенитета Украины. На сегодняшний день согласно назначению и подчинению различают четыре группы таких добробатов:

- 1) созданные под руководством Министерства обороны Украины батальоны территориальной обороны;
- 2) созданные под руководством Министерства внутренних дел – добровольческие формирования Национальной гвардии Украины;
- 3) созданные под руководством Министерства внутренних дел – добровольческие формирования патрульной службы полиции особого назначения;
- 4) независимые от государственных силовых структур добровольческие формирования.

Если вопрос правового статуса первых трех видов является несколько понятным, учитывая их подчиненность органам государственной власти, то правовой статус независимых от госу-

дарственных силовых структур добровольческих формирований вызывает много нареканий, поскольку для того, чтобы их легализовать, необходимо внести изменения в Конституцию Украины, а это достаточно кропотливый и продолжительный процесс – и, по сути, почти невозможный. Одновременно опыт военных действий на востоке Украины показал чрезвычайную их активность и важность для реализации мероприятий территориальной обороны.

Поэтому считается уместным разработать и принять Закон Украины «О добровольческих формированиях в Украине», в котором необходимо закрепить полномочия добробатов, их структурное построение и подчиненность, порядок вооружения, финансовое и материально-техническое обеспечение и оснащенность. К тому же Верховная Рада в 2014 году установила День украинского добровольца, который будет отмечаться ежегодно 14 марта. Проект № 4261 этого постановления поддержал 231 народный депутат.

В контексте изложенного и учитывая то обстоятельство, что выше мы говорили об организации и обеспечении взаимодействия между субъектами территориальной обороны, необходимым считается также предложение разработать соответствующее Положение, утвержденное Министерством обороны Украины. В частности, должно быть выработано единое информационное пространство с целью оптимального обеспечения координации между субъектами территориальной обороны.

Выводы. Таким образом, можем говорить о том, что перед государством стоит очень много задач в сфере территориальной обороны. Их актуальность несомненна, поскольку постоянные угрозы извне и эскалация внутренних конфликтов дестабилизируют экономическое развитие государства и отдельных ее регионов, тормозят развитие благосостояния населения и не дают возможности войти в международное сообщество полноправным участником. Поэтому оптимизация государственного управления, совершенствование законодательства и практики его применения являются приоритетными направлениями административно-правового обеспечения территориальной обороны Украины.

Список использованной литературы:

1. Про рішення Ради національної безпеки й оборони України від 2 вересня 2015 р. «Про нову редакцію Воєнної доктрини України»: Указ Президента України від 24 вересня 2015 р. № 555/2015. База даних «Законодавство України». Верховна Рада України. URL: <http://zakon0.rada.gov.ua/laws/show/555/2015>

2. Кримінальний кодекс України: Закон України від 5 квітня 2001 р. № 2341-III. База даних «Законодавство України». Верховна Рада України. URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/2341-14>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Калгушкин Юрий Леонидович – аспирант Харьковского национального университета внутренних дел

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kalgushkin Yuriy Leonidovich – Postgraduate Student of Kharkiv National University of Internal Affairs

stanislav2107@mail.ru

УДК 343.85

КРИМИНАЛИСТИКА – ТЕХНОЛОГИЯ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ (КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ТЕХНОЛОГИЯ)

Руслан КОМИСАРЧУК,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики
Национального университета «Одесская юридическая академия»

АННОТАЦИЯ

В статье обозначены отдельные составляющие учения о криминалистической технологии, на основе которого возможно выработать комплекс научно обоснованных практических рекомендаций по повышению эффективности обеспечения криминалистической деятельности в сфере уголовного производства, основываясь на технологической парадигме. Ведь методологический кризис современной криминалистики возможно победить с помощью перехода к новой парадигме, способной объяснять возникающие проблемы и определять пути их решения. Соответственно, нужна обновленная гносеология – это эпистемология криминалистики как учение о криминалистическом знании, и ее методология – криминалистическая технология как практика познания и форма рациональности этого знания.

Ключевые слова: общая теория криминалистики, учение о криминалистической технологии, технологическая парадигма, цель, задачи и функции криминалистики.

CRIMINALISM – TECHNOLOGY OF COMBATING CRIME (CRIMINALISTIC TECHNOLOGY)

Ruslan KOMISARCHUK,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Criminalistics
of National University “Odessa Academy of Law”

SUMMARY

The article outlines some components of the doctrine of forensic technology, on the basis of which it is possible to develop a set of scientifically sound practical recommendations on improving the effectiveness of criminal law enforcement in the field of criminal proceedings based on a technological paradigm. Indeed, the methodological crisis of modern criminalistics can be win by moving to a new paradigm that can explain the emerging problems and determine the ways to solve them. Accordingly, an updated epistemology is needed – this is the epistemology of criminalistics, and its methodology – criminalistic technology, as the practice of cognition and the form of rationality of this knowledge.

Key words: general theory of criminalistics, the doctrine of criminalistics technology, technological paradigm, goal, tasks and functions of criminalistics.

Постановка проблемы. Поисково-познавательная уголовная процессуальная деятельность правоохранительных органов осуществляется в форме применения, соблюдения, исполнения и использования ими права для борьбы с преступностью. Но для эффективной реализации своих задач необходима определенная система, своеобразный свод средств, правил, принципов, приемов, способов и методов, механизмов, которые объединяются в одном системном образовании. Таким системным образованием, сложившимся в процессе накопления криминалистических знаний, криминалистических средств и их нарастающего использования в практике борьбы с преступностью, должна стать криминалистическая технология.

Актуальность темы исследования подтверждается степенью нераскрытости темы. Почему обращаемся к поня-

тию «криминалистическая технология»? Потому что современную криминалистику мы понимаем как технологию, которая формирует криминалистические знания, обеспечивая этим предметную сферу борьбы с преступностью. То есть **криминалистика – технология борьбы с преступностью. Отсюда наше понимание «криминалистической технологии» (далее – КТ).** При этом закономерные тенденции развития различных наук (естественных, гуманитарных, социальных, когнитивных, разных технологий и тому подобное), а на их основе различных парадигм свидетельствуют об интеграции различных отраслей научных знаний в криминалистику, что требует многоаспектного познания её проблем.

Состояние исследования. Предпосылки этой проблемы многовековые, присутствуют в работах многих ученых и разных наук. Но в таком формате иссле-

дование этого вопроса не проводилось. Дискуссии по проблемам КТ в определённом формате отсутствуют, потому что недостаточно изучены фундаментальные проблемы теории, методологии и истории современной криминалистической науки, собственно: объект и предмет криминалистики; её философское основание; отсутствие комплексного анализа причин неудовлетворенности современной криминалистикой и существующей криминалистической практикой; отсутствуют обсуждения актуальных вопросов практического значения и так далее. Отсюда критическое состояние классической отечественной криминалистической теории, а также ее соответствие реальному познавательному процессу и практике. Но, несмотря на отмеченное, следует признать необратимым процесс становления новой криминалистической парадигмы, глубоких концептуальных

изменений в содержании криминалистики как технологии борьбы с преступностью, что приведёт к обновлению смысла и содержания основных научных категорий, цели и ценностей криминалистического научного сообщества.

Целью и задачей статьи является постановка вопроса о возможности разработки новой концепции, нового определения криминалистики как технологии борьбы с преступностью (криминалистической технологии) с последующим её определением как науки, учебной дисциплины и практики.

Изложение основного материала. Главным источником формирования криминалистики как науки XIX века была техника, «идея техники». Но дальнейшее усложнение составляющих элементов техники в XX–XXI веках привело к возникновению в XX веке технологической парадигмы, которая сегодня, в XXI веке, приобретает статус научно-практического применения, что в совокупности формирует модели различных парадигм. В правоприменении одной из таких парадигм является информационно-технологическая парадигма криминалистики, что требует выделения криминалистической технологии в относительно самостоятельную сферу знаний, предметом которой является системное взаимодействие новой разновидности явлений – криминалистических знаний и средств (политических, стратегических, организационно-управленческих, технических, тактических) борьбы с преступностью, состав и взаимодействие которых и является собственно содержанием и формой криминалистической технологии.

Концепции относительно «криминалистической технологии» как нового типа криминалистики в настоящее время не разработано, хотя в настоящее время криминалистическая технологическая проблематика стала разрабатываться учеными-теоретиками, но ими не охватывается глубина всей проблемы, поскольку криминалистика уже по своей природе технологическая, а криминалистические знания – технологичны и технологизируемые.

Интерес к проблеме обусловлен объективными причинами: развитие уголовной процессуальной поисково-познавательной деятельности лиц и органов, уполномоченных на ее осуществление, что требует более развитых форм криминалистического опосредования, и коли-

чественный рост технических, тактических, методических средств, что является следствием качественного развития деятельности правоохранительных органов и, соответственно, отражением растущей социальной потребности в более детальной разработке прикладных вопросов осуществления разных ее видов.

Например, если на этапе оформления криминалистики она выступала как уголовная техника, то на современном этапе ученые включают в ее состав, наряду с техникой, максимально широкий инструментальный набор теоретических, тактических, психологических, методических, стратегических и других элементов, которые все меньше и меньше относятся только к криминалистической деятельности, как это было в период зарождения криминалистики в XIX столетии.

Соответственно, такое значительное расширение объема содержания криминалистики обусловлено усилением в настоящее время интереса отечественных ученых к исследованию проблем уголовной процессуальной поисково-познавательной деятельности правоохранительных органов, что проявляется в углубленной, по сравнению с прошлыми годами, разработке ими общей теории и методологии криминалистики, объекта и предмета криминалистической науки, ее субъектного состава, содержания, формы, видов. На этом основании в настоящее время в криминалистике как науке ориентация должна осуществляться на создание упорядоченной системы знаний, средств, способов, приемов уголовной процессуальной деятельности правоохранительных органов для достижения правовых целей в конкретных правовых ситуациях при осуществлении юридически значимых действий в борьбе с преступностью.

Наиболее наглядным результатом этого процесса является количественное увеличение структурных элементов криминалистической техники, тактики и методики, что объективно порождает потребность в их эффективном системном использовании, без которого в условиях усложнения социальных отношений субъекты доказывания не могут должным образом осуществлять свои интересы, определять и реализовывать свою правовую цель в борьбе с преступностью. Прямым следствием этого процесса логического развития техно-

логической концепции криминалистики является научный интерес к криминалистической технологии как к образованию, способному консолидировать на системной основе разрозненные знания о средствах, правилах, приемах, способах, методах эффективной уголовной процессуальной поисково-познавательной деятельности правоохранительных органов.

Таким образом, основываясь на изложенном анализе особенностей научного исследования различных аспектов уголовной процессуальной поисково-познавательной деятельности правоохранительных органов, можно сделать вывод о том, что ее развитие связано с усложнением общественной жизни, которая требует более развитой формы ее криминалистического обеспечения, логично приводит к возникновению криминалистической технологии. Причем считаем, что те представления, сложившиеся в научной литературе о соотношении криминалистической техники, тактики и методики как родовых образований и которые изучают и обеспечивают своим инструментарием следоведческий аспект поисково-познавательной уголовной процессуальной деятельности правоохранительных органов, не являются убедительными, ведь не отвечают современным потребностям криминалистической теории и практики. Разумеется, их разграничение в рамках поисково-познавательной уголовно-процессуальной деятельности правоохранительных органов обосновано и необходимо, но это разграничение существует как их диалектическая взаимозависимость, взаимопроникновение.

Нужна концепция, охватывающая всю сферу борьбы преступностью. С этих позиций главное в криминалистике – это то, что непосредственно востребовано и используется практикой, то есть криминалистические знания, методы, приемы и средства. При этом речь должна идти не только об их разработке, но и обеспечении их внедрения в практическую деятельность правоохранительных органов. Теоретические криминалистические знания должны рассматриваться не как основа, а как средство обеспечения дальнейшего решения прикладных проблем практики. Ведь криминалистическое знание обеспечивает разработку и совершенствование криминалистического арсенала средств борьбы с пре-

ступностью. Только при таком условии предметно-технологической ориентации криминалистика может стать источником эффективных изменений практики выявления, расследования и предупреждения преступлений. Для этого нужно технологическое решение практических криминалистических задач, возникающих в повседневной криминалистической деятельности. Поэтому криминалистические знания через методы, приемы и средства приобретают в настоящее время статус фундаментального знания, непосредственное использование которого способно целенаправленно изменять содержание практической деятельности по выявлению, расследованию и предупреждению преступлений.

Отдельные средства, правила, способы и приемы осуществления уголовной процессуальной поисково-познавательной деятельности правоохранительных органов изучаются в рамках отраслевой процессуальной науки – уголовного процесса, однако им охватывается только юрисдикционный способ осуществления правоприменительной деятельности. Кроме того, в рамках уголовной процессуальной науки сконцентрированы только те инструментальные составляющие технологии применения права, в том числе судами, что нормативно регламентированы, а это значительно ограничивает технологический инструментарий уголовной процессуальной поисково-познавательной деятельности правоохранительных органов. По нашему убеждению, именно с помощью концепции КТ можно свести воедино сейчас фрагментарные и разобщенные научно-практические концепции, посвященные отдельным вопросам осуществления деятельности правоохранительных органов (в том числе, и концепций криминалистической стратегии, криминалистической политики, криминалистической безопасности).

Рассмотрев вопрос о становлении концепции криминалистической технологии, обратимся к проблемам определения понятия криминалистической технологии. Для этого выясним вопрос о ее месте в системе юридического знания, соотношении с наукой права и другими науками, а также установим ее объект, предмет, цели, задачи и соотношение с юридической деятельностью.

Считаем, что вопрос о месте криминалистической технологии в системе

криминалистического знания является главным для определения ее понятия.

Криминалистическую технологию нельзя сводить только к практике или только к науке. Исходя из сущности общего определения технологии, к ее сфере должно относиться как использование, так и само формирование научно-технологических знаний. Соответственно, если юридическая наука дает обобщенные, принципиальные знания о борьбе с преступностью (нормах надлежащего и дозволенного поведения и реакции на противоправное поведение в процессе выявления, расследования и предупреждения преступлений), то криминалистическая технология включает в себя знания о том, каким образом и с помощью каких криминалистических средств следует осуществлять деятельность по борьбе с преступностью, и его приспособление к конкретным жизненным обстоятельствам и условиям, каким конкретно образом следует осуществлять уголовную процессуальную поисково-познавательную деятельность правоохранительных органов для выявления, расследования и предупреждения преступлений, а также производит комплекс особых научно-технологических знаний о создании и реализации криминалистических средств борьбы с преступностью на практике, который становится объектом исследования в рамках науки криминалистики и может служить основанием для выработки криминалистической науки новых знаний.

Поэтому в силу своей специфики криминалистическая технология является специальной прикладной юридической наукой, которая также приспособливает для своих целей данные других наук для борьбы с преступностью.

Однако следует отметить, что данные наук, применяемые в криминалистической технологии, используются не напрямую, а только после их преобразования в специфическое технологическое знание, на основании которого возможно точно установить, какие конкретно криминалистически-технологические средства необходимо использовать в реальной уголовной процессуальной поисково-познавательной деятельности правоохранительных органов с целью достижения желаемого результата. Совокупность технологических знаний такого рода и основанных на них технолого-технических, технолого-тактических, техноло-

го-методических, технолого-стратегических, криминалистически-политических средств, средств криминалистической безопасности и составляет содержание криминалистической технологии как прикладной юридической науки.

Определив сущность криминалистической технологии, можно перейти к вопросу об её понятии. Однако для более глубокого раскрытия этого вопроса необходимо четко осознать: как криминалистическая технология соотносится с юридической деятельностью, что она представляет собой в динамическом аспекте: это активная преобразовательная деятельность или статический свод рекомендаций? Представляется, что сущностный характер криминалистической технологии в том, что она, прежде всего, является системным образованием, а потому имеет сложный, объемный состав. В силу этого она должна рассматриваться в двух аспектах; во внешнем – по отношению к объекту, который ее упорядочивает и преобразовывает, и во внутреннем – по отношению к составным частям и механизму самой криминалистической технологии как системы. Соответственно, в зависимости от того, в каком аспекте она выступает, меняется и ее начало. Так, по отношению к объекту, который ее упорядочивает и преобразовывает с помощью ее структурных элементов общественных отношений (во внешней сфере), она представляет собой совокупность (систему) криминалистически-технологических знаний (средств) уголовной процессуальной поисково-познавательной деятельности правоохранительных органов, в ходе которой превращаются соответствующие общественные отношения для борьбы с преступностью. То есть в этом смысле криминалистика является своего рода инструкцией (технологией) о том, что именно необходимо сделать для того, чтобы достичь поставленной правовой цели в борьбе с преступностью, каким образом необходимо осуществлять ту или иную активно-преобразующую уголовную процессуальную поисково-познавательную деятельность правоохранительных органов.

В этом своем аспекте она статична и, соответственно, не тождественна уголовной процессуальной поисково-познавательной деятельности правоохранительных органов в целом или какой-то ее стороны, части, понимается как система

целенаправленных действий и операций, направленных на решение юридической задачи; способ обеспечения правовых основ в обществе; вид более общей человеческой деятельности, которая часто определяется как способ существования человека, как система материально-практических, интеллектуальных и духовных операций.

Считаем, что криминалистическая технология в своем прикладном значении является одним из «деятельностных элементов» уголовной процессуальной поисково-познавательной деятельности правоохранительных органов как юридической деятельности. Она фактически создана для осуществления юридической деятельности своими криминалистически-технологическими знаниями (средствами).

Если же рассматривать криминалистическую технологию во внутреннем аспекте, то она приобретает деятельностное начало, проявляется в формировании криминалистически-технологических средств осуществления уголовной процессуальной поисково-познавательной деятельности правоохранительных органов наиболее оптимальным образом при выявлении, расследовании и предупреждении преступлений, способствующих достижению желаемого субъектом этой деятельности правового результата в процессуальные сроки и с минимальными материальными, временными и правовыми затратами.

Соответственно, исходя из такого понимания характера криминалистической технологии, в этом своем аспекте она также не тождественна юридической деятельности и ее отдельным составляющим, так как направлена на получение криминалистически-технологического знания о способах осуществления уголовной процессуальной поисково-познавательной деятельности правоохранительных органов.

Принимая во внимание эпистемологический характер криминалистической технологии, одним из основных составляющих ее деятельностного начала является интеллектуально-волевая деятельность по созданию новых и усовершенствованных уже имеющихся приемов, правил, способов, методов, составляющих ее структуру, в том числе и путем исследования данных (криминалистический мониторинг) о результатах применения этих правил и методов

в криминалистической деятельности, а также приспособлении их под насущные потребности активно-преобразовательного теоретического знания фундаментальных наук.

Именно благодаря этому деятельностному характеру внутреннего аспекта криминалистическая технология является не просто совокупностью различных структурных элементов, а системой, саморазвивающейся. Данная особенность криминалистической технологии позволяет определить ее как автономную систему, которая, двигаясь по собственной динамике через внутренние изменения, имманентно развивается на собственной основе – на криминалистических знаниях. Соответственно, этот дуалистический характер криминалистической технологии имеет определяющее влияние на ее внутреннее содержание, отражается на ее объекте и предмете.

Так, если в своем научном (познавательном) аспекте криминалистическая технология как наука направленная на выяснение сути явлений окружающего мира, попадают в сферу ее влияния описание их структуры, определение их функций, объяснение причин и механизма их возникновения и дальнейшего развития, то в своем практическом (прикладном) аспекте она направлена на упорядоченное, системное применение научных знаний в реальной уголовной процессуальной поисково-познавательной деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью.

Соответственно, такой дуализм сказывается на характере влияния криминалистической технологии на объект. Так, с одной стороны, она влияет на объект с целью его практического преобразования в целях уголовной процессуальной поисково-познавательной деятельности правоохранительных органов, а с другой – с целью его познания для дальнейшего совершенствования деятельности правоохранительных органов. Поэтому предметом воздействия криминалистической технологии как в познавательном, так и в преобразовательном смысле выступает уголовная процессуальная поисково-познавательная деятельность правоохранительных органов в целом, в ходе осуществления которой создается и реализуется право. Криминалистическая технология выступает здесь как средство оптимизируемого преоб-

разования криминалистическо-правовой действительности.

Этот дуалистический характер криминалистической технологии определяет ее цели и задачи. С одной стороны, целью криминалистической технологии должно быть обеспечение субъектов уголовной процессуальной поисково-познавательной деятельности правоохранительных органов криминалистически-технологическими средствами борьбы с преступностью, а с другой – получение знания о сущности средств, приемов, методов и правил создания и их реализации в деятельности правоохранительных органов; приспособления данных различных наук для борьбы с преступностью; разработка на этой базе правил поведения, стандартных алгоритмов, шаблонов поведения субъектов деятельности правоохранительных органов с целью достижения ими оптимального желаемого правового результата; систематизация деятельности правоохранительных органов и выработка средств ее осуществления в рамках этих шаблонов, разработка инструкций, рекомендаций, методик и других внешних форм выражения криминалистически-технологического знания по осуществлению различных видов уголовной процессуальной поисково-познавательной деятельности правоохранительных органов.

Специфика объекта криминалистической технологии проявляется в том, что целью с эпистемологической позиции является изучение практики применения инструментария криминалистической технологии (криминалистических знаний) в конкретных правовых ситуациях по выявлению, расследованию и предупреждению преступлений с точки зрения его эффективности и совершенствования на этой основе криминалистически-технологического инструментария на основе полученного таким образом нового знания. Итак, современная криминалистика имеет своим предметом криминалистическое знание и познание следоведческого аспекта уголовной процессуальной поисково-познавательной деятельности правоохранительных органов как специфической логико-методологической процедуры (криминалистической технологии) борьбы с преступностью.

Благодаря этому своему свойству криминалистическая технология имеет право называться самодостаточной, «автономной» системой.

Выводы. Таким образом, сущность криминалистической технологии заключается в единстве и взаимодействии познавательного, что превращает и упорядочивает влияние субъекта на общественные отношения, подлежащие преобразованию, складывающиеся по поводу формирования и реализации криминалистических знаний (средств) в борьбе с преступностью. В криминалистической технологии осуществляется освоение и приспособление знаний различных наук под конкретную цель – создание и использование криминалистически-технических, криминалистически-тактических, криминалистически-методических, криминалистически-стратегических, криминалистически-политических средств для разработки на этой основе алгоритмов поведения субъектов поисково-познавательной деятельности с целью получения ими эффективных криминалистических знаний (средств) для борьбы с преступностью.

Резюмируя вышеизложенное можно сформулировать следующее определение:

Криминалистическая технология – система научных знаний об оптимальном взаимодействии юридических и криминалистических знаний (средств), отраженных в криминалистической политике, безопасности, стратегии, технике, тактике, методике, используемых в уголовной процессуальной поисково-познавательной деятельности правоохранительных органов в целях борьбы с преступностью.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Комисарчук Руслан Васильевич – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики Национального университета «Одесская юридическая академия»

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Komisarchuk Ruslan Vasilevich – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Criminalistics of National University "Odessa Academy of Law"

komisarr@ukr.net

УДК 342.9:347.3+351.811.123(477)

АДМИНИСТРАТИВНЫЕ УСЛУГИ СЕРВИСНЫХ ЦЕНТРОВ МВД УКРАИНЫ ПО РЕГИСТРАЦИИ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ

Андрей КОПТЕВ,

адъюнкт кафедры административного права,
процесса и административной деятельности
Днепропетровского государственного университета внутренних дел

АННОТАЦИЯ

Рассмотрен порядок и особенности предоставления административных услуг сервисными центрами МВД Украины в сфере регистрации транспортных средств. Государственная регистрация рассмотрена как форма административной услуги. Также уделено внимание и контрольным функциям государственной регистрации.

Установлены виды транспортных средств, подлежащих государственной регистрации, а также нормативно-правовые акты, регламентирующие порядок их регистрации. Выявлены недостатки отдельных норм указанных актов и даны предложения по их совершенствованию.

Определены виды административных услуг по регистрации транспортных средств, а также последовательность деятельности сервисных центров МВД Украины по их осуществлению.

Предложено определение понятия регистрационной деятельности сервисных центров МВД Украины и выделены стадии процедуры регистрации транспортных средств.

Ключевые слова: сервисные центры МВД Украины, административная услуга, государственная регистрация, транспортные средства.

ADMINISTRATIVE SERVICES OF THE SERVICE CENTERS OF THE MIA OF UKRAINE REGISTRATION OF VEHICLES

Andrey KOPTEV,

Adjunct at the Department of Administrative Law,
Process and Administrative Activity
of Dnepropetrovsk State University of Internal Affairs

SUMMARY

The order and peculiarities of providing administrative services by the Ministry of Internal Affairs of Ukraine in the registration of transport means are considered. State registration is considered as a form of administrative service. Attention is also paid to the control functions of state registration.

The types of vehicles subject to state registration, as well as regulatory and legal acts regulating the procedure for their registration, are established. The shortcomings of certain norms of these acts have been revealed and suggestions have been made for their improvement.

The types of administrative services for the registration of vehicles, as well as the sequence of activities of the service centers of the Ministry of Internal Affairs of Ukraine for their implementation are determined.

The definition of the concept of registration activity of the service centers of the Ministry of Internal Affairs of Ukraine is proposed and the stages of the registration procedure for vehicles are identified.

Key words: service centers of the Ministry of Internal Affairs of Ukraine, administrative service, state registration, vehicles.

Постановка проблемы. Государство, возлагая на сервисные центры МВД Украины обязанности по регистрации транспортных средств, делегирует в последние важную государственную функцию в сфере обе-

спечения безопасности дорожного движения. Административные услуги по регистрации транспортных средств являются одним из самых ответственных направлений работы сервисных центров МВД Украины. В то же время,

анализ нормативно-правовых актов, регламентирующих регистрационную деятельность сервисных центров МВД Украины, свидетельствует о наличии в них недостатков, влияющих на качество предоставления административных услуг в этой сфере.

Актуальность темы исследования подтверждается степенью нераскрытости темы регистрационной деятельности сервисных центров МВД Украины, необходимостью совершенствования нормативно-правовой базы регистрационной деятельности сервисных центров МВД Украины, что предопределяет необходимость комплексного и всестороннего анализа данной темы.

Состояние исследования. Административные услуги, предоставляемые органами публичной администрации, стали предметом исследования многих ученых. Можно выделить работы таких ученых как В. Б. Аверьянов, А. Ф. Андриуша, Н. А. Армаш, К. К. Афанасьев, Ю. П. Битяк, В. Т. Белоус, В. М. Бевзенко, Т. А. Буренко, А. Н. Буханевич, Н. В. Васильева, М. Ю. Вихляев, Д. А. Власенко, В. М. Гарашук, И. П. Голосниченко, Н. Л. Губерская, Е. Ф. Демский, П. В. Дихтиевский, В. С. Долечек, И. В. Дроздова, С. Б. Жара, Т. Е. Кагановская, Г. А. Каложный, Е.А. Легеза и др.

Отдельно можно выделить работы, посвященные непосредственно предоставлению услуг в сфере безопасности дорожного движения. Это работы С. С. Савченко «Регистрационные процедуры в деятельности органов внутренних дел» (2011 год) [1], Д. В. Папандопуло «Государственная регистрация транспортных средств как мера противодействия их незаконному обороту» (2006 год) [2], В. В. Степаненко «Регистрационные производства в деятельности подразделений Государственной автомобильной инспекции МВД Украины» (2013 год) [3], А. И. Скорова «Административные акты Министерства внутренних дел в сфере обеспечения безопасности дорожного движения» (2016) [4]. В то же время, в указанных работах деятельности сервисных центров МВД Украины уделено мало внимания в связи с незначительным сроком их существования. Учитывая указанное, возникает необ-

ходимость рассмотрения вопроса предоставления административных услуг сервисными центрами МВД Украины относительно регистрации транспортных средств.

Целью и задачей статьи является рассмотрение порядка и особенностей предоставления административных услуг сервисными центрами МВД Украины в сфере регистрации транспортных средств, определение недостатков нормативно-правовой базы в этой сфере и разработки предложений по её усовершенствованию.

Изложение основного материала. Кроме формы контроля, государственная регистрация в научной литературе также рассматривается как форма и метод государственного управления, правовой институт и др. Мы же его будем рассматривать именно как административную услугу. Но в то же время, поскольку сервисные центры МВД Украины, предоставляя административные услуги по регистрации транспортных средств, осуществляющих при этом контроль за соответствием конструкции и технического состояния транспортных средств установленным требованиям законодательства, соблюдением законодательства, определяющего порядок уплаты налогов и сборов (обязательных платежей), следует уделить внимание и контрольным функциям государственной регистрации.

К транспортным средствам, которые подлежат государственной регистрации, Закон Украины «О дорожном движении» относит автомобили, автобусы, мотоциклы всех типов, марок и моделей, самоходные машины, прицепы и полуприцепы к ним, мотоколяски, другие приравненные к ним транспортные средства и мопеды, используемые на автомобильных дорогах государственного значения [5].

Кроме того, Закон Украины «Об автомобильном транспорте» определяет особенности регистрации автомобильного транспорта в зависимости от сферы его применения. При этом выделяется 3 категории автомобильного транспорта: общего пользования, специального и специализированного назначения [6].

В примечании к статье 121 КУоАП определен перечень транспортных средств, на которых может совершаться правонарушения в сфере

безопасности дорожного движения. К ним указанная норма относит все виды автомобилей, тракторы и другие самоходные машины, трамваи и троллейбусы, а также мотоциклы и другие транспортные средства [7]. Как видим, этот перечень транспортных средств не является тождественным с перечнем, определенным в статье 34 Закона Украины «О дорожном движении», в частности отсутствуют автобусы, мопеды, прицепы и полуприцепы, мотоколяски. Однако появляется такой вид транспортного средства как трактор. К тому же, норма КУоАП не дает исчерпывающего перечня транспортных средств, определяя, что ими могут быть и другие транспортные средства.

Считаем, что перечень транспортных средств, подлежащих государственной регистрации и за которые предусмотрена ответственность за невыполнение этой обязанности, должен быть идентичным. Следовательно, необходимо привести в соответствие часть 3 статьи 34 Закона Украины «О дорожном движении» и примечание к статье 121 КУоАП. Также, на наш взгляд, не корректным является указание в статье 34 Закона Украины «О дорожном движении» на то, что государственной регистрации и учету подлежат предназначенные для эксплуатации на улично-дорожной сети общего пользования транспортные средства всех типов с последующей конкретизацией какие именно транспортные средства. Ведь в указанном перечне отражены не все типы транспортных средств.

Практически все типы транспортных средств, эксплуатируемые на улично-дорожной сети общего пользования, делятся на механические и не механические. Но не все из них подлежат государственной регистрации и учету в сервисных центрах МВД Украины. К первым Правила дорожного движения относят транспортные средства, приводимые в движение с помощью двигателя. Этот термин распространяется на тракторы, самоходные машины и механизмы (кроме транспортных средств, рабочий объем двигателя которых не превышает 50 куб. см), а также троллейбусы и транспортные средства с электродвигателем мощностью свыше 3 кВт [8]. К не механическим транспортным средствам относятся те, которые предназначены для движе-

ния в составе с механическим транспортным средством (прицепы, полуприцепы) или приводятся в движение с помощью мускульной силы людей (велосипеды и др.) или животных (гужевые повозки, сани и др.) [9, с. 29; 10, с. 35]. Итак, немеханические транспортные средства, кроме прицепов и полуприцепов, не подлежат государственной регистрации.

Среди транспортных средств, перечисленных в части 3 статьи 34 Закона Украины «О дорожном движении», отдельно следует выделить такой вид как мопеды. Это объясняется тем, что законодатель в указанной норме закрепил условие, при котором мопеды подлежат государственной регистрации – в случае использования на дорогах государственного значения. Отсюда следует, что когда мопед эксплуатируется в городе или другом населенном пункте на улично-дорожной сети, он не подлежит государственной регистрации, а для того, чтобы выехать на дорогу государственного значения, владельцу или другому лицу, которое эксплуатирует его на законных основаниях необходимо зарегистрировать это транспортное средство. Это выглядит не совсем логично и практика идет таким образом, что все мопеды регистрируются в территориальных подразделениях сервисных центров МВД Украины с выдачей соответствующего свидетельства о регистрации транспортного средства и номерных знаков. Также реестр судебных решений дает основания говорить о наличии практики привлечения к ответственности работниками полиции за эксплуатацию мопедов без государственной регистрации, даже если такая эксплуатация осуществляется не на дорогах государственного значения. В целом поддерживаем необходимость государственной регистрации мопедов и их учета, ведь статистические данные показывают, что значительное количество ДТП совершается с участием таких транспортных средств. Но, на наш взгляд, привлечение к административной ответственности в таком случае по статье 121 КУоАП является незаконным, ведь это противоречит требованиям части 3 статьи 34 Закона Украины «О дорожном движении». Суды также в большинстве случаев принимают сторону истцов и отменяют вынесенные работниками полиции постановления

о привлечении к административной ответственности.

Учитывая это, предлагаем внести изменения в часть 3 статьи 34 Закона Украины «О дорожном движении», а именно:

1) слова «всех типов» заменить на «таких типов»;

2) слова «используемых на автомобильных дорогах государственного значения» – исключить.

В связи с этим возникает необходимость внесения изменений и в статью 121 КУоАП, а именно в примечании к данной статье слова «все виды автомобилей, тракторы и другие самоходные машины, трамваи и троллейбусы, а также мотоциклы и другие транспортные средства» заменить словами «транспортные средства следующих типов: автомобили, автобусы, мотоциклы всех типов, марок и моделей, самоходные машины, прицепы и полуприцепы к ним, мотоколяски, другие приравниваемые к ним транспортные средства и мопеды».

Таким образом, проанализировав содержание Закона Украины «О дорожном движении», а также постановление Кабинета Министров Украины от 07.09.1998 № 1388 относительно государственной регистрации транспортных средств, её цели, можно сделать вывод, что регистрационная деятельность сервисных центров МВД Украины является не государственной регистрацией транспортных средств, но и их перерегистрации и снятия с учета.

Определим виды административных услуг по регистрации транспортных средств, а также последовательность деятельности сервисных центров МВД Украины по их осуществлению.

В зависимости от типа транспортных средств выделяют следующие виды административных услуг сервисных центров МВД Украины при осуществлении регистрационной деятельности:

1) регистрация, перерегистрация транспортных средств всех категорий отечественного производства и стран СНГ или отдельных агрегатов;

2) регистрация, перерегистрация колесных транспортных средств всех категорий иностранного производства;

3) регистрация, перерегистрация мототранспорта отечественного производства и стран СНГ;

4) регистрация, перерегистрация мототранспорта иностранного производства;

5) регистрация, перерегистрация прицепов отечественного производства и стран СНГ;

6) регистрация, перерегистрация прицепов отечественного и иностранного производства;

7) регистрация, перерегистрация мопедов или их отдельных агрегатов.

С созданием сервисных центров МВД Украины несколько изменилась процедура предоставления государственной услуги по регистрации транспортных средств. Она стала более удобной, доступной для потребителя и предоставляется в более сжатые сроки. Поэтому для определения стадий процедуры регистрации транспортных средств рассмотрим практику деятельности сервисных центров МВД Украины на примере предоставления государственной услуги по регистрации, перерегистрации транспортных средств всех категорий отечественного производства и стран СНГ с выдачей свидетельства о регистрации и номерных знаков.

Данная административная услуга предоставляется в течение одного дня на основании заявления физического лица или представителя юридического лица. К заявлению прилагаются: 1) документ, удостоверяющий личность; 2) документ, подтверждающий правомерность приобретения, получения, ввоза, таможенного оформления транспортного средства; документ, где указана стоимость транспортного средства (для первичной регистрации транспортного средства); 3) документ о соответствии конструкции транспортного средства установленным требованиям безопасности дорожного движения; 4) платежные документы (квитанции), подтверждающие оплату государственной услуги и плату за бланковую и специальную продукцию.

После этого должностное лицо сервисного центра МВД Украины рассматривает заявление и приложенные к нему документы, а соответствующее уполномоченное лицо сервисного центра МВД Украины осуществляет осмотр транспортного средства и проверку его по имеющимся базам данных, на основании чего принимается решение о регистрации транспортного средства.

Осмотр транспортного средства проводится по месту его регистрации, а по заявлению владельца транспортного средства может проводиться по месту его расположения, если транспортное средство имеет технические неисправности. Об осмотре транспортного средства уполномоченное лицо сервисного центра МВД Украины делает соответствующую отметку на заявлении или составляет акт технического осмотра транспортного средства, приобщается к регистрационно-транспортному делу.

В случае проведения экспертизы транспортного средства по проверке идентификационных номеров составных частей транспортного средства, к регистрационно-транспортному делу также приобщается заключение эксперта.

После проведения всех необходимых проверок в заявление о регистрации транспортного средства вносятся соответствующие решения, которые подписываются должностным лицом сервисного центра МВД Украины. В случае принятия положительного решения о предоставлении государственной услуги заявителю выдается свидетельство о регистрации транспортного средства и номерные знаки на транспортное средство. В свидетельство о регистрации транспортного средства заносятся данные о его владельце. По отдельному заявлению лица в графе «особые отметки» могут быть указаны лица, имеющие право пользования транспортным средством.

О каждой регистрации транспортного средства составляется электронная карточка со сведениями о транспортном средстве и его владельце. Документы регистрационно-транспортного дела подшиваются уполномоченным лицом сервисного центра МВД и хранятся в течение срока, установленного законодательством.

В случае отказа в предоставлении государственной услуги заявитель должен получить от должностного лица сервисного центра МВД Украины письмо с обоснованием причин такого отказа.

Учитывая указанную выше практику деятельности сервисных центров МВД Украины, а также то, что на сегодня административные услуги по регистрации транспортных средств предоставляются достаточно быстро,

а именно в течение дня, считаем выделить следующие стадии процедуры регистрации транспортных средств:

1) принятие заявления и необходимых к нему документов;

2) проверка должностным лицом сервисного центра МВД Украины необходимых документов и осуществления оплаты услуги;

3) обзор экспертом транспортного средства и проверка его по имеющимся базам данных;

4) выдача регистрационных документов и номерных знаков на транспортное средство или письмо с обоснованием причин отказа в регистрации транспортного средства.

Выводы. Таким образом, рассмотрев услуги сервисных центров МВД Украины по осуществлению регистрации транспортных средств, сделаны следующие выводы:

1. Понятие регистрации транспортных средств является производным от таких понятий как регистрация и государственная регистрация и относится к легитимационному виду государственной регистрации, поскольку приводят к определенным юридическим последствиям, а именно дает разрешение на эксплуатацию транспортного средства на улично-дорожной сети.

2. Обоснована необходимость проведения в соответствии части 3 статьи 34 Закона Украины «О дорожном движении» и примечание к статье 121 КУоАП в части определения перечня транспортных средств, подлежащих государственной регистрации, а также исключение из Закона условия, при котором мопеды подлежат государственной регистрации – в случае использования их на дорогах государственного значения. Учитывая это, предложено внести соответствующие изменения в Закон Украины «О дорожном движении» и КоАП.

3. Под регистрационной деятельностью сервисных центров МВД Украины предложено понимать осуществление государственной регистрации транспортных средств, их перерегистрации и снятия с учета. Выделены следующие виды административных услуг, предоставляемые сервисными центрами МВД Украины при осуществлении регистрационной деятельности: регистрация, перерегистрация транспортных средств всех категорий

отечественного производства и стран СНГ или отдельных агрегатов; регистрация, перерегистрация колесных транспортных средств всех категорий иностранного производства; регистрация, перерегистрация мототранспорта отечественного производства и стран СНГ; регистрация, перерегистрация мототранспорта иностранного производства; регистрация, перерегистрация прицепов отечественного производства и стран СНГ; регистрация, перерегистрация прицепов отечественного иностранного производства; регистрация, перерегистрация мопедов или их отдельных агрегатов.

4. Выделены 4 стадии процедуры регистрации транспортных средств:

1) принятие заявления и необходимых к нему документов;

2) проверка должностным лицом сервисного центра необходимых документов и осуществление оплаты услуги;

3) обзор экспертом транспортного средства и проверка его по имеющимся базам данных;

4) выдача регистрационных документов и номерных знаков на транспортное средство или письмо с обоснованием причин отказа в регистрации транспортного средства.

Список использованной литературы:

1. Савченко С. С. Реєстраційні процедури в діяльності органів внутрішніх справ: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.07. Сімферополь: Крим. юрид. інститут ОДУВС, 2011. 184 с.

2. Папандопуло Д.В. Государственная регистрация транспортных средств как мера противодействия их незаконному обороту: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14. Ростов-на-Дону: Ростов юрид. институт МВД России.

3. Степаненко В. В. Реєстраційні провадження в діяльності підрозділів Державної автомобільної інспекції МВС України: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.07. Луганськ: Луган. держ. ун-т внутр. справ, 2013. 196 с.

4. Скоров О. І. Адміністративні акти Міністерства внутрішніх справ в сфері забезпечення безпеки дорожнього руху: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.07. Дніпро: Дніпропет. держ. ун-т внутр. справ, 2016. 203 с.

5. Про дорожній рух: Закон України від 30 червня 1993 р. № 3353-ХІІ. Відомості Верховної Ради України. 1993. № 31. Ст. 338.

6. Про автомобільний транспорт: Закон України № 2344-ІІІ від 5 квітня 2001 р. (у редакції Закону № 3492-ІV від 23 лютого 2006 р.). ВВР України. 2006. № 32. Ст. 273.

7. Кодекс України про адміністративні правопорушення від 7 грудня 1984 року № 8073-Х. Відомості Верховної Ради УРСР. 1984. Додаток до № 51. Ст. 1122.

8. Правила дорожнього руху: Постанова Кабінету Міністрів України від 10.10.2001 року № 1306. Збірник урядових нормат. актів України. 2001. № 35. Ст. 635.

9. Комментарий к Правилам дорожного движения Украины / С. Н. Гусаров, В. Н. Зайченко, Ю. Е. Заворицкий. 2-е изд., перераб. и доп. Х.: Светофор, 2004. 336 с., илл. + прил.

10. Гаркуша В. В. Контрольна діяльність Державної автомобільної інспекції за правомірністю експлуатації транспортних засобів : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.07. К., 2012. 270 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Коптев Андрей Николаевич – адыюнкты кафедры административного права, процесса и административной деятельности Днепропетровского государственного университета внутренних дел

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Koptev Andrey Nikolaevich – Adjunct at the Department of Administrative Law, Process and Administrative Activity of Dnepropetrovsk State University of Internal Affairs

garkusha_vv@i.ua

УДК 347.96/97/99.001.73(477)

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ РЕФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ СУДОУСТРОЙСТВА УКРАИНЫ

Роман КРУСЯН,

прокурор Киевской местной прокуратуры № 10

АННОТАЦИЯ

В статье излагается концептуальная модель реформирования системы судоустройства в контексте современной теории правовой реформы, а также с учетом современных политико-правовых реалий современной Украины. Даны авторские определения системы судоустройства, соотношение понятий «реформа» и «реформирование». Обосновано, что концептуальная модель реформирования системы судоустройства Украины включает: цель реформирования – это создание эффективной системы судоустройства; принципы реформирования; механизм реформирования – комплекс организационно-правовых мер, направленных на формирование конституционно-правовой основы реформирования (нормотворчество), мониторинг внедрения реформационных процессов; развитие правосознания судей в качестве основного критерия кадрового обновления судейского корпуса.

Ключевые слова: судебная власть, система судоустройства, суды, правовая реформа, правосудие, реформирование системы судоустройства Украины.

CONCEPTUAL MODEL OF REFORMING THE UKRAINE'S JUDICIARY SYSTEM

Roman KRUSIAN,

Prosecutor of the Kyiv Local Prosecutor's Office № 10

SUMMARY

The article describes a conceptual model of reforming the judiciary system in the context of the modern theory of legal reform, taking into consideration the current political and legal realities of modern Ukraine. The author gives definitions of the judiciary; correlation of the concepts “reform” and “reforming” are presented. It is substantiated that the conceptual model of reforming the judicial system of Ukraine includes: the purpose of reform – is the creation of an effective system of judicial organization; principles of reform; the reform mechanism – is a set of organizational and legal measures aimed at forming the constitutional and legal basis for reform (rulemaking), monitoring the implementation of the reform processes; development of legal awareness of judges as the main criterion for the personnel turnover of the judiciary.

Key words: judiciary, judiciary system, courts, legal reform, justice, reform of the court system of Ukraine.

Постановка проблемы. Современный этап политико-правовых преобразований в Украине характеризуется созданием обновленной системы судоустройства с тем, чтобы она соответствовала международным стандартам правосудия, а суды стали реальными защитниками права и справедливости в соответствии с конституционным принципом верховенства права (ст. 8 Конституции Украины). Для решения этой задачи осуществляется реформирование в сфере судебной власти, которая должна привести систему судоустройства Украины, а также со-

ответствующие отрасли права в соответствие с социально-экономическими и политическими изменениями, которые произошли и продолжают происходить в обществе и государстве.

Актуальность темы исследования. Названные процессы реформирования актуализируют необходимость теоретического осмысления доктринальных основ реформирования системы судоустройства, изучения возможных линейных и синергетических проблем, возникающих в процессе осуществления этой реформы, определения путей их преодоления, а также

дальнейших тенденций реформирования, что обуславливает реальную необходимость создания научно-практической модели реформирования системы судостройства Украины.

Состояние исследования. Научный анализ реформы судебной власти, системы судостройства Украины осуществляется многими отечественными учеными. Среди них следует назвать труды таких ученых как: Н. Д. Квасневская, Р. А. Куйбида, Л. Н. Москвич, С. Ю. Обрусная, С. В. Прилуцкий, И. Е. Туркина, М. А. Фомина, О. З. Хотинская-Нор и др.

Целью и задачей статьи является изложение концептуальной модели реформирования системы судостройства Украины в контексте теории правовой реформы с учетом особенностей правовой системы и политико-правовых реалий современной Украины.

Изложение основного материала. Концептуальная (содержательная) модель реформирования системы судостройства – это научно-практическая парадигма, которая содержит принципы, механизм и конкретные цели преобразования системы судостройства, с определением тенденций ее дальнейшего совершенствования и развития в современных политико-правовых условиях функционирования государства и общества.

Методологическое значение для моделирования реформирования системы судостройства Украины имеет четкое определение системы судостройства. Среди украинских ученых нет единства относительно понятия судостройства. В частности, наблюдается отождествление таких категорий, как «судостройство», «система судов», «судебная система» и «суды» [1, с. 36, 38, 39, 41]. Кроме того, анализ юридической литературы дает основание резюмировать, что на доктринальном уровне существует несколько аспектов понимания содержания «судостройства». Так, Р. А. Куйбида, определяя понятие судостройства как судебную систему, которая охватывает суды, а также органы и учреждения, которые их обслуживают, рассматривает и такое понятие, как «система правосудия», характеризуя правосудие как определенное состояние [2, с. 6]. Л. Н. Москвич отмечает, что судостройство представляет собой организационное

оформление (организационное построение) судебной системы [3, с. 76]. И. Е. Туркина констатирует, что не стоит толковать судостройство только в широком смысле как «судебную систему» страны (что наблюдается во многих научных концепциях), то есть как виды судов и других органов судебной власти, считая, что в узком смысле, судостройство – это только структура судов [4 с. 80, 84]. М. А. Фомина, не соглашаясь с этой точкой зрения, считает, что термин «судебная система» потерял свою актуальность и эволюционировал в более широкое понятие – «судостройство», которое «представляет собой совокупность норм, устанавливающих основополагающие принципы организации и деятельности, задачи, внутреннее строение и компетенцию судов и приравненных к ним органов (третейские суды, арбитражи), а также непосредственно систему судов государства и систему органов, созданных для обслуживания этой системы» [5, с. 68].

Думается, что отсутствие единства относительно научного дефиницирования «судостройства» частично обусловлено тем, что не было законодательного определения этого понятия ни в Законе Украины «О судостройстве Украины» от 7 февраля 2002 г., ни в Законе Украины «О судостройстве и статусе судей» от 7 июля 2010 г., утративших свою юридическую силу. Ситуация меняется с принятием Закона Украины «О внесении изменений в Конституцию Украины (относительно правосудия)» [6] и Закона Украины «О судостройстве и статусе судей» от 2 июня 2016 г. (далее – Закон Украины «О судостройстве и статусе судей») [7].

Так, в разделе VIII «Правосудие» Конституции Украины применяются вербальные конструкции «система судостройства» и «система правосудия». Формально-юридический анализ положений ст. 125 Конституции Украины позволяет констатировать, что суды составляют систему судостройства Украины, высшим в которой является Верховный Суд. Системный анализ статей всего раздела VIII «Правосудие» дает основание сделать вывод, что в «систему правосудия» входят не только суды, но и другие органы, в частности, такие как Высший совет

правосудия, прокуратура, адвокатура. Кроме того, согласно ч. 10 ст. 131 Конституции Украины «в соответствии с законом в системе правосудия образуются органы и учреждения для обеспечения отбора судей, прокуроров, их профессиональной подготовки, оценки, рассмотрения дел относительно их дисциплинарной ответственности, финансового и организационного обеспечения судов». Думается, что в данном случае конституционный законодатель отождествляет такие концепты как правосудие и судебная власть, что является теоретически и практически ошибочным. Ведь правосудие – это функция судебной власти, в то время как судостройство – это организация (устройство) судебной власти.

В Законе Украины «О судостройстве и статусе судей» используются термины «судостройство» и «система судостройства». Так, согласно ст. 3 этого Закона система судостройства Украины – это суды Украины, которые образуют единую систему. Ст. 17 Закона раскрывает принципы построения судостройства, состав системы судостройства и факторы обеспечения единства этой системы. В частности, единство системы судостройства обеспечивается: едиными принципами организации и деятельности судов; единым статусом судей; обязательностью для всех судов правил судопроизводства, определенных законом; единством судебной практики; обязательностью исполнения на территории Украины судебных решений; единым порядком организационного обеспечения деятельности судов; финансированием судов исключительно из Государственного бюджета Украины; решением вопросов внутренней деятельности судов органами судейского самоуправления (ч. 4 ст. 17 Закона).

Таким образом, на законодательном уровне определено, что судостройство Украины представляет собой систему. При этом характеристика этой системы и, в частности, доктринальное моделирование ее реформирования должны быть широкими по содержанию, учитывая названные факторы, обеспечивающие единство этой системы. Системность судостройства позволяет выделить уровни этой системы: структурообразующий уровень, т.е. принципы структури-

рования судоустройства, к которым относятся принципы территориальности, специализации и инстанционности; институциональный уровень, т.е. система судов – местные суды, апелляционные суды, Верховный Суд, высшие специализированные суды; системообразующий уровень, т.е. факторы единства, обеспечивающие единство системы судоустройства, определенные в ч. 4 ст. 17 Закона Украины «О судоустройстве и статусе судей».

На основе вышеизложенного следует доктринальный вывод, что судоустройство – это нормативно определенная, структурированная организация (устройство) судебной власти на основе системности (система судоустройства), функциональной целью которой (этой системы) является осуществление правосудия.

Важное значение для создания модели реформирования системы судоустройства имеют принципы осуществления реформирования, к которым относятся: принцип международной стандартизации реформирования системы судоустройства, то есть восприятие и воплощение в процессе реформы международных стандартов в сфере правосудия и организации судебной власти; принцип системности, исходя из системных характеристик судоустройства.

На основе этих принципов должно происходить реформирование системы судоустройства как поэтапный процесс. В данном случае представляется обоснованной концепция С. Ю. Обрусной, которая выделяет следующие этапы проведения реформы: начальный (подготовительный), в ходе которого должна осуществляться подготовка к процессу реформирования (т.е. всестороннее изучение состояния функционирования судебной системы, научное обоснование необходимости проведения реформы, разработка и утверждение концепции реформирования и др.); правотворческий (т.е. правотворческая деятельность компетентных государственных органов по созданию правовых норм и нормативно-правовых актов с участием общественности); этап внедрения реформы, для которого важен такой фактор, как мониторинг хода внедрения и др.; этап корректировки – определение конкретных мер, необходимых для

ликвидации определенных недостатков, прогнозирования и определения приоритетов развития судебной системы в будущем [8, с. 393-394].

Целью реформирования системы судоустройства является формирование эффективной модели системы судоустройства как результата устойчивого развития судебной власти. Создание такой модели – сложный, постепенный и длительный процесс, требующий мобилизации многих ресурсов как общества, так и государства. Как справедливо отмечается в научной литературе, «дискуссия и работа над оптимизацией судебной системы (системы судоустройства – *Р.К.*) проводится постоянно вместе с изменением и развитием общественных отношений, которые выдвигают новые требования к судебной системе в соответствии с реалиями времени» [9, с. 244]. Это обуславливает механизм реформирования системы судоустройства, который включает комплекс организационно-правовых средств, к которым следует отнести: нормотворчество, мониторинг, развитие правосознания судей, кадровое обновление судейского корпуса.

Следовательно, для создания концептуальной модели реформирования системы судоустройства необходимо является определить: сущность, содержание эффективности системы судоустройства в качестве цели реформирования; содержание и направления нормотворческой деятельности компетентных государственного органов относительно законодательного обеспечения реформирования; программу мониторинга реформирования; особенности правосознания судей как один из критериев обновления судейского корпуса.

Целью реформирования является создание эффективной модели системы судоустройства. Мировое сообщество обладает разнообразным опытом организации и функционирования систем судоустройства. С учетом правовых систем, существующих в современном мире, а также учитывая методологию теории систем и сравнительно-правовой анализ организации и функционирования систем судоустройства разных стран, можно выделить четыре модели (типа) современных систем судоустройства: романский; германский; английский; смешанный. Впрочем,

представляется обоснованным вывод, что «в практике организации и функционирования судебных систем (систем судоустройства – *Р.К.*) западных стран наблюдаются определенные совпадения, что свидетельствует об эволюции и сближении стандартов правосудия в различных правовых системах. При этом далее констатируется: важным достижением эволюции этого государственно-правового явления (системы судоустройства – *Р.К.*) стало формулирование общих стандартов, выступающих основой для дальнейшего развития судебных систем (систем судоустройства – *Р.К.*), а именно: правосудия специально уполномоченным органом – судом или квазисудовым органом; коллегиальности судебного разбирательства (за незначительным исключением единоличного рассмотрения по незначительным делам); ведения судебного процесса на языке, понятном сторонам или с привлечением переводчика за счет государства; прозрачности и гласности процесса; публичности суда (исключая ювенальную юстицию); возможности обжалования и пересмотра судебного решения путем апелляции, кассации и др.; ответственности государства за судебную ошибку и возмещения ущерба, причиненного судебной ошибкой или неправомерными действиями органов правосудия [10, с. 80].

Думается, что названные стандарты должны стать ориентиром для создания эффективной модели судоустройства Украины с учетом особенностей национальной правовой системы, современного этапа развития украинской государственности, существующих политико-правовых реалий. Вместе с тем, следует подчеркнуть, что основным критерием эффективности системы судоустройства является достижение цели, для которой она создается.

Статья 2 Закона Украины «О судоустройстве и статусе судей» определяет задачи суда, закрепляя, что «суд, осуществляя правосудие на принципах верховенства права, обеспечивает каждому право на справедливый суд и уважение к другим правам и свободам, гарантированным Конституцией и законами Украины, а также международными договорами, согласие на обязательность которых дано Верховной Радой Украины». Следовательно, обо-

снованным представляется вывод, что целью создания и функционирования системы судоустройства является справедливое правосудие на основе верховенства права.

Алгоритм применения судами принципа верховенства права включает: судебную защиту прав и свобод человека, в том числе и от закона, если он неправовой; соблюдение принципа приоритета прав человека перед иными социальными ценностями и интересами; учет практики Европейского суда по правам человека при решении судебных дел; справедливое, беспристрастное и своевременное решение судебных дел; правосудие с неукоснительным соблюдением надлежащей правовой процедуры на основе разумности, уважения чести и достоинства, равенства перед законом; судебное разрешение дела в соответствии с Конституцией Украины и законами, которые соответствуют Конституции Украины (являются правовыми); объективное распределение дел между судьями; право на правовую помощь; обеспечение апелляционного и кассационного обжалования судебных решений; однозначность и обязательность судебных решений. При этом справедливость является проявлением принципа верховенства права, который по своему содержанию и целеполаганию в судебной сфере означает справедливое правосудие. Принцип справедливости закреплен в многочисленных международных актах, имеющих обязательное значение для Украины, в частности в Конвенции о защите прав человека и основных свобод (ст. 6), в решениях Европейского суда по правам человека (например, «Трыхлиб против Украины» от 20.09.2005, «Войтенко против Украины» от 29.06.2004 и др.) [11].

Таким образом, можно сделать вывод, что целью реформирования системы судоустройства является создание эффективной системы судоустройства для осуществления справедливого правосудия на основе принципа верховенства права.

Важным для реформирования системы судоустройства является создание его соответствующей конституционно-правовой основы. Поэтому следующим элементом концептуальной модели реформирования этой системы является определение направ-

лений (тенденций) нормотворческой деятельности компетентных государственных органов по созданию конституционно-правового обеспечения реформирования. В частности, это тенденции: законодательного обеспечения дальнейшего совершенствования структуризации системы судоустройства, т.е. реорганизации и создания новых судов (в частности, высших специализированных судов) на принципах системности, эффективности, доступности и приближенности к населению; совершенствования процессуального законодательства и законодательства об исполнении судебных решений; законодательного утверждения и развития института присяжных, «электронного правосудия» и информатизации системы судоустройства; совершенствования законодательства, регулирующего порядок организации и деятельности смежных правовых институтов – адвокатуры и прокуратуры.

Проводимые реформационные мероприятия должны проходить проверку на эффективность и реализуемость, что детерминирует практическую значимость такого элемента концептуальной модели реформирования системы судоустройства, как мониторинг их внедрения. Мониторинг реформирования системы судоустройства – это система научных, организационных и других действий, направленных на установление реальных фактов и выяснения объективной информации о современном состоянии системы судоустройства, а также дальнейший их анализ, оценка для определения тенденций развития этой системы. Программа мониторинга реформирования системы судоустройства включает: мониторинг нормативно-правового обеспечения реформирования на основе научного анализа законодательства о судоустройстве и процессуального законодательства; мониторинг организационных мероприятий относительно структуризации системы судоустройства и смежных институтов; мониторинг кадрового обновления судейского корпуса; мониторинг общественного доверия к судам и судьям.

Процесс создания и последующее функционирование эффективной системы судоустройства будут успешным при сознательном отношении индивида (в частности, судьи), социальной

группы (судейского корпуса) к праву и его верховенству, к его роли в регулировании общественных отношений, к правовым ценностям, к правосудию в демократическом обществе.

Поэтому большое значение в реформировании системы судоустройства имеет правосознание и, в частности, правосознание судей, как особый вид правового сознания. Рассматривая особенности правосознания судьи, следует выделить в его структуре следующие элементы: правовую психологию; правовую идеологию; правовое мировоззрение; аксиологически-правовую ментальность. Правовая психология – это эмоциональные установки и психологические переживания соответствующих субъектов, отражающие субъективное отношение к правовым явлениям и определяющие стереотипы юридического поведения. Правовую идеологию в контексте определения особенностей правосознания судей следует рассматривать как систему взглядов, отражающих ценности, принципы, процессы функционирования системы судоустройства и правосудия, их роль и значение в жизни государства, общества, человека.

Правовая идеология напрямую связана с ментально-аксиологическим компонентом правосознания судьи. В отличие от двух названных элементов, он характеризуется значительной устойчивостью, охватывает глубокий уровень правосознания и является системой мыслей, верований, правовых навыков, правового духа, создает целостную картину правовой жизни. Аксиологически-правовая ментальность направлена, прежде всего, на утверждение веры в право. Как отметил Г. Берман: «в право надо верить...; а это включает не только разум, но также чувства, интуицию и веру» [12, с. 17]. Именно неверие в право, неуважение к Конституции как к Основному Закону государства, к правовым ценностям и приоритетам является проявлением кризиса правовой духовности, что, как следствие, приводит к деформации правосознания, одной из наиболее «тяжелых форм» которой является коррупция и взяточничество [13, с. 25], что категорически недопустимо для «служителей Фемиды».

С аксиологически-правовой ментальностью тесно связан другой компо-

мент профессионального правосознания судей – конституционно-правовое мировоззрение, являющееся разновидностью юридического мировоззрения и отображающее исходную мировоззренческую позицию судьи относительно конституционно-правовых теорий и реалий. В мировой юридической мысли существует несколько направлений юридического мировоззрения (позитивистское, естественно-правовое и др., которые, прежде всего, связаны с правовопониманием). В зависимости от них формируется и соответствующее конституционно-правовое мировоззрение, а также понимание сущности и ценности права. Думается, что формирование профессионального правосознания современного судьи должно основываться на интегративном понимании права, понимании сущности и содержания верховенства права, демократии и человекоцентризма.

Таким образом, обоснованным является определение правосознания судей как особой формы профессионального правового сознания, отражающего отношение профессионального судьи как к положениям Основного Закона и других, действующих нормативно-правовых актов, так и к практике их реализации (и, в частности, применения), а также к современным конституционно-правовым ценностям, прежде всего, к верховенству права, демократии и гуманизму. Профессиональное правосознание судьи должно быть одним из основных критериев кадрового обновления судейского корпуса, что имеет весьма важное значение для дальнейшего совершенствования и эффективности системы судостройства.

Выводы. Таким образом, концептуальная модель реформирования системы судостройства Украины включает: цель реформирования – это создание эффективной системы судостройства; принципы реформирования; механизм реформирования – комплекс организационно-правовых мер, направленных на формирование нормативно-правовой основы реформирования (нормотворчество), мониторинг внедрения реформационных процессов; развитие правосознания судей в качестве основного критерия кадрового обновления судейского корпуса.

Список использованной литературы:

1. Молдован В. В., Мельник С. М. Судострой Украины: навч. посіб. Київ: Алерта, 2013. 280 с.
2. Куйбіда Р. О. Реформування правосуддя в Україні: стан і перспективи: монографія. Київ: Атіка, 2004. 288 с.
3. Москвич Л. Становлення та розвиток судових систем. Вісник Вищої ради юстиції. 2010. № 3. С. 73-81.
4. Туркіна І. Є. Судова влада в системі державного управління: монографія. Харків: Апостроф, 2012. 204 с.
5. Фомина М. А. До питання розмежування понять «судова система» та «судострой». Часопис Київського університету права. 2013. №1. С. 67-69.
6. Про внесення змін до Конституції України (щодо правосуддя): Закон України від 2 червня 2016 р. URL: <http://zakon.rada.gov.ua/laws/show> (дата звернення: 01.07.2018).

7. Про судострой і статус суддів: Закон України від 2 червня 2016 р. Відомості Верховної Ради України. 2016. № 31. С. 545.

8. Обрусна С. Ю. Адміністративно-правові засади реформування судової системи України: дис. ... докт. юрид. наук. Харків, 2011. 430 с.

9. Квасневська Н. Д. Загальні проблеми реформування судової системи України. Південноукраїнський правничий часопис. 2015. № 2. С. 243-245.

10. Москвич Л. Становлення та розвиток судових систем. Вісник Вищої ради юстиції. 2010. № 3. С. 73–81.

11. Офіційний веб-сайт Міністерства юстиції України. URL: <http://www.minjust.gov.ua/19618> (дата звернення: 02.07.2018).

12. Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / пер. с англ. Н. Р. Никоновой при участии Н. Н. Деева; под ред. Н. Я. Рябикина. 2-е изд. Москва: Изд-во МГУ; Издат. гр. ИНФРА-М-НОРМА, 1998. 624 с.

13. Голосніченко І. Правосвідомість і правова культура у розбудові Української держави. Право України. 2005. № 4. С. 24–25.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Крусян Роман Андреевич – прокурор Киевской местной прокуратуры № 10

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Krusian Roman Andreevich – Prosecutor of the Kyiv Local Prosecutor's Office № 10

370235@ukr.net

УДК 341.224.3

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СУДОХОДСТВА НА МЕЖДУНАРОДНЫХ РЕКАХ АЗИИ НА ПРИМЕРЕ МЕКОНГА И КОСИ

Андрей КУЛЬКО,

кандидат юридических наук,
докторант Института государства и права имени В. М. Корецкого
Национальной академии наук Украины

АННОТАЦИЯ

Автор исследует международно-правовые механизмы обеспечения сотрудничества государств рек Меконг и Коси в сфере судоходства. Раскрыто содержание международных договоров, рассмотрена практика их применения, проанализирован опыт функционирования международных организаций. В выводах автора выделяет важнейшие проблемы международно-правового характера, с которыми сейчас сталкиваются прибрежные государства.

Ключевые слова: международный речной бассейн, Меконг, Коси, международный договор, речное судоходство.

INTERNATIONAL LEGAL REGULATION OF RIVER NAVIGATION IN ASIA: THE CASES OF MEKONG AND KOSI

Andrey KULKO,

Candidate of Law Sciences, Doctoral Student of the Koretsky Institute of State and Law
of National Academy of Sciences of Ukraine

SUMMARY

The author explored the international legal mechanisms to ensure cooperation between the states of the Mekong and Kosi rivers in the field of navigation. The content of international treaties is reviewed, the practice of their application examined, the experience of functioning of the international organisations analysed. In the conclusions, the author identifies most important problems of international legal nature riparian states are facing now.

Key words: international river basin, Mekong, Kosi, international agreement, river navigation.

Постановка проблемы. Судоходство на международных реках Азии, в частности на Меконге и Коси, приобретает все большее значение в связи с увеличением численности населения в регионе, развитием сельского хозяйства, промышленности, туризма. Вместе с тем, недостатки системы международно-правового регулирования речных перевозок препятствуют безопасному и эффективному судоходству. Выявление существующих проблем необходимо для усовершенствования указанной системы.

Вопросы функционирования международно-правовых механизмов в сфере судоходства на внутренних водных путях международного значения Азии исследованы в работах таких авторов, как С. Бимал, Ч. Боурн, М. Вилер, С. Каттонар, К. Малла, К. Похарел, Р. К. Рана, С. М. А. Салман, Ю. Н. Стеклов, А. Сунчиндах, К. Упрети. Однако существует потребность в развитии научных достижений путем анализа со-

держания, особенностей, преимуществ и недостатков международных договоров, практики их реализации, проблем функционирования международных организаций, занимающихся регулированием судоходства на реках Азии. Кроме наработок ученых, автор статьи обращается к международным договорам, обычаям, актам международных организаций, использует историко-правовой и сравнительно-правовой методы, а также методы системного анализа, формальной логики, толкования норм, прогнозирования и моделирования.

Цели и задачи статьи является изучение содержания международных договоров, практика их применения, анализ опыта функционирования международных организаций.

Изложение основного материала. Режим судоходства на реке Меконг определяет *Соглашение о сотрудничестве и устойчивом развитии бассейна реки Меконг 1995 г.* В соответствии со

ст. 9 основным её принципом является свобода судоходства на основе равенства на всем главном течении реки без учета территориальных границ. Нормы Соглашения примечательны направленностью на согласование реализации принципа свободы судоходства с несудоходными видами использования Меконга и потребностями охраны окружающей среды [1, с. 16]. Речные перевозки не являются приоритетом, однако проекты в других сферах должны учитывать необходимость обеспечения условий для судоходства.

Государства-участники Соглашения 1995 г. могут принимать нормативно-правовые акты, касающиеся участков Меконга, расположенных на их территории, в частности по санитарным, таможенным и иммиграционным вопросам, проблемам безопасности. В то же время, стороны обязались не создавать препятствий для судоходства юридического или практического характера. Судоходства касаются также

нормы ст. 5 «Разумное и справедливое использование» и ст. 6 «Поддержание основного русла», которые призваны, среди прочего, обеспечивать судоходность Меконга [2].

Кроме этого, Соглашение регулирует поведение государств в чрезвычайных ситуациях, связанных с судоходством, обязывая их предоставлять информацию и проводить консультации (ст. 10). Предусмотрено, что «в случае, если стороне становится известно о каких-либо проблемах с количеством или качеством воды, она безотлагательно сообщает и консультируется с заинтересованной стороной, чтобы принять меры для исправления ситуации» [3, с. 247].

Вместе с тем судоходство не играет ведущей роли в Соглашении 1995 г. Оно содержит преимущественно общие принципы и нормы; не касается содержания свободы судоходства, прав и обязанностей суден, использования речной и портовой инфраструктуры; не раскрывает содержание и порядок проведения необходимых гидротехнических работ; не содержит положений о каботаже, транзитных перевозках, навигации, лоцманской проводке.

Для обеспечения выполнения положений Соглашения 1995 г. создана Комиссия реки Меконг (КРМ) – международная организация, которая ведет свою деятельность по 4 направлениям: 1) имплементация и реализация норм ст. 9 о свободе судоходства; 2) предоставление технической продукции и услуг; 3) укрепление институтов и потенциала; 4) поощрение и координация действий в сфере развития инфраструктуры на Меконге. К основным результатам работы КРМ принадлежат издание гидрографического атласа системы реки Меконг; создание моделей главного устья и приток Меконга, в частности опасных участков; установка вспомогательных средств для судоходства во всех государствах-членах; разработка Руководства по управлению опасными грузами и отходами; создание схем инспектирования судов для портов на Меконге [4, с. 10].

В соответствии с Программой КРМ по судоходству на 2013-2015 гг. построены специальные портовые сооружения и пункты безопасности на «проблемных» участках реки [5], ныне действуют Стратегия развития бассей-

на Нижнего Меконга на 2016-2020 гг., Стратегический план на 2016-2020 гг., Генеральный план действий в сфере перевозок опасных грузов на Меконге 2014 г. [6].

Особое внимание следует уделить *Стратегическому плану на 2016-2020 гг.* в связи с его масштабностью, комплексным характером и применением современных подходов к управлению водными путями. В практическом смысле этот правовой акт предусматривает разработку, принятие и реализацию руководящих принципов и механизмов по управлению водным транспортом (до 2019 г.), Регионального генерального плана в сфере водного транспорта (до 2020 г. и в течение следующего периода) и имплементацию Регионального плана действий по перевозке опасных грузов (до 2020 г.) [7, с. 2, 5-7, 16, 31, 82-83].

Серьезной проблемой деятельности КРМ является то, что КНР и Мьянма не являются ее членами. Китай – наблюдатель, и в соответствии со специальным договором 2002 г. передает Комиссии гидрологические данные в период сезона дождей, сотрудничает с ней при проведении гидротехнических работ в верхней части Нижнего Меконга [8, с. 18]. В то же время КНР не обязана сообщать, консультироваться, обмениваться данными об эксплуатации существующих плотин или иных работах с другими государствами Меконга. Проблемы в отношении Мьянмы не столь острые из-за её ограниченных экономических возможностей [4, с. 17].

Весомым достижением в сфере регулирования судоходства в бассейне Меконга стало заключение в 2009 г. *Договора между Камбоджей и Вьетнамом о водном транспорте*. Он способствует устранению ограничений, повышению эффективности перевозок и уровня безопасности судоходства на р. Меконг. Договорные нормы предусматривают применение принципов наибольшего благоприятствования, равенства суден сторон, отказа от дискриминационных мер при проведении всех операций, связанных с речными перевозками (ст. 9); содержат положения о принятии совместных решений для гармонизации законодательства по иммиграции, таможенным вопросам, в сфере здравоохранения, фитосанитарии и ветеринарии (ст. 12); пред-

усматривают представление судами, осуществляющими международные перевозки, единого перечня документов (ст. 15); содержат положения о помощи судам при аварии (ст. 22).

Межгосударственные отношения в сфере судоходства на Верхнем Меконге регулируются несколькими международными договорами. В 1999 г. заключено *Соглашение между Лаосом, Таиландом и Вьетнамом об упрощении процедур трансграничной перевозки грузов и пассажиров* [9, с. 2]. В этом договоре отражены принципы инспектирования с использованием «единого окна» и «единой остановки», предварительного обмена информацией (ст. 4), свободы транзита (ст. 8), освобождения грузов международного транзита от обычного физического осмотра на границе, таможенного сопровождения на территории государства, а также залога как гарантии осуществления таможенных платежей (ст. 7).

Стороны также договорились о предоставлении гражданам, судам и товарам друг друга одинакового, но не менее благоприятного режима, чем тот, который представляют третьи государства (ст. 32); о помощи в случае чрезвычайных ситуаций (ст. 33); о мерах по содействию развитию мультимодального транспорта (ст. 34) [10]. Этот договор обеспечивает соблюдение свободы судоходства на Верхнем Меконге, сокращает ограничения по международным перевозкам, помогает избежать задержек, упрощает и повышает эффективность таможенных и иммиграционных процедур.

В 2000 г. подписано *Соглашение о торговом судоходстве на реке Меконг-Ланчанг* (Ланчанг – китайское название части Меконга, расположенной на территории КНР) [11, с. 4]. Договор предусматривает (ст. 2), что р. Меконг-Ланчанг открыта для коммерческого судоходства для договаривающихся сторон (КНР, Лаос, Мьянма, Таиланд). Стороны взаимно предоставляют судам друг друга режим наибольшего благоприятствования в вопросах формальностей, связанных с плаванием судов, и использованием речной инфраструктуры (ст. 5); закреплено, что суда, члены экипажа и пассажиры должны соблюдать общие правила судоходства, законы и другие нормативные акты (ст. 8); суда каждой из сторон освобождаются

от обязанности в обычных условиях пользоваться лоцманской проводкой (ст. 10). Статьи 11 – 16 определяют права членов команды судов [12].

Впрочем, действующие договоры не обеспечили решение проблемы безопасности судоходства на Верхнем Меконге, обусловленной существованием скал, камней и мелей [13]. Значительные изменения происходят сейчас, в связи с реализацией КНР двух программ. Во-первых, на основном устье Меконга Китай строит ряд крупных плотин, которые позволят улучшить судоходное состояние реки. Во-вторых, КНР предложила План развития международного судоходства на р. Меконг-Ланчанг на 2015-2025 гг., который в январе 2017 г. поддержало правительство Таиланда [14]. План направлен на улучшение условий для речных перевозок путем устранения физических препятствий и обеспечения возможности использования судов вместимостью до 500 тонн. Первый этап Плана, который продлится до 2020 г., предполагает исследование, разработку практических проектов, оценку их экологических и социальных последствий, второй – реализацию проектов [15].

Нам представляется, что современными проблемами международно-правового регулирования речных перевозок на Меконге являются следующие: а) отсутствие единого многостороннего договора, который бы обеспечил комплексность регулирования; б) декларативность положений и отсутствие в действующих международных договорах норм, касающихся всех основных аспектов процесса плавания судов и использования речной инфраструктуры; в) неучастие Китая и Мьянмы в работе КРМ; отсутствие влияния организации на использование Верхнего Меконга; г) необеспечение прибрежными государствами на части участков Меконга такого состояния реки, которое бы позволяло проход больших судов; иногда судоходство вообще невозможно; д) отсутствие единых стандартов, процедур и правил речных перевозок, требований в технических аспектах и вопросах безопасности; е) отсутствие качественных лоцманских услуг, неудовлетворительное состояние вспомогательных средств судоходства, общий низкий технический уровень услуг; ж) неприведение государствами Меконга со-

вместной деятельности в сфере мониторинга, координации и контроля над речными перевозками, загрязнением с судов, реагирования на аварии и природные чрезвычайные ситуации.

Река *Коси*, расположенная на территории Индии и Непала, является примером случая, когда речное судоходство может предоставить прибрежному государству (в данном случае – Непалу) выход к морю. В 1954 г. заключено двустороннее *Соглашение о р. Коси* [16], в 1966 г. – его новая редакция. Ею предусмотрено, что все права на плавание на участках Коси, расположенных на территории Непала, принадлежат последнему. При этом использование любых плавсредств в пределах 2 миль от плотины «Бхимнагар» и ее главных сооружений не допускается по соображениям безопасности.

Кроме указанного, Соглашение предусматривает совершение возле плотин мер для обеспечения свободного плавания на р. Коси на территории Индии в случае, если это технически возможно. Данная норма особенно важна, учитывая стремление Непала иметь надежный судоходный маршрут к морю. Однако указанную цель достичь не удалось: во-первых, Индия не обеспечила судоходные условия в этом районе по техническим причинам и, во-вторых, договор не содержит положений о перевозках на р. Ганг, которая впадает в Бенгальский залив Индийского океана. Таким образом, Соглашение 1966 г. не предоставляет Непалу выход к морю [17 с. 79].

В 1971 г. был заключен *Договор между Непалом и Индией о транзите*. Он частично решил проблемы Непала, однако без непосредственного использования рек. В соответствии с Договором создана компания, которая должна была содействовать транзитным перевозкам товаров из Непала и в Непал [18 с. 17].

Ситуацию могли изменить *индо-непальские договоры о торговле, транзите и сотрудничестве по борьбе с несанкционированной торговлей 1991 г.* [19], которые предоставили Непалу определенные права на доступ к портам Индии [20, с. 1-2]. Однако первый договор не предусматривает, что Непал имеет право на свободный доступ к морю или нуждается в нем. Основное положение Договора о тран-

зите (ст. I) сформулировано следующим образом: «Договаривающиеся стороны пользуются свободой транзитного движения, если транзит через их соответствующие территории определенными маршрутами взаимно согласован. Не должно быть никаких различий в зависимости от флага, места происхождения, отправления, назначения судна и права собственности на товары или суда». Указанное не гарантирует соблюдения свободы выхода к морю, предусмотренной Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г.

В ст. III Договора о транзите содержится определение термина «транзитное движение», однако оно узкое и не касается пассажиров, их багажа и, что самое существенное, транспортных средств. Согласно ст. VII для соблюдения принципа свободы открытого моря отношение к торговым судам под флагом Непала должно быть, с учетом положений индийского законодательства, не менее благоприятным, чем к судам любого другого государства. Это касается вопросов входа и выхода из портов; использования портовых сооружений; погрузочных и разгрузочных работ; пошлин и сборов [18, с. 21].

Крайне спорной представляется норма ст. II, согласно которой «каждая сторона имеет право принимать все необходимые меры для обеспечения того, чтобы свобода транзита, которую она предоставляет на своей территории судам другой стороны, не нарушала ее собственные законные интересы в любом отношении, в том числе существенные интересы безопасности». Дело в том, что Индия получила свободу в определении того, какие меры необходимы; размыто и понятие «существенные интересы безопасности». История знает несколько случаев, когда Индия осуществляла торговую блокаду Непала. Блокада 2015 г., причиной которой стала ситуация вокруг народа тераев, привела к гуманитарному кризису в Непале. Другими серьезными проблемами являются плохое состояние транзитной инфраструктуры в Индии, наводнения и засухи в регионе [21, с. 101-121].

Выводы. В целом же Индия не предоставила Непалу предусмотренные принципами международного права возможности транзитного плавания по

реке Коси с целью обеспечения его выхода к морю, что является следствием общего нарушения принципа суверенного равенства государств в отношениях между сторонами.

Список использованной литературы:

1. The United Nations World Water Development Report №3 "Inland Waterborne Transport (Connecting Countries)". UNESCO. 2009. 755 p.
2. 1995 Agreement on the cooperation for the sustainable development of the Mekong River Basin for the establishment and commencement of the Mekong River Commission. The Mekong River Commission. URL: http://ns1.mrcmekong.org/agreement_95/agreement_95.htm
3. Malla K. B. The Legal Regime of International Watercourses. Progress and Paradigms Regarding Uses and Environmental Protection. Juridiska institutionen. Stockholms universitet. 2005. 473 p.
4. Mekong River Commission. 20 Years of Cooperation. Mekong River Commission. 2016. 48 p.
5. River Transport. Mekong River Commission. URL: <http://www.mrcmekong.org/topics/river-transport/>
6. Mandate. Mekong River Commission. URL: <http://www.mrcmekong.org/about-mrc/mandate/>
7. Strategic Plan 2016-2020. Mekong River Commission. 2016. 182 p.
8. Стеклов Ю. Н. Международное сотрудничество в бассейне р. Меконг. Секретариат Экономической и Социальной Комиссии ООН для Азии и Тихого Океана. 2005. 24 с.
9. Cattonar S. Facilitation of the cross-border transport of goods and people in the greater Mekong subregion. ASEAN. 2004. 6 p.
10. Agreement Between and Among the Governments of the Laos, Thailand and Viet Nam for Facilitation of Cross-Border Transport of Goods and People, 1999. Vignette Collaboration. 2014. 17 p.
11. Sunchindah A. Water Diplomacy in the Lancang-Mekong River Basin: Prospects and Challenges. Workshop on the Growing Integration of Greater Mekong Sub-regional ASEAN States in Asian Region. 2005. 13 p.
12. Agreement on Commercial Navigation on the Lancang-Mekong River between the governments of China, Laos, Burma (Myanmar) and Thailand 2000. Exerpts. Pkulaw. 2000. 7 p.
13. Navigation Programme. Mekong River Commission. URL: <http://www.mrcmekong.org/about-mrc/completion-of-strategic-cycle-2011-2015/navigation-programme/>
14. Corben R. Thailand Backing Controversial Survey to Clear Mekong Islets. Voice of America. 23.01.2017.
15. Suksamran N. Locals slam Mekong blasting plan. Bangkok Post. 9.01.2017.
16. Dixit A. Water Trajectory of Two Neighbors. Dui Chhimeki ko Jalayatra, Nepal: Action Aid, 2008.
17. Salman M. A. S., Uprety K. Conflict and Cooperation on South Asia's International Rivers. The International Bank for Reconstruction and Development, The World Bank. 2002. 217 p.
18. Rana R. K. Right of access of land-locked state to the sea by the example of bilateral agreement between land-locked state – Nepal and port state – India. University of Tromsø. 2010. 28 p.
19. Treaty of Trade, Treaty of Transit and Trade Related Agreements Between Government of Nepal and Neighbouring Countries. Nepal Transit and Warehousing Company Limited. 2010. 156 p.
20. Taneja N., Bimal S., Dayal I. An Analysis of Nepal's Transit through India. ICRIER. 2016. Working Paper 316. 30 p.
21. Nayak N. R. Landlocked and Transit Developing Countries: Nepal's Transit Route Negotiations with India. Strategic Analysis. 2016. Vol. 40, Issue 2. Pp. 101-121.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кулько Андрей Вадимович – кандидат юридических наук, докторант Института государства и права имени В. М. Корецкого Национальной академии наук Украины

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kulko Andrey Vadimovich – Candidate of Law Sciences, Doctoral Student of the Koretsky Institute of State and Law of National Academy of Sciences of Ukraine

andrey.kulko@gmail.com

УДК 347.921.8 (477)

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ БЕЗОПЛАТНОЙ ПРАВОВОЙ ПОМОЩИ В УКРАИНЕ

Виталий КУЧЕР,

кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой гражданского права и процесса
Львовского государственного университета внутренних дел

Татьяна КУРЫЛО,

кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры гражданского права и процесса,
Львовского государственного университета внутренних дел

АННОТАЦИЯ

Проанализирована юридическая природа бесплатной правовой помощи. Определены принципы, на которых базируется государственная политика в сфере бесплатной правовой помощи. Указано, что право получения правовой помощи является гарантией реализации, защиты и охраны прав и свобод человека и гражданина.

Охарактеризованы особенности оказания первичной и вторичной правовой помощи.

Ключевые слова: правовая помощь, адвокат, право, представительство, первичная правовая помощь, вторичная правовая помощь.

PECULIARITIES OF PROVIDING SECURED LEGAL AID IN UKRAINE

Vitaliy KUCHER,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Civil Law and Process
of the Lviv State University of Internal Affairs

Tatyana KURYLO,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Professor at the Department of Civil Law and Process
of Lviv State University of Internal Affairs

SUMMARY

The legal nature of free legal aid is analyzed. The principles of the state policy in the field of free legal aid are determined. It is noted that the right to receive legal aid is a guarantee of the realization, assertion and protection of the rights and freedoms of man and citizen.

The peculiarities of providing primary and secondary legal aid are described.

Key words: legal aid, lawyer, right, representation, primary legal aid, secondary legal aid.

Постановка проблемы. На сегодняшний день значимость юридической помощи в осуществлении адвокатской деятельности является весомым решением конфликтов и помощь в защите прав и свобод граждан во всех странах мира. Правовая помощь это профессиональная деятельность юристов в отношении граждан и юридических лиц, которая направлена на содействие в решении вопросов, имеющих связь с реализацией норм права. Бесплатной правовой помощью является правовая помощь, гарантируемая государством, а также предоставляемая полностью или частично за счет средств Государственного бюджета Украины, местных бюджетов и других источников. Право без-

оплатной правовой помощи не может иметь никаких привилегий или ограничений по признакам расы, религии, цвета кожи, этнического или социального происхождения и тому подобное.

Само понятие правовой помощи является неоднозначным и может толковаться различными учеными по-разному. Чаще всего под правовой помощью понимают:

1. Помощь, предоставляемая только адвокатами, при защите от обвинения по уголовным делам [1, с. 21];

2. Все виды правовых услуг, за исключением помощи при обвинении по уголовным делам;

3. Любой вид помощи, оказываемой адвокатами и юридическими ли-

цами, предоставляющими правовые услуги и т.д. [2].

Понятие правовой помощи в законодательстве Украины впервые закрепилось в Законе Украины «О бесплатной правовой помощи».

Согласно статье 59 Конституции Украины право на правовую помощь предоставляется каждому. Каждый может свободно выбирать себе защитника [3, ст. 59].

В 2011 году Верховный Совет Украины предпринял первые шаги по реализации права на бесплатную юридическую помощь на территории Украины. Таким образом 2 июня 2011 был принят Закон Украины «О бесплатной правовой помощи».

Согласно данному закону право на получение бесплатной правовой помощи может получить любое лицо, а именно:

- 1) граждане Украины;
- 2) лица без гражданства;
- 3) беженцы;
- 4) другие лица, которые нуждаются в дополнительной защите.

Основными принципами, на которых базируется государственная политика в сфере бесплатной правовой помощи, являются:

1. Принцип верховенства права;
2. Принцип законности;
3. Принцип доступности, который заключается в возможности получения бесплатной правовой помощи любым лицом;
4. Принцип обеспечения качественной бесплатной правовой помощи;
5. Принцип гарантированного государственного финансирования [4, с. 544].

Ученые уже определили, что правовая помощь осуществляется во многих странах мира и имеет соответствующее распределение на классификации, которые являются особенностью бесплатной юридической услуги.

Данный вопрос исследовали многие ученые, среди которых необходимо определить А. Б. Вегнера М. С. Малейна, С. А. Комарова, П. В. Кучевского, А. В. Малько, М. И. Матузова, А. Ф. Скакун, М. С. Строговича и многих других теоретиков права и, безусловно, практиков, занимающихся вопросом безвозмездной правовой помощи.

Целью данной статьи является исследование юридической природы и сущности бесплатной правовой помощи, отграничение ее от других видов юридических услуг.

Актуальность данной темы является уместной в сегодняшних условиях. Задачей, стоящей сегодня перед человечеством, является формирование такой среды, для которой бесплатная правовая помощь является приемлемой и благоприятной как метод борьбы с незаконностью; содействие привлечению общественной составляющей в борьбе с ней; культивирование в обществе атмосферы конструктивного диалога, особенно на международном уровне, что приведет к созданию положительного мораль-

но-психологического влияния в обществе и мировом сообществе в целом.

Закон Украины «О бесплатной правовой помощи» является основным нормативным актом, регулирующим вопросы содержания юридической помощи, порядок реализации и предоставления такой помощи, а также определяет государственные гарантии в сфере предоставления бесплатной правовой помощи.

Право на получение правовой помощи является гарантией реализации, защиты и охраны прав и свобод человека и гражданина. Именно этот фактор имеет большое социальное значение. Важное место среди функций данного права занимает превентивная функция. Эта функция способствует правомерному осуществлению лицом своих прав и свобод, а также имеет целью предупреждение правонарушений и незаконных ограничений прав и свобод человека и гражданина со стороны государственных органов, органов местного самоуправления и должностных лиц, которые могут возникнуть в будущем.

Право на юридическую помощь предусматривается статьей 3 Закона Украины «О бесплатной правовой помощи». Под правом бесплатной правовой помощи имеется в виду возможность граждан, иностранцев, лиц без гражданства, а также беженцев получить первичную юридическую помощь в полном объеме. Кроме этого, оно является возможностью определенных категорий лиц получить вторичную юридическую помощь в случаях, предусмотряемых законодательством Украины [3, ст. 3].

В уголовном производстве защитник может быть привлечен к делу непосредственно подозреваемым, обвиняемым, их законным представителем. Кроме этого, он может быть привлечен следователем, прокурором, следственным судьей или судом. Участие защитника в уголовном процессе должно быть обеспечено следователем, прокурором, следственным судьей или судом в следующих случаях:

1. Когда участие защитника в уголовном процессе является обязательным, однако самим подозреваемым он не был привлечен;

2. Когда подозреваемым или обвиняемым было подано ходатайство о

привлечении защитника, но из-за отсутствия средств или каких-то других причин он не смог осуществить это самостоятельно;

3. Если подозреваемый, обвиняемый не привлек к делу защитника, однако прокурор, следователь, суд считают, что его привлечения к данному делу является необходимым.

В таких случаях выносятся постановления следователем или прокурором и решение следственным судьей или судом. Этим решением или постановлением поручается соответствующему органу, который согласно закону является уполномоченным на предоставление бесплатной правовой помощи, назначить адвоката для осуществления такой защиты. Вместе с тем, этот орган должен обеспечить появление адвоката в указанное время и место для участия в производстве.

Постановление или решение о назначении защитника отправляется в орган, уполномоченный на предоставление бесплатной правовой помощи немедленно, а также является обязательным к исполнению. Неисполнение, ненадлежащее исполнение и несвоевременное их исполнение влекут ответственность [5, ст. 49].

В части 3 статьи 120 УПК Украины предусмотрено, что бесплатная правовая помощь, предоставляемая защитником подозреваемому, обвиняемому осуществляется только за счет средств Государственного бюджета Украины.

Воспользоваться бесплатной правовой помощью подозреваемый, обвиняемый могут напрямую через адвоката. Другим вариантом получения помощи является обращение в центры оказания вторичной правовой помощи, которые функционируют при главных областных управлениях юстиции [5, с. 120].

Бесплатная правовая помощь имеет разные аспекты. Она может отличаться по:

1. Содержанию;
2. Объему;
3. Формам.

Форма и субъект правовой помощи избираются лицом, которое желает получить такую помощь. Вместе с тем, соответствующие государственные органы, их должностные и служебные лица должны обеспечить предоставление необходимой правовой помощи для защиты таким категориям лиц:

1. Для защиты прав и свобод детей;
2. Для защиты несовершеннолетних родителей;
3. Для защиты от обвинения.

К содержанию оказания правовой помощи входит совокупность правовых услуг, которые должны быть предоставлены клиенту со стороны уполномоченного лица. К таким правовым услугам относятся:

1. Уполномоченное лицо должно предоставлять клиенту правовую информацию;

2. Одной из услуг является предоставление разъяснений и консультаций по вопросам правового характера;

3. Уполномоченное лицо должно осуществлять представительство интересов лица в судах, органах местного самоуправления, других государственных органах, а также перед другими лицами;

4. Данное лицо обязано составлять заявления, жалобы, процессуальные и другие документы правового характера;

5. Уполномоченное лицо обязано оказывать помощь клиенту в обеспечении получения вторичной правовой помощи и медиации;

6. Осуществлять обеспечение защиты клиента от обвинения.

Важными составляющими содержания юридической помощи являются:

а) консультативные виды юридической помощи (предоставление разъяснений и консультаций по правовым вопросам, составление, заявлений жалоб и других документов);

б) представительно-защитные виды юридической помощи (осуществление уполномоченным лицом представительства заинтересованного лица в суде, органах государственной власти и т.д., а также обеспечения защиты лиц в уголовном процессе).

Безоплатная правовая помощь направлена на обеспечение квалифицированной защиты прав человека. С целью обеспечения такой помощи государство обязано:

1. Во-первых, обеспечивать все условия, необходимые для подготовки квалифицированных юристов, которые смогут обеспечивать предоставление различных видов правовой помощи;

2. Во-вторых, установить определенные квалификационные и профессиональные требования, критерии,

с целью обеспечения реализации предельного пункта.

Введение безоплатной юридической помощи на территории Украины является важным шагом в приближении нашего государства к мировым и европейским стандартам в области обеспечения прав человека на защиту.

Обеспечение для каждого лица прав на правовую помощь является конституционно-правовой обязанностью государства. Однако, вместе с тем, оно является соблюдением норм международных договоров, которые были взяты Украиной.

В частности, к таким нормативным актам относятся:

1. Всеобщая декларация прав человека 1948 года;

2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 года;

3. Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года и др.

Положения статьи 59 Конституции Украины можно трактовать как возможность лица получать помощь по юридическим вопросам в форме и объеме, в которых она нуждается, гарантируемые государством [6, с. 11].

Нормативными актами, регулирующими вопросы предоставления безоплатной правовой помощи, являются:

1. Конституция Украины;

2. Закон Украины «О безоплатной правовой помощи»;

3. другие законы Украины;

4. международные договоры Украины, которые были ратифицированы Верховным Советом Украины.

Согласно действующему законодательству, выделяют два вида юридической помощи: первичная и вторичная.

Безоплатная первичная правовая помощь – вид государственной гарантии, которая заключается в информировании лица о его правах и свободах, порядок их реализации, восстановления в случае их нарушения и порядок обжалования решений, действий или бездействия органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных и служебных лиц [7, с. 156].

Раздел 2 Закона Украины «О безоплатной правовой помощи» определяет предоставление первичной правовой помощи. Предоставление этой помощи является видом государственной гарантии, которая заключается в следующем:

1. Информирование лиц об их правах и свободах, а также порядок их реализации;

2. Восстановление этих прав и свобод в случаях, когда они были нарушены;

3. Определение порядка обжалования решений, действий или бездействия органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных и служебных лиц [8, ст. 7].

Осуществление безоплатной первичной правовой помощи в Украине возлагается на:

1. Органы исполнительной власти;

2. Органы местного самоуправления;

3. Специализированные учреждения;

4. Физические и юридические лица частного права.

Общественная приемная по оказанию безоплатной первичной помощи проводит свою деятельность в соответствии с Порядком, который был утвержден приказом Министерства юстиции Украины от 21.09.2011 года № 3047/5.

Как отмечается в пункте 1.1 настоящего Порядка, Общественная приемная по оказанию безоплатной первичной помощи создается для того, чтобы обеспечивать предоставление органами государственной власти безоплатной первичной правовой помощи тем лицам, которые находятся под юрисдикцией Украины [9, п. 1.1].

В осуществлении своих полномочий, данная приемная имеет главной целью содействия обеспечению правовой защиты конституционных прав, интересов, а также свобод граждан, со стороны органов исполнительной власти. В то же время, она способствует осуществлению надлежащей реализации норм Закона Украины «О безоплатной правовой помощи».

Лица, достигшие совершеннолетия, могут обратиться непосредственно в органы местного самоуправления, местные и центральные органы исполнительной власти, в зависимости от их компетенции, с просьбой в предоставлении ими одного из видов вышеупомянутых услуг.

В случае поступления письменного обращения в органы исполнительной власти и органов местного само-

управления с просьбой предоставления правовых услуг, которые входят в их компетенцию, данные органы должны предоставить эти услуги не позднее чем в течении 30 дней с момента поступления обращения. Если обращение лица направлено лишь на то, чтобы получить соответствующую правовую информацию, то такая помощь должна быть предоставлена в течение пятнадцати дней с момента поступления данного обращения.

В случае, если обращение лица к компетенции органа государственной власти не принадлежит, оно должно быть переслано в соответствующий орган в пятидневный срок. Заявитель обязательно должен быть предупрежден о пересылке обращения в другой орган.

Важным элементом предоставления такой помощи является запрет устанавливать плату за предоставление правовых услуг. Таким образом первичная правовая помощь, а также выдача лицам бланков обращений, заявлений, справок или иных документов, представление которых предусмотрено законодательством для того, чтобы человек мог реализовать свои права и свободы, предоставляется органами местного самоуправления и органами исполнительной власти бесплатно.

Данные органы должны лично осуществлять прием граждан, которым необходима бесплатная правовая помощь. Такие приемы граждан осуществляются постоянно в определенные для этого дни и часы. Лица, нуждающиеся в первичной правовой помощи, должны быть уведомлены о графике их приема.

В тех случаях, когда осуществляя рассмотрение обращений о предоставлении первичной правовой помощи устанавливается потребность лица в предоставлении ему бесплатной вторичной помощи, органы местного самоуправления и органы исполнительной власти должны обязательно объяснить лицу или его законному представителю порядок подачи обращений о предоставлении вторичной правовой помощи.

Следующим видом юридической помощи является *вторичная бесплатная правовая помощь*. Она является видом государственной гарантии, которая заключается в создании различных возможностей для доступа лиц к правосу-

дию. К данному виду помощи входят следующие услуги:

1. Осуществление защиты от обвинения;

2. Представительство интересов лиц, имеющих право на вторичную юридическую помощь в судах и государственных органах, а также перед другими лицами;

3. Составление документов процессуального характера.

Право на все вышеперечисленные виды услуг во время предоставления вторичной юридической помощи имеют:

1. Лица, находящиеся под юрисдикцией Украины, в случаях, когда:

а) совокупный среднемесячный доход их семьи ниже суммы прожиточного минимума. Расчет такой суммы осуществляется в соответствии с Законом Украины «О прожиточном минимуме» [10, ст. 5];

б) лицо является инвалидом и получает пенсию или помощь, назначенную вместо пенсии. Размер этой помощи или пенсии должен быть менее двух прожиточных минимумов для нетрудоспособных лиц;

2. Дети-сироты, беспризорные дети, дети, лишенные родительской опеки, которые стали жертвами насилия в семье или могут стать такими жертвами;

3. Лица, в отношении которых распространяется действие Закона Украины «О беженцах и лицах, нуждающихся в дополнительной или временной защите», до момента принятия решения о предоставлении статуса беженца. Вопросы, связанные с беженцами и лицами, которые нуждаются в дополнительной или временной защите, регулируются настоящим Законом [11, ст. 2];

4. Лица, обращающиеся на счет их социальной защиты:

а) лица, у которых есть особые услуги перед Родиной;

б) ветераны войны, а также другие лица, на которых распространяется действие Закона Украины «О статусе ветеранов войны, гарантиях их социальной защиты». К ним относятся участники боевых действий, инвалиды войны, участники войны [12, ст. 4];

в) лица, которые отнесены к числу жертв нацистских преследований. Ими являются: бывшие узники концентрационных лагерей, гетто; лица, ко-

торые были принудительно вывезены с территории бывшей РСФСР на принудительные работы в Германию; дети партизан, других участников борьбы в тылу врага и т.д. [13, ст. 4].

Право на защиту от обвинения могут получить:

1. Лица, которые были задержаны по подозрению в совершении преступления;

2. Лица, которые были взяты под стражу.

Помощь такой категории лиц предоставляется в течение 72 часов с того момента, когда они были задержаны. В Законе Украины «О бесплатной правовой помощи» отмечается категория лиц, имеющих право на получение бесплатной юридической помощи, в случае если решением суда они были взяты под стражу.

Право на защиту от обвинения и составление документов процессуального характера могут получить лица, в отношении которых защитник по уголовному делу привлекается прокурором, следователем, следователем судьей или непосредственно судом.

Также получить вторичную юридическую помощь могут иностранцы, которые являются гражданами стран, имеющих заключенные с Украиной международные договоры о правовой помощи. Эти договоры должны обязательно быть ратифицированы ВСУ. Также право на такую помощь имеют лица без гражданства в соответствии с международными договорами, участником которых является Украина.

К субъектам, на которых возлагается предоставление бесплатной вторичной правовой помощи относятся:

1. Центры по предоставлению бесплатной вторичной правовой помощи;

2. Адвокаты, входящих в Реестр адвокатов Украины, согласно контракту предоставляют вторичную правовую помощь на постоянной основе;

3. Адвокаты, входящие в Реестр адвокатов Украины и на временной основе предоставляют вторичную правовую помощь согласно заключенному договору [14, с. 305].

Центры по предоставлению бесплатной вторичной правовой помощи являются органами, деятельность которых распространяется на территорию конкретной административно-территориальной единицы. Лица, достигшие

совершеннолетия могут самостоятельно обратиться в центр предоставления вторичной помощи или в территориальный орган юстиции по месту жительства или пребывания.

Обращение может подаваться в центр предоставления вторичной правовой помощи или в территориальный орган юстиции законным представителем в случае, когда это касается ребенка;

В случае, когда помощь необходимо оказать лицу, признаному судом недееспособным или ограниченно дееспособным, то обращения в центр предоставления вторичной правовой помощи или в территориальный орган юстиции может быть подано опекуном или попечителем этого лица.

Лицо или его представитель, обращающиеся с целью получения бесплатной вторичной помощи, должны подать документы, подтверждающие принадлежность лица к той категории лиц, имеющих право на получение бесплатной вторичной правовой помощи.

В случае, когда лицо подает обращение о предоставлении бесплатной вторичной правовой помощи, то центр предоставления такой помощи должен в десятидневный срок со дня поступления обращения принять решение о предоставлении такой помощи.

Если лицо обращается в территориальный орган юстиции, данный орган должен в трехдневный срок с момента подачи обращения направить его в центр предоставления бесплатной вторичной правовой помощи. В свою очередь, этот центр обязан в семидневный срок со дня получения обращения лица принять решение относительно предоставления бесплатной вторичной правовой помощи.

Когда центром предоставления вторичной правовой помощи было принято решение о ее предоставлении, лицо или его законный представитель должны быть письменно уведомлены. Также должны быть уведомлены суд, органы государственной власти или органы местного самоуправления, в которых должно осуществляться представительство интересов лица.

Центр предоставления вторичной правовой помощи должен принять решение о предоставлении такой бесплатной помощи с момента задержания лица, если задержанное лицо непосредственно обратилось к нему.

В случаях, когда в центр предоставления бесплатной вторичной правовой помощи поступает постановление следователя, прокурора, постановление следственного судьи, суда о привлечении защитника с целью осуществления защиты по назначению или проведения отдельных процессуальных действий, защитник должен быть назначен немедленно.

Решение об отказе в предоставлении бесплатной вторичной правовой помощи принимается центром. Копия такого решения направляется лицу.

Вместе с решением об отказе в предоставлении лицу бесплатной вторичной правовой помощи выдается разъяснения о порядке обращения в соответствующие международные судебные учреждения или соответствующие международные организации, участником которых является Украина.

Предоставление бесплатной вторичной правовой помощи прекращается только тогда, когда субъектом предоставления бесплатной вторичной правовой помощи были полностью выполнены обязательства, предусмотренные в договоре об их предоставлении.

Бесплатная вторичная правовая помощь может также предоставляться адвокатом.

Закон «Об адвокатуре и адвокатской деятельности» в ст. 25 определяет, что адвокаты являются субъектами предоставления бесплатной правовой помощи. Оценка качества, полноты и своевременности оказания адвокатами бесплатной первичной правовой помощи осуществляется по обращению органов местного самоуправления, а бесплатной вторичной правовой помощи – по обращению органа (учреждения), уполномоченного законом на предоставление бесплатной правовой помощи, комиссиями, образованными для этой цели советами адвокатов регионов [15, ст. 25].

Выводы. Право на получение правовой помощи является гарантией реализации, защиты и охраны прав и свобод человека и гражданина. Именно этот фактор имеет важное социальное значение. Важное место среди функций данного права занимает превентивная функция. Эта функция способствует правомерному осуществлению лицом своих прав и свобод, а также имеет целью предупреждение правонарушений и незаконных ограничений прав и свобод человека и гражданина

со стороны государственных органов, органов местного самоуправления и должностных лиц, которые могут возникнуть в будущем.

Право на юридическую помощь предусматривается статьей 3 Закона Украины «О бесплатной правовой помощи». Под правом бесплатной правовой помощи имеется в виду возможность граждан, иностранцев, лиц без гражданства, а также беженцев получить первичную юридическую помощь в полном объеме. Кроме этого, оно является возможностью определенных категорий лиц получить вторичную юридическую помощь в случаях, предусмотренных законодательством Украины. Сущность юридической помощи в нашем государстве составляет систему общественных отношений. Они образуются в результате обращения лиц, предусмотренных в законодательстве, в уполномоченные органы для того, чтобы получить квалифицированные правовые услуги на безвозмездной основе.

Список использованной литературы:

1. Бірюкова А. М., Гончаренко С. В. Щодо проекту Закону України «Про безоплатну правову допомогу», розробленого Міністерством юстиції України. Зауваження і пропозиції. Адвокат. 2004. № 1. С. 21.
2. Волков А., Гаврушко А. Бесплатная юридическая помощь. Юридическая практика. 2003. № 32.
3. Конституція України, прийнята на п'ятій сесії Верховної Ради України 28 червня 1996 року зі змінами та доповненнями згідно із Законом України «Про внесення змін до Конституції України» № 2222-IV. Харків: Весна, 2007. 48 с.
4. Погорілко В. Ф., Федоренко В. Л. Конституційне право України. Академічний курс. Підруч.: у 2 т. / За ред. В. Ф. Погорілка. К.: Юридична думка, 2006. 544 с., 800 с.
5. Кримінально-процесуальний кодекс України від 13.04.2012 № 4651-VI (Редакція станом на 05.01.2018).
6. Гонтаренко С. В., Бова Є. Ю. Безоплатна правова допомога стає реальністю. Адвокат. 2009. № 7. С. 11.
7. Адвокатура України: підручник / М. А. Погоріцький, О. Г. Яновська. К.: Юрінком Інтер, 2014. 368 с.

8. Про безоплатну правову допомогу: Закон України від 2 червня 2011 року.

9. Порядок роботи громадської приймальні з надання безоплатної первинної правової допомоги затверджений наказом Міністерства юстиції України від 21.09.2011 № 3047/5.

10. Про прожитковий мінімум: Закон України від 15.07.1999 № 966-XIV.

11. Про біженців та осіб, які потребують додаткового або тимчасового захисту: Закон України зі змінами від 04.02.2016.

12. Про статус ветеранів війни, гарантії їх соціального захисту: Закон України від 22 жовтня 1993 року № 3551-XII.

13. Про жертви нацистських переслідувань: Закон України. Відомості Верховної Ради України (ВВР), 2000, № 24, ст. 182.

14. Фіолевський Д. П. Адвокатура: підручник. 3-тє вид., випр. і доп. К.: Алерта, 2014. 624 с.

15. Про адвокатуру та адвокатську діяльність: Закон України від 05.07.2012 № 5076-VI.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кучер Виталий Орестович – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права и процесса Львовского государственного университета внутренних дел

Курьяло Татьяна Вячеславовна – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса Львовского государственного университета внутренних дел

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kucher Vitaliy Orestovich – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Civil Law and Process of the Lviv State University of Internal Affairs

kucherviv@ukr.net

Kurylo Tatyana Vyacheslavovna – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Professor at the Department of Civil Law and Process of Lviv State University of Internal Affairs;

tetyanakurylo@ukr.net

УДК 343.92

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МОШЕННИЧЕСТВА, СОВЕРШЕННОГО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕКТРОННО-ВЫЧИСЛИТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКИ

Лев ЛЕФТЕРОВ,

адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии
Одесского государственного университета внутренних дел

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются актуальные вопросы противодействия киберпреступлениям. Особое внимание уделено незаконным операциям по завладению имуществом путем обмана или злоупотреблением доверия, механизм совершения которых невозможен без использование электронно-вычислительных машин. В частности, проводится комплексное криминологическое исследование мошенничества, совершенного с использованием электронно-вычислительной техники. Приведены некоторые данные статистики совершения компьютерных мошенничеств как на территории Украины, так и в мире.

Ключевые слова: компьютерное мошенничество, криминологическая характеристика, электронно-вычислительная техника, злоупотребление доверием, киберпреступления.

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF FRAUD, DONE BY THE USE OF ELECTRONIC COMPUTER ENGINEERING

Lev LEFTEROV,

Adjunct at of the Department of Criminal Law and Criminology
of Odessa State University of Internal Affairs

SUMMARY

The article raises topical issues of countering cybercrime. Particular attention is paid to illegal operations to seize property through deception or abuse of trust, the mechanism of which is impossible without the use of electronic computers. In particular, a comprehensive criminological study of fraud committed using electronic computers is conducted. There are some data on the statistics of computer fraud, both in Ukraine and in the world.

Key words: computer fraud, criminological characteristics, computer technology, abuse of trust, cybercrime.

Постановка проблемы. В июне 2017 года на территории Украины было зафиксировано распространение новой модификации вредоносного программного обеспечения, в результате чего была нарушена деятельность ряда государственных учреждений, а также предприятий частного сектора. По информации Департамента киберполиции Национальной полиции Украины, за немногочисленное время работы указанного компьютерного вируса в органы Национальной полиции Украины поступило более 1000 обращений о несанкционированном вмешательстве

в работу электронно-вычислительных машин, которые привели к блокированию информации и сбоям в работе компьютерной сети [6].

Указанные события спровоцировали активные действия в изучении проблем компьютерной преступности, рассмотрения стратегий и концепций обеспечения кибербезопасности на государственном уровне. Основы национальной безопасности, а также бесперебойная работа объектов критической инфраструктуры безусловно является главным направлением государства. Однако следует отметить, что

Интернет-мошенничества, совершенные с использованием электронно-вычислительной техники и электронных платежных систем несут в себе угрозу не только для физических лиц, но и для государственных предприятий, а ущерб от них сопоставим с национальными масштабами.

Актуальность темы исследования. По данным украинской межбанковской ассоциации членов платежных систем ЕМА, только во втором квартале 2016 года от Интернет-мошенничеств пострадал каждый сотый держатель платежных карт в Украине, «доход» от незаконных действий составил почти 340 миллионов гривен (11,2 миллионов Евро) [7]. Данная статистика отображает как результат недостаточного изучения криминологических особенностей указанной категории преступлений, так и недостатки украинского законодательства, которое все еще находится на этапе адаптации к современным тенденциям информационно-технического развития государства. Данный факт подтверждает актуальность рассматриваемой темы. Научные исследования отдельных аспектов борьбы с Интернет-мошенничеством и киберпреступностью в общем проводились И. Г. Богатыревым, А. А. Комаровым, А. К. Лебедевым, А. Е. Корыстиным, А. А. Жмиховым, А. С. Малаховым, А. С. Дубиным, однако на современном этапе изучения криминологических особенностей мошенничества, совершенного с использованием электронно-вычислительной техники, существует ряд ранее неисследованных вопросов, в том числе анализ факторов и переменных, влияющих на динамику развития указанного вида преступлений в условиях современного развития борьбы с киберпреступностью.

Целью статьи является осуществление криминологической характеристики мошенничества, совершенных с использованием электронно-вычислительной техники, анализ данного вида преступности, ее территориальные особенности и региональные структуры.

Изложение основного материала. Как известно, мошенничество, совершенное с использованием электронно-вычислительной техники, является не только видом киберпреступления, но и весомой частью общей преступ-

ности. Информационно-аналитическое обеспечение деятельности по борьбе с преступностью – исходный, необходимый ее элемент. Соответственно общими задачами анализа преступности в криминологии является выявление ее закономерностей с тем, чтобы перейти к анализу закономерностей ее детерминации, причинности, определить закономерности ее подверженности различным воздействиям и соответственно правильно построить борьбу с преступностью в конкретных условиях территории (государства, региона) и времени.

При криминологическом изучении преступности выявляются:

- степень ее общей распространенности и общественной опасности в конкретных условиях места и времени в целях оценки ее состояния и тенденций, определения направлений борьбы с преступностью;

- социальные характеристики преступности, указывающие на особенности ее порождения и функционирования (мотивация, социальная направленность, социально-групповая, социально-отраслевая, социально-территориальная распространенность), в целях разработки конкретных предупредительных мер;

- собственные, внутренние характеристики преступности (устойчивость, активность, организованность) в целях совершенствования правоохранительной деятельности и мер предупреждения рецидива преступлений, усиления организованных начал в преступности [4, с. 91].

Согласно части 3 статьи 190 Уголовного Кодекса Украины – мошенничество, совершенное путем незаконных операций с использованием электронно-вычислительной техники, предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от трех до восьми лет [1, ст. 190]. Указанная норма в полной мере дает уголовно-правовое понятие действиям, которые относятся к киберпреступности.

Прежде всего необходимо рассмотреть абсолютные показатели количества мошенничеств, которые относятся к категории киберпреступлений, а именно, преступления, которые рассмотрены ч. 3, ст. 190 УК Украины [1, ст. 190]. Анализ информации проводился согласно официальным

данным статистики Генеральной прокуратуры в виде единого отчета по уголовным правонарушениям, зарегистрированным в Единый реестр досудебных расследований на территории Украины в период времени с 2013 по 2018 года [8].

Согласно отчету, в период времени с января 2013 до июня 2018 года на территории Украины, зафиксировано и внесено в Единый реестр досудебных расследований 19 654 фактов мошенничества, совершенных с использованием электронно-вычислительной техники (предусмотренные ч. 3 ст. 190 УК Украины). Новизна данного вида преступности, а также методы совершения указанной категории мошенничеств влияют на отсутствие статистических данных за более длительный период времени, что в свою очередь исключает возможность качественного отслеживания динамики преступности по годам. Однако если детально изучить изменение показателей можно установить научно объяснимые закономерности. Так в 2013 году на территории Украины зафиксировано и внесено в Единый реестр досудебных расследований 3320 факта, из которых установлены лица и объявлено о подозрении по 1047 уголовным производствам. В 2014 году зафиксировано и внесено в Единый реестр досудебных расследований 2740 факта, из которых установлены лица и объявлено о подозрении по 1241 уголовным производствам. В 2015 году зарегистрировано 3633 уголовных производства, из которых раскрыты 1318. В 2016 и 2017 году на территории Украины открыто 3578 и 4808 уголовных производств, из которых объявлено о подозрении по 878 фактам в 2016 году и 2103 делам в 2017 году соответственно. По состоянию на 1 июня 2018 года, за 5 месяцев на территории Украины выявлено и зарегистрировано 1575 уголовных производств и раскрыто 557 преступлений [8].

Как видно из выше представленных показателей, количество раскрытых преступлений на порядок ниже количества зарегистрированных. Данный факт, не является аномальным, так как преступность в большинстве случаев находится «на шаг впереди» от правоохранительных органов. Однако, главной особенностью динамики ком-

пьютерного мошенничества в Украине является его постепенное увеличение, но не по прямой, а по кривой линии. Что означает увеличение количества фактов, зарегистрированных в Едином реестре досудебных расследований в 2018, по сравнению с 2013 годом. Но увеличение происходило пропорционально временным снижениям преступности в 2014, 2016 годах. Чем обуславливаются данные изменения?

Как известно киберпреступления являются одним из самых сложных деяний в подготовке, совершении, а также в методах и тактике документирования их правоохранительными органами. Если объединить указанные сложности с механизмами обмана и злоупотребления доверием, предусмотренные мошенничеством, в арсенал киберпреступников поступает несчетное количество способов для совершения незаконных действий, с использованием компьютерной техники, специальных технических инструментов для работы с платежными данными, а также Интернета (как виртуальной среды для совершения преступлений).

Как было упомянуто ранее, хотя правоохранительная система не успевает за динамикой развития и совершения мошенничеств с использованием компьютерной техники, на месте она тоже не стоит.

В ходе проведенного нами изучения и анализа данных из открытых источников можно выявить основные переменные и факторы, которые влияют на снижение уровня преступности (на основании статистики 2013-2018 года):

1. Правовые и законодательные. Так на стороне противодействия киберпреступности находится целая государственная система в виде Законодательной и Исполнительной ветвей власти, со своими нормами права (направленными на противодействие и оказание содействия в борьбе с данной категорией киберпреступлений). Влияние на преступность оказывают даже малые изменения в правовых нормах, или процессах реформирования государственных органов (в частности, образование в 2015 году подразделения киберполиции Национальной полиции Украины).

2. Частный сектор и банковская система также оказывают поддержку и борьбу с кибермошенничествами

в рамках своих прав. Контролирование финансовых потоков играет не маловажную роль, особенно в мошенничествах, которые совершены с использованием систем удаленного банковского обслуживания. Так Государственная служба финансового мониторинга Украины, которая является центральным органом исполнительной власти и тесно связана с банковскими учреждениями: реализует государственную политику в сфере предотвращения и противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем; собирает, обрабатывает и анализирует информацию о финансовых операциях, подлежащих финансовому мониторингу и другие финансовые операции; создает и обеспечивает функционирование единой государственной информационной системы в сфере предотвращения и противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, или финансированию терроризма [2]. Украинская межбанковская ассоциация членов платежных систем «ЕМА», которая была зарегистрирована еще в 1999 году, свою активную деятельность, направленную на предупреждение интернет-мошенничеств, ведет путем усовершенствования взаимодействия негосударственного и государственного секторов по вопросам противодействия платежным и другим финансовым правонарушениям, разработка, внедрение и эксплуатация программных продуктов, проектов для совместного использования и реализации подразделениями Национальной полиции, членами Ассоциации и другими участниками платежных систем, платежными учреждениями, платежными системами, системами перевода средств, другими участниками рынка платежей и кредитования, Государственной службой финансового мониторинга Украины, Национальным банком Украины и других [3, с. 2].

3. Профилактика и опыт. Основным фактором, который исключает возможность компьютерных мошенников долгое время использовать одни и те же способы совершения преступлений, является профилактика, приобретенный опыт, проведение бесед, освещение в СМИ и так далее. Также

не малую роль играют процессуальные и правовые прецеденты, которые используются во время расследования и документирования уголовных правонарушений органами досудебного расследования, прокуратуры и оперативными подразделениями по борьбе с киберпреступностью.

Другими словами, особенностями преступности в сфере мошенничества с использованием электронно-вычислительной техники, является ее развитие, связанное на прямую с повышением уровня противодействия.

Еще одним статистическим показателем является количество преступлений, совершенных в составе групп. В 2013 году предъявлено подозрение по 145 уголовным производствам, которые были совершены в составе группы (по предварительномуговору лиц, в составе организованной преступной группы или организации). В 2014 году – предъявлено подозрение по 57 уголовным производствам (низкий уровень связан с политическим кризисом в государстве в этот период времени), в 2015 – по 182, в 2016 – по 130, в 2017 – по 246 уголовным производствам. Как видно, данный показатель также, как и предыдущие статистические данные, имеет динамику, которая на прямую зависит от влияния переменных. Кроме того, объяснить факт увеличения совершенных преступлений указанной категории в составе группы можно криминологическими особенностями. Иными словами, для совершения определенных категорий мошенничеств с использованием высоких информационных технологий также необходимы силы в виде человеческого ресурса и уникальных знаний (в сфере информационных технологий, социальной инженерии, психологии, экономики, а в некоторых случаях: знания юриспруденции, методов и тактики работы правоохранительных органов). Именно поэтому мошенники все чаще объединяются в группы, в которых происходит распределение обязанностей и ролей в ходе подготовки и совершении уголовных правонарушений.

Для выявления региональных показателей была проанализирована статистика зарегистрированных дел в Едином реестре досудебных

расследований в 2017 году, каждой отдельно взятой административно-территориальной единицы (кроме регионов, временно не подконтрольных центральной власти). Из показателей видно, что основная доля преступности приходится на территорию города Киева (650 уголовных производств, зарегистрированных за отчетный период) и Одесской области (638 уголовных производств). Кроме того, не малое количество мошенничеств с использованием электронно-вычислительной техники зафиксировано на территориях оперативного обслуживания: Запорожской области (368 уголовных производств), Николаевской области (337 уголовных производств), Харьковской (207 уголовных производств) Днепропетровской (204 уголовных производств) и Львовской областей (148 уголовных производств). Различия в уровне структуре и динамике преступности неслучайны. Они связаны с демографическими, экономическими, социальными, культурными, организационными, национальными, экологическими, правовыми, регистрационными и другими особенностями той или иной местности (этнический состав населения, проживание большинства населения региона в городах или селах и т.д.). Поэтому изучение географии преступности имеет исключительное значение для сравнительной криминологии при анализе причин преступности и ее изменений, при выработке эффективных мер ее предупреждения [5, с. 108].

Так, принимая во внимание демографический фактор можно сделать вывод, что на динамику преступности данной категории влияет в первую очередь количество и плотность населения отдельно взятого региона. Согласно данным государственной службы статистики, средняя численность населения в г. Киеве в 2017 году составила 2 930 141 человек без учета миграций и временно посетивших столицу Украины. В Одесской области в 2017 году постоянная численность населения составила 2 384 796 человек (а также более 2,2 миллиона человек, которые посетили регион в курортный период и межсезонье). Кроме того, в данных регионах обусловлен повышенный уровень проникновения Интернета во

многие сферы экономической и повседневной деятельности.

Если говорить о других факторах, которые главным образом влияют на киберпреступность в Украине, необходимо изучить другие дополнительные статистические данные. Принимая во внимание тот факт, что самым основным орудием компьютерного мошенничества является Интернет, целесообразно проанализировать показатели развития и проникновения Интернета в Украине. Так в 2018 году Интернет ассоциацией Украины (ИНАУ) совместно с холдингом Factum Group Ukraine проведено исследование репрезентативное население Украины в возрасте от 15 лет и старше [9]. По результатам проведенных исследований установлено, что динамика проникновения Интернета, начиная с 2010 года, имеет следующие показатели:

- 2010 год – 28 % населения страны;
- 2011 год – 39 %;
- 2012 год – 50%;
- 2013 год – 53%;
- 2014 год – 57%;
- 2015 год – 58%;
- 2016 год – 63%;
- 2017 год – 63%;
- 2018 год – 65 %.

При этом 65% населения (21,35 миллионов) являются регулярными пользователями, 67% населения (21,9 миллиона) имеют подключение домашнего Интернета.

Социально-демографическая структура «регулярных» Интернет-пользователей выглядит таким образом:

- пользователи Интернета мужчины 48%;
- женщины – 52%, от общего количества.

Возрастная категория пользователей:

- 15-24 лет – 18%;
- 25-34 лет – 28%;
- 35-44 лет – 23%;
- 45-54 лет – 16%;
- 55-64 лет – 11%;
- от 65 лет – 4%.

Если взять за основу индивидуальные характеристики киберпреступности, то можно сделать выводы о среднем возрасте потерпевших от мошенничеств с использованием электронной вычислительной техники. В основном

это категория самых активных пользователей возрасте от 25 до 50 лет. Также немалая доля потерпевших приходится на возрастную категорию выше 50 лет, в связи с низким уровнем знаний в той или иной технической сфере (пенсионеры, взрослые люди, не имеющие достаточного уровня осведомленности о высоких информационных технологиях и методах защиты в сети Интернет).

Территориальные показатели сопоставимы с уровнем киберпреступности, а именно уровень проникновения Интернета в крупных городах с населением больше 100 тысяч, составляет 44%. В городах с населением менее 100 тысяч человек – 28%, а в селах и поселках городского типа – 27%.

Уровень дохода пользователей, обусловлен неоднозначными показателями:

- высокий уровень дохода – 1% пользователей;
- выше среднего – 10%;
- средний уровень – 40%;
- ниже среднего – 38%;
- низкий уровень дохода – 7%.

Как правило, пользователи, которые имеют доход низкий и ниже среднего, являются категорией, которую можно расценивать финансово зависимой. Пользователи данной категории часто являются потенциальными мошенниками, которые ищут в Интернете легкий способ незаконного обогащения путем обмана и злоупотребления доверием других законных пользователей.

Также следует отметить, что немалую долю пользователей составляют лица, не получившие высшего образования. К этим лицам можно отнести студентов, которые имеют специальные технические знания в сфере высоких информационных технологий, что позволяет им использовать уже полученные в ВУЗе знания при совершении незаконных действий в сети Интернет.

Следующим фактором, который влияет на преступность рассматриваемой категории является мобильность доступа в сеть. Так 57% Интернет-пользователей используют в качестве типа доступа – мобильный телефон или смартфон; 45% – домашний персональный компьютер; 39% – стационарный персональный компьютер; 15% – планшетный персональный компьютер; 10% – рабочий компьютер [9].

Все приведенные статистические данные в статье не являются точными и отображают лишь общую картину криминогенной обстановки в Украине. Кроме того, не учтены данные о преступлениях, про которые позже не были проинформированы правоохранительные органы. Есть ряд причин, по которым потерпевшие могут не заявлять в органы правопорядка о совершенных в отношении них мошенничествах с использованием электронно-вычислительной техники.

Выводы. Мошенничество, совершенное с использованием электронно-вычислительной техники, действительно оказывает высокое влияние на экономику государства в целом, отображает уровень экономической безопасности частного сектора, крупной предпринимательской деятельности, банковской и финансовой системы в целом. Вышеуказанные показатели статистики дают возможность оценить значительную динамику развития данного вида преступности. Развитие киберпреступности и ее криминологические особенности очень сильно отличаются от преступности общекриминальной направленности. Рост мошенничеств с использованием электронно-вычислительной техники на прямую зависит от увеличения степени проникновения высоких информационно-программных технологий в повседневную жизнь населения Украины. Кроме того, повышение квалификации правоохранительными органами (специальными подразделениями по борьбе с киберпреступностью), их методы противодействия, опыт, профилактика порождают необходимость изобретения преступниками все новых видов кибермошенничеств.

Конечно, быстрое решение данных проблем в принципе невозможно, однако оптимизирование работы по борьбе как с данным видом мошенничества, так и с киберпреступностью в целом является первоочередной необходимостью государства. Речь идет об изменениях в законодательстве (конституционной, административной, уголовной, гражданской и хозяйственной отраслях права), а также окончательная реорганизация и создание дополнительных органов по контролю, обеспечению безопасности и противодействию правонарушениям в сфере высоких информационных технологий.

Список использованной литературы:

1. Кримінальний кодекс України: Закон від 05.04.2001 № 2341-III (Редакція станом на 14.06.2018). Відомості Верховної Ради України (ВВР). 2001, № 25-26, ст. 131.
2. Про затвердження Положення про Державну службу фінансового моніторингу України: постанова кабінету міністрів України від 29 липня 2015 р. № 537. Офіційний вісник України від 14.08.2015. 2015 р., № 62, с. 109, ст. 2028.
3. Статут Української міжбанківської Асоціації членів платіжних систем «ЄМА», затверджений рішенням конференції – 2006 р., с. 21, м. Київ.
4. Долгова А. И. Криминология: учебник для ВУЗов. Москва, 2005. 894 с. (Норма).
5. Криминология: учебник / Под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. М.: Юрист, 2004. 734 с;

6. Официальный сайт Департамента киберполиции Национальной полиции Украины «У поліції відкрито 23 кримінальних провадження за фактами втручання в роботу комп'ютерних мереж». URL: <https://cyberpolice.gov.ua/news/u-policziyi-vidkryto-kryminalnykh-provadhennya-za-faktamy-vtruchannya-v-robotu-kompyuternyx-merezh-video-5296>;

7. Официальная статистика Украинской межбанковской ассоциации членов платежных систем ЕМА. URL: <https://ema.com.ua/payment-fraud-actual-infographics-results-2-q-2016>;

8. Статистична інформація «Про зареєстровані кримінальні правопорушення та результати їх досудового розслідування» Генеральна прокуратура України. URL: <https://www.gp.gov.ua/ua/stat.html>;

9. Проникновение Интернета в Украине: материалы исследования Интернет Ассоциации Украины, 2018 год. URL: http://www.inau.org.ua/sites/default/files/file/1806/ui_factum_group_ii_kvartal_2018.pdf

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лефтеров Лев Васильевич – адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии Одесского государственного университета внутренних дел

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lefterov Lev Vasilyevich – Adjunct at the Department of Criminal Law and Criminology of Odessa State University of Internal Affairs

lev.lefterov@cybercrime.gov.ua

UDC 347.763

CONCEPT OF MECHANISM OF LEGAL REGULATION OF CONTRACT RELATIONS WITH THE PROVISION OF TRANSPORT SERVICES

Irina LUKASEVYCH-KRUTNYK,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor
at the Department of International law, International Relations and Diplomacy
of Ternopil National Economic University,

Doctoral Student of the Scientific Research Institute of Private Law and Entrepreneurship named after F. G. Burchak
of National Academy of Legal Sciences of Ukraine

SUMMARY

The article is devoted to the study of the concept of the mechanism of legal regulation of contractual relations with the provision of transport services. It explored various theoretical points of view regarding the notion of a mechanism of legal regulation of social relations in the theory of law in general and in relation to particular civil relations in particular. On the basis of the analysis, independent conclusions have been made and the definition of the mechanism of legal regulation of contractual relations with the provision of transport services has been proposed.

Key words: mechanism of legal regulation of social relations, mechanism of legal regulation of contractual relations, mechanism of legal regulation of contractual relations with the provision of services, mechanism of legal regulation of contractual relations with the provision of transport services.

ПОНЯТИЕ МЕХАНИЗМА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЙ ПО ПРЕДОСТАВЛЕНИЮ ТРАНСПОРТНЫХ УСЛУГ

Ирина ЛУКАСЕВИЧ-КРУТНЫК,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права,
международных отношений и дипломатии

Тернопольского национального экономического университета,
докторант Научно-исследовательского института частного права и предпринимательства
имени академика Ф. Г. Бурчака
Национальной академии правовых наук Украины

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию понятия механизма правового регулирования договорных отношений по предоставлению транспортных услуг. В ней исследованы различные теоретические точки зрения относительно понятия механизма правового регулирования общественных отношений в теории права в целом и относительно отдельных гражданских отношений в частности. На основании проведенного анализа сделаны самостоятельные выводы и предложена дефиниция механизма правового регулирования договорных отношений по предоставлению транспортных услуг.

Ключевые слова: механизм правового регулирования общественных отношений, механизм правового регулирования договорных отношений, механизм правового регулирования договорных отношений по оказанию услуг, механизм правового регулирования договорных отношений по предоставлению транспортных услуг.

Statement of the problem. During the last decade the general theoretical subjects of the mechanism of legal regulation of social relations are actively investigated in the study of individual institutes of various branches of law. The institutes of civil law have not become exceptions. However, today in the legal regulation of some of them there are radical changes related to the implementation of the Association Agreement between Ukraine and the European Union.

According to the said Agreement, the legislation of Ukraine in the field of providing transport services should go way closer to the norms adopted by the Eu-

ropean Union. And this requires a theoretical understanding of not only legal norms that will be introduced as changes to the legislation, but also the mechanism of legal regulation of contractual relations with the provision of transport services. This in turn will improve the solution of practical problems.

The analysis of recent researches and publications, which initiated the solution of this problem and based on the author, the allocation of previously unsettled parts of the general problem, which is dedicated to this article. The mechanism of legal regulation of social relations as a gener-

al theoretical concept was studied by many scholars and practitioners, among them A. O. Abramova, M. G. Alexandrov, S. S. Alekseiev, V. M. Gorshe-
nov, A. B. Grinyak, S. Ya. Zinchenko, O. S. Ioffe, O. Ya. Karhut, A. V. Kost-
strub, Yu. V. Kuznetsova, S. M. Kushnir,
V. V. Mazur, O. V. Malko, M. I. Ma-
tusov, M. M. Novikova, O. O. Otradnova,
S. O. Pogromny, D. I. Rogov, O. M. Rodi-
onova, V. V. Sidorenko, O. F. Skakun,
T. I. Tarakonich, V. N. Shabalin,
V. L. Yarotsky and others. In the Ukrain-
ian doctrine of civil law, for the most
part, attention was paid to the analysis
of the peculiarities of the mechanisms

of legal regulation of only certain types of civil relations, in particular, contractual (S. O. Pogrebny), tort (O. O. Otradnova), lease (I. R. Kalaur), contract (A. B. Gryniak), services (N. V. Fedorchenko) and others. At the same time, the subject of the mechanism of legal regulation of contractual relations with the provision of transport services remains poorly researched.

Formulating the goals of the article. The purpose of this article is to study the concept of the mechanism of legal regulation of contractual relations with the provision of transport services.

Presentation of the main research material with full justification of the received scientific results. In scientific legal literature, the term "mechanism" is used in various phrases, in particular, the "mechanism of the state", "the mechanism of interpretation", "the mechanism of management", "the mechanism of law-making", "the mechanism of legal influence", "mechanism of legal regulation", "mechanism of implementation norms of law", "mechanism of realization of rights and freedoms", "mechanism of protection of rights and freedoms", "mechanism of introduction of the rule of law", etc. In the Great Explanatory Dictionary of Modern Ukrainian, the term "mechanism" is interpreted differently.

So, under the mechanism understand: 1) the device that transmits or converts the movement; 2) internal structure, system of something; 3) method, method; 4) a set of states and processes, of which a certain physical, chemical and another phenomenon is formed. [1, p. 523]. It is obvious that in most cases this term is used to characterize technical processes.

In legal literature, the term "mechanism" was first applied to the legal concepts of M. G. Aleksandrov. He called the mechanism of legal regulation as a category that mediates the interaction of a set of legal norms that ensure the dynamics (movement) of legal relationships [2, p. 183]. Such a point of view was further supported and developed in the works of S. S. Alekseev, who defined the mechanism of legal regulation as taken in unity the whole set of legal means, through which the legal influence on social relations is ensured. In his writings, the scholar stated that the question of the mechanism of legal influence is central to the problem of legal regulation.

The task of the mechanism is to ensure the effectiveness of the influence of law on social relations, that is, the expediency and effectiveness of legal measures, legal norms [3, p. 3-4, 32-35]. Reflecting on this problem, the scientist changed his views on the structure of the legal regulation mechanism several times.

In his opinion, at the first stage of this mechanism there is a "regulation of social relations that require legal mediation" (the element of this stage is a legal norm). The second stage was formulated by the author as "the effect of legal norms, resulting in or changing legal relations" (element – legal relations). The third stage involves the realization of subjective rights and obligations [3, c. 35, 48, 61-62]. That is, initially in the understanding of S.S. Alekseev, the mechanism of legal regulation contained three main elements (or parts): legal norms, legal relationships and acts of the implementation of subjective legal rights and responsibilities. Subsequently, he noted that there are also two elements (non-essential in the opinion of the scientist) – normative legal acts, legal consciousness and legal culture. But in recent works, "under the strictly instrumental angle", the scientist distinguishes in the mechanism of legal regulation, three main links: legal norms – the basis of legal regulation; legal relations, in particular, subjective rights and legal obligations of their participants; acts of realization of rights and obligations; the fourth link, which in some cases is included in the mechanism of legal regulation, – acts of the application of law, as well as separate additional elements – individual acts, the rule of law, etc. At the same time, elements of the mechanism of legal regulation of civil property relations can be considered as separate its subsystems [4, p. 30; 5; 29; 6, p. 48-49].

Such a concept is the basis of the modern theory of law, where under the mechanism of legal regulation is understood to mean the system of all state-legal (legal) means by which the state exercises power influence on social relations. It does not coincide completely with the legal system of society; it is somewhat "narrower" from it. After all, to the latter one way or another include such phenomena in which neither the state nor society is interested (in particular, the offense). The mechanism of legal regulation is accompanied, intertwined, associated with the influ-

ence of other social phenomena, which in general can be reflected in the concept of the general social mechanism of legal regulation.

Elements of the mechanism of legal regulation P. M. Rabinovych shares on: 1) obligatory at the appropriate stages of regulation: the rules of law (model, regulate social relations); normative legal acts ("organize" the content of legal norms, express them from the outside, ensure their entry into force); legal facts (generate, change or terminate subjective legal rights and obligations of personified entities); legal relations (specify the mutual legal rights and obligations of the personified subjects); acts of interpretation (clarification) of the content of legal norms; acts of realization of subjective legal rights and obligations; 2) mandatory throughout the regulation: legal consciousness (ideologically, spiritually provides the process of legal regulation); legality (guarantees the reality of the implementation of the regulatory process); 3) Optional: Interpretative-legal acts (providing the same understanding of the content of legal norms); acts of the application of legal norms (provide the power organization of legal relations between right-implementers) [7, p. 156-157].

When describing the mechanism of legal regulation, modern theorists were proposed to consider this concept in two aspects: narrow and broad. Thus, S. O. Sarnovsky, a broad understanding under the mechanism of legal regulation suggests to understand the totality of social and legal means of objectification and implementation of the norms of natural law, which are intended to ensure the stability of social relations by the greatest optimal combination of social and individual interests of members of society in order to create conditions for the progressive development of each individual, as well as the realization of his rights and freedoms. The legal norm in this approach acts as one (but not the only one) of methods of objectification of the norms of natural law. In the narrow sense, the mechanism of legal regulation – is a system of legal means, which should bring social relations in line with certain states of behavioral patterns. However, the second of the proposed definitions, the author criticizes for two reasons. Thus, the first is that, in the case of inconsistency of state-approved models of behav-

ior with the norms of natural law, legal regulation is re-emerging into the open violence of the state over the personality. Second, the determined approach distorts the ultimate goal of legal regulation – subordination of the behavior of subjects of the will of the state [8, c. 45-46].

Undoubtedly, each of the definitions has a scientific value. However, in our opinion, the proposition of any theoretical development should be aimed at improving the solution of practical issues, while such a dualistic approach will further complicate the clarification of the essence and so complex legal concept of the mechanism of legal regulation of relations.

A list of different perspectives on the subject under study can be continued, but this does not seem appropriate. After all, the mechanism of legal regulation of social relations is a complex legal phenomenon, in relation to the concept and its components in the theory of scientific discussions continue to be continued. It is worth noting that the concept of the mechanism of legal regulation is typical for the state to regulate all relations, including civil ones. Therefore, the last decade in the science of civil law affected the considerable attention of civilians to this issue, in particular, in the study of individual civil law institutes. Relying on the general principles of the theory, civilians formulate their own notions of the mechanism of legal regulation of individual relations.

So S. O. Pohribnii in his writings analyzes the mechanism of legal regulation of contractual civil relations, under which he proposes to understand a consistent chain of changes in individual legal phenomena: the norm of law governing civil relations; legal fact; rights and obligations existing in civil legal relations that arose on its basis; realization of civil rights and performance of duties, and, if necessary, protection of violated rights and interests [9, p. 43]. At first glance, the analysis of this definition can form the notion that S.O. The pledge does not consider the mechanism of civil regulation as a "system or set of civil remedies", which is typical of the instrumental approach. In fact, this is not the case, since the stated conceptual understanding of the mechanism derives from the very content of the definition proposed by S. O. Pohribnii.

Thus, the scientist speaks of "separate legal phenomena", which include civ-

il law, legal facts, subjective civil rights and obligations, acts of their implementation, as well as means of protection of violated civil rights and interests. By its nature, these legal phenomena are actually civil and legal means, which together form the mechanism of civil law regulation. The indication that the mechanism is a consistent chain of changes in these legal phenomena emphasizes that these phenomena are organized in a certain way, interconnected and in interaction. The latter makes it possible to speak the language not about a simple set of legal phenomena, but about their system, and hence the system of civil remedies. Consequently, the instrumental methodological approach is based on the understanding of the mechanism of civil law regulation as a "system of legal means". At the same time, the basic principle significance is the phrase "legal means", which by its semantic content causes the conceptual direction of the study of the category of "mechanism of civil regulation". This mechanism always, regardless of the different content of the wording, will be raised under the understanding of its not as a process, but as a legal phenomenon, a tool of a certain higher order, covering the instruments of the lower order to ensure the process of civil law regulation and achieve the goal of the latter. Hence the name of this methodological approach is an instrumental approach. An analysis of the legal literature of a civilized trend has shown that it is the instrumental approach that is leading in understanding the issues of the mechanism of civil law regulation, while other methodological approaches are practically not implemented in civilization [10, p. 111; 11, p. 141].

According to V. V. Luts, such a concept of the mechanism of legal regulation of contractual relations is a reflection of the generally accepted theory of the state and the right to understand the legal regulation as a continuing process, during which the influence of the right to social relations is exercised, and which contains three links (stages): 1) legal norms; 2) legal relations and, in particular, subjective rights and legal obligations of their participants; 3) acts of realization of rights and obligations. However, the selection of individual stages of the legal regulation process is rather arbitrary, since in legal reality, it is not always possible to follow the precise limits of passing this process

at its individual stages. <...> It is necessary to agree with the opinion of many authors, which to the mechanism of legal regulation include much wider range of legal means (acts of law, definitions, fiction, presumptions, etc.) [12, p. 32-33]. Thus, the scientist proposes to expand the content of the concept under investigation.

Exploring the contractual relationship to provide services, N. Fedorchenko proposes the concept of the mechanism of legal regulation of relations, which is a system of interacting elements (legal tools, methods and forms) in which regulation of relations provided by service providers and sold laid in the norms of law and the contract the model of behavior of the customer and the executor in terms of consumption of the service provided and in most cases, remuneration for it. The researcher gives his list of elements of the mechanism of legal regulation of contractual relations for the provision of services: a) the norms of civil law or the terms of service agreement proposed by the parties; b) legal facts; c) the emergence of rights and obligations (legal relationships) arising from the grounds of civil law and service contracts; d) the behavior of the participants in the legal relationship regarding the provision of services for the realization of their subjective rights and obligations, laid down in legal norms and determined by the will of the customer and the executor; e) protection of the provisions laid down in legal norms and determined by the will of the customer and performer of subjective civil rights and lawful interests, provided that they are violated (supplemented by such an important component as responsibility) [13, p. 40, 52].

Extension of the content of the mechanism of legal regulation of relations, including contractual relations with the provision of transport services, justifies R. B. Shyshko. Element of the mechanism of civil regulation is civil, whether in this case, civil liability. It stabilizes the binding legal relationship, encourages the parties to properly fulfill their obligations. Such are the legal nature of prohibitions, incentives, and other incentives and restrictions. Here there is a certain dependence: the prohibition – violation of it – sanction; committing a certain action as a manifestation of loyalty to the proprietor, in particular the carrier – the incentive (discounts on the price, if the transporta-

tion is not selected on peak days, additional bonuses, obtaining from the position of the priority consignor, the advantage of transport services to other applicants, etc.). Concerning the restrictions, they may concern: the conclusion of the contract (the number of passengers and sold tickets is limited to the technical characteristics of the vehicle and types of traffic, the cargo and capacity of the vehicle, the state of highways, including roads, etc.). Thus, in the mechanism of legal regulation of traffic, the rules of positive law are basic, they are specified at the individual level by the contract of carriage and provide regulatory influence through: a) legal facts; b) the legal regime of cargo; c) the legal status of the parties; d) established rights and obligations; e) types, means of stimulation, restriction and prohibition; f) types and means of protection of violated subjective civil rights and legitimate interests of the parties [14, p. 124]. In our opinion, the attribution to the elements of the mechanism of legal regulation of contractual relations with the provision of transport services of liability needs additional justification.

R. I. Tashyan makes an attempt to define the mechanism of civil law regulation of transport relations. From the position of this scientist, the mechanism of civil-law regulation of transport relations can be defined as a system of effective legal means aimed at streamlining civil-civilian transport in order to secure the interests of individuals and the functioning of the transport system as a whole, which is realized with the help of actions of subjects of civil law and support and protection of public authority. This mechanism is an integral part of the general mechanism of legal regulation, and therefore has all the features inherent to it. Thus, its elements are the rules of law, legal facts, legal relations, performance of duties, acts of protection of violated rights and legitimate interests. At the same time, the mechanism in transport relations has a certain specificity, which is the widespread application of international legal acts, standard contracts, standard forms of charter, an essential role of customs and conventions, bylaws normative and legal acts [15, p. 107]. The proposed definition is not perfect. The term itself is called "the mechanism of civil law regulation of transport relations". After all, transport relations are

regulated not only by private but also by public law. Only some transport relations are civil and therefore not all of them can be covered by the civil law mechanism.

On the basis of the above analysis, taking into account the foundations of the theory of law and individual developments of civilians in the field under study, we propose, under the mechanism of legal regulation of contractual relations with the provision of transport services, to understand the system of interacting among themselves legal means by which the regulation of contractual relations with the provision of transport services is provided.

Conclusions from this study and prospects for further developments. The theme of the mechanism of legal regulation of relations, developed in the second half of the twentieth century, is still not overlooked in the science of civil law, but needs to be revised through the prism of modern trends. Therefore, in the context of the study of contractual relations on the provision of transport services, it is important to study the mechanism of legal regulation of such relations. Under it, we propose to understand the system of interacting legal means among which the regulation of contractual relations with the provision of transport services is provided. The investigated issue needs further development, in particular, clarification of the structure of the mechanism of legal regulation of contractual relations with the provision of transport services and the characteristics of its individual elements.

References:

1. Великий тлумачний словник сучасної української мови / Уклад. і голов. ред. В. Т. Бусел. К.: Ірпінь, Перун, 2002. 1440 с.
2. Александров Н. Г. Право и законность в период развернутого строительства коммунизма. М.: Госюриздат, 1961. 271 с.
3. Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М.: Юридическая литература, 1966. 188 с.
4. Коструба А. В. Юридичні факти в механізмі право припинення цивільних відносин: монографія. К.: Ін Юре, 2014. 376 с.

5. Основи загальної теорії права та держави. Видання 5-те, зі змінами. Навчальний посібник. К.: Атіка, 2001. 176 с.

6. Бабичева И. В. Системно-структурный подход к исследованию юридических конструкций (на примере муниципально-правовых систем). Господарство и право. 2009. № 9. С. 27–37.

7. Погрібний С. О. Поняття механізму досягнення мети правового регулювання цивільних відносин. Проблеми законності: респ. міжвідом. наук. зб. / відп. ред. В. Я. Тацій. Х.: Нац. юрид. акад. України, 2006. Вип. 84. С. 47–52.

8. Сарновська С. О. Механізм правового регулювання та його подвійне тлумачення. Бюлетень Міністерства юстиції України. 2004. № 12. С. 43–51.

9. Погрібний С. О. Механізм та принципи регулювання договірних відносин у цивільному праві України. К.: Правова єдність, 2009. 304 с.

10. Мазур В. В. Механізм цивільно-правового регулювання: теоретико-методологічний аспект. Науковий вісник Ужгородського національного університету. 2016. № 36. Т. 1. С. 108–113.

11. Калашник О. М. Механізм правового регулювання цивільних відносин як об'єкт наукових досліджень: генеза та сутність. Юридичний часопис Національної академії внутрішніх справ. 2017. № 2 (14). С. 136–148.

12. Луць В. В. Деякі аспекти правового регулювання договірних відносин у господарській діяльності. Збірник наукових праць викладачів Юридичного інституту, присвячений 20-річчю створення Юридичного інституту Прикарпатського національного університету ім. В. Стефаника, 2012. С. 31–45.

13. Федорченко Н. В. Договірні зобов'язання з надання послуг: проблеми теорії і практики: монографія. К.: НДІ приватного права і підприємництва НАПрН України, 2015. 328 с.

14. Шишка Р. Б. Механізм правового регулювання перевезень. Юридичний вісник. 2014. № 3 (32). С. 120–125.

15. Таш'ян Р. І. Механізм цивільно-правового регулювання транспортних відносин. Університетські наукові записки. 2016. № 57. С. 101–109.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лукашевич-Крутнык Ирина Степановна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного права, международных отношений и дипломатии Тернопольского национального экономического университета, докторант Научно-исследовательского института частного права и предпринимательства имени академика Ф. Г. Бурчака Национальной академии правовых наук Украины

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lukasevich-Krutnyk Irina Stepanovna – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of International law, International Relations and Diplomacy of Ternopil National Economic University, Doctoral Student of the Scientific Research Institute of Private Law and Entrepreneurship named after F. G. Burchak of National Academy of Legal Sciences of Ukraine

lukru@ukr.net

УДК 351.746.3

ENSURING SECURITY TO PERSONS UNDER STATE PROTECTION DURING MASS GUARD VENUES

Nikolay MIKITYUK,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Head of Department of State Guard Activity and Security Organization
of Institute of Department of State Guard of Ukraine
of Taras Shevchenko National University of Kyiv

SUMMARY

The article examines the main stages of ensuring security to persons who are subject to state protection during mass events. It should be highlighted the existence of radical political forces, whose activities seek to destabilize the society, exert pressure on the authorities to achieve their goals.

Key words: the Law, state authorities, person's security, radical political forces.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЦ, В ОТНОШЕНИИ КОТОРЫХ ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОХРАНА, ВО ВРЕМЯ ПРОВЕДЕНИЯ МЕРОПРИЯТИЙ МАССОВОГО ХАРАКТЕРА

Николай МИКИТЮК,

кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры организации государственной
охранной деятельности и безопасности
Института Управления государственной охраны Украины
Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

АННОТАЦИЯ

В статье исследуются основные этапы обеспечения безопасности лиц, в отношении которых осуществляется государственная охрана, во время проведения мероприятий массового характера. Следует отметить наличие радикальных политических сил, в деятельности которых имеет место попытка дестабилизировать общество, осуществляя давление на органы власти ради достижения своих целей.

Ключевые слова: Закон, органы государственной власти, безопасность лиц, радикальные политические силы.

Statement of the problem. According to the Constitution of Ukraine division of state power divided into legislative, executive and judicial branches. Thus the focus should be not on the field of administrative management, but on the public administration, where the latter is defined as the executive and administrative, carried out on the basis of the laws of the activities of a particular group of public bodies (officials persons) on the practical implementation of the tasks of the state in the direct management of economic, social, cultural, administrative and political construction".

Thus, it is necessary to define the definition of officials or public authorities, in this case of the Department of State Guard of Ukraine (hereinafter – Department).

The purpose of this article is the procedure for the Office of powers in the field of public health.

The main material. In Ukraine, the development of state service as a qualitatively new institution began in 1993, when the purpose of its organizational and legal support on December 16, 1993 was adopted the Law of Ukraine "On Civil Service". Ever since at the first time at the legislative level there has been established principles of public service, general principles of activity and legal status of public officials, the basic components of public service.

In this law first time was legalized the term "public service", under which the law defines the professional activities of persons who hold positions in government and it's apparatus on practical tasks

and functions of the state and receive their salary from public funds.

It should be pointed out that the definition in the law was quite difficult to understand, as it appeals to concepts such as "service", "positions in government and its apparatus", "professional activity", etc., but does not specify clearly the scope of such activities. The sphere of state service is determined as the most controversial. The fact that the category of public officials do not include all employees, but only those who are in public service.

It should be noted that the introduction of the term "public official" (in the absence of the term "official" in general) has led to some controversy in its understanding, the lack of a clear definition raises many questions about the definition of certain categories of official in the state.

Regarding the concept of "official" in the literature, the following features characterize it:

- Employees engaged imperious activity and, accordingly, have organizational and administrative and administrative-household authority may take administrative enforcement measures;

- They hold posts in different organizations;

- The nature of their work is specific management tasks;

- they shall serve on paid basis, for a fee.

Unfortunately, the Law "On State Service" contains no definition of "public official" or provisions that define the range of people – public officials. Only through analysis of laws and regulations we may determine their approximate list. Thus, public officials are:

- Employees of the Verkhovna Rada of Ukraine;

- Employees of the Cabinet of Ministers of Ukraine;

- Officials of the central executive authorities, officials of ministries, state committees, their divisions and departments and other central executive authorities and their staff. In addition, they are servants of the state created special bodies – "services";

- Employees of local authorities and their staff of local administrations and territorial ministries of others; the military;

- Judges;

- Employees of the prosecution bodies;

- Employees of the Accounting Chamber of Ukraine;

- Members of the secretariat of the Ombudsman;

- Employees of the Ministry of Interior Affairs.

As you can see, not all of them are equal, the difference in the legal status of different categories of personnel may differ.

As for the service in the Department it should be noted that the latter is inherent in the nature of law enforcement. In particular, In part I article 2 of the Law of Ukraine "On State Protection of Workers of court and law enforcement bodies", contains a list of law enforcement agencies: public prosecutors' office, internal affairs, security, public security, customs authorities, border protection, the state tax service agencies and penal institutions of the State Control and Revision Office, fisheries, forestry public health and other agencies that carry out enforcement or law enforcement functions. According to the Law of Ukraine "On state protection of the government of Ukraine and officials," the State Guard of Ukraine is a state law enforcement agency of special purpose, that is subordinated to the President of Ukraine and Parliament of Ukraine. State guard is carried out by the Department of State Guard of Ukraine. Ministry of Internal Affairs of Ukraine, specially authorized central body of executive power for the protection of the state border of Ukraine and other central executive bodies of Ukraine, Security Service of Ukraine within its jurisdiction and in collaboration with the Office of State Protection of Ukraine take part in state guard.

The legal status of military personnel of The Department is determined primarily by the presence of special, very wide powers, in the exercise of which could cause harm.

Social guarantees stipulated by the legislation of Ukraine for the Armed Forces of Ukraine are distributed for the military of The Department.

The officer of The Department is not responsible for the moral, financial and physical harm caused by him in case of the legitimate use of physical force, special means and firearms. No one except the direct superiors have no right to interfere in military service activities of The Department. By obstructing the performance of their duties, insult to the honor and dignity, committing resistance, threat or violence against military personnel of The Department and members of their families, attacks on their lives, health and property in connection with their official duties occurs responsibility in accordance with the laws of Ukraine.

During the execution of the military of The Department of their duties an ad-

ministrative detention of him is not allowed, as well as personal inspection or search of things that he has, the vehicles that he uses without authorized representative of the Department of State Guard of Ukraine, except of the cases of committing crime by this military officer.

Employees of The Department, functional duties of which are not directly related to the administration of state guard of the government of Ukraine, high officials and buildings defined by this Law, in case of their involvement in the implementation of state guard, use the rights provided to the military of The Department according to paragraphs 1, 2, 4, 5, Article 18 of this Law. In these cases, they are subjects to the rights and guarantees provided to military personnel of The Department of State Guard of Ukraine.

Officers of The Department to perform assigned duties are entitled to: 1) require public compliance of the regime established at territories that are under the state guard; 2) to detain persons who have illegally entered or are trying to get to objects that are under the state guard, check documents, make identification exercise as prescribed by law detainees personal inspection and review of their things that they have, transport vehicles on which they arrived in the area of the object of protection, and transfer them to other law enforcement agencies; 3) together with the relevant police units temporarily restrict or prohibit in the implementation of security measures the movement of vehicles and pedestrians on streets and roads during travel by road of the President of Ukraine, Head of Verkhovna Rada of Ukraine, Prime Minister of Ukraine, as well as heads of foreign states, parliaments and governments, heads of international intergovernmental organizations and foreign delegations staying in Ukraine on an official visit, to prevent citizens in some parts of the terrain and objects require them to be in specific places or leaving them, to use vehicles owned by Ukraine government, enterprises, institutions, organizations and citizens (except for vehicles belonging to diplomatic missions of foreign states and international organizations as well as special purpose entities) for the prevention of crime, harassment and detention of persons suspected of committing a crime for bringing people in need of urgent medical care in hospitals, and to travel to the event with subsequent reimbursement in the prescribed manner of damage caused to owners of these vehicles; 5) In urgent cases related to the preservation of life and property or

to the direct pursuit of persons suspected of a crime to enter the residential and other premises of the citizens in the territory and premises of public authorities, enterprises, institutions and organizations regardless of ownership with the following notification of the prosecutor within 24 hours; 6) use during the security events communication equipment belonging to public authorities, enterprises, institutions and organizations regardless of ownership with subsequent reimbursement of losses in the prescribed manner; 7) store, carry and use firearms and special equipment on the grounds and in the manner prescribed by the Law of Ukraine "On Police" (565-12), and military regulations adopted in accordance with regulations, carry weapons and special equipment in all modes of transport.

Damage may be caused not only by actions but also by the inaction of state executive bodies or their officials by failing to discharge of their duties.

Thus, saying about damages caused by officers and officials of law enforcement agencies we should note the following.

According to Art. 1174 CC of Ukraine damage caused by individual or legal person by unlawful decisions, actions or omissions of an officer or official of a public authority or a local authority in the exercise of their powers shall be reimbursed by the State or local government, regardless of the guilt of such officer or official. In addition, Art. 1176, this responsibility is set in case of injury by unlawful decisions, actions or inactions of inquiry, pretrial investigation, prosecution or trial officials.

Thus, in the Law "On the procedure for compensation for damage caused by unlawful actions of the inquiry, preliminary investigation, prosecution and trial" of 01.12.2005. it is stated that under the provisions of this Act refundable damage caused to citizens due to:

1. wrongful conviction, bring charges of illegal, unlawful taking and detention, unlawful conduct during the investigation or trial of the criminal case search, seizure, unlawful seizure, unlawful dismissal from work (office) and other procedural actions restrict the rights of citizens;

2. Illegal use of administrative detention or correctional labor, illegal confiscation of property, unlawful imposition of a fine;

3. Unlawful conduct search operations covered by laws of Ukraine "On Operational Activities", "On the organizational and legal framework to combat organized crime" and other legislative acts.

In cases of wrongful conviction, bring charges of illegal, unlawful taking and detention, unlawful conduct during the investigation or trial of the criminal case search, seizure, unlawful seizure, unlawful dismissal from work (office) and other procedural actions restrict the rights of citizens, harm is refunded in full regardless of the fault of officials of inquiry, pretrial investigation, prosecution and trial bodies.

Looking through international principles of compensation for damage caused by unlawful actions of judicial and law enforcement agencies, in accordance with Art. 9 of the Constitution, international treaties, ratified by the Verkhovna Rada of Ukraine is part of the national legislation of Ukraine. In particular, these include the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms ratified by Verkhovna Rada, as well as other international treaties applicable in courts. As for the text of the European Court, recognizing the Convention, which is complex and difficult legal mechanism, including the jurisprudence of the European Court, Ukraine thus legislatively recognized the existence of state case law. In view of the foregoing, it is clear allegation that the decision of the European Court plays particular importance and value to the Ukrainian justice.

Thus, since the ratification of the Convention, or actually after the adoption of the Law of Ukraine "On Ratification of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms 1950 D.3 First Protocol and protocol number 2, 4, 7 and 11 of the Convention" dated July 17, 1997, our country as a member of the Council of Europe fully recognized the compulsory and without special agreement the jurisdiction of the European Court of Human rights in all matters concerning the interpretation and application of the Convention.

In the article 1166 of Civil Code of Ukraine contains general rule (general) tort, according to which any harm caused by the unlawful actions or omissions of moral rights or property of the person or entity shall be recoverable by the person who dealt it in full scale.

The second group of norms, unlike the first, contains the rules prescribed by law for special occasions injury and redress and therefore can be called special. This group of rules is devoted to separate (special) types of obligations of the injury, namely: the obligation of the government

acts that caused harm (Articles 1173-1175), the obligations of prejudice by law enforcement agencies (Article 1176), commitment of harm by minors and incapacitated persons (Articles 1178-1184), the obligation of the damage by source of high danger (Articles 1187-1188), the obligation of harm by injury, other health damage or death (§ 2 chapter 82), the obligations of damage due to defects in the goods, works (services) (§ 3 of Chapter 82).

So, along with the general tort, which defines the general conditions of non-contractual liability for damage assignment, civil law determines the individual (special) torts, which displays some features of offenses and those that are exceptions to the general rules of tort liability. They are used in cases that are expressly provided by the law, the scope of their activity is expressly imposed by law and cannot be interpret or analogized.

Singling out of a specific tort is connected with the features of a common ground, or in connection with the installation of additional, specific reason responsibility.

It should be noted that compared with the general provisions, unlawful conduct in tort liabilities of this type has the specific feature.

Illegal act, which may make damage in this tort, as already noted, has certain characteristics. In particular, there is the comprehensive list of illegal acts, as a condition of liability.

If the damage caused to persons or entities as a result of other illegal act or omission or unlawful decision of the inquiry, preliminary investigation or trial body, it shall be compensated on a common basis.

For liability listed actions should be illegal.

Specificity of harm is that the person (in this case a police officer) exercise their duties (eg delaying a criminal who is in the home of a citizen).

Under the regulatory framework governing the activities of law enforcement agencies, employees of these agencies have the right to use coercive measures to protect the state's interests, personality, rights and lawful interests of citizens from criminal attacks. For example, performing their duties, military of The Department may use weapons to defend a guarded person, object, citizens from attack that threatens their home, to repel the attack of armed criminals, to protect themselves and their families from crimes. In these cases compensation for property damage is excluded.

References:

1. Administrative Law / Ed. M. Kozlov, L. Popova. M., 1999. 728 p.
2. Administrative activities. Some special: Textbook for students / A. M. Bandurka, M. V. Kornienko; by the Society. ed. A. M. Bandurka. Kharkiv: Espada, 2000. 368 p.
3. Antonjuk O. I. Members of civil legal right to self-defense: monograph/ Donetsk: Donetsky LDUVS Law Institute, 2006. 220 p.
4. Baulin Yu. Exemption from criminal liability: monograph. K: Atika, 2004. 296 p.
5. Brovko N. V. Administrative law / Hryho-Ryang SA, Sokolov A.; ed. SA Grigoryan. Rostov: Phoenix, 2002. 288 p.
6. Venedyktov V. S. Legal liability of policemen of Ukraine: monograph. Harkiv: Izd Nat. Univ. of internal. affairs, 2003. 269 p.
7. Griбанov V. P. Liability for violation of Civil Rights and responsibilities. Moscow: Legal. Literature, 1973.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikityuk Nikolay Andreyevich – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of Department of State Guard Activity and Security Organization of Institute of Department of State Guard of Ukraine of Taras Shevchenko National University of Kyiv

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Микитюк Николай Андреевич – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры организации государственной охранной деятельности и безопасности Института Управления государственной охраны Украины Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

mmavinnicia@ukr.net

УДК 340.13:165.023.2-048.25

РОЛЬ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ В ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ И ИСПРАВЛЕНИИ ЮРИДИЧЕСКИХ ОШИБОК: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Елена МИНЕВИЧ,

аспирант кафедры общетеоретической юриспруденции
Национального университета «Одесская юридическая академия»

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу и формулировке идеи, согласно которой юридическая техника является неотъемлемой составляющей нормотворчества и правоприменительной деятельности, а также имеет особое значение в предупреждении и исправлении юридических ошибок, которые определённым образом оказывают негативное влияние на юридическую деятельность. Определено, что проблемы совершенствования законодательной деятельности и улучшения юридической техники требуют, прежде всего, активизации соответствующих теоретических исследований. Обращено внимание на то, что с целью недопущения ошибок в правотворчестве, законодателю необходимо соблюдать правила юридической техники.

Ключевые слова: юридическая техника, нормотворческая деятельность, правоприменительная деятельность, юридическая ошибка, законодательство.

THE ROLE OF LEGAL TECHNIQUE IN PREVENTING AND CORRECTING LEGAL ERRORS: THEORETIC AND LEGAL ASPECT

Elena MINEVICH,

Postgraduate Student at the Department of General Theoretical Jurisprudence
of the National University «Odessa Law Academy»

SUMMARY

The article is devoted to the analysis and formulation of the idea that legal technique is an integral part of rulemaking and law enforcement activities, and it is of particular importance in preventing and correcting legal errors that have a certain negative impact on legal activity. It is determined that the problems of improving legislative activity and improving legal techniques require, above all, the activation of relevant theoretical studies. Attention is drawn to the fact that in order to avoid errors in lawmaking, the legislator must comply with the rules of legal technology.

Key words: legal technique, norm-setting activity, law enforcement activity, legal error, legislation.

Постановка проблемы. Сегодня остро стоит проблема юридически-технического совершенства нормативно-правовых актов и возможности их практической реализации. Последнее, как известно, достигается через последовательное, логическое и соответствующее использование юридических приёмов, средств, способов и соблюдения определённых правил разработки, составления и оформления нормативно-правовых документов. Указанное в общетеоретической юриспруденции получило название юридическая техника, которая в свою очередь также

имеет существенное значение в предупреждении и исправлении юридических ошибок.

Юридическая техника в правотворчестве охватывает нормативные акты, то есть технико-юридические приёмы и правила при выработке законов и подзаконных нормативно-правовых актов, а в правоприменительной деятельности – индивидуальные акты, то есть технико-юридические приёмы и правила при выработке судебных актов, договоров и т.д. От юридической техники в значительной степени зависят эффективность законодательства в целом,

его правильное понимание и использование субъектами правоприменения, его надлежащий вид, систематизация и т.д. Вместе с тем приходится констатировать, что значительная часть действующих нормативно-правовых актов в Украине является некачественными с точки зрения нормотворческой техники. Неудачные формулировки или неточные употребление терминов, допущенные противоречия, некорректные ссылки и многое другое порождают неоднозначное понимание, способствуют ошибкам, возникновению недоразумений в практической юридической деятельности, мешают эффективному реформированию многих сфер государственной и общественной жизни. И так, сегодня уже не вызывает сомнений тот факт, что юридическая техника имеет не только прикладное (вспомогательное), но и существенное значение для регулирования общественной жизни. Поэтому вполне естественным является значительное повышение интереса учёных и практиков к проблемам юридической, нормотворческой, законодательной техники [2, с. 52–53].

Актуальность темы исследования подтверждается степенью нераскрытости и недостаточного анализа некоторых проблем повышения эффективности юридической техники с целью недопущения юридических ошибок или сведения их к минимуму в законодательстве современного государства.

Состояние исследования. Исследованием проблемы юридической техники в современной отечественной и российской юридической литературе занимались В. Бабаев, Д. Бочаров, В. Карташов, Т. Кашанина, Д. Керимов, И. Муромцев, П. Рабинович, В. Реднюк, А. Черданцев и другие. Кроме того, отдельные аспекты вопроса о становлении и развитии юридической техники как правовой категории рассматривали в своих научных трудах К. Брыль, Е. Билозёров, О. Винник, Е. Гида, А. Завальный, А. Красницкая, Ю. Кривицкий, Р. Москаль, А. Мурашин, А. Осауленко, Д. Тихомиров.

Целью и задачей статьи является раскрытие содержания понятия «юридическая техника», определение основных правил, средств и способов юридической техники законодательных и правоприменительных актов, а также

выявление значения юридической техники при выявлении или исправлении юридических ошибок.

Изложение основного материала. Юридическая техника – это область знаний о правилах ведения юридической работы и создания в её процессе различных юридических документов, ранее была частью теории государства и права. В современных условиях юридическую технику выделяют в самостоятельную отрасль юридической науки, ориентированную на решение практических задач. Юридическую технику применяют адвокаты, судьи, нотариусы, парламентарии, чиновники, управленцы для письменного определения содержания нормативно-правовых актов, оформления юридических документов, проведения правового анализа юридических прав и обязанностей [7, с. 82].

По мнению Т. В. Кашаниной, термин «юридическая техника» (от лат. *juris* – право и греч. *technē* – ремесло, мастерство, искусство) указывает на прикладной характер данной отрасли знаний. Выполняя служебную роль по отношению к правовой деятельности, технико-юридическое знание не теряет научного характера. Оно вырабатывается учеными-теоретиками и практиками на основе изучения правовой действительности, обобщения опыта юристов. В юридической технике в полной мере находит отражение взаимодействие теории и практики, фундаментального и прикладного знания [1, с. 19].

М. Панов определяет юридическую технику как систему заключённых в юридической практике правил и приёмов осуществления уполномоченными субъектами деятельности, направленной на подготовку наиболее оптимальных и целесообразных по форме и структуре правовых актов [6, с. 118]. Предмет юридической техники образуют закономерности создания и функционирования права и осуществления юридической деятельности [1, с. 30]. Понятие «юридическая техника» входит в категориальный аппарат европейской юридической науки на рубеже XIX–XX вв. Исторические предпосылки этого процесса заключаются в становлении юридического мировоззрения и развития доктрины юридического позитивизма [4, с. 32].

Как отмечает И. Сезонова, процесс реорганизации законодательства Украины предусматривает повышение эффективности выполнения законодательных функций для обеспечения качественной работы по принятию надлежащих нормативно-правовых актов. От заложенного в них регулятивного воздействия зависят перспективы функционирования всего общества.

Проблемы совершенствования законодательной деятельности и улучшение юридической техники требуют, прежде всего, активизации соответствующих теоретических исследований, а также их практического воплощения в правотворческий процесс.

Существенным недостатком правотворческого процесса является отсутствие единых критериев при выработке и выборе формы нормативно-правовых актов. В частности, не совсем понятно, почему в одних случаях определённый круг правовых отношений регулируется законом, в других – президентскими указами, правительственными постановлениями, ведомственными нормативно-правовыми актами и нормативно-правовыми актами органов местного самоуправления.

Одним из направлений обеспечения стабильности нормотворческой деятельности является совершенствование юридической техники, то есть способов выработки юридических положений, которые формулируются в нормативных актах. В этом смысле юридическая техника, будучи в достаточной степени разработанной, становится дисциплинирующим фактором, барьером, препятствием на пути абстрактных стремлений или самоуправляемых действий. Она даёт знания о конкретных условиях оформления какого-либо юридического документа и совершения определённого действия, позволяет предвидеть правовые последствия, вытекающие из определённого юридического факта [5, с. 112–113].

Юридическая техника, как подчеркивает А. Лёгкая, выступает важным признаком правотворчества и правоприменительной практики, способствует овладению основными правовыми знаниями, обеспечивает оптимизацию всего правового массива, увеличение фундаментальных научных обобщений, воплощение логико-гео-

ретических схем и конструкций, обеспечивающих улучшение материально-технической базы работы юристов, уменьшение количества допущенных профессиональных ошибок [3, с. 103].

Как отмечает В. Лебеденко, юридическая техника развивалась на протяжении всей истории существования права. Она проявлялась внешне в виде навыков, приёмов практической деятельности по реализации права, а позже – как рекомендации наиболее целесообразных способов осуществления данной деятельности. Содержание этих рекомендаций обогащалось и менялось с развитием права как явления общественной жизни. В целом можно утверждать, что содержание юридической техники органично вытекает из сущности и признаков самого права, поскольку она возникает в связи с функционированием права, а по мере накопления практического опыта перерастает в теоретическое знание о путях, способах и средствах реализации права в процессе осуществления юридически значимой деятельности.

Кроме того, В. Лебеденко приводит видовую классификацию юридической техники. Так за направлениями применения (видовая классификация) юридическая техника делится на законодательную (правотворческая, нормотворческая), то есть совокупность правил, приёмов, способов создания нормативных актов (подготовка, разработка, сборка, оформления) и их издания (обнародования) с соблюдением правил, установленных для этого; технику систематизации законодательства, то есть использование таких способов его систематизации, как учёт, инкорпорация, консолидация, кодификация, с целью упорядочения и упрощения соответствующего применения норм права в практической юридической деятельности; технику правоприменения нормативно-правовых актов, то есть действия уполномоченных субъектов относительно надлежащего внешнего оформления соответствующего индивидуального правоприменительного акта (название, органы издания или выдачи, время и место выдачи, подпись, печать, содержание и т.д.), соблюдение формальных признаков нормативного документа (решение, фиксация юридического фак-

та, соответствие терминологического стиля языка законодательства и т. д.).

По мнению этого же учёного, общими приёмами и правилами применения юридической техники является соблюдение юридической терминологии, то есть системы устоявшихся, общепринятых и признанных юридической наукой и практикой юридических терминов, то есть словесных обозначений понятий, используемых при изложении содержания закона, другого нормативно-правового акта или юридически значимого документа. Указанное требует соблюдения требований терминологической унификации, а именно таких: однозначность – применения в нормативном акте или ином юридически значимом документе понятий и сроков в одном и том же тождественном значении; общее признание – использование общеизвестных и распространенных среди научного сообщества и рядовых граждан терминов, определений, формулировок, определений и т. д., а не надуманных и вымышленных специально для определённого закона, нормативно-правового акта, юридически значимого документа; стабильность (постоянство, устойчивость) – закрепление в определённой неизменной форме терминологии нормативно-правового акта, а не изменение её с принятием каждого нового нормативно-правового акта или закона; доступность – простота и адекватность терминологии; чёткость в изложении нормативно-правового материала, есть исключение различного понимания и возможности разнообразного толкования положений нормы права; соблюдение определённых юридических конструкций, то есть незыблемых и чётких, отработанных юридической наукой, законодательной деятельностью и проверенных практикой правоприменительной деятельности типовых схем построения нормативно-правового материала с использованием особого типа системной связи между его элементами [2, с. 53-55].

Юридическая техника является важнейшим условием и средством предупреждения и исправления юридических ошибок и «ловушек». Правила, приёмы и методы юридической техники применяются как при разработке содержания и структуры нор-

мативно-правового акта, так и при их воплощении в жизнь. Выделяют правотворческие, правоприменительные и интерпретационные ошибки. Правотворческие ошибки связаны с недостаточной эффективной деятельностью правотворческого органа. Под интерпретационной ошибкой понимается отступление от правил толкования норм права, допущенное в процессе интерпретации нормы права, что обусловило результат толкования, не отражает содержания нормы права.

Дефекты законодательства приводят к правоприменительным ошибкам, связанным с деятельностью судей, прокуроров, следователей, юрисконсультов, министров и других должностных лиц. В общем юридические ошибки, в числе которых пробелы, избыточность информации, нарушение стиля, коллизии, фактографические ошибки, очень разноплановые.

Все правотворческие ошибки в определённой степени касаются нарушения: правил формирования содержания законов (сюда относятся концептуальные ошибки, пробелы в законе, избыточность информации); логических правил (например, наличие коллизии) правил, касающихся структуры закона (например, использование частей вместо разделов) языковых правил (нарушение стиля) формальных правил (неправильное указание реквизитов); процедурных правил. Совокупность приведенных выше правил составляет содержание законодательной техники. Отсюда следует вывод: чтобы не допускать ошибок в правотворчестве, законодателю необходимо соблюдать правила юридической техники.

Практически каждому человеку приходится сталкиваться с определёнными юридическими документами: в одних случаях – как создателю текста юридического документа, в других – при реализации нормы права в качестве адресата (исполнителя правовых предписаний). Чтобы избежать ловушек при работе с текстом юридического документа, необходима проверка наличия в действующем законодательстве каких-либо требований к форме и содержанию юридического документа. Форма и содержание документа могут зависеть от согласования воли сторон (стороны). Подготовка юридического документа с игнорированием предус-

мотренной законом формы приводит, с одной стороны, к фактическому наличию документа, а с другой – к формальному его отсутствию.

Эту ситуацию может использовать в своих интересах какая-либо из сторон. Основной способ распознавания ловушек в юридическом документе – это полностью и очень внимательно его прочитать, проверив, одинаковый ли смысл вкладывается в слова. Неопределённость и многозначность юридической и другой терминологии, а также двойной смысл повседневных слов и выражений чаще всего используются для введения в заблуждение. Распознать и избежать многих логических ловушек, которые встречаются в юридических текстах, поможет знание законов логики. Полноценное регулирование общественных отношений с помощью норм права возможно при условии понимания их положений субъектами правоотношений.

Следуя требованиям техники юридического письма, создатель правового документа обеспечит логику изложения, точность формулировок и ясность. С помощью чётко определённых юридических терминов и обычных языковых конструкций исключается терминологическая многозначность. Нормы права более понятны и доступны для пользователей, если они сформулированы профессиональным юридическим языком. Язык считается единственным строительным материалом, из которого создаётся правовая материя, причём словесная форма свойственна далеко

не только закону, а практически всем аспектам права [8, с. 87-90].

Выводы. Таким образом, соблюдение правил юридической техники (прежде всего техники правотворчества и правоприменения) в современном правовом государстве является не просто важным требованием, а существенной необходимостью. Только при таком условии принятые субъектами правотворчества правовые нормы будут эффективно реализовываться, в том числе и субъектами применения права. Следствием несоблюдения юридической техники является неэффективность законодательства, правовых актов, распространение правового нигилизма, а также появления многих юридических ошибок.

Список использованной литературы:

1. Кашанина Т. В. Юридическая техника: учебник. 2-е изд., пересмотр. М.: Норма : ИНФРА-М, 2011. 496 с.
2. Лебеденко В. І. Юридична техніка: поняття, призначення, методологічні засади застосування. Інформація і право. 2014. № 2. С. 52-56.
3. Легка О. В. Юридична техніка законодавчих та правозастосовних актів. Науковий вісник Дніпропетровського держ. ун-ту внутр. справ. 2012. № 1. С. 101–107.
4. Муромцев Г. И. Юридическая техника: некоторые аспекты содержания понятия. Проблемы юридической техники: сб. ст. / под ред. д-ра юрид.

наук, проф., акад. РАЕН и ПАНИ, засл. деят. науки РФ В. М. Баранова. Н. Новгород, 2000. С. 23–37.

5. Сезонова І. К. Юридична техніка як засіб забезпечення стабільності нормотворчої діяльності. Право і Безпека. 2002. № 2. С. 112–115.

6. Словарь терминов по теории государства и права: учеб. пособие / рук. авт. кол. Н. И. Панов. Харьков: Основа, 1997. 180 с.

7. Шутак І. Юридична техніка як сфера наукових знань і навчальна дисципліна. Вісник Національної академії правових наук України. № 3(74). 2013. С. 81–86.

8. Юридична техніка. Навчально-методичний посібник / Укладач: к.ю.н, доц. кафедри правознавства Полтавського ун-ту економіки і торгівлі М. О. Яковенко. Полтава. 2016. 148 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Миневич Елена Ивановна – аспирант кафедры общетеоретической юриспруденции Национального университета «Одесская юридическая академия»

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Minevich Elena Ivanovna – Postgraduate Student at the Department of General Theoretical Jurisprudence of the National University «Odessa Law Academy»

aljonkaodessa@ukr.net

УДК 343.234.5

ДЕЯТЕЛЬНОЕ РАСКАЯНИЕ В СИСТЕМЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАН

Эрик МИЩЕНКО,

соискатель кафедры уголовного права
Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются вопросы уголовно-правовой регламентации деятельного раскаяния в постсоветских странах. Значительное внимание уделено анализу уголовно-правовых последствий деятельного раскаяния, в частности, его роли как основания для освобождения от уголовной ответственности, как обстоятельства для смягчения наказания, применения специальных правил его назначения и освобождения от наказания, его значению при создании в Особенной части УК специальных видов освобождения от уголовной ответственности за отдельные преступления. Анализируются как общие подходы, так и особенности уголовно-правового регулирования деятельного раскаяния в постсоветских странах. На основе исследования сформулированы предложения по совершенствованию уголовного законодательства Украины с учетом опыта зарубежных государств.

Ключевые слова: деятельное раскаяние, освобождение от уголовной ответственности, уголовно-правовые последствия, искреннее раскаяние, признание вины, активное содействие расследованию преступления, возмещение вреда.

ACTIVE REPENTANCE IN THE CRIMINAL LAW SYSTEMS OF POST-SOVIET COUNTRIES

Erik MISHCHENKO,

Applicant at the Department of Criminal Law
of Yaroslav Mudryi National Law University

SUMMARY

The article deals with the issues of legal regulation of active repentance in the criminal legislation of post-Soviet countries. Considerable attention is paid to the analysis of the criminal legal consequences of active repentance, in particular, to its role as the grounds for the release from criminal liability, as a mitigating circumstance, as to application of special rules for imposition of a punishment and release from punishment, to its importance in creating special types of exemption from criminal liability for certain crimes provided for in the Special Part of the Criminal Code. Both common approaches and specific features of the legal regulation of active repentance in the post-Soviet countries have been analyzed. Based on the research and taking into account the experience of foreign countries, proposals as to possible ways of improvement of the criminal legislation of Ukraine have been formulated.

Key words: active repentance, release from criminal liability, criminal-legal consequences, sincere repentance, confession of guilt, active assistance in disclosure of a crime, compensation for harm.

Постановка проблемы и актуальность темы исследования. Проблемы стимулирования позитивного посткриминального поведения лица, совершившего преступление, всегда занимали особое место как в решении глобальной задачи по предупреждению и противодействию преступности, так и в достижении таких целей уголовного права как исправление осужденного и предупреждение совершения новых преступлений. Деятельное раскаяние, без сомнения, свидетельствует о проявлении позитивных черт в поведении и сознании виновного и уже поэтому должно стимулироваться и поощряться государством. Механизм такого стимулирования и поощрения может быть реализован самими различными способами: начиная с освобождения от уголовной ответственности или наказания, его смягчения и вплоть до снятия суди-

мости. Все эти способы в той либо иной мере используются в уголовном законодательстве Украины [1, с. 134-140].

После распада СССР уголовное законодательство новообразованных независимых государств, хотя во многом еще и опирается на постсоветские традиции, но все же развивается относительно самостоятельным путём. Исходя из этого, представляется целесообразным изучение законодательного опыта регулирования деятельного раскаяния в иных постсоветских странах, которые, с одной стороны, имеют сходные с Украиной правовые системы, а с другой, – внедряют и новые подходы в уголовно-правовой оценке позитивного посткриминального поведения лица.

Состояние исследования. Проблемы применения норм о деятельном раскаянии в уголовно-правовой науке в той или иной мере рассматривались

в работах Ю. В. Баулина, А. А. Житного, М. Е. Григорьевой, С. П. Щербы, А. В. Савкина. Вопросы уголовно-правовой регламентации деятельного раскаяния в законодательстве зарубежных стран исследованы в работах К. В. Авсеницкой [2, с. 92-108; 3], кандидатской диссертации А. А. Булейка «Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием в Украине и других странах: сравнительно-правовой анализ» [4]. Однако все эти работы преимущественно сосредоточены на изучении содержания и форм проявления деятельного раскаяния как основания для освобождения виновного от уголовной ответственности. Иные уголовно-правовые последствия деятельного раскаяния для лица, совершившего преступление, не нашли своего достаточного анализа в этих работах. Более того, эти

исследования преимущественно ограничиваются рассмотрением вопросов о значении деятельного раскаяния на этапах до постановления судом обвинительного приговора.

Целью и задачей настоящей статьи является анализ положений зарубежного уголовного законодательства (государств, которые ранее входили в состав СССР) о деятельном раскаянии, сравнение норм, его регулирующих, с положениями Уголовного Кодекса (далее – УК) Украины, выявление наиболее позитивных практик применения норм о деятельном раскаянии в зарубежных странах и исследование возможности использования положительного опыта зарубежного законодательства для совершенствования нормативного материала и правоприменительной практики Украины.

Вводные замечания. Сам по себе термин «деятельное раскаяние» характерен, в первую очередь, для постсоветских правовых систем. Это отнюдь не означает, что правовому значению норм, стимулирующих позитивное посткриминальное поведение, которое выражается в раскаянии, в законодательстве иных стран не уделяется должного внимания. В силу исторических, культурных, языковых и иных традиций зарубежный законодатель лишь использует иные термины и правовые конструкции при описании сходного института. Вышесказанное, в свою очередь, обуславливает необходимость изыскания содержательных признаков деятельного раскаяния при анализе нормативных предписаний зарубежных УК. Не вдаваясь в детальный анализ, приведем отдельные примеры законодательных формулировок, в которых, на наш взгляд, может проявляться деятельное раскаяние:

– искреннее (чистосердечное) раскаяние в содеянном, осуждение лицом содеянного;

– явка с повинной (с признанием), активное содействие (способствование) раскрытию (расследованию) преступления, изобличению и задержанию иных соучастников преступления, розыску имущества, добытого преступным путем (в результате совершения преступления);

– добровольное возмещение причиненного ущерба или устранение причиненного вреда;

– оказание медицинской или иной помощи потерпевшему непосредственно после совершения преступления.

Указанный выше перечень действий не является исчерпывающим и вполне может быть дополнен как схожими по своему характеру деяниями, так и отдельными формами проявления позитивного посткриминального поведения, указанными в Особенной части УК применительно к специальным видам освобождения от уголовной ответственности за отдельные преступления. Приведение здесь указанного перечня имеет своей целью лишь показать, какие элементы (признаки, черты, характеристики) деятельного раскаяния были предметом авторского поиска при анализе уголовного законодательства зарубежных стран. В то же время, как элементы деятельного раскаяния указанные формы поведения рассматриваются нами лишь тогда, когда они не становятся признаками добровольного отказа от преступления¹. Это имеет место в тех случаях, когда преступление либо уже окончено, либо же добровольный отказ уже невозможен, поскольку преступление не доведено до конца, по причинам, не зависящим от воли виновного).

Изложение основного материала.

Изучение уголовного законодательства постсоветских стран позволяет сделать вывод, что в отношении уголовно-правового значения деятельного раскаяния усматривается во многом сходный законодательный подход, основанный на близости правовых систем и законотворческой традиции государств. В постсоветских странах институт деятельного раскаяния получил, пожалуй, наиболее детальную законодательную регламентацию и порождает довольно значительные уголовно-правовые последствия. Деятельное раскаяние выступает здесь в качестве основания для освобождения от уголовной ответственности в Общей части УК, учитывается как обстоятельство, смягчающее наказание, влияет на формулирование специальных правил назначения наказания, решение вопроса об освобожде-

нии от наказания и снятии судимости, служит критерием при установлении в Особенной части УК специальных видов освобождения от уголовной ответственности за отдельные преступления.

Так, положения, сходные с теми, которые содержатся в ст. 45 УК Украины и регламентируют освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, содержатся в ст. 72 УК Азербайджана, ст. 72 УК Армении, ст. 88 УК Республики Беларусь, ст. 57 УК Республики Молдова, ст. 68 УК Грузии, ст. 65 УК Республики Казахстан, ст. 75 УК РФ, ст. 72 УК Республики Таджикистан, ст. 71 УК Республики Туркменистан, ст. 66 УК Республики Узбекистан. Подобно УК Украины, уголовное законодательство вышеуказанных стран, во-первых, предусматривает возможность такого освобождения только при совершении лицом преступления впервые. Во-вторых, основание такого освобождения носит кумулятивный (собирательный) характер и включает в себя: а) явку с повинной; б) активное содействие раскрытию преступления; в) возмещение ущерба или заглаживание вреда, причиненного преступлением. Примечательным является то, что УК всех указанных государств, в отличие от УК Украины, рассматривают освобождение от уголовной ответственности как факультативный вид освобождения, то есть предоставляют суду право (а не возлагают на него обязанность) освободить раскаявшееся лицо. Помимо этого, данные государства также допускают применение освобождения в связи с деятельным раскаянием и в случае совершения лицом иных, более тяжких преступлений, чем те, совершение которых впервые является предпосылкой освобождения. Правда, в УК всех указанных государств сделана оговорка о том, что деятельное раскаяние при совершении лицом таких (более тяжких) преступлений является основанием для освобождения от уголовной ответственности лишь в случаях, прямо предусмотренных в Особенной части УК.

УК Республики Казахстан при формулировании предпосылки осво-

¹ На наш взгляд, добровольный отказ от доведения преступления до конца также может быть проявлением деятельного раскаяния (одной из его форм), однако этот вопрос является предметом самостоятельного исследования.

бождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием не ограничивает её определенной степенью тяжести совершенного уголовного правонарушения, но прямо указывает, что такого рода освобождение невозможно в случаях совершения террористических и экстремистских преступлений, преступлений, совершенных в составе преступной группы, преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, тяжких или особо тяжких преступлений против личности. Уголовный закон Республики Беларусь, в свою очередь, допускает возможность освобождения от уголовной ответственности при совершении преступления, причинившего ущерб исключительно государственной собственности, либо государственным или общественным интересам и не сопряженного с посягательством на жизнь или здоровье человека, в случае добровольного возмещения вреда, а также выполнения иных условий освобождения от уголовной ответственности, предусмотренных законодательным актом (ст. 88¹ УК РБ) [5].

Схожие, но несколько иные положения содержатся и в уголовном законодательстве постсоветских стран Прибалтики. Так, ст. 40 УК Литвы предусматривает возможность освобождения от уголовной ответственности лица, которое совершило преступление впервые, полностью признало свою вину, раскаялось в совершении преступного деяния, хотя бы частично возместило или загладило ущерб или обязалось возместить его, и при этом имеются основания полагать, что лицо полностью возместит или загладит ущерб, будет соблюдать законы и не совершит новых преступных деяний [6, с. 128]. Ст. 58 УК Латвии допускает освобождение от уголовной ответственности лица, оказавшего существенную помощь в раскрытии совершенного организованной группой тяжкого или особо тяжкого преступления, которое является более тяжким или более опасным, чем преступление, совершенное самим лицом [7, с. 118].

Не ограничивая значение деятельного раскаяния решением вопроса об освобождении от уголовной ответственности, законодатели постсоветских стран прямо обязывают суды

учитывать его при назначении наказания виновному. Такие смягчающие наказание обстоятельства как явка с повинной, активное содействие раскрытию преступления и оказание медицинской либо иной помощи потерпевшему непосредственно после совершения преступления, добровольное возмещение или устранение материального и морального вреда, причиненного преступлением, известны законодательству всех без исключения постсоветских стран. УК Азербайджана (ст. 59) [8], Армении (ст. 62) [9], Беларуси (ст. 63) [5], России (ст. 61) [10], Казахстана (ст. 53) [11], Таджикистана (ст. 61) [12], Туркменистана (ст. 57) [13] расширяют перечень этих смягчающих обстоятельств за счёт действий по изобличению других соучастников преступления и розыску имущества, добытого преступным путем. Кроме того, примечательно, что УК Беларуси указывает на чистосердечное раскаяние как на самостоятельное смягчающее ответственность обстоятельство, не связанное с явкой с повинной и активным содействием раскрытию преступления. Акцент на чистосердечном раскаянии как самостоятельном смягчающем обстоятельстве сделан и в УК Молдовы, Казахстана, Кыргызской Республики, Таджикистана, Узбекистана, Латвии (ст. 47) [7, с. 123], Литвы (ст. 59) [6, с. 132], Эстонии (ст. 37) [14, с. 140].

Некоторые постсоветские государства пошли еще дальше и предусмотрели в своих УК специальные правила назначения наказания, которые применяются к лицу, в поведении которого содержатся признаки деятельного раскаяния. Так, достаточно обстоятельно вопрос о назначении наказания при деятельном раскаянии регламентирован в УК Литвы. С одной стороны, закон здесь ограничивает суд возможностью назначить лицу наказание не выше среднего, предусмотренного в санкции статьи за совершенное преступление, в случае добровольного признания в совершении преступления, чистосердечного раскаяния либо активного содействия раскрытию преступления, при отсутствии отягчающих ответственность обстоятельств (ч. 4 ст. 61). С другой, – суд может назначить более мягкое наказание, чем предусмотрено законом, если лицо добровольно яви-

лось с повинной или сообщило о содеянном, признало вину, чистосердечно раскаялось и (или) оказало помощь предварительному расследованию и суду при раскрытии преступления, а также полностью либо частично возместило или загладило причиненный имущественный вред (ч. 1 ст. 62) [6, с. 133-134].

Ст. 54 УК Грузии предусматривает, что если после совершения преступления виновный явился с повинной и активно способствовал раскрытию преступления, а также при отсутствии отягчающих обстоятельств, срок или размер наказания не должен превышать трех четвертей максимальных срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного в соответствующей статье (части статьи) Особенной части УК [15]. Аналогичное ограничение размера максимального наказания в случаях активного содействия раскрытию преступления, возмещения ущерба и отсутствия отягчающих обстоятельств установлено и в ст. 74 нового УК Кыргызской Республики (принят 22 декабря 2016 года, вступает в силу с 1 января 2019) [16]. УК Узбекистана содержит ст. 571 (Назначение наказания при деятельном раскаянии виновного в содеянном), которая, будучи аналогом ст. 691 УК Украины, все же исключает возможность снижения максимального размера наказания до 2/3 максимума санкции в случаях совершения умышленного убийства при отягчающих обстоятельствах и терроризма [17].

Интересно, что законодатель Узбекистана при решении вопроса о влиянии деятельного раскаяния на возможность освобождения от наказания не ограничился лишь его учетом как одной из составляющих основания для применения условно-досрочного освобождения, замены неотбытой части наказания более мягким или помилования. Так, в ст. 71 УК Узбекистана деятельное раскаяние указывается как самостоятельное основание не только освобождения от уголовной ответственности, но и от наказания. Лицо, впервые совершившее преступление, не представляющее большой общественной опасности, или менее тяжкое преступление, может быть освобождено судом от наказания, если

оно явилось с повинной, активно способствовало раскрытию преступления и загладило причиненный вред. Эта же льгота распространяется и на участников организованных групп и преступных сообществ, которые содействовали в изобличении организаторов либо других соучастников, при условии, что они непосредственно не принимали участие в совершении тяжких или особо тяжких преступлений [17]. Предусматривает освобождение от наказания, но не от уголовной ответственности, при деятельном раскаянии и УК Эстонии (ст. 501). Такое освобождение может быть осуществлено судом по ходатайству государственного обвинителя, если суд найдет, что представленные осужденным важные доказательства привели к выяснению обстоятельств совершения преступления или осуждению преступника. Освобождение от наказания возможно только в случаях, когда представленные осужденным доказательства привели к вынесению вступившего в законную силу приговора по делу, в расследовании которого осужденный оказывал помощь [14, с. 143]. УК Латвии предусматривает также, что если осужденное лицо оказало помощь в раскрытии совершенного организованной группой тяжкого или особо тяжкого преступления, которое является более тяжким или более опасным, чем преступление, совершенное самим лицом, суд, по приговору которого данное лицо осуждено, может смягчить назначенное ему наказание (ст. 60) [7, с. 126].

Законодательство большинства постсоветских государств активно стимулирует позитивное посткриминальное поведение и путём установления в статьях Особенной части УК специальных оснований (видов) освобождения от уголовной ответственности за отдельные преступления в связи с деятельным раскаянием. В частности, такое освобождение зачастую применяется при совершении таких преступлений как 1) похищение человека, 2) захват заложника, 3) уклонение от уплаты налогов, сборов и иных общеобязательных платежей, 4) незаконное приобретение, передача, сбыт, хранение, перевозка или ношение огнестрельного оружия, комплектующих деталей к нему, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств,

5) незаконное изготовление оружия, 6) незаконное изготовление, производство, приобретение, хранение, перевозка, пересылка либо сбыт наркотических средств, психотропных веществ или прекурсоров, 7) коммерческая взятка, 8) терроризм, 9) захват зданий, строений, средств транспорта, сообщения или связи, 10) организация незаконного военизированного формирования или участие в нем.

В УК Азербайджана (ст. 297), Молдовы (ст. 312), Грузии (ст. 370), Кыргызской Республики (ст. 330) также предусмотрена возможность освобождения от уголовной ответственности свидетеля, эксперта, переводчика, которые дали заведомо ложные показания, заключения либо осуществили неправильный перевод, но до вынесения приговора или решения суда заявили о ложности данных ими показаний, заключения или заведомо неправильном переводе. Опыт УК Казахстана интересен тем, что за совершение целого ряда экономических преступлений предусмотрена возможность освобождения лица от уголовной ответственности при добровольном возмещении ущерба (например, при незаконном предпринимательстве, незаконной банковской или коллекторской деятельности, незаконном получении кредита или нецелевом использовании бюджетного кредита, монополистической деятельности и т.д.) либо же активном способствовании раскрытию или пресечению преступной деятельности (создание и руководство финансовой (инвестиционной) пирамидой). УК Грузии (ст. 322), Казахстана (ст. 175), России (ст. 275), Узбекистана (ст. 157, 160) устанавливает возможность освобождения от уголовной ответственности при деятельном раскаянии в совершении преступления против государства и в случае предотвращения вреда интересам государства. Речь в вышеуказанных статьях идёт не о добровольном отказе, а о действиях лица, которое фактически уже совершило оконченное преступление, что делает эти нормы отличными от ч. 2 ст. 111 УК Украины.

Выводы. Изучение уголовного законодательства постсоветских государств (безусловно, наряду с изучением уголовного законодательства европейских стран и иных государств мира) предоставляет возможность для

формулирования некоторых предложений по возможному совершенствованию уголовного законодательства Украины с учётом опыта зарубежных стран. *Во-первых*, заслуживает внимания отдельное упоминание среди перечня обстоятельств, смягчающих наказание, действий виновного по изобличению других соучастников преступления и розыску имущества, добытого преступным путем. Безусловно, такие действия и сейчас частично охватываются понятием активного способствования раскрытию преступления [18]. Однако их самостоятельное формулирование в перечне смягчающих обстоятельств поможет положить конец дискуссии о том, являются ли такие обстоятельства смягчающими в случаях, когда они не объединены с иными формами проявления деятельного раскаяния (признанием вины, активным самоизобличением и т.д.). *Во-вторых*, логичным представляется формулирование в ч. 2 ст. 45 УК исключения, которое создаст теоретическое основание для освобождения лица от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием не только за совершенные впервые преступления небольшой или средней тяжести, но и за иные категории преступлений в случаях, когда статья Особенной части УК прямо предусматривает возможность такого освобождения. *В-третьих*, представляет интерес использование опыта Латвии, УК которой предусматривает возможность освобождения от уголовной ответственности, наказания, либо, как минимум, смягчения наказания лицу, которое оказало существенную помощь в раскрытии совершенного организованной группой тяжкого или особо тяжкого преступления, более тяжкого, чем то, которое было совершено самим этим лицом. Такое законодательное положение не только предоставит более широкие возможности по сотрудничеству виновного с органами следствия, но и создаст дополнительный стимул для мотивации позитивного посткриминального поведения лиц, совершивших преступления. *В-четвертых*, целесообразно рассмотреть возможность освобождения не только от уголовной ответственности, но и от наказания (полностью или частично) в связи с деятельным раскаянием. Такое освобождение могло бы включать

в себя меньшее количество элементов (признаков), чем необходимо для применения ст. 45 УК Украины, носило бы факультативный характер и было бы, к примеру, условным. *В-пятых*, представляется, что украинский законодатель неоправданно ограничивает возможности применения деятельного раскаяния в целях предупреждения или минимизации общественно опасных последствий отдельных преступлений в Особенной части УК. Так, например, вполне допустимым, на наш взгляд, являлось бы формулирование возможности освобождения от уголовной ответственности за такие преступления, как незаконное лишение свободы или похищение человека (ст. 146 УК), а также захват заложников (ст. 147 УК) в отношении лица, которое добровольно или же по первому требованию властей освободило незаконного удерживаемого, похищенного или захваченного. Не усматривается серьезных теоретических возражений и против формулирования льготной нормы в отношении лиц, совершивших введение в заблуждение суда либо иного уполномоченного органа (ст. 384 УК), если в результате добровольного и своевременного сообщения о заведомо ложных показаниях, заключениях, отчетах или переводе, вред интересам правосудия был предотвращен, а истина по делу не была бы утрачена.

Список использованной литературы:

1. Мищенко Е. Е. Місце дійового каяття в системі кримінального права. Науковий вісник ДДУВС. 2017. № 4 (89). С. 134-140.
2. Авсеницкая К. В. Деятельное раскаяние: понятие, формы выражения, стимулирование уголовно-правовыми мерами: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Российская правовая академия министерства юстиции РФ. Москва, 2014. 176 с.
3. Авсеницкая К. Д. Деятельное раскаяние в уголовном законодательстве зарубежных стран. Прокол: журнал о праве. 2014. Т. 2, № 3. С. 54-61.
4. Булейко А. О. Звільнення від кримінальної відповідальності у зв'язку з дійовим каяттям в Україні та інших країнах: порівняльно-правовий аналіз: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Запоріжжя, 2017. 20 с.
5. Уголовный кодекс Республики Беларусь: Закон от 9 июля 1999 г. № 275-3. URL: http://etalonline.by/?type=text®num=НК9900275#load_text_none_1_1 (дата обращения: 01.06.2018).
6. Уголовный кодекс Литовской республики. Утвержден законом № VIII – 1968 г. 26 сентября 2000 г.: Перевод с литовского / Пер.: В. П. Казанские; предисл.: Н. И. Мацнев; вступ. ст.: А. Абрамовичус, А. Дракшене; науч. ред. и вступ. ст.: В. Павилонис. СПб: Юрид. центр Пресс, 2003. 470 с.
7. Уголовный кодекс Латвийской Республики. Принят 8 июля 1998 г. Введен в действие с 1 апреля 1999 г. С изменениями и дополнениями на 1 августа 2001 г.: Перевод с латышского / Науч. ред.: А. И. Лукашов (пер.), Э. А. Саркисова. СПб: Юрид. центр Пресс, 2001. 313 с.
8. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 года № 787-IQ. URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=30420353#pos=1;-118 (дата обращения: 01.06.2018).
9. Уголовный кодекс Республики Армения от 29 апреля 2003 года № ЗР-528. URL: http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31424995&pos=1%3B-264 (дата обращения: 01.06.2018).
10. Уголовный кодекс Российской Федерации: Закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 01.06.2018).
11. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V. URL: <http://online.zakon.kz/> (дата обращения: 01.06.2018).
12. Уголовный кодекс Республики Таджикистан т 21 мая 1998 года № 574. URL: http://online.zakon.kz/document/?doc_id=30397325 (дата обращения: 01.06.2018).
13. Уголовный кодекс Туркменистана от 12 июня 1997 г. № 222-1. URL: <http://www.legislationline.org/ru/documents/action/popup/id/14380/preview> (дата обращения: 01.06.2018).
14. Уголовный кодекс Эстонской Республики. С изменениями и дополнениями на 1 августа 2001 г. / Науч. ред.: В. В. Запелалов (пер.); вступ. ст.: Н. И. Мацнев. СПб: Юрид. центр Пресс, 2001. 262 с.
15. Уголовный кодекс Грузии от 22 июля 1999 года № 2287-вс. URL: <https://matsne.gov.ge/ka/document/download/16426/143/ru/pdf> (дата обращения: 01.06.2018).
16. Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 2 февраля 2017 года № 19. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111527?cl=ru-ru> (дата обращения: 01.06.2018).
17. Уголовный кодекс Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 года № 2012-XII. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111527?cl=ru-ru> (дата обращения: 01.06.2018).
18. Про практику застосування судами України законодавства про звільнення особи від кримінальної відповідальності: постанову Пленуму Верхов. Суду України 23.12.2005 № 12. URL: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/v0012700-05> (дата обращения: 01.06.2018).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мищенко Эрик Эрвандович – соискатель кафедры уголовного права Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mishchenko Erik Ervandovich – Applicant of the Department of Criminal Law at Yaroslav Mudryi National Law University

mishchenko.erik@gmail.com

УДК 351.88:342.95

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ В КОНТЕКСТЕ ТРАНСФОРМАЦИИ СИСТЕМЫ ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ И АДМИНИСТРИРОВАНИЯ В УКРАИНЕ

Анатолий НОВАК,
кандидат экономических наук,
докторант кафедры социальной и гуманитарной политики
Национальной академии государственного управления
при Президенте Украины

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу разработки организационно-правовых основ предотвращения и противодействия коррупции в условиях реформирования системы государственной власти. Особое внимание уделяется исследованию противодействия коррупционным проявлениям в системе судебных и правоохранительных органов. На основе системного анализа антикоррупционных мер 2014–2017 гг. предлагаются меры по совершенствованию организационно-правового обеспечения предотвращения и противодействия коррупции в Украине. Основными факторами повышения эффективности антикоррупционной политики называются: разделение политической и правовой политической составляющей в сфере противодействия коррупции; наличие в стране специального антикоррупционного законодательства; создание специализированных органов в сфере противодействия коррупции, роль и функции которого будут четко определены Конституцией и законами Украины; формирование механизмов общественного контроля за деятельностью органов власти в пределах конституционно определенных сфер контроля.

Ключевые слова: администрирование, антикоррупционная политика, законодательство, коррупция публичное управление, правовая реформа, предотвращение коррупции.

CHARACTERISTIC FEATURES FORMATION NATIONAL ANTI-CORRUPTION POLICY IN THE CONTEXT OF THE TRANSFORMATION PUBLIC ADMINISTRATION AND ADMINISTRATION SYSTEM IN UKRAINE

Anatoliy NOVAK,
Candidate of Economic Sciences,
Doctoral Student at the Department of Social and Humanitarian Policy
of the National Academy of Public Administration
under the President of Ukraine

SUMMARY

The article is devoted to the analysis of the development of the organizational and legal framework for preventing and combating corruption in the context of reforming the system of state power. Based on the system analysis of anti-corruption measures 2014–2017. proposed measures to improve the organizational and legal support for preventing and combating corruption in Ukraine. The main factors for increasing the effectiveness of the national anti-corruption policy are: the separation of the political and legal political component in the field of counteracting corruption; presence in the country of special anti-corruption legislation; the creation of specialized bodies in the sphere of combating corruption, the role and functions of which will be clearly defined by the Constitution and laws of Ukraine; the formation of mechanisms for public control over the activities of government bodies within the framework of constitutionally defined spheres of interaction between government and society.

Key words: administration, anti-corruption policy, legislation, corruption, public administration, legal reform, prevention of corruption.

Постановка проблемы. Современный процесс становления национальной модели национального антикоррупционного законодательства в Украине характеризуется влиянием внешних и внутренних факторов. Внешнеполитический аспект определен выполнением критериев получения макрофинансовой помощи со стороны международных организаций и межгосударственных объединений. Внутри-

политический аспект характеризуется институциональными проблемами формирования национальной антикоррупционной политики, развитием новых форм взаимодействия общества и государства в процессе реализации такой политики. При этом эффективная государственная политика в сфере предотвращения и противодействия коррупции требует системного подхода, четко определенных приоритетов

и надлежащего правового обеспечения, формирования комплекса мер, принимаемых и реализуемых государством в контексте стратегии реформирования государственного управления в долгосрочной перспективе. Игнорирование хотя бы одного из этих составляющих существенно снижает эффективность противодействия коррупционным проявлениям в органах публичной власти. Основными направлениями

противодействия коррупции на данном этапе выступают: систематизация антикоррупционного законодательства; совершенствование деятельности общих и специальных государственных органов по выявлению и расследованию фактов коррупционных правонарушений, а также минимизация конфликтных ситуаций в их взаимодействии; усовершенствование правового механизма привлечения виновных лиц к предусмотренной законом ответственности за коррупционные правонарушения. К причинам усиления негативного влияния коррупции на сферу публичного управления и администрирования, кроме экономической нестабильности, неэффективной деятельности государственных институтов противодействия коррупции и правового нигилизма граждан следует отметить изменения в социальной структуре государства, диверсификация и поляризация общественных ожиданий от деятельности специализированных институтов, формирование правовых прецедентов публичного характера.

Актуальность темы исследования особенностей формирования национального антикоррупционного законодательства в контексте трансформации системы публичного управления обусловлена необходимостью реализации государственной Стратегии устойчивого развития до 2020 года, а также решения задач, определенных Стратегией реформирования государственного управления до 2020 года. Вместе с тем, актуализуется проблема формирования приоритетов национальной антикоррупционной политики, уточнение задач по нормативному закреплению направлений антикоррупционной политики, целей и задачах такой политики.

Состояние исследования. Современные исследования формирования приоритетов формирования национальной антикоррупционной политики фокусируются преимущественно на публично-служебной составляющей администрирования в органах власти, и при этом, как правило, выделяют уголовно-правовой, административно-правовой и публично-управленческий аспекты антикоррупционной политики. Так, представители теоретической школы науки государственного управления В. Баштанник, В. Бакуменко, М. Билин-

ская, Е. Бородин, Н. Драгомирецкая, В. Дрешпак, М. Лахижа, Н. Липовская, А. Рачинский, С. Серегин, А. Сушинский, В. Соловьев, В. Федоренко акцентируют внимание на важности разработки теоретического содержания государственной антикоррупционной политики, определении направлений теории, методологии и истории публичного управления. Базовыми направлениями в работах ученых сферы государственного управления выступили: собственно, антикоррупционная политика (рассматривается как самостоятельное направление реформирования государственного управления, как фактор соответствия определенным критериям способности к реформированию). Основатель особой научной теории государственного управления в сфере предотвращения коррупции В. Соловьев определил в своих исследованиях свойства антикоррупционной политики, ее суть и особенности формирования [2]. В. Баштанник указывает на специальные механизмы государственной антикоррупционной политики в условиях модернизации власти [3].

Законодательная база Украины в сфере противодействия коррупции начала формироваться в 90-х годах XX века. Этим обусловлена целесообразность комплексных исследований проблемы формирования национальной антикоррупционной политики в современный период. Решению различных аспектов проблем коррупционности публичной власти, коррупционных правонарушений, совершенствованию антикоррупционного законодательства (в основном, в сфере уголовного права), посвящены работы ученых в области криминологии и уголовного права: П. Андрушко, В. Гвоздецкого, О. Джузи, А. Долженкова, А. Дудорова, А. Закалюк, А. Кваши, А. Костенко, А. Кулика, А. Литвинова, А. Савченко, В. Сташиса, Г. Усатого, М. Хавронюка, В. Шакуна, С. Шалгуновой и других. Большая часть современных исследователей рассматривает коррупцию через призму структурно-функционального подхода, где значительное внимание уделяется влиянию коррупции на различные аспекты общественной жизни, а сама коррупция изучается как самостоятельное общественно опасное явление, чем и вызван интерес ученых разных отраслей науки к такому предмету исследований.

Целью и задачей статьи выступает разработка научно-теоретических положений и практических рекомендаций, направленных на оптимизацию организационно-правовых основ противодействия коррупции в системе государственной власти путем комплексного анализа действующего национального законодательства, положений международных актов, антикоррупционных стандартов, достижений науки государственного управления и эффективных зарубежных практик государственного строительства. С этой целью следует на основе анализа развития отечественного антикоррупционного законодательства в современный период оценить эффективность антикоррупционной политики Украины, разработать комплекс организационно-правовых мероприятий по совершенствованию антикоррупционной политики; предложены практические меры рационализации деятельности государства в сфере предотвращения и противодействия коррупции.

Изложение основного материала. В процессе научного анализа особенностей формирования законодательства в сфере противодействия коррупции следует выделить общетеоретическую и прикладную сферы исследований. Теоретической и методологической основой исследования особенностей формирования и реализации национальной антикоррупционной политики является современная теория научного познания социальных явлений, которая охватывает комплекс общенаучных и специальных научных методов. Общая исследовательская методология позволяет определить общую стратегию исследования и интерпретацию его результатов в виде предложений к формированию антикоррупционных мер в публичной сфере. Применение метода структурно-функционального анализа позволило рассмотреть предотвращение и противодействие коррупции как совокупность мероприятий органов власти в этой сфере, определить социальную обусловленность коррупции, закономерности и тенденции развития, влияние на общество. Исторический и историко-правовой методы следует применить для раскрытия сущности основных понятий и тенденций развития антикоррупционного

законодательства за время независимости Украины. Метод системного анализа позволяет рассмотреть определенные соотношения между составляющими элементами антикоррупционной политики, а также особенности реализации в условиях судебной и правовой реформ в Украине.

Формально-юридический метод обеспечивает исследование содержания государственно-управленческой деятельности по реализации правовых норм антикоррупционного направления. Сравнительный метод следует использовать при сравнении норм законодательства Украины с соответствующими нормами других государств. Синергетический подход позволил изучить общество, его институты в противодействии коррупции как системе, характеризующиеся открытостью, взаимопроникновением, нерегулярностью связей, функциональной нестабильностью, развитие которых происходит нелинейно под воздействием широкого спектра факторов, часто случайных, особенно в их кризисных, нестабильных состояниях. Метод экспертных оценок позволяет сформулировать выводы относительно мер противодействия коррупции.

В. Соловьев, обобщая толкования, отмечает, что «коррупция» – сложное, многоуровневое организованное социальное явление, которое сочетает в себе различные составляющие, в частности: управленческую, политическую, экономическую, юридическую, социальную, морально-этическую и тому подобное; коррупция – негативное общественное явление, которое постоянно и активно влияет на сознание граждан и их личные взгляды, формирует корыстные аморальные ценности, определяет коррупционную субкультуру в обществе, разрушает общественные отношения, уменьшает ресурсы, подрывает доверие к государству, приводит к политической нестабильности; она охватывает высший (элитарный), средний и низовой уровни государственного управления, проникая во все сферы и подсистемы общественной жизни, снижая его качество; нарушает права, затрагивает интересы всех социальных групп и слоев общества; может быть политической, экономической, административной и бытовой, может возникать организованно или стихийно;

она создала коррупционную этику, которая стала альтернативой морально-этическим нормам в Украине [2, с. 443].

С. Серегин отмечает, что отечественные ученые термин «коррупция» трактуют весьма неоднозначно, дают нечеткие, неконкретные формулировки, противоречащие друг другу. Они относят к субъектам коррупционных действий только лиц, наделенных властными полномочиями. Из внимания часто упускается среда, которая порождает коррупционные действия (несовершенство нормативно-правовой базы, неоднозначность служебных обязанностей должностных лиц, дублирование полномочий в сфере публичного управления и т.п.) [4, с. 12].

16 октября 2014 года был введен в действие Закон Украины «Об очищении власти», который определил правовые и организационные основы проведения очистки власти (люстрации) для защиты и утверждения демократических ценностей, верховенства права и прав человека в Украине. «Очищение власти (люстрация) – это установленный настоящим Законом или решением суда запрет отдельным физическим лицам занимать определенные должности (находиться на службе) (кроме выборных должностей) в органах государственной власти и органах местного самоуправления. Очистка власти (люстрация) осуществляется с целью недопущения к участию в управлении государственным делами лиц, которые своими решениями, действиями или бездействием осуществляли мероприятия (и/или способствовали их совершению), направленные на узурпацию власти предыдущим политическим режимом, подрыв основ национальной безопасности и обороны Украины или противоправное нарушение прав и свобод человека и основывается на принципах: верховенства права и законности; открытости, прозрачности и публичности; презумпции невиновности; индивидуальной ответственности; обеспечения права на защиту» [5]. По сути, такой закон выступил в определенном смысле законодательной новеллой, определившей социально-политические приоритеты антикоррупционного законодательства.

Следует указать, что одним из главных приоритетов Украины является стремление построить ориен-

тированное на интересы людей, открытое для всех и направленное на развитие информационное общество, в котором каждый мог бы создавать и накапливать информацию и знания, иметь к ним свободный доступ, пользоваться и обмениваться ими и т.д. [6; 7]. Особую актуальность этот вопрос приобретает тогда, когда речь идет о таком феномене как коррупция, которая является существенным фактором углубления современного политического и экономического кризиса [8]. Эволюционное развитие государства и гражданского общества Украины представляет собой сложный динамический процесс, происходящий под влиянием многочисленных факторов: внутренних и внешних, планомерных и стихийных, положительных и отрицательных. В связи с этим реализация курса на утверждение демократического, правового, социального государства требует сопровождения системных социально-экономических и политико-административных преобразований мерами, направленными на нейтрализацию негативных общественных явлений и процессов, среди которых одним из самых опасных является коррупция.

Исключительный деструктивный характер коррупции обусловлен высоким уровнем ее латентности, масштабом распространения и устойчивыми разрушительными последствиями как для общества в целом, так и для отдельных социальных подсистем [9]. Сегодня выделяют социальные, политические, экономические, морально-психологические, правовые и международные последствия коррупции. Так, по мнению М. И. Мельника, стоит выделить такие признаки коррупции:

- 1) общественная опасность коррупции в социальном аспекте;
- 2) политические последствия коррупции;
- 3) экономические последствия коррупции;
- 4) морально-психологические последствия коррупции;
- 5) правовые последствия коррупции, которые проявляются в: нарушении правовых принципов функционирования государства и его отдельных институтов (верховенства права, законности, неотвратимости ответственности); существенном ограничении конституционных прав и свобод чело-

века и гражданина, прав и законных интересов юридических лиц; грубом нарушении установленного законом порядка осуществления полномочий должностными и служебными лицами органов государственной власти, местного самоуправления и принятия ими неправовых, незаконных решений; распространении среди граждан, в том числе служащих публичной сфере управления, правового нигилизма; снижении уровня развития института правового государства [10; 11].

В 2017 году неправительственная международная организация Transparency International, которая ставит целью борьбу с коррупцией, обнародовала свой ежегодный Индекс восприятия коррупции. Эксперты организации формируют его на основе независимых опросов, в которых участвуют международные финансовые и правозащитные эксперты, в том числе от Всемирного банка, Freedom House, World Economic Forum и др. Индекс представляет собой оценку от 0 (очень высокий уровень коррупции) до 100 (очень низкий уровень коррупции). В индексе за 2016 Украина получила 29 баллов из 100 возможных, на два балла улучшив свои прошлогодние показатели, как отмечают составители, благодаря продвижению антикоррупционных реформ, Украина заняла сто тридцать первой место из 176 позиций в рейтинге восприятия коррупции. В организации считают такие рейтинги недостаточными для Украины, власти которой назвала борьбу с коррупцией основным направлением деятельности. В Украине коррупция, по мнению специалистов Фонда «Демократические инициативы», давно стала восприниматься как органическая часть нашей жизни. Было бы неправильным считать, что коррупция – явление последних лет. Согласно рейтингу Transparency International, проведенному в 2012 г., Украина занимала по Индексу восприятия коррупции 144 место вместе с Бангладеш, Камеруном, ЦАР, Республикой Конго и Сирией. Для сравнения Россия заняла 133 место, Беларусь – 123, Габон – 102, Кабо-Верде – 39, США – 17, Австралия и Норвегия – 7, а первое место поделили Дания, Финляндия и Новая Зеландия. В 2006 Украина по этому рейтингу занимала 99 место. В 2014 Украина находилась на одной ступеньке с Угандой

(26 баллов из 100 возможных). Это ставит Украину в один ряд со странами, которые считаются в Европе наиболее коррумпированными, при этом она расценивается как такая, где методы борьбы с коррупцией неэффективны, а масштабы коррупции растут [12; 13].

Согласно рейтингу Transparency International, в 2017 году Украина заняла 130 место (из 180 стран) и получила 30 баллов (из 100 возможных) по Индексу восприятия коррупции (СРИ), что на 1 балл больше и на 1 позицию выше, чем в прошлом году (29 баллов, 131 место). Для сравнения, приведем результаты соседних стран: Польша – 60, Венгрия – 50, Румыния – 48, Венгрия – 45, Беларусь – 44, Молдова – 31 [14]. Такие рейтинги и баллы Украине свидетельствуют о высоком уровне коррупции в стране и ставят ее в один ряд со странами, которые считаются в Европе наиболее коррумпированными, при этом она расценивается как такая, где методы борьбы с коррупцией неэффективны, а масштабы коррупции растут. Именно поэтому анализ институциональной составляющей антикоррупционной политики особенно важен в современных условиях проведения системных реформ, среди которых одно из главных направлений – курс на европейскую интеграцию, что есть на сегодня главным и необходимым условием эффективного развития государства. Ведь именно он определяет новые ориентиры геополитической стратегии в контексте обеспечения демократизации и соответствующей оптимизации всех сфер общественной жизни. Становление демократического, правового, социального государства, развитие гражданского и информационного общества, европейская интеграция Украины, проведение политической, административной и экономической реформ требуют решительных действий по борьбе с коррупцией. На современном этапе развития общества в условиях стремительных общественно-политических преобразований, вопросы совершенствования государственной антикоррупционной политики приобретают первостепенное значение, поскольку борьба с коррупцией активно влияет на общественную жизнь и во многом формирует определенный вектор дальнейшего развития государства.

Впрочем, в современных условиях коррупция вышла за пределы государственных границ и превратилась в транснациональное явление. Мировое сообщество обеспокоено ростом влияния коррупции на общество, рассматривает ее как самую большую угрозу правопорядка, демократии, правам и свободам человека, верховенству права, социальной справедливости. Создание эффективной нормативно-правовой системы противодействия коррупции является одним из условий членства в ЕС. Борьба с коррупцией призывают Всемирный банк, Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе, ряд других влиятельных международных организаций. Ч. 2 ст. 19 Конституции Украины обязывает органы государственной власти и органы местного самоуправления, их должностных лиц действовать только на основании, в пределах полномочий и способом, которые предусмотрены Конституцией и законами Украины [15]. Для общества и для отдельной личности это положение является гарантией надлежащего исполнения публичной властью возложенных на нее задач, а также соблюдения прав и свобод человека. Из всех вышеприведенных обстоятельств институциональный аспект формирования национальной антикоррупционной политики выступает одним из основных направлений организационно-правового обеспечения противодействия коррупции, становлению европейского типа публичного администрирования в Украине. Высокий уровень коррупции, который фиксируют международные организации, является лишь отражением восприятия коррупции внутри страны, что, в свою очередь, отражает объективную ситуацию распространения коррупции. Исследование общественного мнения хорошо подтверждает тот факт, что восприятие распространенности коррупции в Украине имеет очень высокие показатели и остается стабильным.

Коррупция в настоящее время является актуальной проблемой и существенным препятствием на пути евроинтеграции Украины, утверждения Украины как демократического и правового государства, развития гражданского общества, частного бизнеса в Украине. Коррупция вызывает массовое недоверие населения ко многим

институтам публичной власти в Украине, а также к государству как институту, который не может обеспечить верховенство права и законность, права граждан.

С позиций организационно-правового аспекта публичного управления определяющей целью национальной антикоррупционной политики следует указать предотвращение и противодействие коррупции в системе публичного управления путем реализации принципов публичного администрирования, характерных для стран-членов ЕС. На первичном уровне публичного управления стоит привести в установленные профильными законами Украины «О государственной службе», «О центральных органах исполнительной власти», «О местных государственных администрациях» и т.п., правила и процедуры деятельности, которые частично определены нормами уголовного и административного права – правила, процедуры и регламенты служебной деятельности. На вторичном уровне – это средства и способы противодействия коррупции, в частности: повышение прозрачности деятельности государственных органов, обеспечение прав и свобод человека и гражданина, создание условий для развития экономики, обеспечения европейских социальных стандартов и благосостояния населения. Целесообразность определения первичного и вторичного уровня антикоррупционной политики обусловлена степенью влияния коррупционных факторов на систему публично-управленческой деятельности. В таких условиях следует разрабатывать специальный нормативный акт – закон Украины «Об основах национальной антикоррупционной политике».

Выводы. Исследование проблемы коррупции в органах публичной власти охватывают различные направления – институционально-правовой (достаточность законодательных и нормативных средств и методов противодействия коррупции), организационно-управленческий (функциональность в распределении властных полномочий и контроль за их использованием должностными лицами), аксиологический (ценностные ориентации государственных служащих), этико-культурный (моральное состояние социально-профессиональной среды государственной

службы) и др. Все это создало условия для развития методологической базы в исследованиях проблемы коррупции в органах публичной власти.

Развитие государства в Украине обуславливает необходимость исследования проблем, связанных с осуществлением целенаправленной деятельности органов публичной власти на реализацию функций демократического, правового государства, закрепленных Конституцией Украины. Коррупция в современном мире представляет серьезную угрозу государству, демократии, правам человека и социальной справедливости. Она сдерживает экономическое развитие государства, создает опасность для развития демократических институтов и подрывает нравственные устои общества. Более того, в условиях глобализации коррупция превращается в интернациональную проблему, поскольку незаконные коррупционные отношения затрагивают интересы и благосостояние большинства стран мира. Актуальность исследования направлений формирования национальной антикоррупционной политики в условиях реализации положений Соглашения об ассоциации Украины и ЕС требует решения проблемы формирования национальной антикоррупционной политики как составляющей общегосударственного курса на приобретение соответствия критериям на вступление в ЕС и в дальнейшем – интеграции в ЕС. Принципами реализации такого курса выступает организационное обеспечение институциональных механизмов юридической защиты физических и юридических лиц от противоправных действий, направлений реформирования судебной системы Украины и наработки путей совершенствования системы судебной власти, существенной коррекции деятельности правоохранительных органов. Одним из приоритетов Стратегии устойчивого развития «Украина-2020», как программного документа развития государства, определена борьба с коррупцией, то есть среди ключевых реформ глава государства называет антикоррупционную реформу. Это является свидетельством того, что проблема борьбы с коррупцией является одной из самых актуальных социальных проблем современности.

Список использованной литературы:

1. Про Стратегію сталого розвитку «Україна-2020»: Указ Президента України від 12 січня 2015 року № 5/2015. URL: <http://www.president.gov.ua/documents/18688.html>.
2. Соловйов В. М. Запобігання і протидія корупції в державному управлінні України: монографія. Київ: Інститут законодавства Верховної Ради України, 2012. 508 с.
3. Баштанник В. Результативність та ефективність механізмів державної антикорупційної політики в умовах модернізації влади. Публічне адміністрування: теорія та практика: електрон. зб. наук. пр. Дніпро: ДРІДУ НАДУ, 2012. № 2. 12 с. URL: http://www.nbuv.gov.ua/e-journals/Patp/2012_2/12bvvsar.pdf.
4. Серьогін С. С. Механізми попередження та протидії корупції в органах публічної влади України: автореф. дис. ... канд. держ. упр.: спец. 25.00.02. Дніпропетровськ, 2009. 20 с.
5. Про очищення влади: Закон України від 16.09.2014 № 1682-УП. Відомості Верховної Ради України. 2014. № 44. Ст. 2041 (зі змінами).
6. Бусол О. Ю., Орлів М. С., Газізов М. М., Романюк Б. В. Корупційні діяння на державній службі – загроза національній безпеці української держави: навч.-метод. мат.-ли. К.: НАДУ, 2011. 240 с.
7. Бусол О. Ю., Никифорчук Д. Й., Бірюков Г. М. Аналітична робота в оперативно-розшуковій діяльності: навч. посібник. К.: Нац. ун-т ДПС України, 2012. 152 с.
8. Бусол О. Ю. Національні антикорупційні стратегії та участь громадськості в протидії корупції в країнах Центральної та Східної Європи. Науковий вісник Міжнародного гуманітарного університету. Серія «Юриспруденція». 2014. № 6/3. Т. 1. С. 60–63.
9. Голосніченко І. П. Подолання корупції як нівелювання прав і свобод людини і громадянина. Міжнародне право і національне законодавство: зб. наук. пр. / редкол.: В. Л. Чубарев (голова) та ін. К.: Правові джерела, 2016. Вип. 1. С. 39–48.
10. Мельник М. І. Система антикорупційного законодавства України. Вісник прокуратури. 2002. № 3. С. 49–56.

11. Мельник М. Фактори корупції в Україні. Право України. 2002. № 5. С. 12–17.

12. Глобальна порівняльна таблиця CPI 2014. Індекс корупції CPI – 2017 / Transparency International. Ukraine. URL: <http://ti-ukraine.org/corruption-perceptions-index-2017/global-table.html>

13. Роль громадянського суспільства у протидії корупції та механізми співпраці з органами державної влади: навч.-метод. матеріали / Л. І. Ільчук, Н. Б. Ларіна, Л. М. Фугель. К.: НАДУ, 2014. 120 с.

14. Індекс корупції CPI-2017. Transparency International Ukraine. URL: <https://ti-ukraine.org/research/indeks-koruptsiyi-cpi-2017/>

15. Конституція України. Офіційне видання. К.: Міністерство юстиції України, 2006. 104 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Новак Анатолий Николаевич – кандидат экономических наук, докторант кафедры социальной и гуманитарной политики Национальной академии государственного управления при Президенте Украины

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Novak Anatoliy Nikolayevich – Candidate of Economic Sciences, Doctoral Student at the Department of Social and Humanitarian Policy of the National Academy of Public Administration under the President of Ukraine

dniprodepartment407@gmail.com

УДК 346.22:33.012.61-022.51 (477)

ХОЗЯЙСТВЕННО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВА ОТНОСИТЕЛЬНО МАЛОГО БИЗНЕСА В УКРАИНЕ

Анвер ОМАРОВ,

аспирант кафедры хозяйственного права
Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого

АННОТАЦИЯ

В статье проведен анализ правовой политики государства относительно положения и развития малого предпринимательства в Украине, рассмотрено значение малого бизнеса для экономики страны, установлены недостатки правовой базы и те правовые отношения, которые оставлены вне поля зрения правового регулирования, выделен ряд существующих экономических и юридических проблем, предложены пути усовершенствования и модернизации политики государства, правовых механизмов ее реализации.

В рамках статьи выдвинуты предложения имплементации лучших практик качественного и эффективного регулирования правового положения малого предпринимательства других стран. Основываясь на проведенном анализе, в рамках данной статьи выдвинуты предложения касательно усовершенствования нормативно-правовой базы, а также детализации компетенции органов власти для усовершенствования правового регулирования малого предпринимательства.

Ключевые слова: малый бизнес, предпринимательство, правовая политика, экономическая политика, правовое обеспечение, механизм реализации политики государства.

ECONOMIC AND LEGAL POLICY OF THE STATE REGARDING SMALL BUSINESS IN UKRAINE

Anver OMAROV,

Postgraduate Student at the Department of Business Law
of Yaroslav Mudryi National Law University

SUMMARY

The article analyzes the legal policy of the state regarding the situation and development of small business in Ukraine, considered the importance of small business to the economy of the country, established shortcomings of the legal framework and those legal relations that are left out of view of legal regulation, identified a number of existing economic and legal problems, suggest ways of improvement and modernization of the state policy, legal mechanisms for its implementation.

As part of the article put forward proposals implementing the best practices of proper and effective regulation of the legal status of small business in other countries. Based on the analysis, within the framework of this article, proposals have been put forward to improve the regulatory framework, as well as detail the competence of the authorities, to improve the legal regulation of small businesses.

Key words: small business, entrepreneurship, legal policy, economic policy, legal support, mechanism for implementing state policy.

Постановка проблемы. Одним из важнейших факторов создания конкурентно-рыночной среды, стабилизации экономического положения государства, высокого уровня доходов населения является развитие малого предпринимательства. Абсолютно очевидно, что успех государственно-го развития, непосредственно зависит от государственной политики и каче-

ственного и эффективного внедрения соответствующих государственных программ.

Ввиду того, что реализовать государственную программу возможно лишь в пределах правового поля и исключительно правовыми средствами, главным заданием становится разработка мощной и детальной правовой базы, определение эффективных

средств влияния и создания четкого механизма реализации политики государства, относительно развития и защиты малого предпринимательства.

Малые предприятия сегодня стали неотъемлемой частью экономик большинства промышленно развитых государств. В странах ЕС на их долю в среднем приходится 63-67% ВВП, в США – 40%, в Японии – 61%. На малых предприятиях занято значительное количество работоспособного населения: 72% в среднем в странах ЕС, 78% – в Японии, 75,3% – в Южной Корее, 73% – в Италии, 54% – во Франции и США [11, с. 225]. В Украине в 2015 году часть малого бизнеса в ВВП представляла лишь 15% [12].

В соответствии с индексом легкости ведения бизнеса (англ. Ease of Doing Business Index) – индекс сравнения простоты предпринимательской деятельности между странами мира, который публикуется Мировым банком на основе годовых данных, в 2017 году, как и в 2016 году, лидером по суммарному значению благоприятных условий для предпринимательской деятельности стала Новая Зеландия. Также в первую десятку стран с наиболее благоприятными условиями для ведения бизнеса вошли: Сингапур, Дания, Южная Корея, Гонконг (особенный административный район Китая), США, Великобритания, Норвегия, Грузия и Швеция.

Украина за год улучшила свою позицию в рейтинге легкости ведения бизнеса на 4 позиции, поднявшись с 80 на 76 ступеньку. Позитивные сдвиги состоялись в 4 из 10 основных компонентов исследования. Причем существенное улучшение позиций можно отметить лишь в двух из них – «получение разрешения на строительство», по которому мы заняли 35 место, против 140 в рейтинге 2017 года и по показателю «налогообложение» (43 место, против 84) [13].

Сегодня Украина, как никогда, нуждается в создании экономических программ, которые позволят внедрить свободное предпринимательство, перейти на новый качественный уровень экономико-правового развития, приблизиться к мировому экономическому пространству как равноправный субъект мировых экономических и политических связей.

Таким образом, хозяйственно-правовой механизм государственной поддержки малого бизнеса нуждается в существенном усовершенствовании. Современное состояние малого предпринимательства в Украине не удовлетворяет общественные ожидания и потребности.

Важно подчеркнуть тот факт, что часто средний и большой бизнес использует льготы, которые предоставлены малому бизнесу для уменьшения налогового давления на деятельность собственных предприятий. Таким образом, происходит выхолащивание смысла создания стимулирующего режима ведения хозяйства для поддержки малого предпринимательства. А такая проблема остается вне механизма правового регулирования.

Следует также констатировать, что развитие малого предпринимательства, как такового, является позитивным общественно-экономическим феноменом, однако, не менее важно развивать малое предпринимательство в отдельных сегментах национальной экономики (инновационное предпринимательство) или в отдельных регионах, такая приоритетность развития, как показывает опыт других стран, дает большую эффективность.

Актуальность темы исследования. Сегодня для развития государства необходимо создание целостного, универсального, правового механизма формирования и реализации государственной экономической политики как таковой и, в частности, политики государственной поддержки малого бизнеса. Целью статьи является поиск направлений модернизации и усовершенствования политики государства и механизмов ее реализации в сфере малого предпринимательства.

Состояние исследования. Исследованию проблем поддержки развития малого предпринимательства посвятили труды такие украинские ученые, как О. А. Деренько, Д. В. Задыхайло, В. И. Захарченко, А. В. Иванищева, М. М. Ильчишин, Д. А. Исаченко, М. Я. Квик, Г. М. Колесник, И. М. Комарницкий, Г. А. Лех, В. В. Федорченко, Г. Г. Цегелик, И. Е. Шайдюк и др. Среди зарубежных ученых особенно внимания заслуживают работы Дж. Кейнса, Д. Рикардо, Ж. Сея, А. Смита, Й. Шумпетера и др.

Целью и задачей статьи является проведения анализа современных условий функционирования малого предпринимательства в Украине; определения роли и места малого предпринимательства; проведения анализа государственных программ развития и предложения пути усовершенствования правового положения малого предпринимательства и максимальной эффективности роли государственного влияния.

Изложения основного материала. В соответствии с преамбулой Хозяйственного кодекса Украины (далее – ХКУ), его цель состоит в том, чтобы обеспечить рост деловой активности субъектов ведения хозяйства, развитие предпринимательства и на этой основе повышения эффективности общественного производства, его социальную направленность в соответствии с требованиями Конституции Украины, утвердить общественный хозяйственный порядок в экономической системе Украины, способствовать гармонизации ее с другими экономическими системами [2].

В соответствии со статьей 5 ХКУ правовой хозяйственный порядок в Украине формируется на основе оптимального сочетания рыночного саморегулирования экономических отношений субъектов ведения хозяйства и государственного регулирования макроэкономических процессов [2].

Основываясь на вышеупомянутом, для утверждения общественного порядка в экономической системе Украины необходимо установить стабильное и эффективное государственное регулирование, которое осуществляется через государственную политику.

Как отмечает Д. В. Задыхайло, феномен «государственная политика» является лишь отдельным звеном сложной диалектической взаимосвязи между государством и обществом, где можно выделить и политику общества или его политических составляющих относительно государства, и политику государства относительно общества, учитывая целый ряд функциональных заданий государства относительно последнего [14, с. 139].

В 2010 году был принят Закон Украины «О принципах внутренней и внешней политики» [6], однако самого меха-

низма формирования такой политики, коррекции и пересмотра ее положений с учетом изменений в общественно-экономической и общественно-политической жизни и тем более механизма реализации политики самим Законом не предусмотрено [14, с. 138-139].

Реализация государственной экономической политики, в соответствии со статьей 9 ХКУ, осуществляется с помощью долгосрочной и текущей экономической политики. Правовое закрепление экономической политики находит свое отражение в прогнозах и программах экономического и социального развития Украины и отдельных ее регионов, целевых программах, а также соответствующих законодательных актах, однако, все это находится в непосредственной связи с определенными основами внутренней и внешней политики государства, в соответствии с которыми определяется приоритетность направлений государственной политики [2].

В соответствии со статьей 13 Конституции Украины, установлено, что государство обеспечивает социальную направленность экономики [1], что повторно дублируется и в преамбуле ХКУ, однако такая направленность является возможной лишь через экономическую политику, основными направлениями которой, среди других, являются: структурно-отраслевая политика; инвестиционная политика; ценовая политика; налоговая политика; денежно-кредитная политика; внешне-экономическая политика [2].

Малый бизнес является неотъемлемой составляющей всей экономики государства, в то же время он является достаточно самостоятельным и независимым, потому как состоит из большого количества отдельных субъектов, что в совокупности существенно влияют на социальную политику (занятость и самозанятость), политику заработной платы и доходов населения, региональную политику (относительно депрессивных регионов), инновационную политику (развитие новых направлений деятельности, реализация научно-технического потенциала).

Таким образом, малый бизнес вполне справедливо можно считать элементом структурно-отраслевой политики, которая носит межотраслевой характер, и является весомым сегмен-

том в структуре национальной экономики государства. Следовательно, целесообразно внести в статью 10 ХКУ изменения, дополнив основные направления экономической политики, которые определяются государством. Так, структурно-отраслевая политика, должна быть направлена и на осуществление государством политики развития малого предпринимательства [2].

Учитывая вышесказанное, если экономическую политику государства рассматривать в узком понимании в соответствии с непосредственными направлениями политики, вне поля зрения остаются те общественные отношения, которые способны при благоприятных хозяйственно-правовых условиях, независимо и самостоятельно, количественно и качественно улучшать показатели экономической политики государства, национальной экономики в целом. Для реализации вышесказанного, необходимо выделить малый бизнес как макрообъект экономической политики государства и разрабатывать программы экономического развития с учетом стратегического курса развития малого предпринимательства.

Отправной точкой государственного «признания» малого бизнеса и избрания вектора развития экономики стало принятие Закона Украины «О предприятиях в Украине» [3], действовавшего до принятия ХКУ. В это же время действовал Закон Украины «О государственной поддержке малого предпринимательства» [4], определивший правовые основы государственной поддержки субъектов малого предпринимательства, независимо от формы собственности с целью быстрее выхода из экономического кризиса и создания условий для расширения внедрения рыночных реформ в Украине. Однако, данный Закон не содержал норм реального влияния, основным его заданием стало определение органов, которые осуществляют поддержку малого предпринимательства и установление основного способа влияния – программа поддержки малого предпринимательства [4]. С принятием Закона Украины «О развитии и государственной поддержке малого и среднего предпринимательства в Украине» впервые детально определены: органы, обеспечивающие развитие малого и среднего предпринимательства; полномочия

специально уполномоченного органа в сфере развития малого и среднего предпринимательства; условия предоставления государственной поддержки субъектам малого и среднего предпринимательства; ограничение относительно предоставления государственной поддержки субъектам малого и среднего предпринимательства; инфраструктура поддержки малого и среднего предпринимательства; виды государственной поддержки [5].

Для детализации положений, определенных вышеупомянутым Законом, утвержден ряд нормативно-правовых актов, коротко о которых речь пойдет дальше. Закон Украины «О государственной помощи субъектам хозяйствования», устанавливающий правовые основы проведения мониторинга государственной помощи субъектам ведения хозяйствования, осуществления контроля за допустимостью такой помощи для конкуренции [7]. Закон Украины «О принципах государственной региональной политики» определяет основы государственной региональной политики, как составной части внутренней политики Украины. В порядке, предусмотренном данным Законом, приоритетами государственной региональной политики, в частности есть: улучшение материального, финансового, информационного и другого ресурсного обеспечения развития регионов [8]. В соответствии с Законом Украины «О стимулировании развития регионов», одним из мероприятий государственного стимулирования развития депрессивных территорий является предоставление государственной поддержки, в том числе финансовой, малым предприятиям, содействие формированию объектов инфраструктуры развития предпринимательства, таких как бизнес-центры, бизнес-инкубаторы, инновационные и консалтинговые центры, венчурные фонды и тому подобное [9].

Финансовую поддержку внедрения инновационной составляющей в деятельность малого и среднего предпринимательства (далее – МСП) должен был оказывать Фонд поддержки малого инновационного бизнеса, однако с 2013 г. упомянутое учреждение не получало бюджетного финансирования. Как сообщил руководитель МСП, опрошенных экспертами во время те-

кушей оценки Индекса политики относительно МСП: страны восточного партнерства, анализ за 2016 г., основным препятствием для ввода инноваций МСП являются объемы расходов. Развитию инновационной деятельности может содействовать финансовая поддержка в форме грантов и налоговых льгот. Невзирая на наличие в Украине определенной инновационной инфраструктуры, ее эффективность ограничивается финансовыми проблемами и отсутствием целевой поддержки.

Д. В. Задыхайло отметил, что сегодня между положениями экономической политики государства и правовым хозяйственным порядком отсутствует соединительное звено – легальное определение хозяйственно-правовой политики и ее функционального назначения. Без этого концептуальная, программная деятельность государства оказывается малоэффективной, ведь хозяйственно-правовые средства влияния не получают прямого функционального применения. В этих условиях основное бремя выполнения государственных программ возлагается на организационные и ресурсные мероприятия, которые обычно оказываются малоэффективными [15].

Основываясь на вышеупомянутом, основным заданием государственной политики на сегодня является: определение приоритетов развития по количественным и качественным показателям. В соответствии с количественными показателями следует стремиться к увеличению численности представителей малого предпринимательства, а также стимулированию части малого бизнеса в ВВП. В соответствии с качественными показателями необходимо устанавливать приоритетные направления развития определенных секторов экономики (инновационный) или регионов (депрессивных).

Для внедрения действенной правовой политики в сфере малого предпринимательства необходимо четко установить: задания политики, формы фиксации, объект, средства влияния, субъекты организационно-хозяйственных полномочий, законодательное обеспечение.

Формой фиксации целесообразно оставить программы развития при условии доработки законодательства, в том числе, как предлагалось выше,

расширить основные направления экономической политики государства и отработать практику действенных средств влияния.

Как отмечалось выше, целесообразно малое предпринимательство признать как макрообъект экономической политики государства.

Основные средства влияния, среди которых, в соответствии со статьей 12 ХКУ, отнесено: предоставление инвестиционных, налоговых и других льгот, предоставления дотаций, компенсаций, целевых инноваций и субсидий, предлагаем дополнить кредитованием и страхованием деятельности [2].

К субъектам организационно-хозяйственных полномочий в пределах своей компетенции относятся Верховная рада Украины, Кабинет Министров Украины, специально уполномоченный орган в сфере развития малого и среднего предпринимательства (Минэкономразвития Украины) и другие [5].

Как правило, в странах ЕС дела малых и средних предприятий находятся в компетенции министерства экономики и (или) министерства промышленности и торговли. Германия и Нидерланды, например, имеют отделы по делам малых и средних предприятий в Министерстве экономики. Во Франции соответствующий отдел создан в Министерстве промышленности. В Великобритании даже существует Министерство малого бизнеса. Что касается программ развития малых и средних предприятий, то они разрабатываются с расчетом участия сразу нескольких министерств, что опять же нуждается в координации усилий [15, с. 246-252].

Интересным для Украины является Британский опыт государственного регулирования малого бизнеса, а именно поддержка предпринимательства в кризисных регионах. С этой целью создаются зоны свободного предпринимательства, в которых функционируют государственно-коммерческие фонды, которые предоставляют льготные кредиты и деловые услуги. Большое значение имеет программа «Действия для городов», целью которой является оздоровление старых промышленных центров и улучшение социального климата в производственных кварталах [16, с. 209].

Учитывая вышеупомянутый опыт, на наш взгляд, целесообразно им-

плементировать введение отдельных подразделений Минэкономразвития, компетенцией которых будет исключительно развитие малого предпринимательства. Создание зон свободного предпринимательства, может существенно улучшить предпринимательский климат в депрессивных и малоинициативных регионах.

В Германии существует большое количество учреждений, предоставляющие консультации малым и средним фирмам по разнообразным вопросам (от результатов маркетинговых исследований к помощи в преодолении бюрократических барьеров). Консультационные центры финансируются как правительством, так и союзами частных предпринимателей [17].

К сожалению, сегодня в нашем государстве мы наблюдаем слабо развитую инфраструктуру поддержки развития малого предпринимательства, однако Правительство осуществляет шаги для преодоления этой проблемы. Именно поэтому, для содействия развитию инфраструктуры поддержки предпринимательства, в частности предоставление субъектам ведения хозяйства финансовой, материально-технической, информационной, научно-технологической, консультативной, маркетинговой, кадровой и образовательной поддержки является одним из основных вопросов, что требует решения на государственном уровне и детально отражено в Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Украине на период до 2020 года [10].

Предприятия – участники опроса «Бизнес-климат и деятельность предприятий» (Европейский банк реконструкции и развития, ВЕЕРS V, 2014 год) отмечают, что доступ к финансированию (21,3%), коррупция (19,2%), ставки налога (15,5%), политическая нестабильность (11,9%) и теневая экономика (7,7%) являются основными препятствиями для осуществления предпринимательской деятельности. В 2012-2013 годах неформальные платежи, необходимые для получения государственных контрактов, согласно результатам опроса предприятий выросли с 3,8% в 2009 году до 14,2% суммы контракта. Почти 100% предприятий – участников опроса заявило, что осуществляли неформальные платежи для заключения

государственного контракта. Низкие темпы роста частного сектора является основной причиной низкого уровня экономических показателей и экономики в целом, а также замедление темпов роста экономики и низкой продуктивности труда, малого объема прямых иностранных инвестиций в первую очередь в производстве, ориентированном на экспорт продукции и высокого уровня энергоемкости.

Министерство экономики Германии разработало программу «Евро-фитнесс», задание которой – помочь малым и средним предприятиям подготовиться к функционированию в условиях единого внутреннего рынка ЕС. В пределах этой программы ассигнуются средства на проведение отраслевых и структурных исследований, расширения консультационной и информационной помощи предпринимательству, активизацию участия малых и средних компаний в разных европейских ярмарках и выставках [15, с. 246-252].

Особенно важной является поддержка научно-технического потенциала нашего государства, учитывая то, что государство почти не обеспечивает такое развитие за счет бюджета, а развитие инновационного производства, изобретательства и научных разработок ложится исключительно на плечи самих деятелей и предпринимателей, появляется вопрос, чем государство может стимулировать такой прогресс. Одним из решений, на наш взгляд, есть, по примеру Германии, активизировать участие малых компаний в разных европейских ярмарках и выставках, что одновременно предоставляет дополнительные потоки инвестиций, улучшает деловой микроклимат и репутацию государства.

Большую поддержку малым и средним предприятиям правительство Германии предоставляет с помощью кредитов и субсидий. Из бюджета федерации и земель им предоставляются льготные инвестиционные кредиты, особенно при освоении высокотехнологичных производств, кредиты для создания собственных предприятий. Государственная поддержка малого бизнеса направлена, прежде всего, на обеспечение его финансовой самостоятельности. В федеральной программе субсидирования малых и средних предприятий существует специальная

статья помощи для повышения доли собственных средств, составляющая около 30% всех субсидий. Лицам, создающим новые предприятия, предоставляют кредиты сроком до 20 лет.

Показательным для Украины является опыт государственной политики в сфере малого предпринимательства постсоциалистических стран – Венгрии, Чехии, Польши. На долю малых предприятий Венгрии приходится 99,8% всех предприятий. Они создают 50% ВВП и обеспечивают 60% рабочих мест. Для эффективного сотрудничества государства с предпринимательством настроена деятельность целого ряда организационных структур, к которым принадлежат: Национальный Совет развития предпринимательства, Министерство экономики Венгрии, Агентство по развитию инвестиций и торговли, Венгерский банк развития, Государственное акционерное общество гарантий, Государственный фонд поддержки инноваций и научно-исследовательской деятельности. Государственная поддержка малого предпринимательства охватывает целый ряд экономических стимулов, среди которых льготное налогообложение и льготное кредитование [18, с. 270-274].

Становится очевидным, что высокие результаты достигают те страны, которые имеют четкий механизм государственной поддержки малого бизнеса, который заключается в государственной политике, что четко определяет концепцию деятельности государства относительно малого предпринимательства. На наш взгляд, такая политика и концепция должна разрабатываться и внедряться отдельно для малого бизнеса и отдельно для среднего, недостатки объединения коротко были рассмотрены в пределах статьи.

В данной статье была сделана попытка доказать, что и программы развития, которые становятся планом развития того или другого направления деятельности государства, целесообразно отдельно утверждать для субъектов малого предпринимательства, однако достичь системности и эффективности внедрения действенного механизма поддержки малого бизнеса без законодательного закрепления, как показывает опыт нашей страны, невозможно. Следовательно,

изучив правовое обеспечение и регулирование, закрепленное в многочисленных нормативно-правовых актах разных лет, приходим к выводу, что государство нуждается в едином законе, который регулирует государственную поддержку и законодательное обеспечение малого бизнеса, что, в свою очередь, устанавливает квалификацию субъектов малого бизнеса, детализирует инфраструктуру государственной поддержки (фонды, банковские учреждения, страховые компании, инкубаторы и тому подобное), правовые режимы государственной поддержки, в зависимости от категорий (региональное зонирование, направления деятельности, инновационная, научно-техническая, энергосберегающая и тому подобное), утверждает непосредственные права, обязанности и ответственность, как субъектов малого предпринимательства, так и государственных органов, также на законодательном уровне необходимо установить предельные объемы доходов МСП, и размер финансирования, периодичность пересмотра которых также должно быть четко отмечено и находиться в пропорциональном отношении с реальным экономическим положением в государстве.

Основываясь на опыте практического воплощения реформирования органов государственной власти и взаимодействия с МСП, целесообразно в пределах Минэкономразвития выделить отдельное подразделение, которое специализировалось бы исключительно на МСП, также целесообразно привлечь государственную регуляторную службу в пределах компетенции, признать несколько государственных национальных банков обязанными проводить кредитование МСП по особым условиям и сниженным ставкам, целесообразно привлечь и несколько весомых страховых компаний, которые будут страховать как риски государства, государственных банков, так и самих представителей малого предпринимательства; как работа на опережение, следует внедрить Государственный фонд поддержки инноваций и научно-исследовательской деятельности, которая снизит отток потенциальных ученых, разработчиков, предпринимателей, которые смогут развивать данные направления.

Выводы. В статье доказано, что малое и среднее предпринимательство способствует созданию новых рабочих мест, росту валового внутреннего продукта, а также стимулированию развития конкурентоспособности и инновационного потенциала экономики.

Однако, учитывая, что малое и среднее предпринимательство имеет существенные отличия в организационном, правовом, финансовом положении и имеет больше стабильности и гарантий, следует четко разграничивать программные цели и методы развития отдельно малого и отдельно среднего бизнеса. Отождествление программы развития, как и отсутствие практики отслеживания деятельности де-факто – среднего бизнеса, а де-юре – малого бизнеса, подавляет развитие малого бизнеса. Решение данной проблемы возможно при условиях: 1) четкой законодательной квалификации субъектов малого и среднего бизнеса; 2) полного отделения правового регулирования малого и среднего предпринимательства в пределах программ развития, органах контроля, источников финансирования и поддержки; 3) введения штрафных санкций, за незаконно полученную представителем среднего бизнеса, поддержки и государственной помощи, которая предусмотрена для представителей малого бизнеса, что реально внедрить именно через введение специализированного профильного Закона.

Учитывая опыт развитых стран, актуальным для Украины является ввод разнообразных специальных правовых режимов малого бизнеса, в определенных сферах деятельности или направлениях и в соответствии с предметными, инновационными, энергосберегающими, отраслевыми, территориальными, социальными аспектами.

Для того, чтобы повысить роль малого бизнеса в экономике Украины, и решить проблемы модернизации и существенного усовершенствования политики государства и правового механизма ее реализации, следует: построить поэтапную стратегию программы развития при участии субъектов малого предпринимательства, создание Фонда страхования организаций и ассоциаций, с финансированием из местных бюджетов; поручение одному или двум государственным банкам

специализированной функции – кредитование деятельности малых предприятий под низкие процентные ставки; осуществлять финансирование, консультирование, анализ деятельности бизнес-центров, бизнес-инкубаторы, инновационные и консалтинговые центры, венчурные фонды, как залог самостоятельности и самообеспеченного развития малого предпринимательства силами самих предпринимателей.

Основываясь на опыте стран, залогом достижения больших успехов в развитии малого предпринимательства, получения эффективных показателей выполнения стратегий, является анализ выполнения программ, соответствие программ стратегии, а также качественный мониторинг важнейших направлений государственного влияния. Так, в соответствии с Положением о Государственной регуляторной службе Украины, регуляторная служба обеспечивает реализацию государственной регуляторной политики на принципах защиты права граждан на осуществление предпринимательской деятельности, экономическом разнообразии и равной защиты государством всех субъектов хозяйствования и подает Министру экономического развития и торговли, предложения относительно обеспечения формирования государственной регуляторной политики, государственной политики в сфере лицензирования, разрешительной системы, надзору (контролю) в сфере хозяйственной деятельности, предлагаем включить такой орган в раздел организационного обеспечения и механизма реализации Стратегии.

Таким образом, для успешного развития малого предпринимательства в Украине необходимо создать механизм эффективного взаимодействия между государством и предпринимательским сектором, где осознание роли мелких фирм в экспортном потенциале страны является первым шагом к повышению конкурентоспособности национальной экономики, международному имиджу страны и ее месту в международной бизнес-среде.

Список использованной литературы:

1. Конституція України від 28.06.1996 р. № 254к/96-ВР. URL: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/254k/96-вр>.

2. Господарський кодекс України від 16.01.2003 р. № 436-IV. URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/436-15>.

3. Про підприємства в Україні: Закон України від 27.03.1991 р. №887-XII. URL: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/887-12>.

4. Про державну підтримку малого підприємництва: Закон України від 19.10.2000 р. № 2063-III. URL: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/2063-14>.

5. Про розвиток та державну підтримку малого і середнього підприємництва в Україні: Закон України від 22.03.2012 р. № 4618-VI. URL: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/4618-17>.

6. Про засади внутрішньої та зовнішньої політики: Закон України від 01.07.2010 р. № 2411-VI. URL: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/2411-17>.

7. Про державну допомогу суб'єктам господарювання: Закон України від 01.07.2014 р. № 1555-VII. URL: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/1555-18>.

8. Про засади державної регіональної політики: Закон України від 05.02.2015 р. № 156-VIII. URL: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/156-19>.

9. Про стимулювання розвитку регіонів: Закон України від 08.09.2005 р. №2850-IV. URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/2850-15>.

10. Стратегія розвитку малого і середнього підприємництва в Україні на період до 2020 року: Розпорядження Кабінету Міністрів України від 24 травня 2017 р. № 504-р. URL: <http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/504-2017-р>.

11. Ісаченко Д. А. Малі підприємства у трансформаційній економіці регіону: монографія. Одеса: Ін-т проблем ринку та екон.-еколог. досліджень НАН України, 2009. 406 с.

12. Державна служба статистики України. URL: <http://www.zt.ukrstat.gov.ua>.

13. Індекс легкості ведення бізнесу. URL: <http://russian.doingbusiness.org/~media/WBG/DoingBusiness/Documents/Annual-Reports/English/DB17-Full-Report.pdf>.

14. Задихайло Д. В. Державна економічна політика та завдання правового регулювання. Вісник Національного університету «Юридична академія України імені Ярослава Мудрого» №1 (16) 2014 р. С. 138-147.

15. Шайдюк І. Є. Європейський досвід державного регулювання

та підтримки малого підприємництва. Концептуальні засади формування менеджменту в Україні: матеріали III Всеукр. наук. конф. Київ, Одеса, Стамбул, 17-22 травня 2010 р. С. 246–252.

16. Колісник Г. М. Соціально-економічна ефективність підтримки малого підприємництва в Україні та світі. Науковий вісник УкрДПТУ: зб. наук.-техн. праць. Львів: Вид-во УкрДПТУ, 2004. Вип. 14.4. С. 202–211.

17. Деренько О. А. Міжнародний досвід державного регулювання та підтримки малого підприємництва. БІЗНЕСІНФОРМ. 2012. № 5. С. 95–97.

18. Піхняк Т. А. Організаційно-економічний механізм державного управління підприємствами малого бізнесу: світовий досвід та уроки для України. Науковий вісник НЛТУ України: зб. наук.-техн. праць. 2012. Вип. 22.2. С. 270–274.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Омаров Анвер Мурад оглы – аспирант кафедры хозяйственного права Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Omarov Anver Murad ogly – Postgraduate Student at the Department of Business Law of Yaroslav Mudryi National Law University

anver_omarov@ukr.net

УДК 347.998.85:061.1ЄС

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ В АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ УКРАИНЫ ЕВРОПЕЙСКИХ СТАНДАРТОВ В СФЕРЕ ПРАВА НА СВОБОДНЫЕ ВЫБОРЫ

Наталья ПОЛЯХ,

аспирант кафедры административного права
Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию особенностей реализации в административном судопроизводстве Украины стандартов в сфере права на свободные выборы, сформированные в судебной практике Европейского суда по правам человека по статье 3 Протокола первого Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Автор анализирует стандарты, которые касаются обеспечения субъективных избирательных прав человека, а именно прав избирать и быть избранным, стандартов проведения свободных выборов, а также толкования понятия «законодательный орган». В статье осуществлена попытка экстраполировать правовые позиции Европейского суда по правам человека в этой сфере на административное судопроизводство, с целью наработки рекомендаций для украинских административных судов по применению данных стандартов при разрешении административных споров, связанных с выборами.

Ключевые слова: административное судопроизводство, избирательные споры, практика Европейского суда по правам человека, право на свободные выборы.

PECULIARITIES OF IMPLEMENTATION IN THE ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS OF UKRAINE OF EUROPEAN STANDARDS IN THE FIELD OF THE RIGHT TO FREE ELECTIONS

Natalia POLYAKH,

Postgraduate Student at the Department of Administrative Law
of Yaroslav Mudryi National Law University

SUMMARY

The article is devoted to the study of the peculiarities of the implementation in the administrative proceedings of Ukraine of standards in the field of the right to free elections formed in the practice of the European Court of Human Rights under Article 3 of the First Protocol of the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. The author analyzes standards that relate to the provision of subjective electoral rights, namely, the right to elect and be elected, the standards for holding free elections and the interpretation of the concept of «legislative body». The article attempts to extrapolate the legal positions of the European Court of Human Rights in this area to administrative proceedings in order to give recommendations to Ukrainian administrative courts to use these standards in the process of resolving administrative disputes.

Key words: administrative proceedings, electoral disputes, practice of the European Court of Human Rights, right to free elections.

Постановка проблемы. Свободные, прозрачные и справедливые выборы являются важной составляющей эффективного функционирования любого демократического общества. Демократическое государство, по мнению В. И. Манукяна, предполагает наличие

определенных механизмов, обеспечивающих участие народа в формировании органов власти [1, с. 471]. Выборы, в этой связи, являются одним из важнейших демократических институтов. Именно предусмотренное в Разделе III Конституции Украины [2] избиратель-

ное право, обеспечивает возможность широким массам населения влиять на избрание представительских органов власти путем голосования на выборах или самостоятельного выдвижения кандидатами на выборах. Это право создает определенные гарантии того, что государственная власть не будет узурпирована и в случае нарушения ею закона или прав человека будет обеспечена сменяемость правящей элиты. Таким образом, обеспечение свободных выборов является важным условием функционирования демократии, а также опосредованно влияет на обеспечение в государстве прав человека и действие верховенства права.

Актуальность темы исследования. Не удивительно, что положение о выборах было отобразено и в тексте Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция) [3]. Так, в статье 3 Протокола первого Конвенции речь идет о том, что Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются проводить с разумной периодичностью свободные выборы путем тайного голосования на таких условиях, которые обеспечивали бы свободное волеизъявление народа при выборе органов законодательной власти [3]. Указанная статья на первый взгляд может показаться довольно абстрактной и такой, что возлагает на государство лишь позитивное обязательство проводить выборы. Тем не менее, Европейский суд по правам человека (далее – ЕСПЧ, Суд) в своей прецедентной практике сформировал ряд прикладных стандартов в сфере свободных выборов, которые однозначно выходят за рамки буквального толкования вышеуказанной нормы.

В силу особенностей украинской правовой системы, практика ЕСПЧ в сфере права на свободные выборы является обязательной для отечественного административного судопроизводства и должна применяться административными судами как источник права. Указанный вывод можно сделать исходя из анализа нескольких нормативно-правовых актов. Прежде всего, в Законе Украины «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года и протоколов к ней» № 475/97-ВР от 17 июля 1997 года, указывается, что Украина признает юрисдикцию ЕСПЧ во всех

вопросах, которые касаются толкования и применения Конвенции [4]. В ст. 17 Закон Украины «Об исполнении решений и применении практики Европейского суда по правам человека» № 3477-IV от 23 февраля 2006 года указывается, что суды применяют при рассмотрении дел Конвенцию и практику ЕСПЧ как источник права [5]. Кроме того, в ч. 2 ст. 6 Кодекса административного судопроизводства Украины (далее – КАС Украины) указывается, что административные суды применяют принцип верховенства права с учетом судебной практики ЕСПЧ [6].

Таким образом, актуальным вопросом для отечественной административно-правовой науки является исследование судебной практики ЕСПЧ в сфере права на свободные выборы и анализ особенностей реализации в административном судопроизводстве указанных европейских стандартов, которые позволяют обеспечивать свободные, прозрачные и справедливые выборы.

Состояние исследования. В украинской правовой доктрине анализ права на свободные выборы в практике ЕСПЧ проводился довольно редко. Частично данная проблематика рассматривалась в трудах таких ученых: А. С. Бакумов, С. В. Шевчук, В. И. Манукян, Т. И. Дудаш, И. М. Жуков и другие. Научные работы, которые посвящены вопросам реализации в административном судопроизводстве Украины вышеуказанных стандартов, встречаются еще реже. Единичные исследования в этой сфере проводили Т. И. Фулей, М. И. Смокович, А. В. Константы и др. Таким образом, теоретическая и прикладная актуальность проведения исследования особенностей реализаций в административном судопроизводстве стандартов ЕСПЧ в сфере права на свободные выборы не вызывает сомнений.

Целью и задачей статьи является изучение прецедентной практики ЕСПЧ в контексте права на свободные выборы и характеристика основных требований и стандартов в этой сфере, которые должны учитываться административными судами при рассмотрении избирательных споров. Для достижения этой цели в работе будет проведен анализ основных понятий, заложенных в содержание статьи 3 Протокола первого Конвенции, а также будет сделана попытка разработки рекомендаций

для отечественных административных судов по применению указанных стандартов непосредственно в их судебной практике.

Изложение основного материала.

В соответствии с п. 6 ч. 1 ст. 19 КАС Украины, юрисдикция административных судов распространяется на дела о публично-правовых спорах, связанных с избирательным процессом или с процессом референдума. Указанные положения свидетельствуют о том, что административные суды, в силу требований административного процессуального законодательства, уполномочены решать споры, которые возникают, как правило, между субъектами властных полномочий и частными лицами в сфере избирательного процесса. Следует отметить, что в данной категории дел, впрочем как и в остальных категориях, заданием административных судов является справедливое, беспристрастное и своевременное разрешение указанных споров с целью эффективной защиты прав, свобод и законных интересов физических лиц, прав и интересов юридических лиц от нарушений со стороны субъектов властных полномочий (ч. 1 ст. 2 КАС Украины).

В статьях 273–279 КАС Украины также объединены нормы, регулирующие особенности рассмотрения дел, так или иначе связанных с выборами или референдумом. В силу своей специфики, подобные дела отнесены к категории «срочных» и рассматриваются в особом порядке. Тем не менее, если обратиться к анализу судебной практики украинских административных судов, то можно увидеть, что они довольно редко обращаются к решениям ЕСПЧ в сфере права на свободные выборы при разрешении избирательных споров. Более того, очень часто ссылки на ключевые решения ЕСПЧ по статье 3 Протокола первого Конвенции применяются к другим категориям дел, например, к спорам граждан с Пенсионным фондом Украины, что не является нарушением, но в то же время является не совсем эффективным и целесообразным подходом [7; 8].

Чтобы надлежащим образом понять механизм применения положений указанной статьи в административном судопроизводстве Украины необходимо проанализировать ее содержание и сферу применения. Следует отме-

тить, что судебная практика ЕСПЧ по статье 3 Протокола первого Конвенции, как указывает С. В. Шевчук, не является такой распространенной, как, например, по статье 6 или 10 Конвенции, или по статье 1 Протокола первого [9, с. 771]. И с этим тезисом, безусловно, можно согласиться, так как практика ЕСПЧ в этом вопросе небольшая, а что касается судебной практики в делах против Украины, то можно будет выделить всего несколько ключевых решений, которые способны оказывать влияние на судебную практику отечественных судов.

Такая небольшая судебная практика ЕСПЧ связана, прежде всего, с тем, что указанная статья отходит от типичной структуры большинства статей, предусмотренных в Конвенции. Так, В. И. Манукян обращает внимание на то обстоятельство, что статья 3 Протокола первого Конвенции, если исходить из буквального толкования, предполагает активную роль государства, а не гарантирует какие-то фундаментальные права человека, как это обычно бывает в тексте Конвенции [1, с. 472]. Однако, как указывается в одном из первых решений ЕСПЧ, касающегося права на свободные выборы, которое было вынесено в деле «Матье-Моен и Клерфейт против Бельгии» от 2 марта 1987 года, Суд исходит из концепции, согласно которой эволюция права на свободные выборы прошла путь от понятия «институциональное» право на проведение свободных выборов к понятию «всеобщего избирательного права», а далее, постепенно, – к понятию субъективных прав участия: «права голоса» и «права выдвигать свою кандидатуру при выборах органа законодательной власти» [10].

Такая тенденция в подходе к толкованию права на свободные выборы была сохранена Судом и в дальнейшей судебной практике. В результате конкретизации статьи 3 Протокола первого Конвенции, как утверждает Т. И. Дудаш и многие другие исследователи, были сформулированы три основных элемента содержания указанного конвенционного положения:

1. Субъективное право голосовать, а также выдвигать себя кандидатом (то есть право избирать и быть избранным);
2. Стандарты проведения выборов;
3. Понимание понятия «законодательный орган» [11, с. 406].

Таким образом, следует провести краткий анализ основных правовых позиций ЕСПЧ в вышеуказанных сферах с целью понять основной посыл Суда в контексте права на свободные выборы, которым должны руководствоваться отечественные административные суды при разрешении избирательных споров.

Анализируя право на свободные выборы в целом, и его субъективный аспект – в частности, следует отметить, что ЕСПЧ в этом контексте исходит из того, что данные права не носят абсолютного характера. Суд делает такой вывод, поскольку в статье 3 Протокола первого Конвенции субъективные избирательные права признаются, но не названы и тем более не определяются. Поэтому ЕСПЧ признает существование возможности для имплицитных ограничений указанных прав. Суд также обращает внимание на то, что в правовых системах государств-участников право голоса и избираемость обуславливаются рядом моментов, которые в принципе не противоречат статье 3 Протокола первого Конвенции. Таким образом, Суд признает значительные пределы усмотрения государства в данной сфере [10].

Некий конфликт установления границ между усмотрением государства в ограничении права на свободные выборы в силу особенностей национальной правовой системы и правовыми позициями ЕСПЧ в вопросах необходимости обеспечения указанного права можно продемонстрировать на примере определенных противоречий, которые сложились при рассмотрении Судом ряда дел против Соединенного королевства. Все они касались ограничений, которые существовали в британском законодательстве, и устанавливали запрет на участие в выборах лицам, которые отбывают наказания в местах заключения.

Так, например, в решении ЕСПЧ «Хирст против Соединенного Королевства», заявитель обжаловал лишение его, как лица, отбывающего наказание в тюрьме, права на участие в выборах в парламент и местные органы власти. Власти Соединенного Королевства, в свою очередь, считали, что наличие такой нормы в национальном законодательстве является результатом осознанной политики государства, которая

полностью одобряется британским парламентом. В этом деле Суд признал нарушение требований статьи 3 Протокола первого Конвенции, но также обратил внимание на то, что подобные вопросы относятся к той сфере, где национальным законодательным органам предоставляется значительное усмотрение. Они должны самостоятельно определять, является ли ограничение избирательных прав заключенных обоснованным в современных условиях, и если являются, то каким образом необходимо устанавливать баланс при вмешательстве в него государства [12].

В целом следует отметить, что ЕСПЧ более внимательно и осторожно подходит к выработке правовых позиций в вопросе ограничения активного избирательного права, то есть права голосовать на выборах. В противовес этому, в вопросе пассивного избирательного права ЕСПЧ предоставляет государству большую свободу усмотрения. В этой связи суд учитывает многообразие положений, предусмотренных в конституциях и в избирательном законодательстве многих государств Совета Европы. Это многообразие демонстрирует разнообразие возможностей в этой сфере. Таким образом, ЕСПЧ указывает, что с целью соблюдения статьи 3 Протокола первого Конвенции, любое законодательство о выборах должно быть оценено ним в свете политического развития страны, поскольку признаки, неприемлемые в контексте одной системы, могут быть оправданы в контексте другой [13].

Более того, в решении «Мельниченко против Украины» Суд прямо указывает на то, что им допускается возможность применения более строгих требований к возможности человека быть избранным в парламент, чем в его возможности голосовать на выборах [13]. Таким образом, ЕСПЧ, признавая ограниченность своих полномочий в плане проверки норм национального законодательства, которое устанавливает ограничения пассивного избирательного права, все же оставляет за собой права в каждом отдельном деле устанавливать совместимость подобных ограничений с правом заявителей выступать кандидатами на выборах [13].

В случае с делом «Мельниченко против Украины», ЕСПЧ как раз и признал, что Центральная избирательная

комиссия Украины нарушила право заявителя на свободные выборы, когда отказала ему в регистрации кандидата в народные депутаты Украины по причине того, что его прописка на территории Украины не совпадала с фактическим местом проживания в США, где заявитель получил политическое убежище. Суд акцентировал внимание на «критерий особенной ситуации заявителя», как его определяет С. В. Шевчук [9, с. 779]. Этот критерий состоял в том, что на национальном уровне не было учтено особенной ситуации заявителя, который мог быть подвергнут преследованию в связи со своей политической деятельностью. Напомним, что М. И. Мельниченко был замешан в так называемом «кассетном скандале», после которого тогдашнего Президента Украины Л. Д. Кучму начали обвинять в причастности к убийству журналиста Георгия Гонгадзе. ЕСПЧ в своем решении указал на то обстоятельство, что заявитель мог сослаться на аргумент политического преследования как на объективный, так как у него действительно были основания считать, что его жизни угрожает опасность [13].

Таким образом, несмотря на то, что ЕСПЧ признает широкое усмотрение национальных судов в решении вопросов легитимности ограничений пассивного избирательного права, все же административные суды должны учитывать практику Суда по статье 3 Протокола первого Конвенции. Они должны исходить из того, что правовая позиция ЕСПЧ в вышеупомянутой сфере исходит из понимания, что подобные ограничения не должны быть чрезмерными и подрывать право на свободные выборы.

Следующим важным моментом в данной сфере есть формирование Судом в своей прецедентной практике стандартов проведения выборов. По сути, в указанном контексте сосредоточена институциональная составляющая права на свободные выборы, которая выдвигает определенные требования к справедливости избирательной системы. Исходя из практики ЕСПЧ, на государства в этой связи возлагаются следующие обязанности:

1. Обязательство принимать позитивные меры для «организации» демократических выборов;

2. Использовать значительные пределы усмотрения в вопросах ограничения субъективных избирательных прав, которые не должны ограничивать данные права до такой степени, чтобы они теряли реальное содержание. Также эти ограничения должны преследовать правомерную цель, а используемые государствами средства должны быть соразмерными;

3. Не препятствовать «свободному волеизъявлению народа при выборе законодательной власти» в процессе применения ограничений субъективных избирательных прав;

4. Обеспечить такую избирательную систему, при которой будет гарантировано равенство всех граждан при осуществлении ими права голоса и права выставлять свою кандидатуру на выборах.

Также следует обратить внимание на то, что в целях применения статьи 3 Протокола первого Конвенции любая избирательная система должна оцениваться в свете политического развития страны, и поэтому определенные ее детали, недопустимые в рамках одной системы, могут быть оправданы в другой, по крайней мере при том условии, что действующая система обеспечивает «свободное волеизъявление народа при выборе законодательной власти» [10].

Украинские административные суды в своей практической деятельности обязаны учитывать эти институциональные требования, которые толкуются в ряде решений ЕСПЧ, таких как: «Матье-Моен и Клерфейт против Бельгии» от 02.03.1987 г. [10]; «Коммунистическая партия России и другие против России» от 19.09.2012 г. [14]; «Объединенная коммунистическая партия Турции против Турции» от 30.01.1998 г. [15]; «Мэтью против Соединенного Королевства» от 18.02.1999 г. [16] и многих других.

В завершение следует затронуть проблематику, к которой часто обращается ЕСПЧ, когда утверждает, что действие статьи 3 Протокола первого Конвенции распространяется лишь на выборы «законодательной власти» или, по крайней мере, одной из ее палат, если их две или более. Под термином «законодательная власть» ЕСПЧ не обязательно подразумевает только парламент страны. Он указывает на то, что данное понятие следует толковать, исходя из конституционного устройства

конкретного государства [10]. Таким образом, необходимо провести краткий анализ судебной практики ЕСПЧ в вопросах толкования понятия «законодательный орган», которое применяется в содержании статьи 3 Протокола первого Конвенции.

Как указывает И. М. Жуков, можно сделать три главных вывода, которые будут характеризовать позицию ЕСПЧ в вопросах толкования понятия «законодательный орган», а именно:

1. Под этим понятием понимается, прежде всего, национальный парламент государства, но не всегда все должно сводиться к этому институту. Если конституцией государства установлен другой орган, который «наделен самостоятельными полномочиями по принятию актов, которые имеют силу законов», то Суд будет рассматривать его как «законодательный орган» в контексте статьи 3 Протокола первого Конвенции;

2. Если речь идет о национальном парламенте, то это не означает, что указанное понятие будет применено ко всем палатам указанного органа. Логике такого требования И. М. Жуков объясняет желанием разработчиков Протокола первого поставить под сомнение легитимность верхних палат парламентов, которые формируются неизбирательным путем;

3. Понятие «законодательный орган» не применяется в контексте проведения референдума, выборов в местные органы власти, которые не наделены первичными нормативными функциями. Кроме того, указанное понятие не распространяется на институт президента, даже если президент республики наделен полномочиями издавать декреты и приказы, а также подписывать или отклонять законодательные акты, которые принимаются парламентом [17, с. 292-294].

Таким образом, украинским административным судам обязательно в своей практике нужно учитывать вышеуказанную позицию ЕСПЧ в вопросах толкования понятия «законодательный орган», что позволит им правильно определить сферу применения положений статьи 3 Протокола первого Конвенции и судебной практики ЕСПЧ по ее применению при разрешении административных споров, которые касаются выборов.

Выводы. Следует признать, что украинские административные суды довольно редко обращаются к положениям Конвенции и практики ЕСПЧ в вопросах обеспечения права на свободные выборы. Эту тенденцию, безусловно, необходимо изменять в силу того, что к юрисдикции административных судов относятся разнообразные категории дел, связанные с избирательным процессом. Применение в административном судопроизводстве Украины практики ЕСПЧ по статье 3 Протокола первого Конвенции при рассмотрении этих категорий дел, позитивно повлияет на уровень защищенности субъективных избирательных прав граждан, а также позволит Украине в целом более эффективно выполнять свои международные обязательства по обеспечению проведения свободных выборов законодательной власти.

В этой связи административным судам целесообразно учитывать стандарты права на свободные выборы, сформированные ЕСПЧ, при вынесении решений в вышеупомянутой категории административных делах. Такими стандартами есть, например, требования к надлежащему применению государством усмотрения при ограничении субъективных избирательных прав граждан. Подобные ограничения должны быть пропорциональными и не подрывать права на свободные выборы. Кроме того, административные суды обязаны учитывать данную практику ЕСПЧ при проверке выполнения государством обязательств по надлежащему обеспечению стандартов проведения выборов. И, конечно же, необходимо понимать, что сфера применения указанных положений ограничена понятием «законодательный орган», толкование которого также нужно учитывать при осуществлении административного судопроизводства.

Список использованной литературы:

1. Манукян В. И. Страсбургское право. Европейский суд по правам человека. Право, практика, комментарий. Харьков: Право, 2017. 600 с.
2. Конституция Украины: Закон Украины від 28.06.1996 р. № 254к/96-ВР. Відомості Верховної Ради України. 1996. № 30. Стаття 141.

3. Конвенція про захист прав людини і основоположних свобод: міжнародний документ від 4 листопада 1950 р. Офіційний вісник України. 1998. № 13–32. С. 270.

4. Про ратифікацію Конвенції про захист прав людини і основоположних свобод 1950 року, Першого протоколу та протоколів № 2, 4, 7 та 11 до Конвенції: Закон України від 17.07.1997 № 475/97-ВР. Голос України від 24.07.1997.

5. Про виконання рішень та застосування практики Європейського суду з прав людини: Закон України від 23.02.2006 № 3477-IV. Голос України. 2006. №62.

6. Кодекс адміністративного судочинства України: Закон України від 06.07.2005 р. № 2747-IV. Голос України. 2005. №158.

7. Рішення Хмельницького окружного адміністративного суду у справі № 822/1129/18 від 25 квітня 2018 року. Єдиний державний реєстр судових рішень. 2018. URL: <http://www.reyestr.court.gov.ua/Review/73690908>.

8. Рішення Львівського окружного адміністративного суду у справі № 813/1241/18 від 23 травня 2018 року. Єдиний державний реєстр судових рішень. 2018. URL: <http://www.reyestr.court.gov.ua/Review/74195337>.

9. Шевчук С. В. Судовий захист прав людини: Практика Європейського Суду з прав людини у контексті західної правової традиції. Вид. 3-тє. К.: Реферат, 2010. 848 с.

10. Mathieu-Mohin and Clerfayt v. Belgium, 2 March 1987, Series A no. 113. HUDOC. 1987. URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{"fulltext":\["Mathieu-Mohin and Clerfayt v. Belgium, 2 March 1987"\],"documentcollectionid2":\["GRANDCHAMBER","CHAMBER"\],"itemid":\["001-57536"\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{).

11. Дудаш Т. І. Практика Європейського суду з прав людини: навч. посіб. 3-тє вид., стереотипне. К.: Алерта, 2016. 488 с.

12. Hirst v. United Kingdom (No 2) (2005) ECHR 681. HUDOC. 2005. URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{"fulltext":\["HIRST"\],"documentcollectionid2":\["GRANDCHAMBER","CHAMBER"\],"itemid":\["001-70442"\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{).

13. Мельниченко проти України (заява №17707/02): Рішення Європейського суду з прав людини від 19.10.2004 р. Офіційний вісник України. 2005. № 21. С. 265, стаття 1182.

14. Коммунистическая партия России и другие против России от 19.09.2012 г. HUDOC. 2012. URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{"fulltext":\["Communist Party of Russia and Others vRussia"\],"documentcollectionid2":\["GRANDCHAMBER","CHAMBER"\],"itemid":\["001-119731"\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{).

15. Объединенная коммунистическая партия Турции против Турции от 30.01.1998 г. HUDOC. 1998. URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{"fulltext":\["«Объединенная коммунистическая партия Турции против Турции»"\],"documentcollectionid2":\["GRANDCHAMBER","CHAMBER"\],"itemid":\["001-104187"\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{).

16. Мэтью против Соединенного Королевства» от 18.02.1999 г. HUDOC. 1999. URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#{"dmdocnumber":\["696787"\],"itemid":\["001-58910"\]}](https://hudoc.echr.coe.int/eng#{).

17. Теорія та практика застосування Конвенції про захист прав людини та основоположних свобод: компендіум / За заг. ред. О. В. Сердюка, І. В. Яковюка. Харків: Право, 2017. 374 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Полях Наталья Анатольевна – аспирант кафедры административного права Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Polyakh Natalia Anatolyevna – Postgraduate Student at the Department of Administrative Law of Yaroslav Mudryi National Law University

polyakhnataliya@gmail.com

УДК 342.95

ОСОБЕННОСТИ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ЛИЧНОГО ДОСМОТРА В УКРАИНЕ И ОПЫТ ЗАРУБЕЖНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

Анатолий ПУГАЧ,

соискатель Научно-исследовательского института публичного права

АННОТАЦИЯ

В статье проанализированы особенности правового регулирования вопросов личного досмотра в различных производствах по делам о правонарушениях, как в Украине, так и в странах ближнего зарубежья, в том числе выявлены недостатки национального регулирования, проанализированы и предложены пути их устранения на основании позитивного опыта зарубежных стран.

Ключевые слова: административное правонарушение, личный обыск, обыск, поверхностная проверка, личный досмотр и досмотр вещей, полиция, понятый, специальный прибор или средство.

PECULIARITIES OF REGULATION OF PERSONAL EXAMINATION IN UKRAINE AND EXPERIENCE OF FOREIGN SIMULATION

Anatoliy PUGACH,

Applicant of the Research Institute of Public Law

SUMMARY

The article analyzes the peculiarities of the legal regulation of the issues of personal search in various proceedings in cases of offenses both in Ukraine and in the near abroad, including the shortcomings of the national regulation, and ways of their elimination based on the positive experience of foreign countries have been analyzed and suggested.

Key words: administrative offense, personal search, search, surface inspection, personal search and inspection of things, police, witness, special device or means.

Постановка проблемы. Третий год в правовом поле Украины действует Закон «О Национальной полиции», однако введение его в действие спровоцировало ряд нестыковок с ранее действующим законодательством, в том числе, административным. В первую очередь, это породило множество вопросов, связанных с отсутствием четкого нормативного алгоритма и разграничения такой превентивной меры, как «поверхностная проверка», предусмотренного в ст. 34 Закона Украины «О Национальной полиции» [1], и меры обеспечения производства по делам об административных нарушениях – ст. 264 «Личный досмотр и досмотр вещей», предусмотренной Кодексом Украины об административных правонарушениях (далее – КУоАП) [2], а также других вопросов, связанных с наличием в законодательстве однотипных, но не согласованных между собой понятий мер принудительного характера.

Актуальность исследования. Актуальным является вопрос об обеспечении проведения поверхностной проверки и личного досмотра полицейскими по делам, связанными

с административным или уголовными правонарушениями, поскольку первое не исключает второго на стадии предварительной квалификации. Поскольку данные меры в той или иной ситуации могут быть либо полицейскими, либо мерами обеспечения административного производства, возникает вопрос об их разграничении. В связи с тем, что они затрагивают тематику ограничения личных неимущественных прав, актуальным является определение правовых оснований и, собственно, уместность применения полицейскими подобных мер, а также технических средств, с помощью которых они осуществляются.

Состояние исследования. В науке проблемы обеспечения производства по делам об административных нарушениях являются предметом внимания ряда ученых, среди которых С.С. Алексеев, Д.М. Бахрах, О.М. Бандурка, Ю.П. Битяк, В.М. Горшенев, И.П. Голосниченко, А.Р. Кирсанов, В.К. Колпаков, О.В. Кузьменко, О.И. Остапенко, В.Д. Сорокин, А.В. Джафарова, А.Е. Голубев, В.А. Иванцов, С.А. Шатрава и другие.

Цель и задачи исследования.

Цель исследования состоит в анализе особенностей нормативно-правовой регламентации процедур поверхностной проверки и личного досмотра по законодательству Украины, а также ее сравнения с аналогичными процедурами в странах ближнего зарубежья. Для достижения этих целей необходимо решить такие задачи, как изучение особенностей нормативно-правового регулирования законных оснований проведения личного досмотра и поверхностной проверки согласно законодательству Украины, а также предложение научно обоснованных механизмов усовершенствования законодательства.

Изложение основного материала.

Так, на сегодняшний день в национальном законодательстве среди прочих представлены такие меры, связанные с осмотром лица, как «Личный досмотр и досмотр вещей», являющаяся административной мерой пресечения с заполнением процессуального документа уполномоченным лицом в результате совершенного правонарушения, то есть составляется протокол или

об этом делается соответствующая запись в протоколе об административном правонарушении или протоколе об административном задержании.

Кроме того, в законодательстве Украины существует такие понятия как «обыск» лица (ч. 3 ст. 208, ч. 5 ст. 236 Уголовного процессуального кодекса (далее – УПК) Украины) и «личный обыск» (ч. 8 ст. 191, ч. 6 ст. 208 УПК Украины) [3].

И также «Поверхностная проверка», которая является мерой превентивного полицейского характера и реализуется для осуществления визуального досмотра лица путем проведения по поверхности одежды лица рукой, специальным прибором или средством. Указанная мера осуществляется с целью предотвратить правонарушение, однако никакого процессуального документа уполномоченное лицо не составляет. Особенностью поверхностной проверки является и тот факт, что только она может предшествовать предыдущим видам досмотра.

Стоит отметить, что эти меры имеют разные цели и результат их применения, а их механизм осуществления прописан в законодательстве. Так, поверхностная проверка осуществляется тремя способами: 1) зрительного контакта – визуальный досмотр правонарушителя; 2) путем телесного контакта – проведением рукой уполномоченного лица по одежде; 3) бесконтактно – с помощью технического оборудования. Казалось бы, потенциально из этих трех способов осуществления поверхностного досмотра только тактильный контакт с правонарушителем может нанести вред достоинству личности по сравнению с бесконтактным и зрительным способом. Однако безосновательная проверка или нарушение такой процедуры несут опасность в виде снижения уровня правосознания в обществе, циничного попрания основополагающих прав человека и правовой нигилизм в конечном итоге.

Итак, одной из важных правовых гарантий является требование проведения поверхностной проверки и личного досмотра лицом уполномоченным того же пола, что и подозреваемый правонарушитель, а личный досмотр – еще и в присутствии двух понятых того же пола. Причем пробелом в КУоАП несомненно является отсутствие регламен-

тации статуса понятого такого участника по делу об административных правонарушениях, хотя его присутствие является обязательным во время досмотра лица (по статье 264 КУоАП). Так, в Главе 21 «Лица, участвующие в производстве по делу об административном правонарушении» КУоАП вообще не предусмотрено понятия «понятой», в связи с чем вообще непонятно, как он может учувствовать в рассмотрении дела об административной ответственности.

К примеру, в части 5 статьи 340 «Личный досмотр» Таможенного кодекса Украины указывается, что личный досмотр является исключительной формой таможенного контроля и проводится в изолированном помещении отвечающем установленным санитарно-гигиеническим требованиям должностным лицом органа доходов и сборов одного пола с гражданином, в отношении которого проводится личный досмотр, в присутствии не менее двух понятых того же пола [4]. В качестве понятых приглашаются лица, не заинтересованные в результатах досмотра. Понятыми не могут быть родственники лица, подлежащего личному досмотру, и работники органов доходов и сборов. Доступ в помещение, где проводится досмотр, граждан, не участвующих в нем, и возможность наблюдать за проведением досмотра со стороны таких граждан должны быть исключены. Обследование органов тела гражданина, подлежащего личному досмотру, проводится исключительно медицинским работником.

Сам же статус понятых предусмотрен в статье 505 «Понятые по делу о нарушении таможенных правил» указанного выше кодекса и ними являются лица, которые привлекаются к участию в проведении процессуальных действий по делу о нарушении таможенных правил. В качестве понятых приглашаются лица, не заинтересованные в деле. Понятым не может быть родственник лица, привлекаемого к административной ответственности за нарушение таможенных правил, его представитель, а также работники органов доходов и сборов.

Институт понятых предусмотрен и в УПК Украины, причем, в основных понятиях кодекса (пункт 25 статьи 3): «участники уголовного судо-

производства – стороны уголовного производства <...> понятой <...>», а в статье 225 этого кодекса требования к проведению следственных действий: «Следователь, прокурор обязан пригласить не менее двух незаинтересованных лиц (понятых) для предъявления лица, трупа или вещи для опознания; осмотра трупа, в том числе связанного с эксгумацией; следственного эксперимента; освидетельствования лица <...>», а также требование к понятым, которыми «не могут быть потерпевший, родственники подозреваемого, обвиняемого и потерпевшего, работники правоохранительных органов, а также лица, заинтересованные в результатах уголовного производства» [3].

Изучение теории и практики уголовного производства в Украине позволяет выделить несколько условий личного обыска лица: во-первых, при задержании его в порядке статьи 208 УПК Украины и во-вторых, при проведении обыска жилища или иного владения лица. То есть, по национальному законодательству речь идет о задержании лица, которое «застигнуто при совершении преступления или покушения на его совершение; если непосредственно после совершения преступления очевидец, в том числе потерпевший, или совокупность очевидных признаков на теле, одежде или месте происшествия указывают на то, что именно этот человек только совершил преступление; если есть обоснованные основания полагать, что возможно бегство с целью уклонения от уголовной ответственности лица, подозреваемого в совершении тяжкого или особо тяжкого коррупционного преступления, отнесенного законом к подследственности Национального антикоррупционного бюро Украины, а также если есть достаточные основания полагать, что лица, которые находятся в помещении или ином владении прячут при себе предметы или документы, имеющие значение для уголовного производства). В обоих случаях должны соблюдаться требования присутствия двух понятых того же пола (часть 7 статьи 223 и часть 5 статьи 236 УПК Украины).

Хотя и на практике, и в теории, тяжело установить четкие границы «заинтересованности» понятого, поскольку это условное понятие, для КУоАП целесообразно включение института

понятых в нормативно-правовую часть. В этой связи непременно стоит учесть и использовать позитивный опыт УПК Украины, которым исключается необходимость понятых в связи с применением технических средств фиксации соответствующего процедурного мероприятия.

Действительно, во время проведения поверхностной проверки, да и вообще во всех случаях исполнения полицейскими своих служебных функций, они обязаны включать свои нагрудные видеорегистраторы, которые и фиксируют на видео процесс применения ими данной превентивной меры. Этим, собственно, и обеспечивается законность проводимых ими действий, а также гарантируется доказательственная база в случае, если предположения о необходимости проверки подтверждаются. Так, в разделе 3 пункт 3.1 Приказа Департамента патрульной полиции НПУ от 03.02.2016 года № 100, которым утверждены «Инструкция о порядке хранения, выдачи, приема, использования нагрудных видеокамер (видеорегистраторов) работниками патрульной полиции и доступ к видеозаписям из них» закреплено положение, по которому патрульный полицейский обязан активировать нагрудную камеру (видеорегистратор) и находится в режиме видеозаписи при каждом контакте с лицами, в том числе, во время совершения поверхностной проверки, ареста или задержания лица [5].

Совсем иная ситуация с подобной по содержанию мерой обеспечения производства по делам об административном правонарушении, как личный досмотр. Тут действия по телесному контакту в принципе ничем неограничены, поскольку не предусмотрены и не конкретизированы в КУоАП. Однако обязательность во время личного досмотра привлечения для присутствия двух понятых или же возможность ведения фото- или видеосъемки, на наш взгляд должен иметь право решать сам правонарушитель. Об этом своем решении зафиксировать в протоколе задержания или протоколе досмотра. При этом правонарушитель должен в письменном виде согласиться на использование информации о нем в соответствии с Законами Украины «Об информации» [6] и «О защите

персональных данных» [7]. Следует понимать, что полицейский во время личного досмотра именно прощупывает различные участки тела, что может унижить достоинство правонарушителя. Именно так, на наш взгляд, есть возможность с одной стороны обеспечить безопасность правонарушителя, с другой – безопасность досматривающего, которого иначе могли бы обвинить в пропаже ваших вещей или в подбрасывании улики. Именно правонарушитель, сохраняя свое достоинство, должен выбрать, как именно его досмотрят без унижения его чести и достоинства: с применением видео фиксации или же при посторонних лицах. Последнее гипотетически может вызывать даже больший дискомфорт, чем включенный видеорегистратор во время действий представителя власти.

Несмотря на то, что бесспорным достоянием в работе патрульной полиции в Украине, которые чаще всего прибегают к мерам обеспечения административного производства, являются нагрудные видео регистраторы, как показывает практика, во многих случаях они выключены полицейскими в силу того, что не хватает объема памяти, чтобы записывать всю смену. Возможность подключения нательных камер к «облачному» серверу позволила бы избежать этих проблем, сделала бы деятельность полиции более прозрачной и открытой, в том числе и потому, что уничтожить доказательство с сервера гораздо сложнее, чем механическим способом утилизировать устройство.

Конечно, данный вопрос влечет за собой решение технических проблем, а именно: необходимость иметь сертифицированные технические приборы для съемки и дальнейшего хранения информации. Но и здесь, учитывая, как далеко шагнул научно-технический прогресс и «облачные» технологии, данный вопрос не должен вызывать особых проблем. Информация не должна храниться более срока, предусмотренного на рассмотрение административных материалов. Тем более, что статья 267 КУоАП конкретного срока обжалования мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях не содержит, а стандартным сроком рассмотрения дела об административном правонару-

шении по статье 277 КУоАП является пятнадцатидневный срок со дня получения органом (должностным лицом), правомочным рассматривать дело, протокола об административном правонарушении и других материалов дела.

Такие недостатки административного законодательства очень часто приводят к злоупотреблениям со стороны уполномоченных лиц, несоблюдению прав человека при осуществлении досмотра в деятельности полиции.

Следует акцентировать внимание на том, что возможность и необходимость применения технических средств прописана в статье 34 Закона Украины «О Национальной полиции». Причем, поверхностная проверка при отсутствии лица того же пола, что и досматриваемое лицо, все равно будет применена с использованием специального прибора или средства. Вопрос в том, что перечень этих средств законодательством так же не определен, что дает возможность трактовать данную норму подобным образом. Предположительно, это может быть детектор металла для выяснения вопроса о незаконном оружии или же служебная собака, которая в соответствии с названным выше законом является «специальным средством» (статья 35) и может определить наличие наркотиков или других запрещенных предметов.

Однако данная норма предопределяет использование служебной собаки при: а) патрулировании; б) преследовании и задержании лица, подозреваемого в совершении уголовного преступления; в) во время конвоирования (доставки) задержанного или арестованного лица; г) для отражения нападения на гражданина и/или полицейского. В этой связи целесообразно в подпункте «б» пункта 12 статьи 35 Закона Украины «О Национальной полиции» расширить круг ее использования путем изменения словосочетания на «преследовании и задержании лица, подозреваемого в совершении административного или уголовного правонарушения» и предусмотреть подпункт д) «при проведении поверхностной проверки путем использования специального средства» [1].

Опыт моделирования административной процедуры «личного обыска задержанного» в Республике Беларусь (статья 8.6 Процессуально-исполни-

тельного кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях) свидетельствует о возможности применять подобную меру в целях обнаружения на теле или в одежде задержанного орудий и средств административного правонарушения, предметов, документов и ценностей, имеющих значение для административного процесса, проводится личный обыск задержанного. Как и в Украине, личный обыск задержанного проводится лицом того же пола, что и задержанный, с участием двух понятых того же пола. При этом в исключительных случаях при наличии достаточных оснований полагать, что при физическом лице находятся оружие или иные предметы, которые могут быть использованы для причинения вреда жизни и здоровью, личный обыск может быть произведен без понятых [8].

Подобные правовые требования должны принадлежать большинству кодексов, регламентирующих порядок личного досмотра, досмотра вещей, находящихся при физическом лице (статья 27.7 Кодекса об административных правонарушениях РФ). Примечательно, что указанная норма содержит возможность применения в исключительных случаях при наличии достаточных оснований полагать, что при физическом лице находятся оружие или иные предметы, используемые в качестве оружия, личный досмотр, досмотр вещей, находящихся при физическом лице, могут быть осуществлены без понятых, а также фото- и киносъемка, иные установленные способы фиксации вещественных доказательств, в случае необходимости применяются. Причем материалы, полученные при осуществлении личного досмотра с применением фото- и киносъемки, иных установленных способов фиксации вещественных доказательств, прилагаются к соответствующему протоколу [9].

Кодекс Республики Молдова о правонарушениях в статье 429 предусматривает основания для производства личного обыска и изъятия вещей и документов того органа, к чьей компетенции относится установление правонарушения. Личный обыск производится представителем одного пола с обыскиваемым, с участием при необходимости специалиста того же пола.

А при производстве обыска могут применяться технические средства, о чем делается соответствующая запись в протоколе [10].

Несколько иной представляется статья 92 «Личный досмотр, досмотр вещей, имеющихся при физическом лице» Кодекса Азербайджанской Республики об административных проступках, в которой законодатель не детализирует механизм досмотра, а только обозначает его цели – обнаружение предмета, явившегося орудием совершения или непосредственным объектом административного проступка, и условия – досмотр производится полномочным лицом одного пола с досматриваемым в присутствии двух понятых того же пола [11].

Выводы. Таким образом, во время производства по делам об административных правонарушениях следует отличать поверхностную проверку от личного досмотра, обыска и личного обыска по способу осуществления и характеру правоотношений. С точки зрения соблюдения законности, защиты прав и свобод человека большое значение имеет норма данной статьи о проведении досмотра с участием двух понятых одного пола с досматриваемым. Право проведения личного досмотра без участия понятых обусловлено необходимостью обеспечения как личной безопасности лиц, уполномоченных на проведение личного досмотра, так и безопасности других граждан. При проведении личного досмотра должны быть обеспечены безопасность и личное достоинство досматриваемого, правила санитарии и гигиены.

Опыт моделирования зарубежного законодательства в рассматриваемой сфере убеждает, что использование технических средств, в том числе, видеозаписи, а в нашем понятии – использование новых информационных технологий – безусловно имеет важное вспомогательное значение при применении мер обеспечения производства. С их использованием одновременно возникает потребность в защите информации информационных активов обеспечения производства, построения системы эффективных механизмов их защиты и постоянного мониторинга, анонимизации личных данных правонарушителя. Однако в условиях их

применения они способны повысить эффективность обеспечения производства по делам об административных правонарушениях.

Следует отметить, что для получения сведений информационного характера и оптимального принятия решений уполномоченными лицами нужно постепенно внедрять государственную электронную базу для накопления, обработки, хранения и защиты данных, связанных с совершением административных правонарушений, в том числе, персональных; биометрических систем распознавания лиц, которые интегрированы в правоохранительные системы и тому подобное.

Список использованной литературы:

1. Про Національну Поліцію: Закон України від 02 липня 2015 р. Відомості Верховної Ради України. 2015. № 40-41. Ст. 379.
2. Кодекс України про адміністративні правопорушення: Закон України. Відомості Верховної Ради Української РСР. 1984. Додаток до №51. Ст. 1122.
3. Кримінально-процесуальний кодекс України від 13 квітня 2012 р. № 4651-VI. URL: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/4651-17/print1521026505822979/>.
4. Митний кодекс України: зі змін та допов. станом на 15 лют. 2008 року. К.: ПРАВО, 2008. 138 с.
5. Інструкція про порядок зберігання, видачі, приймання, використання нагрудних відеокамер (відеореєстраторів) працівниками патрульної поліції та доступ до відеозаписів з них: Наказ Департаменту патрульної поліції НПУ від 03.02.2016 року № 100. URL: <https://www.slideshare.net/krapzen/03022016-100>.
6. Про інформацію: Закон України від 02 жовтня 1992 р. № 2657-XII. URL: <http://zakon0.rada.gov.ua/laws/main/2657-12>.
7. Про захист персональних даних: Закон України від 01 червня 2010 р. № 2297-VI. URL: <http://zakon0.rada.gov.ua/laws/main/2297-17>.
8. Кодексы Республики Беларусь. URL: <http://kodeksy.by/pikoap/statya-8.6>.
9. Кодекс об административных правонарушениях РФ. URL:

<http://www.kodap.ru/razdel-4/glava-27/st-27-7-koap-rf>.

10. Кодекс Республики Молдова о правонарушениях от 24 октября 2008 года №218-XVI. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=25958.

11. Кодекс Азербайджанской Республики об административных проступках. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=85141.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пугач Анатолий Владимирович – соискатель Научно-исследовательского института публичного права

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Pugach Anatoliy Vladimirovich – Applicant of the Research Institute of Public Law

aaobakar77@ukr.net

УДК 340:796(094.5)(478+477)

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗАКОНОВ МОЛДОВЫ И УКРАИНЫ «О ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ И СПОРТЕ»

Людмила РОМАНЕНКО,

соискатель кафедры административного права
Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу содержания законов Украины и Молдовы «О физической культуре и спорте». Исследованы особенности организации государственного управления и общие направления процесса развития физической культуры и спорта обеих стран на современном этапе. Установлено, что сфера физической культуры и спорта является одним из эффективных факторов обеспечения социальной и гуманитарной безопасности и стабильности этих стран. Рост уровня и качества жизни граждан зависит от качественных и последовательных преобразований и модернизации данной сферы.

Ключевые слова: физическая культура, физическое воспитание, спорт, Олимпийская Хартия, права граждан в сфере физической культуры и спорта, финансирование физической культуры и спорта, профессиональный спорт.

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE LAWS OF MOLDOVA AND UKRAINE «ABOUT PHYSICAL CULTURE AND SPORT»

Lyudmila ROMANENKO,

Applicant at the Department of Administrative Law
of Yaroslav Mudryi National Law University

SUMMARY

The article is devoted to the analysis of the Laws of Ukraine and Moldova «About physical culture and sports». The peculiarities of the organization of the state management and common directions of the process of development of physical culture and sport of both countries at the present stage are researched. It is established that the sphere of physical culture and sport is one of the most effective factors of ensuring social and humanitarian security and stability of these countries. The increase of the level and quality of life of citizens depend on the qualitative and consequent transformations and modernization of this sphere.

Key words: physical culture, physical education, sport, Olympic charter, the rights of citizens in the spheres of physical culture and sport, financing of physical culture and sport, professional sport.

Постановка проблемы. На основе анализа результатов мирового опыта и научных исследований [1; 2; 3; 4; 5] установлено, что в развитых странах мира большое значение придается развитию физической культуры и спорта, как фактора, способствующего эффективному и гармоничному развитию общества, требующего постоянной трансформации и усовершенствования нормативно-правовой базы государственного управления, организации результативной государственной политики в сфере физической культуры и спорта. Показателем комплексной законодательной деятельности ведущих

высокоразвитых стран мира, направленной на усовершенствование механизмов кадрового, материально-технического, медицинского, финансового, организационного и т.д. обеспечения деятельности этой сферы, является высокий уровень развития массового спорта, успехи и достижения на международной спортивной арене, высокие социальные стандарты и показатели, доступность физкультурно-оздоровительных и спортивных услуг для всех слоёв населения.

Модернизация функционирования сферы физической культуры и спорта в Украине, преобразование деятельно-

сти в ней публичного управления невозможно без изучения и обобщения опыта других стран. В то время как широкий круг проблемных вопросов, связанных с соответствующим материально-техническим, финансовым, кадровым и др. обеспечением деятельности сферы физической культуры и спорта требует адекватного решения в Украине, в развитых странах мира накоплен и применяется практический соответствующий опыт. Внедрение опыта других стран в отечественную практику возможно при условии сохранения и развития тенденций отечественной физической культуры и спорта, достижений и ценностей украинской системы физической культуры и спорта.

Целью и задачей статьи является сравнительный анализ законов Украины и Молдовы «О физической культуре и спорте», в которых содержатся правовые, социальные и экономические основы организации и деятельности этой сферы, и внесение предложений о возможности дальнейшего регулирования сферы физической культуры и спорта в Украине.

Изложение основного материала. Закон Республики Молдова «О физической культуре и спорте» (далее Закон Молдовы) был принят 25 марта 1999 года [6]. В одиннадцати главах Закона рассмотрены общие положения, основы массового, дошкольного, школьного, спорта в системе высшего образования, физической культуры по месту работы, проживания и в местах отдыха населения, физическая и спортивная подготовка военнослужащих и сотрудников правоохранительных органов, физическая культура и спорт для инвалидов, спорт высших достижений и профессиональный спорт, обозначены основы функционирования спортивных подразделений, круг государственных гарантий и ответственности в сфере физической культуры и спорта и т.д.

Закон Украины «О физической культуре и спорте» (далее – Закон Украины) был принят 24 декабря 1993 года [7]. Он состоит из семи разделов (54 статей) и значительно шире по объёму, чем соответствующий Закон Молдовы.

Целью действия Законов является создание условий для развития физической культуры и спорта в стране,

содействие повышению физической активности населения, уровня спортивно-массовой работы, обеспечения идеологического и культурного развития общества. Развитие физической культуры и спорта, организация спортивно-массовой деятельности с целью улучшения физического состояния и физической подготовленности граждан являются приоритетными направлениями государства. В этих Законах обозначен ряд таких принципов государственного регулирования сферы: развитие физической культуры и спорта должно способствовать экономическому росту, укреплению национальной обороны, обеспечению развития общества; пропаганда должна быть направлена на популяризацию физической культуры и спорта среди широких масс населения; повышение государственных стандартов в данной сфере будет способствовать созданию условий для развития видов спорта, повышению уровня спортивных достижений; сфера физической культуры и спорта включается в общегосударственные планы развития; государство определяет политику и направления развития физической культуры и спорта; способствует предприятиям, организациям, учреждениям, гражданским организациям, гражданам в развитии и повышении эффективности функционирования физической культуры и спорта.

Прежде всего, следует обратить внимание на различные подходы к определению таких дефиниций, как «физическая культура» и «спорт». Закон Украины (ст. 1) использует термин «физическая культура» как деятельность субъектов сферы физической культуры и спорта, направленную на обеспечение двигательной активности людей с целью их гармоничного, прежде всего физического развития и осуществления здорового образа жизни. Одним из ее направлений выступает физическое воспитание различных групп населения. В свою очередь спорт – это деятельность субъектов сферы физической культуры и спорта, направленная на выявление и унифицированное сравнение достижений людей в физической, интеллектуальной и иной подготовках путём проведения спортивных соревнований и соответствующей подготовки к ним. Нетрудно

заметить, что предложенные дефиниции перенасыщены различными определениями, что затрудняет уяснение их смысла.

В противовес этому Закон Молдовы (ст. 1) закрепляет положение о том, что физическая культура является частью общей культуры общества и направлена на сохранение и укрепление здоровья, развитие физических, моральных и интеллектуальных качеств человека. Спорт, как часть физической культуры – специфическая сфера деятельности, цель которой – максимальное развитие возможностей человека в соревновательных условиях, в условиях спортивно-педагогического процесса. Одним из видов деятельности физической культуры и спорта является физическое воспитание.

В свое время С. В. Алексеев обратил внимание на то, что понятие «физическая культура» на Западе почти не употребляется. В зарубежных источниках термин «физическая культура» в его оздоровительном, рекреационном (восстановительном) аспектах объединяется понятием «спорт» [2]. Спортивная Хартия Европы (ст. 2) определяет спорт как все формы физической активности, которые через эпизодическое или организованное участие направлены на выражение или совершенствование физического и умственного состояния, формирование социальных отношений или достижение результатов в соревнованиях всех уровней. Тем самым закреплено понятие «спорт», исходя из самого широкого понимания этого термина, что, на наш взгляд, необходимо учесть при конкретизации указанных положений Законов.

Закрепляя права граждан в сфере физической культуры и спорта, ст. 3 Закона Украины, в отличие от ст. 2 Закона Молдовы, не предусматривает такую их гарантию, как обязанность государства финансировать обеспечение прав граждан. Сравнивая объём прав граждан в этой сфере, можно сделать вывод, что Закон Украины не содержит такие права, как право на предпринимательскую деятельность в этой сфере, на создание физкультурных и спортивных объединений и др.

С учетом Европейских стандартов ст. 15 Закона Молдовы определяет, что органы публичного управления, физкультурно-спортивные объединения

и клубы, национальные федерации, организации инвалидов создают для людей, утративших трудоспособность, физкультурно-оздоровительные учреждения со специальным оборудованием, а также обеспечивают особые условия для их занятий в публичных физкультурно-оздоровительных учреждениях, содействуют участию инвалидов в спортивных соревнованиях. В целях финансирования развития физической культуры и спорта для инвалидов из государственного и местного бюджетов предусмотрено выделение субсидий.

Ряд гарантий предусматривается Законом Молдовы для спортсменов-профессионалов с целью их интеграции в систему образования (ст. 17). Например, учебные заведения должны обеспечить таким спортсменам освобождение от занятий, продление экзаменационных сессий, приём без вступительных экзаменов – на условиях, оговариваемых в протоколе, заключаемом между центральными отраслевыми органами в области физкультуры и спорта и в области образования.

Особое внимание в Республике Молдова уделено правам иностранных граждан и лиц без гражданства в области физической культуры и спорта. Предоставляя им всю полноту прав, ст. 5 Закона, вместе с тем, ограничивает их право выступать в составе сборных команд Республики Молдова на международных соревнованиях. Нельзя, наконец, не отметить и запрет в Республике Молдова на рекламу спиртных напитков и табачных изделий, при проведении физкультурно-спортивных мероприятий, а также при их трансляции по телевидению и радио (ст. 4 Закона). Это свидетельствует о последовательном воплощении в сознание людей здорового образа жизни и его пропаганду.

Статья 26 Закона Украины закрепляет положение о том, что физическая культура в сфере образования имеет целью обеспечение развития физического здоровья учеников и студентов, комплексный подход к формированию умственных и физических способностей личности, усовершенствование физической и психологической подготовки к активной жизни, профессиональной деятельности на принципах индивидуального подхода, приоритета оздоровительной направленности, ши-

рокого использования различных способов и форм физического воспитания и массового спорта, непрерывности этого процесса на протяжении всей жизни. Предусмотрено, что в общеобразовательных и профессионально-технических учебных заведениях уроки по физической культуре являются обязательными и проводятся не менее трёх раз в неделю. Часть 2 ст. 12 Закона Молдовы содержит более развёрнутую норму: физическое воспитание является обязательной дисциплиной с определённым количеством занятий: а) пять раз в неделю – в системе дошкольного и начального образования; б) четыре раза в неделю – системе среднего образования; в) три раза в неделю – в системе высшего образования в течение всего срока обучения. Считаю целесообразным внести аналогичные положения в части закрепления количества занятий и название дисциплины, как обязательной исходя из низкого уровня физического здоровья детей, учеников и студенческой молодёжи, роста заболеваний и распространения алкоголизма, табачной, наркотической зависимости, игромании и т.п.

Статья 23 Закона Украины не содержит положений о статусе Национального олимпийского комитета, а ст. 23 Закона Молдовы устанавливает, что: Национальный олимпийский комитет является объединением, имеющим государственное значение, единственным в Республике Молдова, которое создано и действует на основании своего устава, разработанного в соответствии с требованиями Олимпийской хартии и законодательства. Действительно, Олимпийская хартия – это своего рода «Конституция» для всего мирового Олимпийского движения, положений которой должны строго придерживаться все ее участники. Она является одним из главных международно-правовых актов в сфере физического воспитания и спорта и преследует цель: поставить развитие физического воспитания и спорта на службу прогрессу человечества, содействовать их развитию и поощрять правительства, неправительственные компетентные организации, работников просвещения и отдельных лиц руководствоваться ею, распространять её и применять [8].

Несомненным достоинством Закона Молдовы является четкое закрепление источников государственного и местного финансирования физической культуры и спорта, а именно: а) ассигнования, предусмотренные государственным бюджетом; б) 25 процентов поступлений от проведения национальных спортивных мероприятий; в) 5 процентов поступлений в агентство "Loteria Moldovei"; г) пожертвования и поступления от спонсоров; д) суммы из специальных средств, не использованные в предыдущие финансовые годы. Одновременно местные физкультурно-спортивные подразделения обеспечивают финансирование местных программ из следующих источников: а) ассигнования, предусмотренные бюджетами административно-территориальных единиц; б) 20 процентов поступлений от проведения на данной территории спортивных мероприятий; в) пожертвования и поступления от спонсоров; г) суммы из специальных средств, не использованные в предыдущие финансовые годы.

Высокий уровень социальной защиты спортсменов высокого класса, являющихся гражданами Республики Молдова, обеспечивается ежемесячным пожизненным пособием в зависимости от достигнутого результата, а также дополнительными субсидиями за счёт средств центральных и местных отраслевых органов, для вознаграждения спортсменов – членов национальных сборных команд или команд, участвующих в национальных и международных соревнованиях (ст. 34 Закона). Следует обратить внимание на данную норму с тем, чтобы имплементировать её положения в наше законодательство.

Что касается предупреждения применения допинга в спорте, необходимо указать, что оба Закона содержат соответствующие статьи, например: ст. 52 Закона Украины «Антидопинговая деятельность в сфере физической культуры и спорта» и ст. 9 Закона Молдовы законодательно запрещают использование допинговых средств. Возможно, добавить в оба Закона следующее положение: «в случае лишения наград спортсменов международной спортивной организацией за нарушения Антидопингового законодательства на соревнованиях международного уровня, выплаченные спортсменам

и тренерам денежные вознаграждения и стипендии, полученные за спортивный результат на таких соревнованиях, подлежат возврату в государственный бюджет».

На сегодняшний день актуальным является урегулирование агентской деятельности в спорте. Их функции фактически сосредоточены на составлении договоров, администрировании и на различных видах юридического и экономического представительства. Необходимо определить их статус на законодательном уровне, обозначив спортивных агентов среди других участников деятельности в профессиональном спорте.

Наряду с указанными Законами и в Украине, и в Молдове действуют соответствующие программы развития физической культуры и спорта: «Стратегия развития физической культуры и спорта в Республике Молдова на период 2013-2020 гг.» и «Государственная целевая социальная программа развития физической культуры и спорта на период до 2020 года» в Украине. Целью программ является признание ведущей роли физической культуры и спорта как важнейшего фактора здорового образа жизни, профилактики заболеваний, формирования гуманистических ценностей, создания условий для всестороннего гармоничного развития человека, выявления резервных возможностей организма, воспитание патриотических чувств у граждан и позитивного имиджа страны в мировом сообществе [9; 10]. Все программные мероприятия направлены на привлечение каждого гражданина к ежедневным занятиям физической культурой и спортом, возможность заниматься спортом членам семьи вместе, обязательное прохождение ежегодного медицинского осмотра и т.д.

Развитие физической культуры и спорта предусматривает гармонизацию усилий органов исполнительной власти, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества для проведения реформы в сфере физической культуры и спорта. Ее целью является построение Европейской модели отношений между органами государственной власти и гражданскими объединениями физкультурно-спортивной направленности, повышение уровня публичности и прозрачности

деятельности органов исполнительной власти, автономии спортивных федераций, определения принципов приоритетности видов спорта, усовершенствование национального антидопингового законодательства [9].

Так, в Украине согласно Дорожной карты реформ сферы физической культуры и спорта – 2020, проводится эксперимент по привлечению Министерством молодежи и спорта всеукраинских спортивных федераций по отдельным олимпийским видам спорта к организации и проведению спортивных мероприятий. Указом Президента Украины от 9 февраля 2016 года утверждена Национальная стратегия оздоровительной двигательной активности в Украине на период до 2025 года «Двигательная активность – здоровый способ жизни – здоровая нация». Ее разработка базируется на рекомендации Всемирной организации охраны здоровья, Совета Европы, Европейского Союза, нормах национального законодательства. Исходя из них государство должно обеспечить формирование и реализацию многовекторной, комплексной политики привлечения граждан к оздоровительной двигательной активности, что будет способствовать уменьшению риска возникновения неинфекционных заболеваний – основной причины высоких показателей смертности в Украине.

В подтверждение этого за последние 40 – 60 лет в Финляндии, Японии, Канаде, Австралии и других высокоразвитых странах благодаря государственной политике, направленной на создание условий для широкого внедрения в ежедневную жизнь разных форм двигательной активности в органичном сочетании с рациональным питанием, борьбой с вредными привычками и улучшением экологической среды, смертность людей младшего и среднего возраста сократилась в несколько раз, средняя продолжительность жизни увеличилась на 15–20 лет. Это безусловно обеспечило высокий экономический рост в этих странах. Согласно информации Всемирной организации охраны здоровья, соотношение затрат и прибыли от выполнения программ здорового образа жизни составляет 1 к 8, а отсутствие двигательной активности приводит к экономическим убыткам в размере 150–300 евро на одного человека в год [11].

Выводы. Исходя из таких данных, основной задачей государственной политики в анализируемой сфере Украины и Республики Молдова является формирование в обществе условий для оздоровительной двигательной активности и здорового образа жизни для обеспечения здоровья граждан как наивысшей социальной ценности в государстве.

Подытоживая настоящее исследование, отметим, что Законы Украины и Молдовы «О физической культуре и спорте» требуют дальнейшего усовершенствования с учетом взаимной практики государств и современных подходов к регулированию отношений в указанной сфере.

Список использованной литературы:

1. Гуськов С. И. Государство и спорт: учеб. пособ. М.: Академия, 1996. 176 с.
2. Алексеев С. В. Международное спортивное право: учебник. М.: ЮНИТИ – ДАНА; Закон и право, 2008. 895 с.
3. Платонов В. Н. Спорт высших достижений и подготовка национальных команд к Олимпийским играм: моногр. М.: Советский спорт, 2010. 310 с.
4. Мічуда Ю. П. Функціонування та розвиток сфери фізичної культури і спорту в Україні в умовах ринку: автореф. дис. ... д-ра наук з фіз. виховання і спорту: спец. 24.00.02 «Механізми державного управління». Держ. ун-т фіз. виховання і спорту України. К., 2008. 39 с.
5. Бордюгова Г. Ю. Міжнародне спортивне право як основа для формування національної галузі права «Спортивне право України»: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: спец. 12.00.11. «Міжнародне право». Збірник законодавства Верховної Ради України. К., 2009. 18 с.
6. Про фізичну культуру і спорт: Закон України. URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/3808-12>.
7. О физической культуре и спорте: Закон Республики Молдова. URL: http://base.spinorm.ru/show_doc.fwx?rgn=3348.
8. Международная хартия физического воспитания и спорта. URL: <http://lib.sportedu.ru/GetText.idc?TxtID=1537>.
9. Державна цільова соціальна програма розвитку фізичної культури

і спорту на період до 2020 року, затверджена постановою Кабінету Міністрів України від 1 березня 2017 року № 115. URL: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/115-2017-%D0%BF>.

10. Стратегія розвитку фізическої культури і спорту в Республіке Молдова на період 2013–2020 гг. URL: <http://www.nauka.x-pdf.ru/17kulturologiya/217967-1-strategiya-razvitiya-fizicheskoy-kulturi-sporta-respublike-moldova-period-2013-2020-kishineu-2012-pod-redakciey-mano.php>.

11. Про Національну стратегію з оздоровчої рухової активності в Україні на період до 2025 року «Рухова активність – здоровий спосіб життя – здорова нація»: Указ Президента України від 9 лютого 2016 року №42/2016. URL: <http://www.president.gov.ua/documents/422016-19772>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Романенко Людмила Витальевна – соискатель кафедры административного права Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Romanenko Lyudmila Vitalyevna – Applicant at the Department of Administrative Law of Yaroslav Mudryi National Law University

nikol91@meta.ua

УДК 347.965.4

КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ АДВОКАТОМ КАК КОМПЛЕКСНОЕ ЯВЛЕНИЕ

Людмила СЛИВА,
аспирант кафедры нотариального,
исполнительного производства и адвокатуры
Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

АННОТАЦИЯ

Автором статьи анализируется понятие консультирования как комплексного явления. Отмечается, что консультативная деятельность является одним из основных видов адвокатской деятельности и требует особого внимания как ученых, так и практикующих юристов. Автор замечает, что хотя под консультированием и понимают во многом лишь первый этап взаимодействия адвоката и клиента, автором консультирование рассматривается как отдельный, самостоятельный вид адвокатской деятельности. Автор дает свои определения понятий консультативной деятельности и консультирования. В соответствии с формой, предметом и сложностью самого консультирования автором также разработаны классификации консультативного процесса. В данном исследовании отдельное внимание сосредоточено на системе консультирования, как комплексном и многоступенчатом явлении, его этапах и стадиях.

Ключевые слова: адвокатская деятельность, консультативная деятельность, консультирование, система консультирования, этапы консультирования.

ATTORNEY ADVISING AS THE COMPLEX PHENOMENON

Lyudmila SLIVA,
Postgraduate Student at the Department of Notary,
Executive Production and Legal Profession
of Taras Shevchenko National University of Kyiv

SUMMARY

Author of the article analyses the concept of advising as the complex phenomenon. It is marked that consultative activity is one of basic types of advocate activity and requires the special attention both from scientists and practicing lawyers. An author notices that advising is understood in a great deal only as the first stage of cooperation of advocate and client, but advising is examined by an author as a separate, all-sufficient type of advocate activity. An author gives the definition of concepts of consultative activity and advising. In order to a form, object and complication of advising an author is work out classification of consultative process also. In research separate attention focused on the system of advising, as complex phenomena and its stages.

Key words: advocacy, advisory activity, counseling, counseling system, stages of counseling.

Введение. В соответствии со статьей 19 Закона Украины «Об адвокатуре и адвокатской деятельности», одним из видов адвокатской деятельности есть само предоставление консультаций и разъяснений по правовым вопросам [1]. Не даром законодатель предусмотрел данный вид адвокатской деятельности на первом месте в перечне, ведь данный вид адвокатской деятельности является одним из самых основных. К тому же, консультирование является одним из самых распространенных видов предоставления правовой помо-

щи, что, несмотря на развитие науки и техники, не только не исчезает, но и приобретает новые формы. Однако, в условиях отсутствия регламентации и наличия опорных нормативно-правовых актов, касающихся консультативной деятельности адвоката, такой важный этап взаимодействия адвоката и клиента остается вне поля зрения теоретиков и практиков адвокатуры.

Состояние исследования. Понятию и проблемам консультативной деятельности посвящены отдельные работы А. Байковой, О. Блохиной,

Л. Воскобитовой, С. Гусарева, Я. Зейкана, О. Святоцкого, Д. Фиолевского, С. Фурсы и других отечественных и зарубежных ученых.

Постановка проблемы. Не принимая во внимание то, что частично вопрос консультативной работы адвоката был отображен в работах отмеченных ученых, можно говорить, что на сегодняшний день отсутствует комплексный анализ данного вида деятельности. Не разработанный также остается классификация видов консультирования, которые теперь приобретают новые формы. Автором предлагается рассмотреть консультативную деятельность как сложное, комплексное явление и выделить его систему. Это позволит понять структуру консультативной деятельности, что, кроме научной ценности, имеет и практическое приращение: понимание адвокатом этапов и стадий консультирования позволит построить эффективно процесс общения с клиентом и достичь наилучшего конечного эффекта.

Цели и задачи статьи. Целью статьи является разработка критериев классификации видов консультирования, что позволяет в дальнейшем адвокату эффективнее вести собственную деятельность. Задачей данного исследования является анализ консультирования как комплексного, многоэтапного явления со своей разработанной структурой.

Изложение основного материала. Для целей данного исследования под понятием консультативной деятельности адвоката следует понимать систематическую профессиональную деятельность адвоката, которая заключается в подготовке разъяснений, рекомендаций, складывании письменных материалов. В свою очередь консультирование – непосредственный процесс взаимодействия адвоката и клиента (доверителя) с целью нахождения правовых методов и средств разрешения юридических проблем доверителя и именно на данный процесс я предлагаю обратить свое пристальное внимание.

В литературе консультативная деятельность рассматривается как первый этап взаимодействия доверителя и адвоката. Считаю такое понимание данного понятия слишком узким, поскольку консультирование клиента происходит на всех стадиях взаимодействия клиента и адвоката, при лю-

бых контактах с третьими сторонами, при дальнейшем движении дела. Учитывая это, считаю, что в зависимости от повторяемости консультирования, его содержательной составляющей и цели, которую оно преследует следует выделять следующие виды консультирования:

1. Первичное консультирование.

Происходит после первой встречи адвоката и клиента. Адвокат впервые знакомится с правовой проблемой. Целью такого консультирования является предоставление клиенту разъяснений относительно правового конфликта и формирования возможных путей его решения.

2. Повторное консультирование.

Имеет место при повторном обращении клиента с одной и той же правовой проблемой к адвокату. Имеет целью решение проблем, которые возникли при реализации правовой позиции, выработанной при первичном консультировании или при выявлении новых, не известных ранее, фактических обстоятельств.

3. Текущее консультирование.

Иногда консультирование является не просто первым, но и заключительным (последним) контактом между клиентом и адвокатом. Клиент получил ответы на вопросы, которые его волновали, сформировал для себя лично пути разрешения правового конфликта, который возник и принимает решение в дальнейшем решать его самостоятельно, без участия специалиста. Однако, чаще дальнейшее сотрудничество между клиентом и адвокатом не прерывается. А потому в ходе предоставления правовой помощи адвокатом клиенту возникает потребность в осуществлении т.н. «текущего консультирования» в ситуациях, когда клиенту необходимо разъяснить правовую ситуацию, которая возникла, предоставить рекомендации относительно взаимодействия с третьими сторонами и тому подобное. Целью такого вида консультирования является решение текущих правовых ситуаций, которые возникают в ходе решения юридического конфликта клиента.

В зависимости от предмета консультирования, можно выделить такие его виды:

1. Консультирование относительно разъяснения норм действующего законодательства;

2. Консультирование относительно написания процессуальных документов;

3. Консультирование относительно написания жалоб, справок, договоров и других юридических документов;

4. Консультирование относительно решения правовых проблем клиента и адвокатское сопровождение.

В зависимости от формы, можно различать следующие виды консультирования:

1. Устное (при личном непосредственном взаимодействии адвоката и клиента);

2. Письменное (взаимодействие клиента и адвоката происходит с помощью письменных средств связи, в том числе электронных).

3. Смешанное (комбинация устного и письменного консультирования, когда отдельные этапы консультирования адвокатом происходят дистанционно. Например, интервью происходит очно, а последующая подготовка юридического вывода и консультации адвокатом осуществляется письменно и доводится до ведома клиента с использованием компьютерных технологий).

В зависимости от количества привлеченных специалистов можно различать единоличное консультирование и консультирование с привлечением других специалистов. Действующий закон об адвокатуре и адвокатской деятельности, а также правила адвокатской этики не исключают возможность адвоката обращаться за консультациями и разъяснениями к другим специалистам. Именно поэтому считаю, что в случае потребности подготовки профессионального вывода по конкретному вопросу, который имеет значение для решения дела, адвокат может обратиться за соответствующим консультированием. Ведь, в соответствии с требованиями Основного положения о роли адвокатов, адвокат должен предоставлять помощь клиенту любым законным способом и быть лояльным к его интересам [2]. Но в данном случае, при консультировании адвокатом с привлечением других специалистов, адвокату следует помнить в том числе и об адвокатской тайне. Адвокатской тайной является любая информация, которая стала известна адвокату, помощнику адвоката, стажеру адвоката, лицу, которое находится в трудовых отношениях

с адвокатом, о клиенте, а также вопросах, по которым клиент обращался к адвокату, адвокатскому бюро, адвокатскому объединению, содержанию советов, консультаций, разъяснений адвоката, составленных им документах, информация, которая хранится на электронных носителях, и другие документы и сведения, полученные адвокатом во время осуществления адвокатской деятельности [1]. Но как же быть, если узкопрофильный специалист не пребывает с адвокатом в трудовых отношениях? В данном случае, считаю возможным адвокату обращаться к таким специалистам при соблюдении следующих условий: 1. Клиент предварительно уведомлен о таком обращении и не возбраняет его; 2. Специалисту сообщаются только те сведения, которые касаются предмета его консультирования и являются существенными для построения ним своих заключений.

В зависимости от сложности, можно различать многоэтапное и одноэтапное консультирование. Данный критерий классификации имеет важное теоретическое и практическое значение. Так, законодатель и органы адвокатского самоуправления не принимали никаких нормативных актов, которые бы регулировали консультативную деятельность адвокатов. Именно поэтому на практике можно наблюдать такие негативные явления, когда через нехватку понимания этапности консультирования адвокат не совершает всех юридически значимых действий для достижения заданий консультирования на конкретном этапе.

Замечу, что среди заданий, которые стоят перед адвокатом в процессе консультирования, можно выделить следующие:

- наиболее полный сбор анализ информации относительно имеющегося правового конфликта;
- анализ полученной информации;
- материально-правовая и процессуально-правовая квалификация обстоятельств дела;
- определение всех возможных способов разрешения конфликта;
- анализ преимуществ и недостатков предложенных вариантов решения ситуации.

В свою очередь, понимание стадий, которые проходят на каждом этапе

консультирования, позволяет адвокату более полно и качественно использовать все имеющиеся инструменты для предоставления квалифицированной правовой помощи и выполнить все вышеизложенные задания, которые раскрываются на каждой стадии.

Учитывая задания, которые стоят перед процессом консультирования, предлагаю следующие определения одноэтапного и многоэтапного консультирования. Одноэтапное консультирование – это консультирование, которое совершается в один этап, на котором имеют место такие стадии: подготовительный; опрос; сбор информации; анализ обстоятельств дела; анализ нормативно-правовой основы дела; консультация. Такой вид консультирования характерен в тех случаях, когда клиент обращается к адвокату за предоставлением разъяснений, составлением юридических документов, написания процессуальных документов без дальнейшего представительства адвокатом клиента в суде.

Что касается многоэтапного консультирования, то данный вид консультирования совершается в несколько этапов и является характерным для осуществления консультирования адвокатом при судебном разбирательстве дела. Первый этап связан с подготовкой процессуальных документов и представительством интересов лица в суде первой инстанции. Второй этап заключается в предоставлении юридической помощи при дальнейшем разбирательстве дела в суде апелляционной инстанции. Третий этап – предоставление адвокатом правовой помощи при кассационном обжаловании дела в суде. При этом важно заметить следующее. Во-первых, в отличии, например, от этапов нотариального процесса, прохождение всех этапов консультирования в адвокатской деятельности не является обязательными и их дальнейшая реализация зависит как от желания самого клиента продолжать сотрудничество с адвокатом (поскольку каждый является свободным в выборе своего защитника, что было подтверждено Решением Конституционного Суда Украины 2000 года [3]), так и от желания клиента инициировать апелляционное и кассационное обжалование, или от факта такого обжалования решения суда предыдущей инстанции другой стороной. Определение этапов

консультирования и стадий, которые проходит каждый из этапов, определяет не только порядок осуществления консультирования адвокатом по конкретной правовой проблеме, но и предоставляет понимание последовательности совершения юридически значимых действий адвокатом на каждом этапе и их взаимосвязь в одном процессе. Поскольку консультирование является процессом стадийным, есть потребность определить эти стадии.

В литературе определяют следующие стадии консультирования:

- 1) интервью;
- 2) анализ собранной информации;
- 3) выработка правовой позиции по делу;
- 4) предоставление консультации клиенту.

В свою очередь авторы в своих научных работах предлагают разнообразные вариации данного вопроса. Так, О. Блохина выделяет следующие стадии консультирования:

Первая стадия – подготовительный;

Вторая стадия – общение с клиентом;

Вторая стадия консультирования предполагает наличие трех самостоятельных ступеней в общении юриста и клиента, а именно:

- встреча юриста с клиентом;
- передача юристом информации клиенту;
- завершение консультирования.

Третья стадия – анализ и оценка консультирования [5].

В свою очередь А. Байков, поддерживая общую структуру консультирования, уточняет, что передача юристом информации клиенту включает следующие действия:

- разъяснение вариантов;
- помощь в выборе решения;
- определение порядка реализации [4].

А. О. Краснейчук в своем исследовании предлагает трехступенчатый характер консультирования: подготовка к консультированию, диагностика состояния проблемы и само непосредственное консультирование по разработке альтернативных способов решения проблем [6].

Л. О. Воскобитова предлагает применять при осуществлении консультирования пятиступенчатый алгоритм действий:

- 1) подготовка к консультированию;
- 2) организационная стадия;
- 3) разъяснительно-прогностическая стадия;
- 4) стадия выбора оптимального варианта;
- 5) завершающая стадия [7].

Считаю, что подобные подходы в той или иной мере отображают тот алгоритм действий, которые необходимо осуществить для эффективного консультирования адвокатом, однако необходимы некоторые уточнения. В частности, первой стадией консультирования подготовительная, в ходе которой устанавливается контакт между доверителем и адвокатом, без которого теряется эффективность дальнейшего консультирования. Второй стадией есть сбор информации по делу. Как отмечает С. Я. Фурса, адвокату доступны следующие пути сбора информации: 1) опрос граждан; 2) консультирования специалистов; 3) изучение документов [8]. Поэтому уместно выделить такие степени этапа сбора информации: опрос, консультирование специалистов (экспертов, специалистов; является факультативной ступенью в случаях, когда для предоставления консультации необходимо владеть специальными знаниями) и сбор письменных документов. Следующей стадией является анализ полученной информации, в частности выделение предметной, дополнительно-предметной и не предметной информации. Далее важной является материально-правовая и процессуально-правовая квалификация обстоятельств дела. Следующей стадией является формирование возможных вариантов решения спора (судебный, внесудебный и тому подобное). Считаю, что выделять стадию выработки правовой позиции по делу без указания этапа формирования вариантов решения спора является нецелесообразным, поскольку адвокат не должен самостоятельно решать, какую позицию занимает клиент по делу. Лишь ознакомив последнего со всеми возможными вариантами решения конфликта, проанализировав преимущества и недостатки каждого из них, вместе с клиентом адвокат может произвести правовую позицию по делу, учитывая интересы клиента. Последней, завершающей стадией является консультация, то есть непосредственное предоставление разъяснений и советов клиенту.

Следовательно, предлагаю выделять следующие стадии консультативной деятельности адвоката:

- подготовительный;
- интервью (опрос);
- анализ обстоятельств дела;
- сбор информации и ее дальнейший анализ;
- анализ нормативно-правовой основы дела: материально-правовая квалификация дела и процессуально-правовая квалификация дела;
- формирование правовой позиции по делу, анализ ее преимуществ и недостатков;
- консультация (выработка правовой позиции по делу после обсуждения с клиентом).

Учитывая отмеченное, можно говорить о том, что на в многоэтапных консультированиях на первом этапе консультирования проходит следующие стадии: подготовки, опроса, сбор информации, материально-правовая квалификация, процессуально-правовая квалификация, формирование правовой позиции, консультация как результат консультирования на данном этапе. На втором этапе (подготовка и обращение с апелляционной жалобой или апелляционным обжалованием решения суда первой инстанции) консультирование проходит следующие этапы: сбор информации, анализ материалов, материально-процессуальная квалификация, формирование правовой позиции, консультация. Третий этап (кассационное обжалование) характеризуется следующими стадиями: анализ материалов, материально-правовая квалификация, формирование правовой позиции, консультация. Стоит отметить, что кроме того, что прохождение всех этих этапов не является обязательным и зависит от многих факторов, следует заметить, что клиент может обратиться к адвокату за консультацией на этапе апелляционного или даже кассационного обжалования. В этом случае это и будет первым этапом, а, следовательно, будет происходить прохождение всех отмеченных выше стадий.

Выводы. Консультационный процесс является сложным и комплексным явлением. С целью достижения наилучших результатов по итогу консультирования и реализации заданий адвокату в целом, адвокату следует

понимать систему и структуру данного процесса. В зависимости от потребностей, которые возникают у клиента, характера правовой проблемы, следует рассматривать такие виды консультирования как многоэтапные и одноэтапные. Понимание стадий и этапов, которые проходит консультирование в данном случае, позволяет адвокату составить алгоритм необходимых действий для обеспечения защиты интересов клиента. В свою очередь, понимание предмета и желаемой формы консультирования также влияет на процесс консультирования и их определение позволяет адвокату эффективно построить свою правозащитную деятельность.

Список использованной литературы:

1. Про адвокатуру та адвокатську діяльність: Закон України. Відомості Верховної Ради України від 05.07.2013/ №27, с. 1438.
2. Основні положення про роль адвокатів. URL: http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/995_835/print1530711407520731
3. Рішення Конституційного Суду України у справі за конституційним зверненням громадянина Солдатова Геннадія Івановича щодо офіційного тлумачення положень статті 59 Конституції України, статті 44 Кримінально-процесуального кодексу України, статей 268, 271 Кодексу України про адміністративні правопорушення (справа про право вільного вибору захисника). URL: <http://zakon0.rada.gov.ua/laws/show/v013p710-00>.
4. Байков А. Стадії консультирования. URL: <http://www.law.edu.ru/script/cntsource.asp?cntID=100015005>
5. Блохина О. Ю. Основные правила проведения консультирования. URL: <http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1131118>
6. Краснейчук А. Управлінське консультивання як різновид консультативної діяльності в системі державного управління. Вісник НАДУ. 2007. № 1. С. 43-50.
7. Профессиональные навыки юриста: Опыт практического обучения / Л. А. Воскобитова, А. Б. Гутников, В. В. Захаров и др.; отв. ред. Л. А. Воскобитова, Л. П. Михайлова, Е. С. Шугрина. М.: Дело, 2001. 416 с.

8. Фурса С. Я. Адвокат у цивільно-му процесі: наук.-практ. посіб. / Центр правових дослід. Фурси. Київ: Фурса С.Я.; КНТ, 2008. 452 с. (Процесуальні науки).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Слива Людмила Владимировна – аспирант кафедры нотариального, исполнительного производства и адвокатуры Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sliva Lyudmila Vladimirovna – Postgraduate Student at the Department of Notary, Executive Production and Legal Profession of Taras Shevchenko National University of Kyiv

lydmila.slyva@gmail.com

УДК 615.1:005.414

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРИНЦИПОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ОБОРОТА ЛЕКАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ

Оксана СТРЕЛЬЧЕНКО,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры административного права и процесса
Национальной академии внутренних дел

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена изучению государственной политики в сфере оборота лекарственных средств. Определены и охарактеризованы принципы государственной политики оборота лекарственных средств. Обозначенные принципы сформированы в две квалифицированные группы: общие и специальные.

Ключевые слова: политика, государственная политика, оборот, лекарственные средства, принципы.

CONCEPTUAL FRAMEWORK FOR FORMING THE PRINCIPLES OF STATE POLICY ON DRUG TRAFFICKING

Oksana STRELCHENKO,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Associate Professor at the Department of Administrative Law and Process
of National Academy of the Interior

SUMMARY

This article is devoted to the study of state policy in the sphere of drug turnover. The principles of state policy on the circulation of medicines have been defined and characterized. Designated principles are formed into two qualified groups, such as general and special.

Key words: politics, state policy, turnover, medicines, principles.

Постановка проблемы. Государственная политика оборота лекарственных средств является одной из важнейших политических функций государства, которая призвана регулировать внутреннюю жизнь общества. Фактически публичное администрирование регулирует социальные процессы с помощью соответствующего законодательства и с использованием финансовых, экономических, административных и политических механизмов влияния.

Целью статьи является общетеоретическая характеристика принципов государственной политики оборота лекарственных средств и основательное их исследование.

Анализ исследований и публикаций. Целесообразно отметить, что в научных кругах постоянно ведутся дискуссии о деятельности правительств, политических процессов, институтов, философии поведения представителей

власти и публичных служащих в различных сферах. Все проблемные вопросы государственной политики исследовались в течение многих лет такими зарубежными учеными, такими как Д. Е. Андерсон, С. В. Стевенс, Т. И. Дай П. Б. Гай, П. К. Браун, Л. А. Пал и др. Различные аспекты формирования государственной политики исследовали отечественные исследователи: Б.А. Гаевский, В.Г. Кремень, А.А. Кучеренко, В.В. Лесничий. Непосредственно в Украине данную проблематику относительно государственной политики оборота лекарственных средств исследовали такие ученые, как В.Б. Аверьянов, И.В. Аристова, В.Д. Бакуменко, В.В. Баштаник, А.И. Килиевич, Б.А. Кравченко, В.К. Колпаков, А.В. Кузьменко, А.А. Кучеренко, В.А. Ребало, В.В. Тертичко, Н.Г. Нижник, М. Олуйко и т. д.

Изложение основного материала. В Украине проведена значительная работа по формированию государствен-

ной политики оборота лекарственных средств, однако остается много вопросов, которые нуждаются в реформировании или внедрения в деятельность организаций фармацевтической отрасли и тех, что ее регулируют. Активно проводится научный поиск в направлении реформирования государственной политики оборота лекарственных средств. Исследуются формы организации обеспечения населения лекарственных средств в ведущих странах мира разработаны методологические подходы к определению перспективных приоритетов государственной политики оборота лекарственных средств; принципы формирования регулирующих перечней лекарственных средств в Украине [1, с. 12].

Считаем необходимым принципы, на которых основывается государственная политика оборота лекарственных средств, как приоритетная сфера в Украине, сформировать в две квалификационные группы: *общие и специальные*. К *общим* следует отнести такие принципы, как верховенство права, законность, гуманность, демократичность, деидеологизированность. К *специальным*: всеобщность и доступности, прозрачность и публичность, рационализм, системность и эффективность, стимулирование добросовестной конкуренции, мониторинга, информирования и обеспечения качества лекарственных средств. Соответственно, считаем необходимым охарактеризовать эти группы принципов:

1) верховенство права – означает соблюдение в своей деятельности требований утверждения и обеспечения прав лиц, ответственности перед гражданами за обеспечение ей достойных условий жизни и т.д.;

2) законность – заключается в осуществлении своих полномочий на основе и в соответствии с Конституцией Украины, законами Украины и указами Президента Украины. В сфере оборота лекарственных средств он предусматривает: единообразие понимания и применения законов и подзаконных нормативно-правовых актов на всей территории их действия и по одноименным субъектам в сфере оборота лекарственных средств; регулирование всех важнейших аспектов оборота лекарственных средств законами и соответствие всех подзаконных нормативно-правовых актов Конституции Украины законам; неизбежность ответственности за нарушение требований закона, то есть каждый случай нарушения закона со стороны любого субъекта

сферы оборота лекарственных средств влечет за собой соответствующее реагирование со стороны государства, соответствующих органов;

3) гуманность – означает ориентацию на приоритет общечеловеческих ценностей, предусматривающих взгляд на человека в его взаимодействии с природой, обществом, глобальными проблемами, продиктованными особенностями и реалиями ядерного века, общечеловеческой культурой, а также общечеловеческими ценностями, уходящими корнями в семейную среду и фундаментальные основы нравственности;

4) демократичность – признается простой и доступный в обращении к людям, присущей широким слоям населения, а также требует признания личности человека как высшей природной и социальной ценности;

5) деидеологизированность – заключается в том, что государственная политика в сфере оборота лекарственных средств формируется на плюралистических идеологических принципах, отражая общественные ценности, закрепленные Конституцией Украины;

6) всеобщность и доступность всех лекарственных средств, которая заключается в равном доступе населения к основным лекарственным средствам по доступной цене. Право граждан на получение медицинской помощи является общим, оно распространяется на всех, кто нуждается в такой помощи, без всякой дискриминации по признакам пола, расы, национальности, языка, места жительства и других оснований. Медицинской и фармацевтической помощью должен быть обеспечен каждый гражданин при наличии социально значимых признаков и потребностей.

Доступность лекарственных средств включает в себя экономическую и физическую составляющую обеспечения потребностей пациентов Украины в лечении. Физическая доступность определяет пути обеспечения наличия препаратов в Украине, в том числе инновационных и высокотехнологичных, для обеспечения потребностей в лечении независимо от того, кто является плательщиком – пациент или государство. Экономическая доступность предполагает, в частности, ценовое регулирование на лекарственные средства, которые полностью или частично закупаются за бюджетные средства, в том числе за счет объемов производства национальной фармацевтической промышленности;

7) прозрачность и публичность – заключаются в контроле за деятельностью сферы оборота лекарственных средств как со стороны общества, так и стороны общественности. Вместе с тем государственная политика в сфере оборота лекарственных средств проводится публично, соответствующие решения и проекты решений публичной администрации обнародуются через средства массовой информации. При этом граждане Украины, иностранцы, лица без гражданства имеют право на полную, своевременную и объективную информацию о возможности получения фармацевтической помощи;

8) рационализм – заключается в обеспечении необходимых условий, чтобы врачи назначали, а пациенты применяли препараты в соответствии с установленными правилами в соответствии с клиническими показателями и рентабельностью препарата;

9) системность и эффективность – заключается в том, что государственная политика в сфере оборота лекарственных средств является неотъемлемой составляющей общей государственной политики, направляется на обеспечение устойчивого развития Украины. Государственная политика в сфере оборота лекарственных средств основывается на глубоком факторном анализе проблем сферы обращения лекарственных средств и ресурсном методе планирования комплекса таких инструментов, механизмов, программ и мероприятий, которые способны своевременно и эффективно решить ту или иную проблему в сфере обращения лекарственных средств. Именно она направляется на создание такой модели социального развития, которая способна обеспечить качественное, своевременное и полное предоставление медицинской (фармацевтической) помощи нуждающимся субъектам [2, с. 30];

10) стимулирование добросовестной конкуренции в сфере оборота лекарственных средств заключается в ценовой и неценовой конкуренции. Где ценовая конкуренция – это борьба за достижение преимуществ сбыта лекарственных средств путем снижения цен. Однако заметим, что этот прием борьбы становится добросовестным в случае, если фармацевтическая фирма смогла добиться снижения издержек производства путем использования прогрессивной техники и технологии, улучшения организации труда и управления, стимулирования работников и т.п., а не поступает таким об-

разом только для того, чтобы помешать своим конкурентам. Распространенной практикой является также установление цен со скидками: количества приобретенного товара; за платеж наличными; за ускорение оплаты; для отдельных категорий покупателей; дилерские скидки; скидки за пределами сезонной покупки лекарственных средств и др. Соответственно, неценовая конкуренция – это борьба за преимущества на рынке путем предоставления своим лекарственным средствам качественно новых свойств, создание новых видов лекарственных средств для удовлетворения тех же или новых потребностей, использование рекламы, предоставление потребительского кредита, сервисных услуг и тому подобное. Современным методом этой конкуренции является маркетинг как комплексный подход к управлению производством и реализацией лекарственных средств, ориентированный на учет требований рынка и активное воздействие на спрос с целью расширения сбыта лекарственных средств [3, с. 12];

11) мониторинг – заключается в эффективности внедренных процессов для их совершенствования, распределения функции формулировки государственной политики в сфере оборота лекарственных средств и ее практической реализации. Мониторинг рецептов является методом получения информации о побочных реакциях лекарственных средств, вакцин, основанным на учете назначений лекарственного средства, вакцины, когда за установленный период времени определено количество зарегистрированных побочных реакций и количество пациентов, которые применяли препарат, вакцину, позволяет выявить взаимосвязь между побочной реакцией и применением лекарственного средства, вакцины. Соответственно, мониторинг стационара(ов) – метод получения информации о побочных реакциях лекарственного средства, вакцины, позволяющий определить частоту побочных реакций и выявить особенности взаимодействия лекарственных средств, вакцин у пациентов одного или нескольких стационаров, когда в течение определенного периода времени под контролем находятся все пациенты стационара(ов), учитываются все лекарственные средства, вакцины, назначаются и все побочные реакции [3, с. 13];

12) информирование – заключается в создании системы доведения информации о лекарственных средствах до работников и пациента, является важным

фактором фармацевтической помощи, в частности, воплощение элементарных знаний о лекарственных средствах среди населения и противостояние агрессивной рекламе;

13) обеспечение качества лекарственных средств – заключается в реализации основных принципов системы здравоохранения, что требует на качественно новом уровне решать вопросы обеспечения этого качества как ее определяющей роли. Современное понимание подходов к обеспечению качества базируется на всеобъемлющей концепции, охватывающей обеспечение качества лекарственных средств, начиная от этапа их фармацевтического создания, исследований, через надлежащее производство, контроль качества, хранение, реализацию и к предоставлением информации врачу и пациенту. Согласно этой концепции надежные гарантии качества и безопасности лекарственных средств должны быть обеспечены на всех этапах жизненного цикла продукта. Качество каждого лекарственного средства должно быть ответственно сформировано на этапе фармацевтической разработки, всесторонне доказано на этапах доклинических исследований и клинических испытаний, объективно оценено при проведении государственной регистрации, надежно обеспечено при помощи промышленного серийного производства, постоянно должно быть под контролем в сфере оптовой, розничной реализации и медицинского применения. Согласно рекомендациям ВООЗ все направления деятельности по реализации концепции обеспечения качества лекарственных средств должны быть направлены на удовлетворение потребностей пациентов.

Надо отметить, что проблему оборота лекарственных средств в Украине следует рассматривать как социальную проблему всего общества, а не только медицины. Здоровье граждан – это зеркало общества, и за сферу оборота лекарственных средств должны отвечать все, начиная с высших органов власти и заканчивая лично каждым гражданином [4, с. 34].

Следует отметить, что в период формирования в Украине новой государственной политики, в том числе и относительно оборота лекарственных средств, которая должна учитывать нормы современной общественной жизни, фундаментом этой новой политики в отношении оборота лекарственных средств, на наш взгляд, должно стать формула: «От «политики поддержки» через «полити-

ку развития» к «политике партнерства» [5, с. 30].

Новая государственная политика по обороту лекарственных средств в современных условиях должна строиться на двух важных составляющих развития данной сферы, а именно: современный вектор – это сохранение достигнутых результатов по качественному состоянию развития обращения лекарственных средств; будущий вектор – это улучшение качественного состояния развития сферы обращения лекарственных средств и обеспечение достижения высшего уровня. Первый вектор должен предусматривать сохранение достигнутых результатов по качественному состоянию развития сферы оборота лекарственных средств, которая в своей основе базируется на принципе неужесточения условий ведения данной деятельности и на высоком уровне инертности в отношении граждан к действиям публичной власти. Сохранение достигнутых результатов является отдельным заданием, которое не может быть решено автоматически. Эта составляющая государственной политики относительно сферы оборота лекарственных средств должно реализовываться на основе сохранения существующих норм упрощенной системы налогообложения, учета и отчетности субъектов сферы обращения лекарственных средств и достигнутого ныне уровня открытости власти, в том числе обязательного проведения общественных консультаций. Второй вектор предусматривает улучшение качественного состояния развития деятельности сферы оборота лекарственных средств и обеспечение достижения высшего уровня, который базируется в своей основе на признании того, что развитие сферы оборота лекарственных средств должен представлять собой задачу национального развития и должен решаться всеми органами публичной администрации без исключения. На основе вышеизложенного можно сказать, что государственная система администрирования должна постоянно и неуклонно следовать тому же принципу, что государство в любых своих программах должно обеспечить учет, соблюдение и реализацию политики помощи и развития сферы оборота лекарственных средств.

Выводы. Таким образом, развитие и становление современной сферы оборота лекарственных средств не является и не может быть автоматическим следствием социально-экономического роста, только взвешенная и эффективная

государственная политика является залогом устойчивого развития общества, одной из составляющих которого является развитие демократии и гражданского общества, обеспечивается становлением и совершенствованием сферы оборота лекарственных средств в Украине как демократическом государстве.

Список использованной литературы:

1. Котвіцька А.А. Методологія соціально-ефективної організації фармацевтичного забезпечення населення: автореф. дис.... докт. фармац. наук.: 15.00.01. Х., 2008.

2. Державна політика: аналіз та механізм її впровадження в Україні: навч. посіб. / За заг. ред. В.А. Ребкала, В.В.Тертички. К.: Вид-во УАДУ, 2000. 232 с.

3. Хоменко В.М. Теоретичне обґрунтування та реалізація сучасних принципів державного управління фармацією в Україні: автореф. дис.... докт. фармац. наук.: 15.00.01. Х., 2008. 20 с.

4. Карамішев Д.В. Стратегічне управління інноваційними процесами в системі охорони здоров'я: державні механізми: [монографія]. Х.: Вид-во ХарПІ НАДУ «Магістр», 2006. 304 с.

5. Стеценко С.Г. Медичне право України: підручник. Київ: Всеукраїнська асоціація видавців «Правова єдність», 2008. 507 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Стрельченко Оксана Григорьевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры административного права и процесса Национальной академии внутренних дел

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Strelchenko Oksana Grigoryevna – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Associate Professor at the Department of Administrative Law and Process of National Academy of the Interior

strel1977@ukr.net

УДК 343.2

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ КРИМИНАЛЬНОЙ ПОЛИЦИИ (УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА) СО СЛЕДОВАТЕЛЕМ ПРИ РАСКРЫТИИ И РАССЛЕДОВАНИИ ГРАБЕЖЕЙ И РАЗБОЙНЫХ НАПАДЕНИЙ

Виталий ТЕЛИЙЧУК,

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник, доцент, доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности факультета подготовки специалистов для подразделений криминальной полиции Днепропетровского государственного университета внутренних дел

Алексей СЕМЕНИЦКИЙ,

аспирант кафедры оперативно-розыскной деятельности факультета подготовки специалистов для подразделений криминальной полиции Днепропетровского государственного университета внутренних дел

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрено взаимодействие подразделений криминальной полиции (уголовного розыска) со следователем при раскрытии грабежей и разбойных нападений. Определено, что качественное расследование грабежей и разбойных нападений возможно лишь при комплексном использовании сил и средств, имеющихся в наличии, при постоянном совершенствовании тактики и методов практической деятельности, а также при творческом отношении к делу сотрудников всех подразделений. Проанализировано взаимодействие между следователями и оперативными работниками, охарактеризованы основные организационные формы взаимодействия, необходимость совершенствования такого взаимодействия.

Ключевые слова: преступление, грабежи, разбойные нападения, оперативно-розыскная деятельность, раскрытие и расследование преступлений, оперативные подразделения, криминальная полиция, уголовный розыск, Национальная полиция Украины, следователь.

INTERACTION OF DIVISIONS OF CRIMINAL POLICE (CRIMINAL INVESTIGATION DEPARTMENT) WITH THE INVESTIGATOR AT DISCLOSURE AND INVESTIGATION OF ROBBERIES AND ASSAULTS

Vitaliy TELIYCHUK,

Candidate of Law Sciences, Senior Researcher, Associate Professor, Senior Lecturer at the Department of Operatively-Search Activity of Faculty of Preparation of Experts for Subdivisions of Criminal Police of Dnepropetrovsk State University of Internal Affairs

Aleksey SEMENITSKIY,

Postgraduate Student at the Department of Operative-Investigative Activity of the Faculty for Training Specialists for Criminal Police Units of Dnepropetrovsk State University of Internal Affairs

SUMMARY

In article interaction of divisions of criminal police (criminal investigation department) with the investigator at disclosure of robberies and assaults is considered. It is defined that high-quality investigation of robberies and assaults perhaps only at complex use of forces and means available at constant improvement of tactics and methods of practical activities and also at the creative relation to business of staff of

all divisions. Interaction between investigators and quick workers is analysed, the main organizational forms of interaction, need of improvement of such interaction are characterized.

Key words: crime, robberies, assaults, operational search activity, disclosure and investigation of crimes, operational divisions, criminal police, criminal investigation department, National polition of Ukraine, investigator.

Постановка проблемы. Совершенствование взаимодействия правоохранительных органов, специально созданных для борьбы с преступностью в рамках выполнения основных обязанностей, сегодня производится в разных направлениях. Особенно актуальна проблема взаимодействия правоохранительных органов в ходе раскрытия, расследования, предупреждения организованных преступлений, среди которых преобладают тяжкие, в том числе грабежи и разбойные нападения.

Актуальность темы исследования подтверждается степенью нераскрытости темы взаимодействия криминальной полиции (далее уголовного розыска) со следователем при раскрытии и расследовании грабежей и разбойных нападений. Актуальность взаимодействия следственных и оперативно-розыскных подразделений при раскрытии и расследовании грабежей и разбойных нападений в условиях развития общественных отношений и совершенствования уголовно-процессуального законодательства обуславливает необходимость углубления теоретических разработок.

Состояние исследования. Научный анализ проблем взаимодействия следователя и подразделений уголовного розыска при раскрытии и расследовании грабежей и разбойных нападений в Украине осуществляется многими зарубежными и отечественными учеными. Среди них следует назвать таких ученых, как О.М. Бандурка, И.Ф. Герасимов, Г.Ю. Дагаева, И.М. Гуткин, В.П. Корж, Н.В. Салтевский, И.А. Фолис, В.Ю. Шепитько, А.А. Патык и др.

Целью и задачей статьи является исследование современного состояния взаимодействия подразделений уголовного розыска со следователем при раскрытии и расследовании грабежей и разбойных нападений, освещение возможных путей решения существующих проблем в этой сфере.

Изложение основного материала. Согласно статье 5 Закона Украины «Об оперативно-розыскной деятельности»

оперативно-розыскную деятельность могут осуществлять оперативные подразделения: Национальной полиции – криминальная и специальная полиция, а также подразделения Государственного бюро расследований, СБУ, НАБУ, Службы внешней разведки Украины, Государственной пограничной службы, управления государственной охраны, органов доходов и сборов, органов и учреждений исполнения наказаний и следственных изоляторов государственной уголовно-исполнительной службы Украины, органа разведки Министерства обороны Украины. Перечень органов, подразделения которых осуществляют оперативно-розыскную деятельность является исчерпывающим, а проведение такой деятельности другими органами запрещается [1]. В состав криминальной полиции входят департамент уголовного розыска, департамент защиты экономики, департамент борьбы с наркопреступностью, киберполиции и другие [2, с. 43]. Одной из причин не всегда эффективной работы по раскрытию грабежей и разбойных нападений является недостаточное взаимодействие следователя и оперативного работника уголовного розыска Национальной полиции (далее – оперативные работники) при раскрытии указанного вида преступлений. Неслучайно следователи и оперативные работники отмечают, что имеющиеся в их распоряжении методические рекомендации имеют существенные недостатки, особенно в части раскрытия грабежей и разбойных нападений по горячим следам. В литературе имеют место различные толкования понятия раскрытия преступления. Мы поддерживаем мнение А.Н. Бандурки, который отмечает, что под непосредственным раскрытием преступления следует понимать задержание преступника на месте преступления или по свидетельству очевидцев после его совершения, получения оперативной или иной информации о лице, совершившем преступление или местонахождение вещественных доказательств, орудий преступления; установление других фактических данных, подтверждающих совершение преступления конкретным лицом, кото-

рые нашли свое подтверждение в ходе расследования и положены в основу обвинения [3, с. 62]. Для обеспечения реализации основных прав человека Закон Украины от 02.07.2015 № 580-VIII «О Национальной полиции» устанавливает обеспечение общественной безопасности и порядка, а также охрану прав и свобод человека, интересов общества и государства, противодействие преступности основными задачами деятельности Национальной полиции [4]. Выполнение названных задач, особенно борьба с грабежами и разбойными нападениями, невозможно без достаточного усиления поисково-познавательной деятельности, в том числе по установлению лиц, совершивших грабежи и разбойные нападения. Наиболее проблемной следственной ситуацией является расследование разбойных нападений, совершенных организованными преступными группировками. Одним из главных факторов в правоохранительной практике, направленным на обеспечение выполнения этих задач, является построение надежной, научно обоснованной доказательной базы раскрытия и расследования преступлений [5]. В соответствии с Законом Украины «Об оперативно-розыскной деятельности» оперативно-розыскная деятельность является системой гласных и негласных поисковых, разведывательных и контрразведывательных мероприятий, осуществляемых с применением оперативных и оперативно-технических средств, осуществляется оперативными подразделениями органов Национальной полиции Украины (далее НПУ) и других органов в строгом соответствии с действующим законодательством, направлена на предотвращение и раскрытие преступлений и предусматривает три основных направления: 1) общие – розыскные мероприятия, направленные на выявление лиц и фактов, представляющих оперативный интерес (оперативный поиск) 2) оперативно-розыскная профилактика; 3) осуществление оперативно-розыскных мероприятий, направленных на документирование действий лиц, которые задумывают, готовят или совершивших преступления; раскрытие

преступлений, совершенных неизвестными лицами; розыск лиц, уклоняющихся от расследования или отбывания наказания; розыск без вести пропавших лиц [6, с. 155]. Органы досудебного расследования, подразделения криминальной полиции, межрегиональные территориальные органы Национальной полиции и их территориальные (обособленные) подразделения являются основными службами, выполняющими обязанности по раскрытию уголовных преступлений органами полиции, и отвечают за конечный результат этой работы по направлениям деятельности [7]. Поэтому мы считаем, что эффективность предотвращения, расследования и раскрытия преступлений в большой степени зависит от уровня организации взаимодействия. Преступления против собственности составляют одну из самых распространенных и опасных групп преступных деяний, поскольку они посягают на один из самых ценных социальных благ – право собственности. В соответствии со ст. 41 Конституции Украины каждый имеет право владеть, пользоваться и распоряжаться своей собственностью. Никто не может быть противоправно лишен права собственности. Право собственности является нерушимым.

Грабеж – открытое хищение чужого имущества, которое происходит в присутствии потерпевшего или других лиц, если виновное лицо осознает это обстоятельство. Разбой относится к наиболее опасным корыстно-насильственных преступлений. Он посягает на два объекта: право собственности и личность (ее здоровье и жизнь) [8, с. 463]. Способ совершения грабежа и разбойного нападения, в частности на квартиру (или другое домовладение), представляет собой взаимосвязанную, заранее согласованную преступниками систему действий и приемов по подготовке, совершению и сокрытию грабежа и разбойного нападения и позволяет сделать вывод об обстановке совершенного преступления, психофизиологические особенности преступника (или преступников), мотивы и цели совершенного преступления [9, с. 130]. Особая общественная опасность грабежей и разбойных нападений обусловливается необходимостью хорошо организованной и квалифицированной оперативно-розыскной деятельности

подразделений уголовного розыска, их тесного взаимодействия со следователем, подразделениями патрульной полиции и общественными формированиями.

Успешное раскрытие грабежей и разбойных нападений обеспечивается: наличием действенного оперативно-розыскного учета; взаимодействием подразделений уголовного розыска между собой, с другими службами НПУ, а также оперативными подразделениями органов и учреждений исполнения наказаний и следственных изоляторов Государственной уголовно-исполнительной службы Украины; сочетанием оперативно-розыскных и криминалистических средств и методов раскрытия преступлений [10, с. 210]. В соответствии со статьей 7 Закона Украины «Об оперативно-розыскной деятельности» осуществлять взаимодействие между собой и другими правоохранительными органами, в том числе соответствующими органами иностранных государств и международных антитеррористических организаций, с целью быстрого и полного предупреждения, выявления и пресечения преступлений. Взаимодействие предполагает взаимную деятельность, совместную работу, сотрудничество. В оперативно-розыскной деятельности под взаимодействием понимается комплекс совместных или согласованных по времени, месту и действиями действий нескольких оперативных подразделений по решению определенных задач в борьбе с преступностью совместными усилиями. Для взаимодействия нужны: согласованность целей, места и времени, соответствие требованиям закона и нормативных ведомственных актов, сочетание наиболее важных взаимодействующих субъектов, сил, средств и методов [11, с. 140]. Качественное расследование грабежей и разбойных нападений возможно лишь при комплексном использовании сил и средств, имеющихся в наличии, при постоянном совершенствовании тактики и методов практической деятельности, а также при творческом отношении к делу сотрудников всех подразделений. Значение этих задач, стоящих перед подразделениями органов Национальной полиции, сводятся, прежде всего, к предотвращению грабежей и разбойных нападений

и своевременному раскрытию и расследованию совершенных грабежей и разбойных нападений, избличению и привлечению к ответственности лиц, их совершивших. Эти задачи решаются совместными усилиями оперативных сотрудников уголовного розыска и следователей. Если первые решают их путем проведения оперативно-розыскной работы, то вторые путем выполнения процессуальных действий. Исключение составляет проведение следственных (розыскных) и негласных следственных (розыскных) действий оперативным сотрудником в рамках уголовного производства по письменному поручению следователя. Оба вида деятельности (оперативная и следственная) направлены на пресечение преступных действий лиц, готовящихся совершить грабеж и разбой, или уже его осуществили. Фактически эти подразделения решают те же задачи по борьбе с грабежами и разбойными нападениями, только приемы, способы и средства решения общих задач существенно отличаются. Поэтому эти виды деятельности сосредоточены в различных подразделениях и службах органов НПУ и СБУ, что вызывает необходимость слаженной совместной работы при решении конкретных практических задач, осуществления тесного взаимодействия для достижения поставленной цели.

Взаимодействие – это деловое сотрудничество. Поэтому необходимо дальнейшее совершенствование взаимодействия всех подразделений упомянутых органов и их департаментов, с тем, чтобы эффективнее и качественнее использовать все возможности, которые есть в их распоряжении. Взаимодействие оперативных подразделений зависит от выполняемых ими задач и ведомственной принадлежности. Так, например, оперативные подразделения Национальной полиции могут взаимодействовать: между собой в пределах органа (уголовный розыск и защита экономики); с другими неоперативными подразделениями своего органа Национальной полиции (уголовный розыск и следственный отдел, патрульная полиция), с оперативными подразделениями другого территориального органа НП (подразделения уголовного розыска двух соседних районов); с оперативными подразделе-

лениями другого правоохранительного ведомства (уголовный розыск и оперативно-розыскное подразделение учреждения исполнения наказаний), с подразделениями досудебного следствия другого правоохранительного ведомства (подразделение уголовного розыска с органами, которые осуществляют контроль за соблюдением налогового законодательства) [11, с. 140]. Большое значение для расследования и раскрытия грабежей и разбойных нападений имеет организация эффективного взаимодействия сотрудников уголовного розыска со следователями органов НПУ. Следователи, завершая работу сотрудников уголовного розыска по раскрытию, могут обнаружить ранее неизвестные грабежи и разбойные нападения и лиц, их совершивших, причины и условия, способствующие совершению грабежей и разбойных нападений. В свою очередь, оперативные работники информируют следователей о негласно полученных фактических данных о противоправных действиях подозреваемых или обвиняемых и других обстоятельствах, способствующих расследованию грабежей и разбойных нападений. Кроме того, сотрудники уголовного розыска по поручению следователей осуществляют оперативные и следственные мероприятия для сбора доказательственной информации, выявления и задержания лиц, подозреваемых в совершении, обвиняемых, уклоняющихся от следствия и суда, и другие мероприятия в интересах уголовного судопроизводства. В работе по раскрытию и расследованию грабежей и разбойных нападений, совершенных на территории или объектах обслуживания, сотрудники уголовного розыска, как правило, участвуют в осмотре места происшествия, проведении неотложных следственных действий, разработке следственно-оперативных версий, составлении планов расследования с учетом особенностей территории, объектов обслуживания и оперативной обстановки.

Под взаимодействием оперативных и следственных подразделений следует понимать согласованную в течение определенного времени, четко скоординированную совместную их деятельность, основанную на законе и подзаконных актах и направленную на решение задач по обеспечению

надлежащего правопорядка. В данном определении можно выделить два основных элемента: *во-первых*, деятельность между подразделениями должна быть согласованной. Следователи и оперативные подразделения, выполняя каждый свои функции на основе произведенной согласованности, дополняют деятельность друг друга, создают взаимные условия для решения конкретных задач. Это повышает эффективность проводимых мероприятий. Каждая из сторон должна понимать и осознавать, что от ее действий в определенной степени зависят результаты всей работы, и это сказывается на решении общей задачи – повышении чувства ответственности сотрудников взаимодействующих подразделений. *Во-вторых*, действия каждой из сторон, направленные на совместное решение конкретных задач, должны соответствовать положениям законов и других подзаконных актов. Процессуальные действия осуществляются в строгом соответствии с положениями Уголовно-процессуального кодекса, а оперативные мероприятия регулируются законом Украины «Об оперативно-розыскной деятельности» от 18 февраля 1992. В действиях каждой из сторон недопустимы шантаж, провокация и другие подобные приемы относительно подследственных и других лиц, поскольку это может негативно повлиять на конечный результат совместной деятельности [1].

Взаимодействие практически осуществляется через сотрудников следственных и оперативных подразделений, то есть через следователя и оперативного работника. Правильная организация взаимодействия предполагает четкое разграничение функций каждой из сторон (следователя и оперативного работника). Общие функции оперативных и следственных подразделений известны и достаточно четко разграничены. Следственные подразделения выполняют только процессуальные функции, оперативные же выполняют функции оперативного характера, а по поручению следователя также осуществляют и процессуальные функции как органы досудебного расследования. На основе этих функций четкое разграничение компетенций оперативного работника и следователя в конкретном случае взаимодействия

имеет важное практическое значение, поскольку повышает ответственность, способствует соблюдению законности, более четкой организации всей оперативно-следственной деятельности [12, с. 276]. Правовая регламентация их взаимодействия должна базироваться, с одной стороны, на полномочиях следователя, а с другой – на обязанности подразделений уголовного розыска проводить процессуальные и непроцессуальные действия по поручению следователя. Следовательно, правовые нормы, регламентирующие взаимодействие следователя и оперативных работников, создают определенную систему правоотношений между указанными субъектами уголовного судопроизводства и должны служить решающим фактором согласования их деятельности и устранения всех возможных противоречий между ними.

Анализируя законодательство Украины, на котором базируется деятельность следственных и оперативных работников, необходимо отметить, что по своему содержанию деятельность оперативных служб информационно-поисковая и познавательная, тогда как деятельность следователя в основном является доказательной и правоприменительной. Данные, полученные оперативными службами, не всегда используются правосудием в качестве доказательств, они помогают сориентироваться при построении версий и определить круг определенных следственных действий, которые необходимо провести. Своевременное получение следователем от оперативно-розыскных органов необходимой информации позволяет проверить ее процессуальными мерами и оформить в установленном законом порядке в качестве доказательства.

Взаимодействие между следственными и оперативными подразделениями осуществляется в различных организационных формах. Основными из них являются:

– *обмен информацией*. Эта основная форма взаимодействия создает реальные основы для расследования преступлений. В соответствии с Приказом МВД Украины от 07.07.2017 № 575 о поступлении в орган, подразделения полиции заявления или сообщения о совершенном уголовном правонарушении уполномочен-

ный работник дежурной части обязан немедленно доложить руководителю органа досудебного расследования, который определяет следователя, который будет осуществлять досудебное расследование, а также проинформировать руководителя органа, подразделения полиции. То есть взаимодействие между органами полиции и органами досудебного расследования начинается сразу после поступления информации об уголовном правонарушении [7]. Эта основная форма взаимодействия создает реальные основы для расследования преступлений. Своевременное поступление информации сторонам, взаимодействующим между собой, имеет решающее значение для следственных действий. Информация, которая передается, должна быть объективной. Если она вызывает сомнения, ее следует проверять. После поступления в орган подразделения полиции информации о совершении уголовного правонарушения и внесении информации в Единый реестр досудебных расследований (ЕРДР) под руководством начальника органа подразделения полиции осуществляется комплекс первоочередных мероприятий и неотложных следственных (розыскных) действий, в том числе по поручению следователя, направленных на установление лица, совершившего уголовное преступление, и выяснение всех обстоятельств происшествия. В случае если в результате проведенных первоочередных мероприятий и неотложных следственных (розыскных) действий не установлено лицо, совершившее уголовное преступление, руководитель органа, подразделения полиции организует и обеспечивает дальнейшую работу по раскрытию этого уголовного преступления [7]. Без взаимной информации не может быть взаимодействия. Обмен информацией может осуществляться *письменным, телефонным способом, способом радиосвязи, мобильным и электросвязью*. Обмен информацией может осуществляться постоянно и в оговоренные часы и даты, или по этапам взаимодействия. Обмен информацией может быть полный и частичный. *Совместное обсуждение мнений, предложений, выводов по материалам дела по вопросам взаимодействия*. Для выработки единого мнения по тому или иному вопросу следователь и опе-

ративный работник, как правило, прибегают к совместному обсуждению ситуации в деле. При этом добиваются взаимопонимания и согласованности действий, уточняют вопрос о границах использования оперативной информации и возможной тактики шифрования источников ее получения, уточняют обязанности каждого участника следственного действия или оперативного мероприятия.

Совместное планирование. Эта форма взаимодействия основана на полной взаимной осведомленности о материалах, которые есть в каждом из подразделений. В процессе совместного планирования каждая из сторон знакомится с информацией, и на этой основе отрабатывают план следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, определяют пути, средства и способы их реализации, согласовывают время и место совместных действий и тому подобное. Такая форма взаимодействия добавляет совместной деятельности целеустремленности и более организованности. *Совместное участие в проведении отдельных следственных и розыскных действий.* Такая необходимость часто возникает при проведении осмотра места происшествия, обыске, при преследовании преступника по «свежим» следам и др. Например, в соответствии с Приказом МВД от 07.07.2017 № 575 сотрудник оперативного подразделения на месте происшествия немедленно информирует следователя о полученных данных об обстоятельствах совершения уголовного преступления и лиц, его совершивших, для их дальнейшей фиксации путем проведения следственных (розыскных) действий или негласных следственных (розыскных) действий, а также выполняет письменные поручения следователя о проведении следственных (розыскных) и негласных следственных (розыскных) действий. При их выполнении пользуется полномочиями следователя. Это дает возможность более квалифицированно выполнять следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия, своевременно получать информацию о лицах, совершивших преступление, и соответствующим образом на нее реагировать, а также сокращать сроки их проведения.

Взаимодействие в работе следователя и оперативных подразделений, которая обеспечивает общность следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий при расследовании преступлений, базируется на: четко установленном законом разграничении их компетенции, является гарантом эффективного выполнения следователями и оперативными работниками своих обязанностей, направленных на расследование и раскрытие преступлений; согласованных действиях на месте происшествия с целью обнаружения и закрепления следов преступления, розыска и задержания преступника, для чего, как правило, создаются следственно-оперативные группы, в деятельности которых руководящую роль занимает следователь, который организует и определяет направления ее работы; совместного участия в разработке плана расследования по делу и плана отдельных, наиболее сложных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий; систематическом обмене информацией о состоянии выполнения совместных планов и обстоятельствах, касающихся преступления, которое расследуется, и лица, его совершившего [13, с. 76]. Взаимодействие в сфере борьбы с преступностью на практике сложно и многогранно. Кроме единой цели, которая является главным в организации взаимодействия, необходимо учитывать и ряд других критериев: характер связей оперативных подразделений между собой; сроки осуществления совместных мероприятий; функции взаимодействующих оперативных подразделений; отношение к системе органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность; степень конспирации; этапы осуществления совместных оперативно-розыскных мероприятий; субъекты взаимодействия; формы взаимного осведомления [11, с. 141]. Сущность взаимодействия заключается в основном в действующем в законодательстве согласовании деятельности следственных и оперативных работников, направленном на раскрытие конкретного преступления и осуществление путем наиболее целесообразного сочетания методов и средств, применяемых при проведении следственных (розыскных) действий и проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Выводы. Таким образом, законодательные и нормативно-правовые акты Украины, а также опыт практической деятельности следственных и оперативно-розыскных подразделений дают основание сделать следующий вывод: необходимость взаимодействия следователя с оперативным сотрудником уголовного розыска при раскрытии и расследовании грабежей и разбойных совершено очевидна, она позволяет в наиболее полном объеме использовать специфические знания, возможности и силы как следователя, так и оперативных работников, сосредоточить усилия на наиболее важном направлении – предупреждении, пресечении, раскрытии преступлений и их расследовании. Взаимодействие подразделений уголовного розыска со следователем по противодействию грабежам и разбойным нападениям является одним из главных принципов организации работы названных органов (подразделений), поскольку позволяет эффективно и экономно использовать силы и средства, имеющиеся в наличии, качественно и быстро реагировать на изменения оперативной обстановки.

Список использованной литературы:

1. Про оперативно-розшукову діяльність: Закон України від 18.02.1992. URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/2135-12>.
2. Науково-практичний коментар Закону України «Про Національну поліцію» / Кол. авт.; керівн. авт. кол. д.ю.н., проф. Т.П. Мінка. Дніпро: Дніпропетровськ. держ. ун-т внутр. справ, 2017. 480 с.
3. Мелешев С.Б. Особливості діяльності слідчих прокуратури та оперативних працівників при розкритті навмисних вбивств, поєднаних із зґвалтуванням, по гарячих слідах. Вісник Національного університету внутр. справ. Х., 2003. Випуск 23. С. 61–66.
4. Про Національну поліцію: Закон України від 06.02.2018. URL: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/580-19>.
5. Дагаєва Г.Ю. Взаємодія правоохоронних органів у боротьбі з організованою злочинністю. Вісник Наці-

онального університету внутр. справ. Х., 2002. Випуск 23. С. 12–15.

6. Липкан В.А. Боротьба з тероризмом. К.: Знання України, 2002. 254 с.

7. Про затвердження Інструкції з організації взаємодії органів досудового розслідування з іншими органами та підрозділами Національної поліції України в запобіганні кримінальним правопорушенням, їх виявленні та розслідуванні: Наказ МВС України від 07.07.2017 № 575.

8. Науково-практичний коментар Кримінального кодексу України від 5 квітня 2001 / За редакцією М.І. Мельника, М.І. Хавронюка. М.: Канон, А. С. К., 2001. 1104 с.

9. Телійчук В.Г. Порівняння криміналістичної та оперативно-розшукової характеристики розбійних нападів на квартири громадян // Сучасні проблеми розвитку державності та протидії злочинності: Матеріали III звітної науково-практичної конференції (17-18 травня) / За заг. ред. д. юр. н., проф. .. В.П. Петкова. Кіровоград: Кіровоградський юридичний інститут НУВС, ділянка оперативної друку, 2005. С. 129–131.

10. Телійчук В.Г. Деякі тактичні особливості оперативно розшукових заходів по виявленню осіб, які вчиняють розбійні напади на квартири громадян // Основні напрямки реформування ОВС в умовах розбудови демократичної держави (Одеса, 14-15 жовтня 2004): Матеріали Міжнародної науково-практичної конференції / За заг. ред. д-ра юрид.наук, професора О.Ф.Долженкова. Частина 2. Одеса: Вид-во ОЮІ НУВД, 2004. С. 209–211.

11. Бандурка О.М. Оперативно-розшукова діяльність. Частина I: Підручник. Харків: Вид-во Нац. ун-ту внутр. справ, 2002. 336 с.

12. Біленчук Д., Лисиченко В.К., Клименко Н.І. та ін. Криміналістика: Підручник. / Під ред. П.Д. Біленчука. – другий вид., Испр. і доп. М.: Атіка, 2001. 544 с.

13. Фоліс І.А. До питання взаємодії слідчих і оперативних працівників (з практичного досвіду). Вісник Національного університету внутр. справ. Х., 2004. Випуск 26. С. 75–79.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Телійчук Віталій Григорьевич – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник, доцент, доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности факультета подготовки специалистов для подразделений криминальной полиции Днепропетровский государственный университет внутренних дел

Семеніцький Алексей Вадимович – аспирант кафедры оперативно-розыскной деятельности факультета подготовки специалистов для подразделений криминальной полиции Днепропетровского государственного университета внутренних дел

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Teliyuchuk Vitaliy Grigoryevich – Candidate of Law Sciences, Senior Researcher, Associate Professor, Senior Lecturer at the Department of Operatively-Search Activity of Faculty of Preparation of Experts for Subdivisions of Criminal Police of Dnepropetrovsk State University of Internal Affairs

Semenitskiy Aleksey Vadimovich – Postgraduate Student at the Department of Operative-Investigative Activity of the Faculty for Training Specialists for Criminal Police Units of Dnepropetrovsk State University of Internal Affairs

Vikol_grigor@ukr.net

УДК 330.342.146

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ПРЕОДОЛЕНИЯ БЕДНОСТИ В УКРАИНЕ В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Тарас ТОКАРСКИЙ,
кандидат экономических наук,
докторант Национального института стратегических исследований

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию состояния социальной политики преодоления бедности в Украине в контексте европейской интеграции и определению векторов её дальнейшего развития. Автором раскрыты особенности социальной политики преодоления бедности в Украине и установлено влияние евроинтеграции на её трансформацию; раскрыты пути преодоления экономического кризиса, в котором оказалось украинское общество в связи с военными действиями на востоке Украины и сдерживанием запланированных реформ, обусловленных внутригосударственной нестабильностью; проанализированы факторы, уменьшающие эффективность реализации стратегии преодоления бедности и замедляющих экономическое развитие Украины. В результате проведенного анализа сформулированы теоретические выводы и очерчены перспективы дальнейшего реформирования социальной политики преодоления бедности в Украине в контексте евроинтеграционного вектора развития нашего государства.

Ключевые слова: социальная политика, преодоление бедности, европейская интеграция, экономический кризис, коррупционность, безработица населения.

SOCIAL POLICY OF UKRAINE'S POVERTY REDUCTION IN THE CONTEXT OF EUROPEAN INTEGRATION

Taras TOKARSKIY,
Candidate of Economic Sciences,
Doctoral Student of the National Institute for Strategic Studies

SUMMARY

The article is devoted to the study of the social policy of Ukraine's poverty reduction in the context of European integration and definition of vectors for its further development. The author reveals the peculiarities of the social policy of Ukraine's poverty reduction and established the influence of European integration on its transformation; the ways of the economic crisis deconffliction in which Ukrainian society turned out in connection with the military actions in the east of Ukraine and the containment of the planned reforms caused by internal instability had been revealed; the factors that reduce the effectiveness of the poverty reduction strategy implementation and slowing down Ukraine's economic development were analyzed.

As a result of the analysis, theoretical conclusions were formulated and outlined the prospects for further reformation of the social policy of Ukraine's poverty reduction in the context of European integration vector of our states' development.

Key words: social policy, poverty reduction, European integration, economic crisis, corruption, unemployment.

Постановка проблемы. В современном мире стремление государства к проведению реформ является одним из ведущих показателей его развития, благодаря которому страна имеет возможность влиять на темпы и степень модернизации экономической, политической, социальной и других сфер [1, с. 117]. Межгосударственные тенденции к преодолению бедности и реформированию социальной политики возложили и на Украину обязанности по ликвидации бедности как социального явления. Сегодня темпоральная отдаленность от декларативных обещаний в обеспечении социальных благ, данных во время Революции Достоинства, поэтапное продвижение нашего государства на пути к евроинтеграции и полноправному членству в Сообще-

стве, усиление мировых глобализационных процессов, обострение проблем экономической и экологической безопасности, необходимость преодоления бедности населения указывают на актуализацию, длительность, усложненность и комплексность внутригосударственных трансформаций.

Однако механизм реформирования социальной сферы, его взвешенная тактика и стратегический курс не получили еще должной поддержки, что обосновывается скепсисом и недоверием к планируемым правительством изменениям, наличием неискорененной коррупционной составляющей, которая остается пережитком старой системы. Несмотря на наличие позитивных подвижений в указанной сфере, народ все так же остаётся разочарованным фак-

тическим положением дел. Модифицирование экономики в Украине на сегодняшний день привело к значительному снижению реальных доходов населения, лишению гарантий на труд, жилье, бесплатное образование и медицинское обслуживание, что, в свою очередь, привело к росту бедности, усилению преступности, сокращению продолжительности жизни, интенсификации эмиграционных процессов и обострению других социально-экономических проблем. Основные социальные риски достигли таких масштабов, которые могут представлять настоящую угрозу национальной безопасности государства. Речь идет о дестабилизации общества, обострении конфликтов на национальной и религиозной почве, формировании сепаратистских настроений в от-

дельных регионах и группах населения, неверие в дееспособность власти и прочее. Стоит отметить, что приведенные точки зрения фрагментарно уже нашли свое отражение в действующем законодательстве. Так, Законом Украины «Об основах национальной безопасности Украины» определен круг угроз национальным интересам и безопасности, в частности в социальной и гуманитарной сферах, среди прочих, выделена неэффективность государственной политики в области увеличения трудовых доходов граждан, преодоления бедности и сбалансирования продуктивной занятости трудоспособного населения [2].

В указанных условиях главным вектором для нашей страны на данном этапе является формирование социально-ориентированной рыночной экономики европейского типа, соответствующей международным стандартам качества жизни, а также среднего класса как гаранта стабильности в стране и эффективного фактора ускорения экономического роста. Именно поэтому социальные аспекты европейской интеграции все больше привлекают внимание ученых и требуют более детального раскрытия проблемы преодоления бедности на территории Украины.

Актуальность темы исследования. В условиях интенсификации евроинтеграционных стремлений нашего государства особую актуальность приобретает необходимость детального анализа и раскрытия проблематики социальной политики Украины с целью внедрения средств модернизации общественной жизни европейского уровня. Наличие на территории нашего государства военизированного конфликта приводит к потребности постепенного решения проблемы на внутреннем и международном уровнях. Исследование определенных парадигм развития общества интересно как с теоретической, так и практической точки зрения. Особую актуальность приобретает акцентирование на негативном исторически закреплённом национальном опыте Украины в сфере социальной политики как на базисе для качественных трансформаций в указанном секторе государственной политики в сегодняшних условиях. Постоянная аналитическая работа в области корреляции происходящих процессов может быть рассмотрена как один из важней-

ших инструментов проектирования реальных направлений преодоления кризисных явлений в нашей стране.

Стоит отметить, что после длительного процесса ратификации, 1 сентября 2017 Соглашение об ассоциации между Украиной, с одной стороны, и Европейским Союзом, Европейским Сообществом по атомной энергии и их государствами-членами, с другой стороны (от 21.03.2014 г. и 27.06.2014 г.), [3] вступило в силу и создало новый фундамент в развитии международных отношений между нашим государством и Европейским Союзом. Более того, указанный нормативно-правовой акт стал «дорожной картой» реформ в сфере социальной политики Украины и легализовал выбор современных социально-политических европейских ценностей, что и актуализирует выбор темы исследования.

Состояние исследования. Проблема социального неравенства и бедности сегодня все чаще становится объектом научного исследования и оживленных дискуссий как зарубежных, так и отечественных ученых, что свидетельствует о ее чрезвычайной актуальности. Материалом для исследования послужили научные публикации отечественных и зарубежных ученых, монографии, нормативно-правовые акты национального и международного законодательства в исследуемой сфере.

Некоторые аспекты такой социально-экономической категории, как бедность, проблемы ее преодоления, предотвращения, а также ликвидация последствий фрагментарно раскрывались в работах отечественных и зарубежных ученых, таких как В. Адамик, А. Алексеева, А. Амош, В. Антонюк, Ж. Архангельская, Ю. Архангельский, А. Берданов, В. Великий, В. Ворна, А. Гальчинский, Б. Генкин, М. Дехтярчук, Л. Добровольская, С. Дятлов, Р. Колосова, А. Колот, В. Куценко, Э. Либанова, Е. Макарова, В. Мандыбура, Ю. Мотиченко, В. Новиков, Р. Нуреев, И. Овчаренко, В. Оникиенко, В. Опалько, Б. Пасхавер, В. Петюх, С. Поляков, А. Позняк, А. Радзиевская, А. Ревенко, Е. Румянцова, Ю. Саенко, М. Семькина, А. Сергиенко, В. Симоненко, Н. Ситникова, А. Стожок, И. Чекан, Л. Черенько, П. Шевчук, В. Юрчишин и другие. Огромный вклад был внесен в разработку исследуемой про-

блемы зарубежными учеными, а именно Дж. Р. Хиксом, К. Эрроу, Г. Мюрдалем, Ф. Хайеком, А. Сенном, Э. Дитоном и прочими. Стоит отметить, что в научной литературе комплексное исследование национальной социальной политики преодоления бедности в контексте европейской интеграции государства до сих пор отсутствует.

Целью и задачей статьи является исследование состояния социальной политики преодоления бедности в Украине в контексте евроинтеграции, определение векторов её дальнейшего развития, а также разработка научных рекомендаций в указанной сфере. Согласно поставленной цели определены основные концепты статьи: 1) раскрыть особенности социальной политики преодоления бедности в Украине и установить влияние евроинтеграции на её трансформацию; 2) проанализировать факторы, уменьшающие эффективность реализации стратегии преодоления бедности; 3) на основе проведенного анализа сформулировать теоретические выводы и очертить перспективы дальнейшего развития социальной политики преодоления бедности в Украине.

Изложение основного материала. Преодоление бедности и снижение численности населения, находящегося за её чертой, является главной социально-экономической проблемой, которая рассматривается мировым сообществом как ключевая в политике любого государства. Провозглашение независимости Украины привело к возникновению такого негативного явления, как невозможность достичь гражданами достаточного жизненного уровня. Проблема бедности на территории страны получила официальное признание после утверждения указом Президента Украины от 15 августа 2001 года № 637/2001 «Стратегии преодоления бедности», которая закрепила дефиницию понятия «бедность», а её уровень был определен как удельный вес семей (домохозяйств), в которых уровень потребления (доходов) на одного человека ниже установленной черты бедности [4].

За последние годы перестройка экономических отношений в условиях спада производства, инфляции, изменения форм собственности привела к еще более резкому снижению уровня жизни населения, уменьшению его платеже-

способности, расслоению общества по уровню доходов, и как следствие – к росту безработицы. С целью изменения сложившейся ситуации Кабинет Министров Украины своим распоряжением от 16 марта 2016 года № 161-р утвердил «Стратегию преодоления бедности» [5]. Нормами указанного нормативно-правового акта закреплено, что в соответствии с целями устойчивого развития (2015–2030 годы), принятыми на Саммите ООН в сентябре 2015 года, решение проблем преодоления бедности и уменьшения неравенства, повышения уровня жизни и обеспечения доступа к базовым услугам для всех слоев населения, развитие социальной инфраструктуры и расширение возможностей для самореализации в безопасной среде являются первоочередными задачами мирового сообщества. Обеспечение права на защиту от бедности и социального отчуждения также является одним из главных направлений Европейской социальной хартии (пересмотренной), которая ратифицирована Верховной Радой Украины в 2006 году [6].

Можно с уверенностью утверждать, что указанным нормативно-правовым актом отечественная социальная политика закрепила процесс обновления и кардинальных изменений, которые обусловлены, среди прочего, ратификацией Соглашения об ассоциации между Украиной и Европейским Союзом. В частности, главой 21 указанного Соглашения предусмотрено ведение сотрудничества стран-подписантов путем достижения многих целей, среди которых – сокращение бедности и усиление социального единства занимают особое место [3]. Многие эксперты склонны считать, что для быстрого решения ряда вопросов в социальной сфере целесообразно обращаться к опыту близких нам стран и их преобразований [7]. В свою очередь, международный опыт свидетельствует о возможности уменьшения бедности и социального отчуждения с использованием средств социальной и экономической политики путем расширения доступа к услугам образования, здравоохранения и других услуг социальной сферы, улучшения состояния окружающей среды и использования природных ресурсов [8, с. 27]. Кроме того, к решению многоаспектной проблемы бедности госу-

дарственные структуры должны подходить комплексно, используя не только действенные внутренние механизмы повышения уровня благосостояния граждан, но и привлекая внешние механизмы, среди которых значительную роль играет международная экономическая помощь.

В рамках вышеуказанного прогрессивного нормативно-правового акта центральным органом исполнительной власти принято распоряжение от 14 февраля 2018 года № 99-р «Об утверждении плана мер на 2018 год по реализации Стратегии преодоления бедности» [9], которым предусмотрена работа в следующих направлениях:

1. Расширение доступа к продуктивной занятости, содействие росту доходов населения от занятости и выплата в системе государственного социального страхования для обеспечения условий достойного труда.

2. Повышение мобильности рабочей силы на рынке труда.

3. Активное содействие детенизации занятости и доходов населения.

4. Уменьшение экономически необоснованного неравенства и содействие утверждению принципа социальной справедливости в системе распределения доходов.

5. Обеспечение доступа населения к услугам социальной сферы независимо от места проживания, минимизация рисков социального отчуждения сельского населения.

6. Содействие инициативности общин в решении острых социальных проблем и предотвращении бедности.

7. Обеспечение дальнейшего реформирования системы социальной поддержки и уменьшение масштабов бедности среди уязвимых слоев населения и прочее.

На фоне определенных положительных сдвигов абсолютная величина доходов у большинства населения не позволяет существенно повысить общий уровень существования и удовлетворить в полной мере жизненно важные потребности. Более того, несмотря на незначительный рост социальных стандартов, который мы можем сейчас наблюдать, уровень бедности все равно возрастает. На данный момент речь идет об острой социальной потребности остановки обнищания населения.

Провозглашенная минимизация уровня бедности в стране с 28% до 15%, а к 2020 – до 9%, остается декларативной. По данным Киевского международного института социологии, в 2017 году уровень бедности снизился до 12% [10]. Однако исходя из результатов выборочного опроса домохозяйств Украины, проведенного в январе 2018 года Государственной службой статистики Украины, материальное благосостояние и уровень дохода относит 70,7% граждан Украины к категории бедных [11]. Согласно официальным данным ООН на сегодняшний день более чем 60% населения Украины находится за чертой бедности [12]. Стандартами указанной организации в мире установлена граница бедности на уровне 5 долларов США в день. В свою очередь, в Украине, исходя из установленного действующим законодательством уровня прожиточного минимума, указанная норма на одного человека не превышает 2,2 доллара США в день (с 01.07.2018 года прожиточный минимум на одного человека составляет 1777 грн.) [13]. Таким образом, мониторинг показателей бедности 2018 года свидетельствует о негативных тенденциях в этой сфере, потому проблема бедности остается актуальной и требует дальнейшего решения.

Стоит отметить, что бедность является не только социальной, но и экономической категорией, а следовательно, зависит от таких макроэкономических показателей, как объем ВВП, уровень безработицы, индекс инфляции и реальной заработной платы [14, с. 15]. Таким образом, возникновение указанного явления объясняется, как правило, экономическими причинами [15, с. 203]. Сегодня мы можем говорить о незначительном ухудшении сложившейся ситуации на национальном уровне в исследуемой сфере. Анализ статистической и аналитической информации дает основания для выделения следующих факторов, уменьшающих эффективность реализации стратегии преодоления бедности и замедляющих экономическое развитие Украины.

1. Непрекращающиеся военные действия страны-агрессора. Государство и дальше несет значительные потери трудоспособного населения, которые, возможно, и вовсе не станут

работоспособными. По данным доклада Управления Верховного комиссара ООН по правам человека относительно ситуации в Украине, на данный момент насчитывается более десяти тысяч погибших, а также более 30 000 тяжело раненых и инвалидов [16].

2. Замедленное преодоление снижения производства в условиях экономического кризиса. Несомненным является тот факт, что от кризисных явлений, которые происходят в экономике Украины, больше всего страдает молодежь. Стоит отметить, что треть незанятого населения, обратившегося в центры занятости за содействием в трудоустройстве, составляет молодежь в возрасте до 28 лет. Ежегодно их численность в общем объеме предложения рабочей силы на региональных рынках труда растет. Более того, фактически данная категория населения продолжает покидать страну с целью более высокого заработка за границей.

3. Финансовые промахи социальной экономики обусловили увеличение уровня инфляции, снижение производительности труда, а также усилили налоговое давление и девальвацию гривны.

4. Незавершенность пенсионной реформы. Высоким остается уровень бедности среди лиц пенсионного возраста (21,7%) вследствие низкого уровня пенсионного обеспечения. В 2018 году запланировано ввести обязательный накопительный уровень пенсионной системы, который обеспечит экономику Украины собственным инвестиционным ресурсом, «длинные» деньгами, которые в будущих бюджетных периодах, в частности, позволят сократить расходы государственного бюджета на пенсионное обеспечение.

5. Неготовность государства к созданию соответствующих условий для достижения уровня социальных стандартов в контексте евроинтеграции. Речь идет об обеспокоенности внешних инвесторов, связанной с нестабильностью государственной политики в сфере налогообложения, создания основ обеспечения и поддержания стабильности национальной валюты. Существует понятие внутреннего инвестирования на основе потребления, которое становится вложением в определенную сферу экономики. Именно потребление, по заключению Г.И. Ля-

хович, и становится фактором экономического роста и «равноценным параметром реализации социальной политики» [17, с. 4].

6. Несбалансированность государственного бюджета, которая основывается на налоговых поступлениях и бюджетных расходах. К сожалению, в деле обеспечения баланса первого вторым просматривается непрофессионализм и непрозрачность составления госбюджета. Указанные явления являются устоявшимся государственным анахронизмом, который существенно влияет на низкий уровень социального обеспечения.

7. Промедление в осуществлении реформирования в сфере предоставления субсидий населению. Рост стоимости коммунальных услуг приводит к увеличению количества граждан, которые обращаются за получением государственных субсидий. Исследователи отмечают неправильность выбора методики расчета стоимости услуг (газ, вода, электроэнергия), нарушения порядка предоставления населению субсидий, неискорененность коррупционной составляющей [18, с. 234]. Стоит отметить, что сейчас субсидии выступают видом адресной помощи, которая вводится с целью поддержки граждан по оплате жилищно-коммунальных услуг в условиях увеличения тарифов на них. Обеспечивается этот вид помощи путем предоставления гражданам ежемесячной безналичной субсидии. 19 января 2018 года вступил в силу приказ Министерства финансов от 04.01.2018 № 1 о Порядке проведения органами Казначейства расчетов, предусмотренных пунктом 81 Порядка финансирования расходов местных бюджетов на осуществление мероприятий по выполнению государственных программ социальной защиты населения за счет субвенций из государственного бюджета, утвержденного постановлением КМУ от 04.03.2002 г. № 256, и взаимодействия участников таких расчетов [19]. Указанный нормативно-правовой акт запустил первый этап реформирования системы расчетов за субсидиями – их монетизацию на уровне предприятий, предоставляющих услуги. В дальнейшем будет осуществляться подготовка системы к внедрению монетизации субсидий на уровне домохозяйств.

Исходя из изложенного, имеющиеся в Украине инфраструктурные проблемы определяют специфику бедности по условиям жизни. Ученые отмечают, что современные вопросы социальной сферы не являются непреодолимыми, однако фактически мы сталкиваемся лишь с декларативными прокламациями, которые не способны вывести государство из существующих кризисных условий, а также из развития военного нерешенного вопроса и освободить от огромных долговых обязательств перед МВФ [20, с. 174].

Решение проблемы преодоления бедности в Украине в контексте евроинтеграции требует разработки системы комплексных научно обоснованных и более действенных мер, которые должны учитывать профиль, специфику и особенности формирования и распространения бедности, причины ее возникновения и способы преодоления. Указанные негативные факторы дают возможность сформулировать основные векторы дальнейших мер, направленных на уничтожение кризисных явлений. Сегодня задача государства предусматривает: 1) поэтапное снижение уровня бедности и социального отчуждения путем обеспечения доступа к продуктивной занятости, повышение доходов от занятости и выплат в системе государственного социального страхования, совершенствование региональной политики, поддержки надлежащего уровня и качества жизни наиболее уязвимых категорий граждан, предупреждение бедности среди внутренне перемещенных лиц; 2) создание более благоприятного законодательного поля для инвестиций и развития устойчивых предприятий, предпринимательства и инновационной деятельности; 3) стремительное реагирование политики занятости, законодательства и инвестиций на нужды женщин и мужчин из уязвимых групп населения; 4) уменьшение диспропорций в региональном развитии, особенно в сельской местности; 5) укрепление способности национальных учреждений и региональных органов власти для содействия развитию села и развития предпринимательства; 6) усиление сотрудничества объединений работодателей и бизнес ассоциаций с Правительством Украины в разработке стратегий и мер, предусматривающих создание

рабочих мест; 7) повышение уровня трудоустройства и доступа к предпринимательству; 8) экономическое расширение прав и стандартов занятости; 9) расширение рынка труда и повышение его инклюзивности, особенно в отношении молодежи, женщин и населения районов, пострадавших от конфликта; 10) усовершенствование методологии оценки и мониторинга бедности, а также социального отчуждения. Таким образом, указанная в статье проблематика требует своевременных и взвешенных мер нашего государства в сфере уменьшения масштаба бедности, предотвращения её распространения и ликвидации последствий.

Выводы. Переход Украины к рыночной экономике привел к высокой дифференциации отдельных социальных групп по уровню жизни, и, как следствие, возросла доля бедного населения. Данная проблема является серьезной угрозой национальной безопасности, затрагивая не отдельного человека, а общество в целом. На продолжение расслоения общества влияет также недостаточная деятельность государства в сфере уменьшения социального неравенства, отсутствие эффективных реформ и определения приоритетов на кратко-, средне- и долгосрочную перспективу. Сложная экономическая ситуация, отягощенная вооруженным конфликтом на востоке страны и аннексией Крыма, приводит к росту бедности и социального отчуждения среди населения Украины, особенно среди уязвимых групп, таких как внутренне перемещенные лица, многодетные семьи, люди с инвалидностью, представители сельских общин, дети-сироты и др.

Сегодня существенным фактором дальнейшего перспективного развития Украины является европейский выбор, который предусматривает адаптацию мировых стандартов демократии, формирование основ социально ориентированного рыночного хозяйства и высокоинтеллектуального информационного общества. Указанный вектор представлен и законодательно закреплен ратификацией Соглашения об ассоциации. Однако в сегодняшних условиях государство не в состоянии в полной мере обеспечить реализацию конституционно и законодательно закрепленных обязательств в сфере со-

циальной защиты населения. Пока что недостижимым приоритетом современной социальной политики Украины остается повышение уровня социально-экономического благосостояния жизни населения и обеспечения его социально-экономической безопасности.

Исходя из проведенного исследования, можно подытожить, что концептуальными принципами новой социальной политики Украины должны стать научность, комплексность, реализм, правопреемство, отсутствие популизма, учет этнонациональных и социально-экономических особенностей, территориально-региональной специфики, гендерных вопросов, достаточное правовое, ресурсное, кадровое и информационное обеспечение. Беря во внимание современные темпы экономического роста, государство обязано перейти от дотационного (пассивного) характера социальной политики к развитию и широкому внедрению принципов активной политики, заимствуя основы из особенностей современной социальной политики европейских государств с учетом Украины (проблемы преодоления военной агрессии, коррупционная составляющая органов власти, криминальная преступность, олигархизация).

Список использованной литературы:

1. Райнерт Е. С. Як багаті країни забагатіли... і чому бідні країни лишаються бідними. Київ: Темпора, 2016. 444 с.
2. Про основи національної безпеки України: Закон України від 19.06.2003 р. № 964-IV. Відомості Верховної Ради України. 2003. № 39. Ст. 351.
3. Угода про асоціацію між Україною, з однієї сторони, та Європейським Союзом, Європейським співтовариством з атомної енергії і їхніми державами-членами, з іншої сторони: Закон України від 16.09.2014 р. № 1678-VII. Відомості Верховної Ради України. 2014. № 40. Ст. 2021.
4. Про Стратегію подолання бідності: указ Президента України від 15 серпня 2001 р. № 637/2001. Офіційний вісник України. 2001. № 33. Ст. 1525.
5. Стратегія подолання бідності: затверджено розпорядженням Кабінету Міністрів України від 16 березня 2016 року № 161-р. URL: <https://www.kmu.gov.ua/ua/npas/248898080> (Дата обращения: 05.07.2018).
6. European Social Charter (Revised) URL: <https://rm.coe.int/168007cf93> (Last assessed: 05.07.2018).
7. Яковюк І. В. Інноваційна стратегія ЄС: уроки для України. Право та інноваційне суспільство: електрон. наук. вид. 2014. № 2 (3). URL: <http://apir.org.ua/wp-content/uploads/2014/12/Yakoviyk.pdf> (Дата обращения: 05.07.2018).
8. Надибська О. Я. Соціальні пріоритети України в глобалізаційному просторі: монографія. Одеса: Астропринт, 2017. 248 с.
9. Про затвердження плану заходів на 2018 рік з реалізації Стратегії подолання бідності: розпорядж. Кабінету Міністрів України від 14 лютого 2018 р. № 99-р. Урядовий кур'єр. 2018. № 76.
10. Рівень бідності в Україні у 2017 році знизився до 12 %. <https://www.ukrinform.ua/rubric-society/2378224-riven-bidnosti-v-ukraini-znizivsa-do-12-sociologi.html> (Дата обращения: 05.07.2018).
11. Державна служба статистики України. Офіційний веб-сайт. URL: http://www.ukrstat.gov.ua/druk/publicat/kat_u/2018/zb/06/zb_sdurd2017pdf.pdf (Дата обращения: 05.07.2018).
12. Представництво ООН в Україні. Офіційний веб-сайт. URL: <http://www.un.org.ua/ua/> (Дата обращения: 05.07.2018).
13. Про Державний бюджет України на 2018 рік: Закон України від 07.12.2017 № 2246-VIII. Відомості Верховної Ради. 2018. № 3-4. Ст. 26.
14. Гладун О. Методологічні підходи до визначення критеріїв бідності і запровадження моніторингу бідності в Україні. Статистика України, 1998. № 2. С. 14-18.
15. Вітковська К. В. Статистична оцінка впливу факторів на рівень бідності. Формування ринкових відносин в Україні, 2015. С. 202-205.
16. Доповідь щодо ситуації з правами людини в Україні. 16 листопада 2017 року – 15 лютого 2018 року. Управління Верховного комісара Організації Об'єднаних Націй з прав люди-

ни. URL: <https://vkksu.gov.ua/userfiles/ReportUkraineUKR.pdf> (Дата обращения: 05.07.2018).

17. Ляхович Г.І. Економіко-фінансові механізми здійснення державної соціальної політики в перехідних умовах: автореф. дис. ... канд. наук з державного управління. Київ, 2004. 20 с.

18. Підгорний А.З., Самотоєнкова О.В., Ольвінська Ю.О., Вітковська К.В. Соціально-демографічна статистика: підручник / за ред. А.З. Підгорного. Одеса :ФОП Гуляєва В.М., 2017. 450 с.

19. Про затвердження Порядку проведення органами Казначейства розрахунків, передбачених пунктами 8, 8-1 Порядку фінансування видатків місцевих бюджетів на здійснення заходів з виконання державних програм соціального захисту населення за рахунок субвенцій з державного бюджету, затвердженого постановою Кабінету Міністрів України від 04 березня 2002 року № 256, та взаємодії учасників таких розрахунків: наказ Міністерства фінансів України від 04.01.2018 № 1. Офіційний вісник України. 2018. № 5. Ст. 223

20. Амоша О., Новікова О. Проблеми та шляхи забезпечення соціальної орієнтації економіки України. Журнал європейської економіки. 2005. С. 174–184.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Токарский Тарас Богданович – кандидат экономических наук, докторант Национального института стратегических исследований

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tokarskiy Taras Bogdanovich – Candidate of Economic Sciences, Doctoral Student of the National Institute for Strategic Studies

tt.adaptation@gmail.com

УДК 342

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ УКРАИНЫ

Андрей ЦЫБКА,

аспирант Института законодательства Верховной Рады Украины

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются конституционные принципы обеспечения энергетической безопасности Украины. На основе анализа теории права и норм конституции предложена система таких принципов, к которым относятся: принцип социальной направленности государства, верховенства права, национальной стойкости, обеспечения экологической безопасности, пропорциональности вмешательства в права человека в интересах национальной безопасности, обеспечения национальных интересов во внешнеполитической деятельности, обеспечения права каждого на доступ к энергетическим услугам. Предложена классификация таких принципов на общие и специальные, которые, в свою очередь, делятся на принципы обеспечения национальной безопасности и принципы обеспечения энергетической безопасности.

Ключевые слова: конституционные принципы, энергетическая безопасность, принципы обеспечения энергетической безопасности.

CONSTITUTIONAL FEATURES OF ENERGY SECURITY SYSTEM OF UKRAINE

Andrey TSYBKA,

Postgraduate Student at the Institute of Legislation of the Verkhovna Rada of Ukraine

SUMMARY

The article deals with the constitutional principles of ensuring Ukraine's energy security. Based on the analysis of the theory of law and the norms of the constitution, a system of such principles is proposed, including: the principle of the social orientation of the state, the rule of law, national resilience, ensuring environmental security, proportionality of interference in human rights in the interests of national security, ensuring national interests in foreign policy activities, the right of everyone to access energy services. A classification of such principles into general and special ones is proposed. The special principles can be divided into principles of ensuring national security and principles of ensuring energy security.

Key words: constitutional principles, energy security, principles of ensuring energy security.

Постановка проблемы. Конституционные принципы являются отправными точками, главными идеями, заложенными в правовое регулирование всех сфер деятельности человека. Они служат не только ориентиром, но и стандартом для правотворческой, правоприменительной и правоохранительной деятельности. Соблюдению этих принципов способствует стабильность всей правовой системы, она гарантирует максимальное обеспечение конституционных прав и свобод человека, что делает особо ценным их определение и систематизацию.

В то же время сфера энергетической безопасности имеет чрезвычайное значение как для экономики страны, так и для реализации многих из конституционных прав человека, в чем мы убедимся в ходе исследования. В Конституции Украины закреплены многие принципы, которые имеют особую важность для обеспечения энергетической безопасности Украины, однако на сегодня эти принципы на доктринальном уровне не сформированы в единую систему.

Актуальность темы исследования. Деятельность субъектов энерге-

тической безопасности, а в особенности государственных органов, несет определенные риски нарушения прав человека, так как конституции многих стран предусматривают возможность ограничения ряда прав человека в интересах национальной безопасности. В связи с этим, а также учитывая важность энергетической безопасности для функционирования экономики страны и обеспечения государственного суверенитета, особую актуальность приобретает разработка системы конституционных принципов обеспечения энергетической безопасности Украины.

Состояние исследования. На данный момент в юридической науке отсутствует комплексное исследование конституционных принципов обеспечения энергетической безопасности Украины. В то же время изучением конституционных принципов, которые мы можем приложить к сфере энергетической безопасности, занимались Головатый С.П., Ирха Ю.Б., Савенко Н.Д., Шаптала Н.К. и другие.

Проблемами энергетической безопасности и смежных видов безопасности занимались такие ученые, как Ващенко Ю.В., Завидняк М.И., Новицкий А.М., Сердюченко А.В., Чуйко З.Д., а также другие.

Целью статьи является формулирование и описание конституционных принципов обеспечения энергетической безопасности Украины, их систематизация и объединение в единую систему, что позволит улучшить как практический аспект обеспечения безопасности, так и даст почву для дальнейшего исследования этой темы.

Изложение основного материала. В общих чертах обеспечение энергетической безопасности Украины – это целенаправленная деятельность субъектов энергетической безопасности, направленная на минимизацию и устранение рисков и угроз в сфере энергетики. Кроме того, эта деятельность предусматривает обеспечение достаточного количества топливно-энергетических ресурсов для устойчивого функционирования и развития как экономики страны, так и отдельно взятой личности, включая возможность реализации ее конституционных прав и свобод.

Как и любая другая деятельность, обеспечение энергетической безопас-

ности находится в поле зрения конституционных норм, которые закладывают основы ее осуществления. В этом контексте ведущее значение имеют конституционные принципы, представляющие основополагающие руководящие принципы устройства общества и государства, которые нашли свое выражение в Основном Законе.

Н.Д. Савенко различает термины «принципы конституции» и «конституционные принципы». Так, принципы конституции закреплены непосредственно в нормах конституции и подлежат применению как норма прямого действия. Такие нормы являются более общими и универсальными, а также нормы-принципы имеют приоритет над простой нормой, то есть в случае расхождения между такой и простой нормой конституции применению подлежит норма-принцип. При этом ученый определяет принципы Конституции Украины как материализованные в ее нормах определяющие положения, основные принципы или идеи, основополагающие общеобязательные правила, важнейшие социальные ценности, имеющие общую значимость и высокую императивность [1, с. 14].

В отличие от принципов конституции, конституционные принципы выводятся из положений конституции, то есть они формулируются доктринальным путем или путем интерпретации соответствующего нормативного акта или его отдельных положений [1, с. 14].

Фактически отличие заключается в пути их закрепления в Основном Законе и способе формулировки. Это также означает, что конституционные принципы являются более широким понятием и включают в себя принципы конституции, поэтому мы будем использовать именно его.

Перед тем как перейти к непосредственному рассмотрению принципов обеспечения энергетической безопасности Украины, перечислим в качестве примера принципы обеспечения экономической безопасности, составной частью которой является энергетическая безопасность. Так, М.И. Завидняк выделяет следующие принципы: 1) принцип правового социального государства; 2) свободы экономической деятельности; 3) справедливости; 4) права на независимый и беспристрастный суд; 5) соблюдения

требований публичного экономического порядка; 6) пропорциональности [2, с. 51].

Некоторые из этих принципов являются основополагающими и для энергетической безопасности Украины, однако рассмотрим основные конституционные принципы обеспечения энергетической безопасности, которые, по нашему мнению, являются наиболее важными для этой сферы.

Принцип социальной направленности государства. Статья третья Конституции Украины определяет, что человек, его жизнь и здоровье, честь и достоинство, неприкосновенность и безопасность признаются в Украине наивысшей социальной ценностью.

Права и свободы человека и их гарантии определяют содержание и направленность деятельности государства. Государство отвечает перед человеком за свою деятельность. Утверждение и обеспечение прав и свобод человека является главной обязанностью государства [3].

Фактически этот принцип не только определяет цель деятельности государства, но и требует постоянного ориентации на максимальное обеспечение прав человека. Такие положения особенно актуальны в сфере энергетической безопасности, где обеспечение прав и свобод человека может столкнуться с определенными рисками.

Этот принцип устанавливает ответственность государства перед человеком, а потому его неуклонно должны соблюдать органы государственной власти и органы местного самоуправления при осуществлении мероприятий по обеспечению энергетической безопасности.

Принцип верховенства права. Статья 8 Основного Закона определяет, что в Украине признается и действует принцип верховенства права [3]. В последнее время многие украинские исследователи предлагают переименовать этот принцип в «принцип правовладья» [4, с. 211–219].

Исследованию этого принципа посвящено значительное количество научных работ. Более того, он является важнейшим принципом в деятельности Европейского суда по правам человека, практика которого в значительной мере влияет на его толкование.

Начиная с оригинальной концепции, разработанной английским конституционалистом А. Дэйси, этот принцип с течением времени сильно изменился. Так, Албертом Дэйси в принцип верховенства права был заложен принципы равенства всех перед законом и отсутствия преступления без указания на то в законе [5]. Но впоследствии принцип верховенства права расширился такими универсальными принципами права, как принцип законности, принцип разделения властей, принцип народного суверенитета, принцип демократии, принцип основополагающих прав и свобод человека и другими [6].

Для обеспечения энергетической безопасности Украины указанный принцип также играет важную роль, поскольку он является одним из основополагающих для всей деятельности государства. Он, к тому же, определяет, что утверждение и обеспечение прав человека должно быть главным ориентиром в деятельности любого государственного органа или должностного лица, а также значительным образом влияет на трактовку конституции и законов при осуществлении такой деятельности.

Принцип национальной стойкости. Указанный принцип отражается в содержании статьи 17 Конституции Украины, согласно которой защита суверенитета и территориальной целостности Украины, обеспечение ее экономической и информационной безопасности являются важнейшими функциями государства, делом всего Украинского народа. Фактически он предполагает привлечение всех, включая активное гражданское общество к обеспечению национальной безопасности Украины.

Кроме того, статья 65 определяет, что защита Отечества, независимости и территориальной целостности Украины, уважение ее государственных символов является обязанностью граждан Украины [3].

Учитывая эти положения, мы можем констатировать, что обеспечение национальной и энергетической безопасности является обязанностью всего украинского народа и каждого отдельного гражданина Украины.

Понятие национальной стойкости является относительно новым для отечественной науки и определяется как способность нации возрождаться, адап-

тироваться, работать и положительно развиваться в условиях интенсивного негативного воздействия или кризиса. Национальная стойкость рассматривается как многомерный концепт, отражающий понятие всеобъемлющей безопасности от ее политических, социальных и когнитивных аспектов в экономической, кибер- и физической безопасности [7, с. 9]. При этом в Украине эта концепция постепенно формируется как альтернатива традиционному подходу управления национальной безопасностью [7, с. 4].

Принцип обеспечения экологической безопасности. Статья 16 Конституции Украины устанавливает, что обеспечение экологической безопасности и поддержание экологического равновесия на территории Украины, преодоление последствий Чернобыльской катастрофы – катастрофы планетарного масштаба, сохранение генофонда Украинского народа – является обязанностью государства.

Кроме того, право каждого на безопасную для жизни и здоровья окружающую среду гарантирует статья 50 Основного Закона [3].

В связи с тем, что на сегодняшний день энергетическая безопасность в основном обеспечивается за счет ископаемых видов топлива, а деятельность топливно-энергетического комплекса имеет значительные негативные последствия для экологии страны, реализация этого принципа приобретает особое значение при осуществлении мероприятий энергетической безопасности.

В сфере энергетической безопасности это должно проявляться в нескольких основных направлениях.

Во-первых, государство должно повышать энергоэффективность и энергосбережение для максимальной экономии и рационального использования топливно-энергетических ресурсов.

Во-вторых, это должно выражаться в развитии так называемой «зеленой» энергетики, которая минимально вредит окружающей среде.

Принцип обеспечения права каждого на доступ к энергетическим услугам. Для того чтобы лучше понять важность этого принципа, необходимо проиллюстрировать современное положение вещей относительно связи обеспечения конституционных прав

и свобод человека с доступом к энергетическим ресурсам.

На современном этапе развития доступ к энергии является неотъемлемым условием обеспечения права на жизнь и здоровье, на достаточный жизненный уровень, на безопасную для жизни и здоровья окружающую среду. Наличие бесперебойного и эффективного энергообеспечения является гарантией реализации различных конституционных прав, в частности, права на предпринимательскую деятельность, права на труд. Без этого невозможно осуществлять право на образование, свободу литературной, художественной, научной и творческой деятельности, права на отдых. В современных условиях надлежащая участие граждан в формировании органов государственной власти и органов местного самоуправления, управлении государственными делами, а следовательно, и реализация ряда политических прав невозможна при отсутствии устойчивого энергообеспечения [8, с. 87].

Таким образом, обеспечение доступа к современным энергетическим услугам относится к числу важнейших задач государства, а потому в последнее время приобретает популярность идея признания права на доступ к энергетическим услугам как права человека.

Согласно практике международных институций право на доступ к энергии преимущественно рассматривается в рамках права на достаточный жизненный уровень, однако не как отдельная составляющая, а как элемент права на надлежащее жилье. Такое право закреплено в статье 48 Конституции Украины: «Каждый имеет право на достаточный жизненный уровень для себя и своей семьи, включающий достаточное питание, одежду, жилье» [3].

Ю. Ващенко отмечает, что такой подход является слишком узким. Право на доступ к энергетическим услугам не является исключительно составляющей права на достаточный жизненный уровень, поскольку влияет на реализацию ряда других прав. При этом ученый предлагает закрепить в Основном Законе право каждого на доступ к современным энергетическим услугам и обязанность государства создать условия для достаточного, диверсифицированного, безопасного, экологически чистого, устойчивого, эффективно-

го энергообеспечения по экономически обоснованным ценам [8, с. 89].

Хотя пока мы можем говорить о праве на доступ к энергетическим ресурсам только в контексте статьи 48 Конституции Украины, целесообразно уже сейчас выделить этот принцип. Также мы поддерживаем его дальнейшее четкое закрепление в Основном Законе.

Принцип пропорциональности вмешательства в права человека в интересах национальной безопасности. Согласно Конституции Украины в интересах национальной безопасности допускается ограничение целого ряда конституционных прав и свобод человека и гражданина, в частности, права на личную семейную жизнь, права на свободу мысли и слова, на свободное хранение и распространение информации, на свободу объединения в политические партии, права на забастовку. Это подтверждает и практика Конституционного Суда Украины [9, с. 185].

В Конституции Украины при определении возможности ограничения вышеперечисленных прав (статьи 29-32, 34, 36, 44) указано, что такое ограничение осуществляется при условии и в случаях, установленных законом, как правило, по решению суда [3].

Вышеуказанные положения, а также статьи 1, 3, 8 Конституции Украины подтверждают, что такое ограничение прав должно быть пропорциональным. При этом необходимо сформулировать четкие критерии оценки правомерности такого ограничения.

Ю. Ирха отмечает, что в таком случае должен применяться тест на пропорциональность, то есть, во-первых, необходимо установить, действительно ли имели место ограничения прав и свобод, а во-вторых, органы или должностные лица должны показать, что сделали это с определенной легитимной целью и ограничения пропорциональны цели. Для этого применяются три критерия: 1) уместность – средство достижения цели должно соответствовать самой поставленной цели; 2) необходимость – из всех доступных средств это несет в себе минимальные ограничения для прав и свобод человека; 3) пропорциональность в узком смысле – нанесенный ущерб пропорционален достигнутой цели [10, с. 84].

Принцип обеспечения национальных интересов во внешнеполитической

деятельности. Статья 18 Конституции Украины указывает, что внешнеполитическая деятельность Украины направлена на обеспечение ее национальных интересов и безопасности путем поддержания мирного и взаимовыгодного сотрудничества с членами международного сообщества на основе общепризнанных принципов и норм международного права [3].

В сфере энергетической безопасности Украины это означает, что государство должно обеспечивать энергетические интересы также путем международного сотрудничества, что мы можем назвать осуществлением энергетической дипломатии. В современных условиях практически ни одна отдельно взятая страна не может обеспечить собственную энергетическую безопасность без помощи других стран. Проблемы энергетической безопасности являются глобальными для человечества, поэтому решение этих вопросов должно происходить на международном уровне.

Выводы. Таким образом, конституционные принципы, которые имеют основополагающее значение для обеспечения энергетической безопасности Украины, целесообразно разделить на определенные отдельные группы.

Во-первых, это общие принципы, в которых воплощаются определяющие идеи и принципы не только обеспечения энергетической безопасности Украины, но и других сфер человеческой жизни, как принцип социальной направленности государства и принцип верховенства права.

Во-вторых, это специальные принципы, которые распространяются на отдельную сферу правоотношений. В нашем случае в этой группе целесообразно выделить принципы обеспечения национальной безопасности и принципы обеспечения энергетической безопасности, которая является составной частью первой.

Принципами национальной безопасности являются: принцип национальной стойкости, обеспечения экологической безопасности, пропорциональности вмешательства в права человека в интересах национальной безопасности, обеспечения национальных интересов во внешнеполитической деятельности.

К специфическим принципам,

характерным именно для сферы обеспечения энергетической безопасности Украины, можно отнести принцип обеспечения права каждого на доступ к энергетическим услугам.

Вышеупомянутые принципы и формируют систему конституционных принципов энергетической безопасности Украины. Однако такая система является динамичной, а потому в процессе своего развития целесообразно обновлять эти принципы, включать новые и убирать устаревшие. Именно юридическая наука должна продолжить поиски в этом ключе и найти доктринальное обоснование максимально эффективной системы таких принципов, которая наилучшим образом обеспечит конституционные права и свободы людей.

Список использованной литературы:

1. Савенко М.Д. Принципи конституції // Наукові записки Національного університету «Києво-Могилянська Академія». 2006. Т. 53. С. 13–16.
2. Завидняк М.І. Конституційно-правові засади забезпечення економічної безпеки України: дис. канд. юр. наук: 12.00.02. Ужгород, 2016. 190 с.
3. Конституція України від 28.06.1996 № 254к/96-ВР. URL: <http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/254%D0%BA/96-%D0%B2%D1%80>.
4. Головатий С. Верховенство права або ж правовладдя: вкотре про доктринальні манівці вітчизняної науки. Право України. 2010. № 4. С. 211–219
5. A. V. Dicey INTRODUCTION TO THE STUDY OF THE LAW OF THE CONSTITUTION. URL: http://constitution.org/cmt/avd/law_con.htm.
6. Головатий С.П. Верховенство права: ідея, доктрина, принцип (автореферат дисертації). URL: <http://bihun.in.ua/jushits/jurhit/article/482/>.
7. Стійка Україна. Держава, громадянське суспільство та національна безпека. URL: <http://iser.org.ua/news/prezentovano-zvit-stiika-ukrainaderzhava-gromadianske-suspilstvo-ta-natsionalna-bezpeka>.
8. Ващенко Ю. Право на доступ до енергетичних послуг: проблеми нормативно-правового регулювання. Теорія і практика інтелектуальної власності. 2013. № 4. С. 87–91.

9. Шаптала Н. Співвідношення конституційних прав і свобод людини і громадянина та забезпечення національної безпеки України. Вісник Конституційного Суду України. № 6/2016. С. 181–187.

10. Ірха Ю. Обмеження конституційних прав і свобод людини і громадянина в інтересах національної безпеки України в сучасних умовах. Вісник Конституційного Суду України. 2015. № 5. С. 78–87.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Цыбка Андрей Анатольевич – аспирант Института законодательства Верховной Рады Украины

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Tsybka Andrey Anatolyevich – Postgraduate Student at the Institute of Legislation of the Verkhovna Rada of Ukraine

a.tsybka@gmail.com

УДК 347.19

ВВЕДЕНИЕ БЕЗОТЗЫВНОЙ ДОВЕРЕННОСТИ ПО КОРПОРАТИВНЫМ ПРАВАМ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО УКРАИНЫ

Анастасия ЧАЙКОВСКАЯ,

аспирант отдела проблем гражданского,
трудового и предпринимательского права
Института государства и права имени В.М. Корецкого
Национальной академии наук Украины

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется введение безотзывных доверенностей по корпоративным правам в законодательство Украины. Анализируются изменения в законодательстве в связи с введением нового института – безотзывных доверенностей в корпоративную сферу. Исследованы разносторонние позиции по внедрению безотзывных доверенностей в корпоративную сферу. Делается вывод о целесообразности понимания безотзывных доверенностей в корпоративной сфере как способа обеспечения исполнения обязательств по корпоративному договору.

Ключевые слова: доверенность, безотзывная доверенность, корпоративный договор, общество с ограниченной ответственностью, корпоративные права, способ обеспечения исполнения обязательств.

INTRODUCTION OF UNEXPECTED CONDITIONS OF CORPORATE RIGHTS TO THE LEGISLATION OF UKRAINE

Anastasiya CHAYKOVSKAYA,

Postgraduate Student at the Department
of Problems of Civil, Labor and Entrepreneurial Law
of the Institute of State and Law of V. Koretsky
of the National Academy of Sciences of Ukraine

SUMMARY

The article examines the introduction of irrevocable powers of attorney on corporate rights in Ukrainian legislation. The changes in the legislation concerning the maintenance of a new institute – irrevocable powers of attorney in the corporate sphere are analyzed. Researched versatile position on the introduction of irrevocable powers of attorney in the corporate sector. A conclusion is drawn on the appropriateness of understanding irrevocable powers of attorney in the corporate sphere as a way of ensuring compliance with obligations under a corporate agreement.

Key words: power of attorney, irrevocable power of attorney, corporate agreements, limited liability company, corporate rights, way to ensure fulfillment of obligations.

Постановка проблемы и актуальность темы исследования. Качество правового регулирования хозяйственных отношений влияет на эффективность экономических процессов в сфере имущественного оборота, обеспеченность субъективных прав различных участников корпоративных и иных правоотношений, а также стабильность гражданского оборота в целом. В связи с чем актуальность приобретают механизмы выполнения обязательств между контрагентами. Таким механизмом, в частности, выступают безотзывные доверенности, известные законодательству большинства стран.

Состояние исследования. В связи с недавним введением в законодательство Украины безотзывных доверенностей в корпоративную сферу в научной литературе активно анализируется введенный институт. Однако в настоящее время существует потребность в комплексных исследованиях безотзывных доверенностей в корпоративной сфере.

Целью статьи является исследование законодательного закрепления внедрения в законодательство Украины безотзывных доверенностей в корпоративной сфере и правовой анализ исследуемого института.

Изложение основного материала.

Первые нормы о безотзывных доверенностях появились в 19 веке в Индии, Германии, однако не были детально урегулированы нормативно-правовыми актами. Позже во второй половине двадцатого века более детальное отражение нормы о безотзывные доверенности нашли в законодательстве Великобритании, Австралии, США, Малайзии и других стран [7; 16]. В большинстве стран, где применяется институт безотзывной доверенности, законодательство не ограничивает сферу применения данной доверенности только предпринимательскими отношениями (Германия, США, Великобритания, Малайзия, Австралия и другие). Нормы о доверенности содержатся в специальных законодательных актах. Отдельные нормы о безотзывных доверенностях могут содержаться в законодательных актах, регулирующих корпоративные отношения [7, с. 19].

В. Игонин и А. Шматов обращают внимание на то, что безотзывная доверенность может быть полезной тогда, когда по корпоративному договору один или несколько участников имеют право определять результаты голосования на общем собрании. Для обеспечения выполнения такого условия участник получает от других участников безотзывные доверенности и использует их во время общего собрания, голосуя от имени других сторон. Важно, что согласно законодательству безотзывную доверенность должны выдавать на основании корпоративного договора на выполнение или обеспечение выполнения конкретного обязательства по такому договору [6].

Безотзывная доверенность позволяет участниками корпоративных договоров, в случае нарушения другими участниками требований корпоративного договора, на законных основаниях обратиться к государственному регистратору для перевода на себя доли участника, который не выполнил условия договора, или совершить иные действия от имени такого участника.

Правовая природа безотзывной доверенности имеет существенные отличия от традиционной доверенности, которой присущ признак фидуциарности [7; 3]. Правовой анализ безотзывных доверенностей совершен в диссертационной работе Р.А. Беседина «Безотзыв-

ная доверенность в гражданском праве». Автор, в частности, обосновывает законодательную тенденцию отхода от принципа фидуциарности и представительства интересов доверителя относительно доверенностей, прежде всего в сфере предпринимательской деятельности. Об этом свидетельствует не только конструкция безотзывных доверенностей, но и возможность заключения сделок представителем по доверенности относительно лично себя. Конструкция безотзывной доверенности не укладывается в рамки традиционного понимания доверенности и представительства, как институтов, направленных на обеспечение, прежде всего, правовых интересов доверителя, а не представителя [7, с. 10].

Представляется, что безотзывная доверенность не является доверенностью в классическом понимании, а представляет собой способ выполнения или обеспечения выполнения предпринимательского долга.

Украинское законодательство довольно ограничено регулирует возможность использования безотзывных доверенностей. До принятия законов «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины относительно корпоративных договоров» и «Об обществах с ограниченной и дополнительной ответственностью» законодательство регулировало безотзывные доверенности в сфере управления имуществом при строительстве жилья.

Так, в статье 10 Закона Украины «О финансово кредитных механизмах и управлении имуществом при строительстве жилья и операциях с недвижимостью» определено, что застройщик имеет право на время действия договора поручения с отлагательным условием предоставить безотзывную доверенность управляющему на право делегирования третьим лицам функций застройщика в случае нарушения условий договора с управляющим. Безотзывная доверенность прекращается в случае прекращения обязательства, для выполнения или обеспечения исполнения которого она выдана и подлежит нотариальному удостоверению.

Законами Украины «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины относительно корпоративных договоров» и «Об

обществах с ограниченной и дополнительной ответственностью» было введено безотзывные доверенности по корпоративным правам в законодательство Украины, как механизм, который должен способствовать повышению уровня корпоративного управления и расширению прав участников хозяйственных обществ.

В соответствии с Законом Украины «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины относительно корпоративных договоров» внесены изменения в ряд законодательных актов с целью урегулирования безотзывных доверенностей. Так, Гражданский кодекс Украины дополнен частью 4 статьей 249 следующего содержания: «Безотзывная доверенность по корпоративным правам выдается в соответствии с законом, регулирующим деятельность соответствующих хозяйственных обществ».

Закон Украины «О хозяйственных обществах» дополнен статьей 51-2 названием «Безотзывная доверенность по корпоративным правам» следующего содержания: «В случае если доверенность выдается с целью выполнения обеспечения выполнения обязательств участников общества, предметом которых являются права на доли или полномочия участников, доверитель может указать в доверенности, что до окончания ее срока она не может быть отменена без согласия представителя общества или может быть отменена только в случаях, предусмотренных в доверенности (безотзывная доверенность)».

В Законе Украины «Об обществах с ограниченной и дополнительной ответственностью» безотзывной доверенности по корпоративным правам посвящена статья 8 следующего содержания: «В случае если доверенность выдается с целью выполнения обеспечения выполнения обязательств участников как сторон корпоративного договора, предметом которых являются права на долю в уставном капитале или полномочия участников, доверитель может указать в доверенности, что до окончания ее срока она не может быть отменена без согласия представителя или может быть отменена только в случаях, предусмотренных в доверенности (безотзывная доверенность). Безотзывная доверенность прекращается в слу-

чае прекращения обязательства, для выполнения или обеспечения исполнения которого она выдана. В случае нарушения прав и интересов доверителя представитель по требованию доверителя должна прекратить пользоваться безотзывной доверенностью и отказаться от нее. В случае возникновения спора безотзывная доверенность может быть отменена судом. Безотзывная доверенность подлежит нотариальному удостоверению. Лицо, которому выдана безотзывная доверенность, не может передоверить совершение действий, на которые она была уполномочена, другому лицу, если иное не предусмотрено в доверенности».

При анализе законодательства Украины исследователи предлагают исходить из того, что безотзывная доверенность – это самостоятельный вид доверенностей на уровне с традиционным «отзывной» доверенности, выданная исключительно в случаях, предусмотренных законом и на определенный срок. Особенностью содержания безотзывной доверенности является своеобразное обязательство доверителя не прекращать без уважительных причин предоставленных представителю полномочий: доверитель обязуется воздерживаться от реализации принадлежащего ему права на отмену доверенности.

Что касается теоретической основы введения исследуемого механизма, необходимо отметить, что среди классификаций доверенностей выделяют по возможности отозвать доверенность два вида доверенностей, которые имеет право выдавать лицо: «отзывная» доверенность и безотзывная доверенность [2, с. 99]. Разница между ними заключается в возможности отмены доверенности. По общему правилу, доверенность может быть отменена доверителем в любое время. Указанная норма способствует защите интересов доверителя, предоставляя возможность отменить предоставленные представителю полномочия в любое время по желанию доверителя. Например, в случае нарушения прав доверителя или злоупотребления своими правами доверенным лицом.

Безотзывные доверенности понимают как некое исключение, которое может существовать лишь в случаях, прямо определенных законом. Безотзывную доверенность определяют как

один из инструментов обеспечения исполнения обязательств, используемых в юрисдикциях с развитым корпоративным законодательством для обеспечения надлежащего исполнения обязательств по корпоративным сделкам [1, с. 13].

По правовой природе безотзывную доверенность рассматривают как одностороннюю сделку с особым условием [1, с. 13]. В связи с тем, что основной отличительной чертой безотзывной доверенности является то, что она не может быть отозвана доверителем, на безотзывную доверенность не распространяются общие правила об отмене доверенностей (ч. 1 ст. 249 ГК Украины) и другие нормы закона (например, ч. 2 ст. 1008 ГК Украины).

Безотзывная доверенность выдается на определенное время, то есть она имеет исключительно срочный характер. Это в определенной степени обеспечивает интересы доверителя, поскольку отсутствие у него права отозвать доверенность ограничивается временем [4].

Главное научно-экспертное управление в выводе от 26.04.2016 года отметило, что предложение о введении «безотзывных доверенностей» (дополнение ГК статьей 2461) является сомнительным, поскольку такая доверенность существенно ограничивает права лица, который ее выдает (доверителя). Тем более, что в самой статье, по сути, речь идет не о безотзывной доверенности, а о доверенности с ограниченной возможностью отозвать ее доверителем, который может это сделать только в случае злоупотребления представителем своими полномочиями.

По нашему мнению, безотзывная доверенность не ограничивает права лица, которое ее выдало, поскольку безотзывная доверенность направлена на выполнение уже существующего и согласованного обязательства между сторонами. Такая форма доверенности направлена на устранение злоупотреблений именно со стороны доверителя, как лица, имеющего определенные обязанности перед другой стороной.

Комитет Верховной Рады Украины по вопросам правовой политики и правосудия в выводе о соответствии законопроекта положениям Конституции Украины от 06.09.2016 года также не поддержал включение в Гражданский

кодекс Украины новой статьи 2461. Комитет обосновал свою позицию тем, что Гражданский кодекс содержит общие положения по регулированию вопросов представительства по доверенности. Кроме того, Гражданский кодекс Украины предоставляет право законом устанавливать право лица выдавать безотзывные доверенности (часть четвертая статьи 249), а положение указанной статьи регулирует именно вопрос выдачи лицом безотзывной доверенности по корпоративным правам, поэтому уместно, чтобы эти положения были предусмотрены в специальных законодательных актах об акционерных и хозяйственных обществах (законы Украины «Об акционерном обществе» и «О хозяйственных обществах»).

Главное юридическое управление в замечаниях к законопроекту от 17.03.2017 года отметило, что статья 249 Гражданского кодекса Украины, в которой говорится об отмене доверенности, дополнена нормой, содержание которой касается выдачи доверенности, следовательно, это не соответствует названию статьи Кодекса. Кроме того, Главное юридическое управление также обратило внимание, что статьей 51-2 Закона Украины «О хозяйственных обществах» (в редакции проекта) предусмотрено, что «безотзывная доверенность прекращается в случае прекращения обязательства, для выполнения или обеспечения исполнения которого она выдана». В связи с этим управление отметило, что, принимая во внимание нормы Гражданского кодекса Украины (ст. 248), речь может идти о прекращении представительства безотзывной доверенности с внесением соответствующих изменений в проект закона и в кодекс. Это же замечание касается и статьи 26-2 Закона Украины «Об акционерных обществах».

Представляется целесообразным отметить, что вышеприведенные замечания были частично учтены авторами законопроекта «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины относительно корпоративных договоров». Так, текст законопроекта от 19.04.2016 года содержал положения о дополнении Гражданского кодекса статьей 2461 следующего содержания: «Статья 2461. Безотзывная доверенность с корпоративных прав. С целью выполнения обеспечения выполнения

обязательств акционеров (участников), возникающих из прав на акции (доли) и прав по акциям (долям), такой акционер (участник), которого представляют, может указать в доверенности, выданной представителю, о том, что эта доверенность не может быть отменена до окончания срока доверенности или может быть отменена только в случаях, предусмотренных в доверенности (безотзывная доверенность), или после прекращения обязательства, для выполнения или обеспечения исполнения которого она выдана».

Однако в дальнейшем текст статьи был сужен до следующей редакции: «Безотзывная доверенность по корпоративным правам выдается в соответствии с законом, регулирующим деятельность соответствующих хозяйственных обществ». А детальное регулирование было осуществлено путем внесения изменений в специальные законы.

Некоторые исследователи видят во введении безотзывных доверенностей существенные риски. Например, захват управления в дочерних обществах на основании безотзывных доверенностей, выданных руководителем холдинговой компании, устранение владельцев холдинговой компании от управления дочерними структурами [3].

В аналитической литературе акцентируется внимание на том, что недобросовестное использование механизма безотзывных доверенностей создает риски захвата управления в дочерних компаниях на основании безотзывных доверенностей, будет крайне трудно отменить даже после отстранения руководителя, выдавшего такую доверенность. В настоящее время право директора выдавать доверенности в основном не ограничивается уставом или другими корпоративными документами общества [3].

В научных исследованиях предлагается внести в устав прямое предостережение о невозможности выдачи директором безотзывной доверенности и / или заключения корпоративного договора без предварительного согласования этих действий решением общего собрания участников общества. Также ограничения директора на выдачу безотзывных доверенностей и на заключение корпоративных договоров рекомендуется отразить в общедоступных сведениях Единого государственного реестра [3].

Несмотря на вышеуказанные позиции, хотелось бы отметить, что институт безотзывной доверенности по корпоративным правам введен, прежде всего, для эффективной реализации договоренности о голосовании определенным образом, некоторых механизмов решения безвыходных ситуаций, а также обязанности отчуждения доли в рамках процедуры реализации права первого отказа и права обязать продать. Безотзывная доверенность по корпоративным правам позволяет участнику, в пользу которого должны быть отчуждены доли, осуществить от имени другого участника доверителя все действия, необходимые для такого отчуждения [5].

Кроме голосования на собрании, безотзывную доверенность используют для обеспечения исполнения обязанности купить или продать долю, например, по усмотрению. Вместо того чтобы обязывать контрагента заключить договор или признавать договор заключенным в суде, расчетливая сторона корпоративного договора, заранее получив от контрагента безотзывную доверенность, может подписать договор от имени контрагента по доверенности [6].

Представляется, что безотзывная доверенность для реализации прав по корпоративному договору – полезный инструмент, который в целом обеспечивает выполнимость прав участников компании, и, следовательно, предоставляет бизнесу больше эффективных инструментов для урегулирования их отношений. В то же время при выдаче такой доверенности следует предусматривать и возможные злоупотребления со стороны недобросовестного представителя, который может отказываться согласовать отмены доверенности после наступления объективно достаточных для этого оснований. Уменьшить такой риск можно, предусмотрев в корпоративном договоре случаи, когда без согласования прекращения безотзывной доверенности (после наступления соответствующих оснований) сторона-представитель не сможет реализовывать свои права и интересы. Итак, сторона, в интересах которой была выдана безотзывная доверенность, будет сама заинтересована прекратить представительство (после наступления соответствующих оснований) [6].

Проанализировав законодательное введение института безотзывных доверенностей в корпоративную сферу, можно сделать следующие выводы:

1. Принятыми законами «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины относительно корпоративных договоров» и «Об обществах с ограниченной и дополнительной ответственностью» были введены безотзывные доверенности в корпоративную сферу.

2. Безотзывная доверенность выдается с целью обеспечения выполнения обязательств участников как сторон корпоративного договора, предметом которых являются права на долю в уставном капитале или полномочия участников.

3. Целью выдачи безотзывной доверенности, в первую очередь, является защита прав и интересов представителя, в связи с чем представитель по безотзывной доверенности действует не в интересах доверителя, а в своих собственных интересах или в интересах третьего лица.

4. Для безотзывной доверенности по корпоративным правам не характерен признак фидуциарности.

5. Безотзывная доверенность не может быть отменена в любое время по инициативе представляемого лица, как любая другая доверенность.

6. Безотзывную доверенность целесообразно характеризовать как способ обеспечения исполнения обязательств по корпоративному договору.

Список использованной литературы:

1. Е.А. Крістева Безвідкличні довіреності у правовій системі України // Актуальні питання сьогодення. 2018. Том 1. С. 12–15.
2. А.К. Сєрая Теоретичні та практичні питання класифікації довірених осіб. Право і суспільство. 2018. № 1. С. 95–101.
3. Аналітика КМР.ua. Істотні ризики для господарської діяльності у зв'язку з ухваленням закону про корпоративні договори та закону про товариства з обмеженою та додатковою відповідальністю. URL: <http://kmp.ua/uk/analytics/infoletters/key-risks-to-commercial-activity-connected-with-the-law-on-corporate-agreements/>.

4. Науково-правовий висновок щодо порядку застосування окремих норм представництва за Цивільним кодексом України. МЕН. 2007. URL: http://yurradnik.com.ua/vis_exp/%D0%BD%D0%B0%D1%83%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%BF%D1%80%D0%B0%D0%B2%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D0%B9-%D0%B2%D0%B8%D1%81%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%BA-%D1%89%D0%BE%D0%B4%D0%BE%D0%BF%D0%BE%D1%80%D1%8F%D0%B4.

5. Д. Симбірков Запровадження корпоративних договорів – які зміни для бізнесу? URL: <http://yur-gazeta.com/publications/practice/korporativne-pravo-ma/zaprovadzhennya-korporativnih-dogovoriv--yaki-zmini-dlya-biznesu.html>.

6. Ігонін В., Шматов А. Імпорто-заміщення корпоративних договорів. 2018. № 10. URL: http://uz.ligazakon.ua/ua/magazine_article/EA011353.

7. Бесєдін Р.О. Безвідклична довіреність в цивільному праві: автореферат. Москва, 2014. С. 1–28.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чайковская Анастасия Владимировна – аспирант отдела проблем гражданского, трудового и предпринимательского права Института государства и права им. В.М. Корецкого Национальной академии наук Украины

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR
Chaykovskaya Anastasiya Vladimirovna – Postgraduate Student at the Department of Problems of Civil, Labor and Entrepreneurial Law of the Institute of State and Law of V. Koretsky of the National Academy of Sciences of Ukraine

anastasia-chaykovska@ukr.net

UDC 349.412.3

GENESIS OF LEGISLATIVE PROVISION OF THE RIGHT TO SHARE PARTIAL LAND OWNED PROPERTY IN UKRAINE

Alena CHIRIK,

Postgraduate at the Department of Land and Agrarian Law of Yaroslav Mudryi National Law University

SUMMARY

Comprehensive study of a particular legal phenomenon is possible only on the basis of its historical preconditions and the pre-normative legal regulation of the relevant social relations. Analyzing the legislative provision of the right to joint ownership of land in Ukraine appears to be necessary in the historical aspect, the relevant legal requirements regulating this right, which has a rich history.

Key words: genesis, land, joint property law, legislation.

ГЕНЕЗИС ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПРО ПРАВО ОБЩЕЙ ДОЛЕВОЙ СОБСТВЕННОСТИ НА ЗЕМЕЛЬНЫЙ УЧАСТОК В УКРАИНЕ

Алёна ЧИРИК,

аспирант кафедры земельного и аграрного права Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого

АННОТАЦИЯ

Всестороннее исследование конкретного правового явления возможно лишь на основе его исторических предпосылок и предыдущего нормативно-правового регулирования соответствующих общественных отношений. Анализируя законодательное обеспечение права общей собственности на землю в Украине, представляются необходимыми в историческом аспекте соответствующие правовые предписания, которые регламентировали это право, имеющее богатую историю.

Ключевые слова: генезис, земельный участок, право общей собственности, законодательство.

Comprehensive study of a particular legal phenomenon is possible only on the basis of its historical preconditions and the pre-normative legal regulation of the relevant social relations. Analyzing the legislative provision of the right to joint ownership of land in Ukraine appears to be necessary in the historical aspect, the relevant legal requirements regulating this right, which has a rich history.

Key words: genesis, land, joint property law, legislation.

As you know, in the twentieth century. the development of relations of property rights in the territory of present-day Ukraine was characterized by the refusal or restriction of private property, which is a form of joint ownership. In the Ukraine of the Soviet period, as in other republics of the former USSR, the basic legal form, first of all, of the individual appropriation of material and other benefits was the in-

stitution of not private but personal property of citizens.

After the October Revolution of 1917 under Soviet rule and with the spread of the regime of socialist ownership of the tools and means of production, the violent destruction of relations of capitalist private property, including land, took place. Personal property of citizens provided for an individual form of assignment of the results of their work only in order to meet their personal needs. Relations of property, including personal, were settled in the Soviet period by civil law. At that time, in all the Union republics, the legislation allowed to have in private only household items, personal consumption, comfort and auxiliary household, housing and labor savings. Thus, the Civil Code of the Ukrainian SSR in 1922 severely restricted the scope of property rights. In particular, the land

was proclaimed the property of the state and could not, like the rights to it, be the subject of civilian traffic. Ownership and use of land plots were allowed solely for the right use. The legal regime of joint ownership of the property was determined by Articles 61-65 of the Civil Code of 1922. The land was not considered to be property, however, the relations of joint partial ownership of the property had not yet found their legislative consolidation in the Civil Code of the USSR in 1922 in the Civil Code of the USSR in 1963, in comparison with the Civil Code of the USSR in 1922, the relations of joint ownership of property objects were settled. For the first time in Articles 112-119 of the Central Committee of the Ukrainian SSR in 1963, the legal regulation of relations of common partisan property has been consolidated.

After the October Revolution of 1917 under Soviet rule and with the spread of the regime of socialist ownership of the tools and means of production, the violent destruction of relations of capitalist private property, including land, took place. Personal property of citizens provided for an individual form of assignment of the results of their work only in order to meet their personal needs. Relations of property, including personal, were settled in the Soviet period by civil law. At that time, in all the Union republics, the legislation allowed to have in private only household items, personal consumption, comfort and auxiliary household, housing and labor savings. Thus, the Civil Code of the Ukrainian SSR in 1922 severely restricted the scope of property rights. In particular, the land was proclaimed the property of the state and could not, like the rights to it, be the subject of civilian traffic. Ownership and use of land plots were allowed solely for the right use. The legal regime of joint ownership of the property was determined by Articles 61-65 of the Civil Code of 1922. The land was not considered to be property, however, the relations of joint partial ownership of the property had not yet found their legislative consolidation in the Civil Code of the USSR in 1922 in the Civil Code of the USSR in 1963, in comparison with the Civil Code of the USSR in 1922, the relations of joint ownership of property objects were settled. For the first time in Articles 112-119 of the Central Committee

of the Ukrainian SSR in 1963, the legal regulation of relations of common partisan property has been consolidated.

The state ownership of land, which arose as a result of nationalization, formed the basis of land relations in the USSR, which, on the basis of voluntary association and equality with other union republics, included the Ukrainian Soviet Socialist Republic. The land, which was in the private ownership of human exploitation, was used by the Soviet Union to develop the productive forces of the country in the interests of the entire nation.

State ownership of land played a decisive role in ensuring the victory of socialism in the USSR. It created the possibility of the most desirable location of all branches of the national economy and became one of the most important conditions for the transition to socialist forms of land use. With the creation in the course of socialist construction of the conditions for the mass collectivization of disassociated individual farms the peasantry was on the path to socialism. As a result of transformation into a cooperative plan and the victory of the collective-farm system, the peasant question got its true solution.

Exclusive state ownership of land was the basis of the land system in the state. Legal regulation of relations of state ownership of land was carried out primarily at the Union level. Thus, the Fundamentals of Land Legislation (1968) as a union normative act regulated the right of exclusive state ownership of land, fixed the concept of a single land fund and the classification of land by categories, established the basic rules for land use, defined the rights and responsibilities of land users (Article 7-9 Fundamentals of Land Legislation 1968).

The provisions of the Union Foundations were detailed and specified in the Republican Land Codes. So the Land Code of the Ukrainian SSR (1970) was to be devoted to the detailed regulation of land relations. It formed the basis of domestic land legislation and met the needs for regulation of public relations in the field of use and protection of land in Soviet times.

Unfortunately, neither the Fundamentals of Land Law, nor the Land Code of the Ukrainian SSR, in terms of exclusive state ownership of land, had been said about private ownership of land.

The land, being in accordance with the Soviet land legislation, the object of the right of state property and the most important wealth of Soviet society, acted as the main means of production in agriculture and forestry, the spatial basis for the placement and development of all branches of the national economy. Scientifically grounded, rational use of all lands, their protection and all-important increase in soil fertility was determined by the nationwide task.

On February 28, 1990, the Supreme Rada of the USSR adopted the Fundamentals of the Legislation of the Union of PCPs and the Union Republics on Land. It was determined that «the land is the property of peoples living in this territory.» Citizens received the right to purchase land for life or rent. The regime of granting land to natural and legal persons was regulated in detail. Land tenure relied on local councils.

The foundations created conditions for rational use and protection of land, reproduction of soil fertility, preservation and improvement of the natural environment. There was no mention of private property and its variants in the Fundamentals of Land Law. But in March 1990, the Law «On Property in the USSR» was adopted, which listed its three main forms: «property of citizens», collective and state. In addition, the existence in the USSR of the ownership of foreign states, international organizations, foreign legal entities and citizens was allowed. Ownership could be shared or shared and mixed. This law gave rise to the appearance of varieties of land ownership.

Important for the legalization and legislative consolidation of the right to private ownership of land were the principled provisions of the Land Code of the Ukrainian Soviet Socialist Republic of December 18, 1990. This is, in particular, about the lifetime inherited possession of land by Ukrainian citizens. In the lifetime inherited possession of land in accordance with Art. 6 of the Land Code of the Ukrainian Soviet Socialist Republic of December 18, 1990. was provided to citizens of the UkrSSR for: the conduct of a peasant (farmer's) economy; conducting a personal auxiliary farm; construction and service of a residential building and utility buildings (private plot); gardening, dacha and garage construction.

Analysis of Art. 39 of the Land Code of the Ukrainian SSR (1990), which enshrined the rights of landowners, indicates that they actually concerned private owners with land. The procedure for the inheritance of the right to own a land plot was determined by the Land Code of the USSR and other laws of the Ukrainian SSR. As is known, for example, when a legacy was acquired on a land plot, two or more persons had a joint partial ownership.

Private ownership of land has been legalized and has been legally consolidated in the Law of Ukraine «On Land Ownership Formation» of January 30, 1992. (Information from the Verkhovna Rada of Ukraine, - 1992. - 18. - P. 225). This law was introduced in Ukraine along with the state – a collective and private ownership of land. It was established that land ownership in Ukraine has the following forms: state, collective, private. All forms of ownership were declared equal by law.

The provisions on the private ownership of land for citizens have evolved in the Land Code of Ukraine of March 13, 1992. So, according to Art. 6 of the Land Code of Ukraine (1992) citizens of Ukraine received the right to receive land plot ownership for: management of a peasant (farmer's) farm; conducting a personal auxiliary farm; construction and service of a residential building and utility buildings (private plot); gardening; cottage and garage construction.

Citizens acquire ownership of land in case of: their inheritance; obtaining a share of land in the common property of the spouses; purchase and sale, donation and exchange. Decree of the Cabinet of Ministers of Ukraine dated December 26, 1992. «On privatization of land plots» established that rural, settlement, and city councils of people's deputies ensure that during the year 1993 the citizens of Ukraine transferred to private ownership the land plots granted to them for maintenance of a private auxiliary farm, construction and maintenance residential building and household buildings (private plot); gardening, cottage and garage construction, within the limits of standards, established by the Land Code of Ukraine. It is prohibited to transfer private ownership of land plots in the territories of the areas of alienation and unconditional (mandatory) resettlement that have undergone radioactive contamination as a result of the Chernobyl disaster. The de-

creed provided the citizens of Ukraine with the right to sell or otherwise alienate land plots transferred to them for the purposes specified in Article 1 of this Decree, without changing their intended purpose.

Legislative consolidation of private ownership of land has created the basis for acquiring land plots into private ownership by individuals (citizens of Ukraine, foreigners and stateless persons) and legal entities of private law. The named entities may act in accordance with the law and the subjects of the right of joint ownership of land.

Participation of citizens and legal entities in the right of joint ownership of a land plot depended on their land legal personality.

Conducting land and agrarian reform in the conditions of the existence of private ownership of land resulted in the functioning of joint partial and joint ownership.

The emergence of the right of joint ownership of land on land was related to the voluntary association by the owners of the land owned by them, the acquisition of the land plot by two or more persons under civil law agreements, the acquisition of the inheritance on the land by two or more persons, as well court decision. The circle of joint ownership of land included spouses and co-owners of a residential building.

Unlike the Land Codes of 1990 and 1992, the current Land Code of 2001 directly distinguishes between the existence of a common property and its varieties as joint and joint ownership, which take their origins from civil law. The relevant legal requirements regarding the regime of joint property rights are concentrated in chapter 14 «Ownership of land», which establishes Section III «Right to land» of the Land Code of Ukraine.

In particular, Art. 86 of the Land Code of Ukraine contains general provisions relating to joint ownership of a land plot, but defines the subject matter of this property. Separately in Art. 87 lists the grounds for the right of joint ownership of a land plot, the list of which is exhaustive. Detailed rules of possession, use and disposal of land plot, which is in joint partial ownership (Article 88 of the Land Code of Ukraine).

Special attention was paid by the legislator to the regulation of relations of joint ownership of the land. Yes,

Art. 89 of the Land Code of Ukraine outlines the circle of persons whose joint property may be landed, such as: spouses; members of the farm, unless otherwise provided by an agreement between them; co-owners of a dwelling house; co-owners of an apartment building. It emphasizes that the ownership, use and disposal of land parcels of jointly-owned property are carried out in accordance with the contract or the law (Part 3 of Article 89 of the Land Code of Ukraine). The above article establishes the right of co-owners of a land plot that is in common joint property, on its division or on the allocation of a separate share from it, except in cases established by law. At the same time in Part 5 of Art. 89 of the Land Code of Ukraine states that the division of a land plot that is in common joint ownership with the allocation of the share of co-owner may be made subject to preliminary determination of the size of land shares that are equal, unless otherwise provided by law or not established by the court. These and other provisions of the Land Code, which relate to the rights of joint ownership of the land, give a clear idea of the joint ownership of the land plot and allow it to distinguish certain features.

Today the actual existence of common property visible in the legislation in force on Ukrainian territory since ancient times. In the development of social relations and the impact of the rights of other states, comprised of Ukrainian land, there was establishment of the institute common property, which permanently entrenched in the current Civil Code of Ukraine today, and is reflected in the Land Code of Ukraine. In addition to the Land Code of Ukraine that regulates joint ownership, these relationships are more fully disclose the civil law. Land plots and their rights are included in civil circulation. The land is recognized by the Civil Code of Ukraine as an object of real estate. Civil rights concerning the right to property are extended to the regulation of land relations. Thus, the general provisions on the ownership of regulated third book of the twenty-third chapter of the Civil Code of Ukraine, Article 316 defines ownership as the right person for a thing (property), which it has under the law on his own will, regardless of the will of others. The content of the property right consists in the following powers: to own, use, dispose of their property.

References:

1. Земельний кодекс України: Коментар / За ред. А.П. Гетьмана, М.В. Шульги. 4 -те вид. Х.: Одісей, 2008. 624 с.

2. Носік В.В. Право власності на землю Українського народу: Монографія. Юрінком Інтер, 2006. 154 с.

3. Шульга М. Стівідношення земельно-правових та цивільно-правових приписів при регулюванні земельних відносин: стан та перспективи. Вісник Академії правових наук України. 2004. № 1. 118 с.

4. Земельне право України: Підручник / М.В. Шульга (кер. авт. кол.), Г.В. Анісімова, Н.О. Багай, А.П.Гетьман та ін.: За ред. М.В. Шульги. К.: Юрінком Інтер, 2004. 600 с.

5. Дзера О.В. Цивільне право України: підручник / за ред. О.В. Дзери, Н.С. Кузнєцової. К.: Юрінком Інтер, 2005. Т. 2. 890 с.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Chirik Alena Olegovna – Postgraduate at the Department of Land and Agrarian Law of Yaroslav Mudryi National Law University

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чирик Алёна Олеговна – аспирант кафедры земельного и аграрного права Национального юридического университета имени Ярослава Мудрого

chirik.alyona0393@gmail.com

УДК 343.13

ОБЕСПЕЧЕНИЕ СЛЕДСТВЕННЫМ СУДЬЕЙ ПРАВ ПОДОЗРЕВАЕМОГО ПРИ РАССМОТРЕНИИ ХОДАТАЙСТВА ОБ ИЗБРАНИИ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ПРАКТИКИ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

Ирина ШАПОВАЛОВА,

судья Павлоградского горрайонного суда Днепропетровской области, аспирант кафедры уголовного процесса факультета подготовки специалистов для органов досудебного расследования Днепропетровского государственного университета внутренних дел

АННОТАЦИЯ

Основы действующего уголовного процессуального законодательства определяют обязанности, общие правила рассмотрения ходатайства об избрании меры пресечения, а также требования к обязательному разъяснению подозреваемому при рассмотрении ходатайства о применении меры пресечения его прав (ч. 2 ст. 193 УПК Украины). Рассмотрение ходатайства о применении меры пресечения является одной из основных функциональных обязанностей следственного судьи. Обеспечение прав подозреваемого следственным судьей при рассмотрении ходатайства о применении меры пресечения в отношении его процессуальных прав является одной из базовых гарантий справедливого судебного разбирательства. В данной статье автор приводит анализ практики Европейского суда по правам человека, которая наиболее полно раскрывает содержание и сущность основных прав подозреваемого при рассмотрении ходатайства о применении меры пресечения.

Ключевые слова: следственный судья, права подозреваемого, судебный контроль, прецедентная практика, решения Европейского суда по правам человека.

GUARANTEE THE RIGHTS OF SUSPECT BY THE JUDGE INVESTIGATOR DURING THE APPLICATION OF PREVENTIVE MEASURES IN THE COTEXT OF THE PRACTICE OF THE EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS

Irina SHAPOVALOVA,

Judge of Pavlograd District Court of Dnipropetrovsk Region, Postgraduate Student at the Department of Criminal Procedure of the Faculty of Specialist Training for the Forensic Investigation Authorities of Dnepropetrovsk State University of Internal Affairs

SUMMARY

The principles of the current criminal procedural law determine the responsibilities of the general rules for considering such a request, as well as the requirements for mandatory explanation to the suspect when considering a request for the use of a preventive measure of his rights (Part 2 of Article 193 of the CPC of Ukraine). Consideration of a petition for the use of a preventive measure is one of the main functional assignments of an investigating judge. A person's knowledge of a petition for the application of a preventive measure in relation to his procedural rights is one of the basic guarantees of ensuring a fair trial. The purpose of this article is to analyze the practice of the European Court of Human Rights, which, in the opinion of the author, fully reveals the content and essence of the fundamental rights of the suspect when considering a request for a preventive measure.

Key words: investigating judge, suspect's rights, judicial control, case law, decision of the European Court of Human Rights.

Постановка проблемы: обеспечение прав подозреваемого следственным судьей при рассмотрении ходатайства о применении меры пресечения в отношении его процессуальных прав является одной из базовых гарантий справедливого судебного разбирательства.

Так, частью 2 ст. 193 УПК Украины установлено, что следственный судья, суд, в который прибыл или доставлен подозреваемый, обвиняемый для участия в рассмотрении ходатайства о применении меры пресечения, обязан разъяснить его права:

- 1) иметь защитника;
- 2) знать суть и основания подозрения или обвинения;
- 3) знать основания его задержания;
- 4) отказаться давать объяснения, показания по поводу подозрения или обвинения;
- 5) давать объяснения по любым обстоятельствам его задержания и содержания под стражей;
- 6) исследовать вещественные доказательства, документы, показания, на которые ссылается прокурор, и предоставлять вещи, документы, показания других лиц на опровержение доводов прокурора;
- 7) заявлять ходатайства о вызове и допросе свидетелей, показания которых могут иметь значение для решения вопросов этого рассмотрения.

Актуальность темы исследования заключается в значимой роли, которую выполняют следственные судьи при осуществлении контроля на стадии досудебного расследования и соблюдении прав, свобод участников уголовного производства, обеспечении эффективного и беспристрастного расследования уголовных правонарушений. Важнейшей обязанностью следственного судьи является осуществление судебной защиты прав и законных интересов лиц, участвующих в уголовном процессе, и обеспечения законности производства по делу на досудебных стадиях. Несмотря на относительно непродолжительное действие во времени УПК Украины (с 2012 года), гарантии соблюдения прав человека, определенные Конвенцией о защите прав человека и основных свобод, постоянно имплементируются в практической деятельности следственного судьи для соблюдения высоких стандартов судопроизводства.

Состояние исследования. Анализ функции судебного контроля, которая выполняется следственным судьей, подтверждает, что, хотя решения Европейского суда по правам человека (далее – ЕСПЧ) являются правовой основой для судопроизводства и способствуют нормотворчеству государственных органов, приближая национальное законодательство к стандартам Совета Европы, однако не всегда следственные судьи ориентированы на применение практики ЕСПЧ. В период реформирования судебной системы Украины именно национальные суды играют ведущую роль в предотвращении дальнейших нарушений Конвенции при условии, что они будут руководствоваться решениями Европейского суда при рассмотрении дел и, как следствие, предотвращать последующие аналогичные нарушения на стадии использования национальных средств защиты прав лиц.

Целью и задачей статьи является анализ прецедентной практики Европейского суда по правам человека, которая, по мнению автора, наиболее полно раскрывают содержание и сущность основных прав подозреваемого, которые необходимо защитить при рассмотрении ходатайства о применении меры пресечения.

Изложение основного материала. Так, согласно ч. 2 ст. 8 УПК Украины, принцип верховенства права в уголовном производстве применяется с учетом практики Европейского суда по правам человека. Кроме этого, согласно ч. 5 ст. 9 УПК Украины, уголовное процессуальное законодательство Украины применяется с учетом практики Европейского суда по правам человека.

В соответствии с практикой ЕСПЧ, национальные органы, прежде всего суды, должны толковать и применять национальный закон в соответствии со ст. 5 Конвенции (решение ЕСПЧ от 10 июня 1996 по делу «Бенхэм против Соединенного Королевства») [1]. Прецедентная практика ЕСПЧ по жалобам о нарушении п. 1 ст. 5 Конвенции устанавливает требование о «законном» лишении свободы», в частности с соблюдением «порядка, установленного законом».

В этом аспекте Конвенция отсылает к нормам национального законодательства и устанавливает обя-

зательство обеспечивать соблюдение материально-правовых и процессуальных норм законодательства, но она также требует, чтобы при любом виде лишения свободы обеспечивалась цель ст. 5 Конвенции, в частности защита лиц от произвола (англ. – arbitrariness, прим. авт.)

Анализируя положения части 2 ст. 193 УПК Украины, автор приходит к выводу о том, что для обеспечения основных гарантированных законом прав подозреваемого следует обратить внимание на приведенные ниже решения ЕСПЧ. Поскольку в Европейской Конвенции о защите прав и основных свобод 1950 года есть ряд характерных особенностей и ее положения имеют общий характер, а права человека в основном констатируются в ней в абстрактной, оценочной форме, правильное понимание ее норм раскрывается в решениях ЕСПЧ, содержащих правовые позиции по сути положений указанного международно-правового акта, а также содержания и объема гарантированных им прав.

Так, пунктом 1 ч. 2 ст. 193 УПК Украины определено право подозреваемого иметь защитника при рассмотрении ходатайства о применении меры пресечения.

В деле «Загородний против Украины» ЕСПЧ констатировал, что лицо, против которого выдвинуты уголовные обвинения, которое не желает защищаться лично, должно быть в состоянии воспользоваться юридической помощью по собственному выбору. В пункте 55 этого решения, по мнению суда, оставляя вопрос ограничения права на свободный выбор защитника нерешенным в течение длительного времени, государственные органы создали ситуацию несовместимую с принципом юридической определенности, закрепленным Конвенцией, и который является одним из основных элементов верховенства права (см *mutatis mutandis*, решение от 2 ноября 2010 по делу «Штефаница и другие против Румынии» (*Stefanica and Others v. Romania*), заявление № 38155/02, п. 31). Следовательно, право заявителя на свободный выбор защитника было ограничено способом, несовместимым с требованиями пунктов 1 и 3 статьи 6 Конвенции [2].

Конвенцией о защите прав человека и основных свобод гарантировано, что каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления имеет, как минимум, право защищать себя лично или посредством выбранного им самим защитника или – при недостатке средств для оплаты услуг защитника – получать такую помощь бесплатно, когда того требуют интересы правосудия.

Пунктом 2 ч. 2 ст. 193 УПК Украины определено право подозреваемого знать суть и основания подозрения или обвинения.

По мнению автора, определяющим аспектом обеспечения этого права будет обращение в статью 7 Конвенции, согласно которой никто не может быть признан виновным в совершении какого-либо уголовного преступления на основании любого действия или бездействия, которое в момент его совершения не являлось уголовным преступлением согласно национальному или международному праву.

Этот стандарт в полной мере раскрыт в п. 62 решения по делу «Веренцов против Украины», где ЕСПЧ отметил, что гарантия, установленная в статье 7 Конвенции, является существенным элементом верховенства права и занимает выдающееся место в системе защиты по Конвенции. Это утверждение подчеркивается тем, что она не допускает никаких исключений (даже по статье 15 Конвенции во время войны или при иных чрезвычайных обстоятельствах). Эта гарантия должна толковаться и применяться, как это следует из ее предмета и цели, таким образом, чтобы обеспечивать эффективную защиту от произвольного преследования, осуждения и наказания. В своей практике Суд признал, что, как бы четко ни было положение сформулировано, в любой отрасли права, включая уголовное право, будет существовать неизбежный элемент судебного толкования. Всегда будет существовать потребность в разъяснении нечетких норм или нуждающихся в приспособлении к изменяющимся обстоятельствам. С другой стороны, хотя определенность является крайне необходимой, она может вызвать чрезмерную жесткость, а закон должен быть гибким, то есть таким, который может «подстраиваться» под обстоятельства. Соответственно, многие из законов не-

избежно сформулированы в терминах, то есть в той или иной степени являются нечеткими, и толкование, и применение их является вопросом практики [3].

В соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 193 УПК Украины, подозреваемый имеет право знать причины его задержания.

Наиболее значимой гарантией прав человека, установленной ст. 29 Конституции Украины, является право на свободу и личную неприкосновенность. Согласно этой статье, никто не может быть арестован или содержаться под стражей иначе как по мотивированному решению суда и только на основаниях и в порядке, установленных законом. В случае острой необходимости предотвратить преступление или его остановить, уполномоченные на то законом органы могут применить содержание лица под стражей в качестве временной меры пресечения, обоснованность которой в течение 72 часов должна быть проверена судом. Задержанное лицо немедленно освобождается, если в течение 72 часов с момента задержания ему не вручено мотивированное решение суда о содержании под стражей. Каждому арестованному или задержанному должно быть безотлагательно сообщено о мотивах ареста или задержания, разъяснены его права и предоставлена возможность с момента задержания защищать себя лично и пользоваться правовой помощью защитника. Каждый задержанный имеет право в любое время обжаловать в суде свое задержание. Об аресте или задержании человека должно быть немедленно сообщено родственникам арестованного или задержанного.

Указанная норма Конституции Украины почти полностью воспроизводит положения ст. 5 Конвенции.

Так, согласно п. 1 ст. 5 Конвенции, каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в порядке, установленном законом, и в таких случаях, как:

а) законное содержание под стражей лица, осужденного компетентным судом;

б) законное задержание или задержание лица за невыполнение законного требования суда или для обеспечения выполнения любого обязательства, предписанного законом;

в) законное задержание или заключение под стражу лица с тем, чтобы

оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или если есть достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения;

г) задержание несовершеннолетнего лица на основании законного постановления для воспитательного надзора или его законное задержание для того, чтобы он предстал перед компетентным органом;

д) законное задержание лиц с целью предотвращения распространения инфекционных заболеваний, законное задержание психически больных, алкоголиков, наркоманов или бродяг;

е) законное задержание или заключение под стражу лица с целью предотвращения его незаконного въезда в страну или лица, против которого предпринимаются меры по его высылке или выдаче.

В п. 2 ст. 5 Конвенции указано, что каждый задержанный должен быть немедленно проинформирован на понятном ему языке о причине его ареста и любом обвинении, выдвинутом против него.

По положениям п. 3 ст. 5 Конвенции каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с положениями пп. «С» п. 1 ст. 5 незамедлительно доставляется к судье или к иному должностному лицу, наделенному, согласно закону, судебной властью, и ему предстоит судебное разбирательство в течение разумного срока или освобождение до суда. Освобождение может быть обусловлено представлением гарантий явки в суд.

Согласно п. 4 ст. 5 Конвенции, каждому, кто лишен свободы вследствие ареста или содержания под стражей, предоставлено право инициировать производство, в ходе которого суд безотлагательно аргументирует законность задержания и принимает решение об освобождении, если задержание незаконно.

ЕСПЧ, рассматривая заявления граждан Украины о нарушении требований ст. 5 Конвенции, в подавляющем большинстве дел устанавливает нарушение Украиной требований положений пунктов 1, 3, 4 указанной статьи Конвенции, в результате чего по делу

«Харченко против Украины» (решение ЕСПЧ от 10 февраля 2011 года) отметил, что нарушения Украиной положений ст. 5 Конвенции носят системный характер [4].

В практике ЕСПЧ по соблюдению положений п. 1 ст. 5 Конвенции установлено требование, чтобы лишение свободы было «законным», в частности с соблюдением «порядка, установленного законом». В этом аспекте Конвенция отсылает к нормам национального законодательства и устанавливает обязательство обеспечивать соблюдение материально-правовых и процессуальных норм законодательства, но она также требует, чтобы при любом виде лишения свободы обеспечивалась цель ст. 5 Конвенции, в частности защита лиц от произвола.

Поскольку, как уже отмечалось выше, право на свободу и личную неприкосновенность является фундаментальным и основным правом человека, следственным судьям следует обращать особое внимание на обеспечение этого права при рассмотрении ходатайства, результатом которого может быть применение мер процессуального принуждения.

Пунктом 4 ч. 2 ст. 193 УПК Украины определено право подозреваемого отказаться давать объяснения, показания по поводу подозрения или обвинения.

Исключение ответственности за отказ давать показания в отношении себя, закрепленное в ст. 63 Конституции Украины, является важной гарантией защиты от незаконного давления на лицо с целью заставить его своими показаниями создать основание для привлечения его к ответственности. Эта важная гарантия соблюдения положений о презумпции невиновности лица возлагает бремя доказывания вины лица исключительно на сторону обвинения. Соблюдение права не свидетельствовать против себя является составной реализацией права человека на справедливое и публичное рассмотрение его дела независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона, закрепленного в статье 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Учитывая отдельные факты нарушения свободы от саморазоблачения при осуществлении уголовного производства, большую

актуальность вызывает соблюдение международных принципов в области прав человека, которые выражены в практике Европейского Суда по правам человека, что в Украине является источником права.

Возникновение права на свободу от саморазоблачения не следует связывать с процессуальным статусом лица. Об этом заявил ЕСПЧ в решении по делу «Шабельник против Украины»: «Суд отмечает, что с первого допроса заявителя стало очевидным, что его показания были не просто показаниями свидетеля преступления, а фактически признанием в его совершении. С того момента, когда заявитель впервые сделал признание, уже нельзя было утверждать об отсутствии у следователя подозрения о причастности заявителя к убийству» [5].

Пунктом 5 ч. 2 ст. 193 УПК Украины закреплено право подозреваемого давать объяснения по любым обстоятельствам его задержания и содержания под стражей.

По ст. 28 Конституции Украины каждый имеет право на уважение его достоинства. Никто не может быть подвергнут пыткам, жестокому, бесчеловечному или унижающему его достоинство обращению или наказанию.

В соответствии со ст. 62 Конституции Украины, лицо считается невиновным в совершении преступления и не может быть подвергнуто уголовному наказанию, пока его вина не будет доказана в законном порядке и установлена обвинительным приговором суда. Обвинение не может основываться на доказательствах, полученных незаконным путем, а также на предположениях.

В своих решениях ЕСПЧ отмечает, что ст. 3 Конвенции защищает одну из фундаментальных ценностей демократического общества. Согласно этой статье запрещаются любые пытки или бесчеловечное или унижающее достоинство обращение, независимо от обстоятельств дела или поведения потерпевшего (решение по делу «Лабита против Италии»). Суд также устанавливает, что различия между понятиями «пытка» и «бесчеловечное или унижающее достоинство обращение» было введено для того, чтобы «обозначить особый уровень жестокости умышленного бесчеловечного обращения, что

приводит к тяжелым и жестоким страданиям» (решение по делу «Ирландия против Великобритании») [6].

ЕСПЧ является связанным своей сверхнациональной природой и крайне сдержанно оценивает национальные жалобы, чтоб не перебрать на себя функции суда первой инстанции, если это неизбежно не вызвано обстоятельствами дела. Следует учитывать, что при оценке доказательств ЕСПЧ руководствуется критерием доказательства «вне разумного сомнения» (решение по делу «Авшар против Турции»). Такое доказательство должно вытекать из совокупности признаков или неопровержимых презумпций, достаточно веских, четких и согласованных между собой [7].

Пункт 6 ч. 2 ст. 193 УПК Украины, определяет право подозреваемого исследовать вещественные доказательства, документы, показания, на которые ссылается прокурор, и представлять вещи, документы, показания других лиц на опровержение доводов прокурора.

Соответствующие принципы изложены в последнем решении Большой палаты ЕСПЧ по делу Шацшавили против Германии на основании предварительного решения Аль-Хаваджа и Тахери против Соединенного Королевства. Дело Шацшавили касалось жалобы заявителя, в которой утверждалось, что его судебное разбирательство было несправедливым, поскольку ни он, ни его защитник не участвовали в рассмотрении вопроса о допросе свидетелей. Когда его вызывали на показания во время судебного разбирательства, свидетели, которые проживали в Латвии, отказались от посещения, опираясь на медицинские показания, указывающие на то, что они были травмированы преступлением. Впоследствии суд первой инстанции вновь безуспешно пытался получить их присутствие, предложив несколько вариантов и обратившись с просьбой о предоставлении правовой помощи от латвийских властей. Наконец, немецкий суд счел, что существуют непреодолимые препятствия для слушания двух свидетелей, и поэтому постановил, чтобы протоколы допросов были прочитаны на суде. Большая палата девятью голосами против восьми признала нарушение статьи 6 Конвенции.

Он признал, что, учитывая важность утверждений очевидцев, меры по противодействию, принятые судом первой инстанции, были недостаточными, чтобы обеспечить справедливую и надлежащую оценку достоверности непроверенных доказательств [8].

В приведенном решении ЕСПЧ констатирует, что использование свидетельских показаний, полученных на стадии расследования и судебного следствия, само по себе не противоречит статье 6 при условии соблюдения прав на защиту. Как правило, эти права требуют, чтобы подсудимому было предоставлена адекватная и надлежащая возможность задать вопросы свидетелю против него – когда он (свидетель) делает свои заявления или на более позднем этапе рассмотрения дела.

Следует учитывать, что критерии недопустимости доказательств ЕСПЧ отдаст на усмотрение национальному законодателю, воздерживаясь от предъявления конкретных требований. Анализируя практику ЕСПЧ, можно сделать вывод, что при решении вопроса о недопустимости доказательств, национальные суды должны иметь в виду возможность обвиняемого обжаловать допустимость доказательств, возражать против них, а также обстоятельства в процессе сбора доказательств, позволяющих их считать недопустимыми.

Соответственно, и на стадии досудебного расследования оговоренное выше право лица (обвиняемого или подозреваемого) так же должно непременно соблюдаться.

Пункт 7 ч. 2 ст. 193 УПК Украины определяет право подозреваемого заявлять ходатайства о вызове и допросе свидетелей, показания которых могут иметь значение для решения вопросов этого расследования.

Соответствующие принципы в этом отношении были суммированы в решении «Перна против Италии»: «Суд отмечает <...>, что допустимость доказательств является, прежде всего, вопросом регулирования национальным законодательством. Задача Суда по Конвенции заключается не в том, чтобы решать вопрос о том, были ли допущены показания свидетелей в качестве доказательства, а чтобы убедиться, что судебное разбирательство в целом,

в том числе то, как были сделаны доказательства, было справедливым <...>. В частности, национальным судам следует оценивать доказательства, поступающие к ним, а также достоверность доказательств, которые обвиняемые пытаются предоставить <...>. Итак, подсудимый не должен отрицать определенных свидетелей; суд должен, кроме того, объяснить ему, почему важно, чтобы заинтересованные свидетели были услышаны, а их доказательства должны быть необходимыми для установления истины» [9].

Выводы. Приведенные в статье решения Европейского суда по правам человека, по мнению автора, следует рекомендовать к изучению судьям и работникам органа досудебного расследования и прокуратуры. Важным аспектом, учитываемым изложенное, является то, что любые утверждения или заявления подозреваемого, обвиняемого, сделанные во время рассмотрения ходатайства о применении меры пресечения, не могут быть использованы для доказательства его виновности в уголовном правонарушении, в совершении которого он подозревается, обвиняется или в любом другом правонарушении (ч. 5 ст. 193 УПК). Основы действующего уголовного процессуального законодательства определяют обязанности и общие правила рассмотрения такого ходатайства, а также требования к обязательному разъяснению подозреваемому при рассмотрении ходатайства о применении меры пресечения его прав (ч. 2 ст. 193 УПК Украины).

Изложенное обуславливает необходимость методологического внедрения в теории уголовного процесса вопроса оптимизации практического применения решений ЕСПЧ для обеспечения соблюдения прав, свобод и интересов лиц в уголовном производстве в ходе досудебного расследования.

Список использованной литературы:

1. Дело «Бенхэм против Соединенного Королевства» URL: <http://www.scourt.gov.ua/clients/vsu/vsu.nsf/7864c99c46598282c2257b4c0037c014/895eb1efa4312a8dc22580f8003dfa2d.pdf>.
2. Дело «Загородний против Украины». URL: http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/974_739.

3. Дело «Веренцов против Украины». URL: http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/974_434.

4. Дело «Харченко против Украины». URL: http://zakon5.rada.gov.ua/laws/show/974_662.

5. Дело «Шабельник против Украины». URL: http://zakon0.rada.gov.ua/laws/show/974_457.

6. Дело «Лабита против Италии». URL: http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/980_009.

7. Дело «Авшар против Турции». URL: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/SO2487.html.

8. Carlo Ranzoni, Judge of the European Court of Human Rights. The right to examine witnesses under Article 6 §§ 1 and 3 (d) of the European Convention on Human Rights.- Speech of the VI International Forum on the case-law of the European Court of Human Rights Lviv, 10 November 2017. Page 3.

9. Дело «Перна против Италии». URL: http://zakon3.rada.gov.ua/laws/show/980_051.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шапвалова Ирина Сергеевна – судья Павлоградского горрайонного суда Днепропетровской области, аспирант кафедры уголовного процесса факультета подготовки специалистов для органов досудебного расследования Днепропетровского государственного университета внутренних дел

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shapovalova Irina Sergeevna – judge of Pavlograd District Court of Dni-propetrovsk Region, Postgraduate Student at the Department of Criminal Procedure of the Faculty of Specialist Training for the Forensic Investigation Authorities of the Dnepropetrovsk State University of Internal Affairs

ishh3008@ukr.net

УДК 347.451.031:366

ПРАВО ПОТРЕБИТЕЛЯ НА КАЧЕСТВО И БЕЗОПАСНОСТЬ ПРОДУКЦИИ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ УКРАИНЫ

Галина ЯНОВИЦКА,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин
Львовского государственного университета внутренних дел Украины

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена вопросам надлежащего качества и безопасности продукции. Рассмотрена система законодательства и позиции ученых. Выявлены недостатки правового регулирования качества в системе защиты прав потребителей. Определены права потребителей в случае приобретения продукции ненадлежащего качества, а также выявления в течение установленного гарантийного срока существенных недостатков, которые возникли по вине производителя продукции (продавца, исполнителя), или фальсификации товара. Аргументировано решение проблемы путем достаточной просветительской работы относительно системы прав потребителей, а также усиления ответственности за предоставление потребителю неполной или недостоверной информации о продукции.

Ключевые слова: Потребитель, качество, безопасность, гарантийный срок, информация о продукции.

CONSUMERS RIGHT TO QUALITY AND SAFETY OF PRODUCTS UNDER THE LAW OF UKRAINE

Galina YANOVITSKA,
Candidate of Legal Sciences, Docent,
Head of the Department of Civil Law Disciplines
of Lviv State University of Internal Affairs

SUMMARY

The article is devoted to the issues of proper quality and safety of products. The system of legislation and the position of scientists is considered. The shortcomings of the legal regulation of quality in the system of consumer rights protection are revealed. The rights of consumers in the event of the purchase of products of inadequate quality are determined, as well as the identification during the established warranty period of significant deficiencies that arose due to the fault of the manufacturer of the product (seller, performer) or the falsification of the goods. The solution of the problem is argued through sufficient educational work on the system of consumer rights, as well as strengthening the responsibility for providing the consumer with incomplete or unreliable information about the product.

Key words: Consumer, quality, safety, warranty period, product information.

Постановка проблемы. В последние годы в Украине имеет место тенденция усиления правовой защиты прав потребителей, обеспечения эффективного контроля над качеством и безопасностью продукции и всех видов работ и услуг, а также совершенствования действующего законодательства о защите прав потребителей. Сегодня законодательство в сфере защиты прав потребителей в Украине, насчитывает свыше 200 законов и подзаконных нормативных актов.

Большое значение в системе законодательства Украины о защите прав потребителей имеют Закон Украины «О защите прав потребителей» [1], Гражданский Кодекс Украины [2], Хозяйственный кодекс Украины [3], и другие.

Актуальность темы исследования. В соответствии со ст. 1 Закона

Украины «О защите прав потребителей», потребитель – физическое лицо, которое приобретает, заказывает, использует или намеревается приобрести, заказать продукцию для личных потребностей, непосредственно не связанных с предпринимательской деятельностью или выполнением обязанностей наемного работника.

Потребительский рынок в Украине насыщен разнообразными товарами отечественного и иностранного производства, которые не всегда имеют надлежащее качество.

От правильного определения понятия «качество продукции» зависит формирование соответствующих требований и правил относительно количественных и качественных показателей, которым должен отвечать та или иная продукция, поэтому проблема качества продукции (товаров)

является предметом многих правовых исследований.

Состояние исследования. Наиболее комплексный подход к освещению различных аспектов качества товаров (работ, услуг) осуществлен в трудах Иваненко Л.М., Кагал Т.А., Письменной О.П., Черняк А. Ю., Язвинской А.Н., Яковлевой В.Ф.

Целью статьи является анализ содержания качества продукции и формирования требований, относительно количественных и качественных показателей, которым она должна соответствовать.

Изложение основного материала. В юридическом словаре отмечено, что качество продукции – совокупность полезных свойств и характеристик продукции или услуги, которыми определяется их способность удовлетворить установленные или предсказуемые по-

требности потребителя относительно конкретных целей их использования или потребления.

Характеризуются показателями безопасности, новизны, долговечности, надежности, экономичности и другими потребительскими свойствами товара или услуги, которые предоставляют им способность удовлетворять обусловленные или предсказуемые потребности в системе производственных или социально-экономических отношений. Требования относительно качества продукции формируются со стороны потребителей (заказчиков) разработчиками и изготовителями продукции, а также уполномоченными государственными органами и учреждениями. Приоритет относительно требований к качеству продукции, степени ее соответствия конкретным показателям, возлагается на потребителя [4, с. 1017].

Можно рассматривать качество продукции, товаров и услуг как социально-экономическую и правовую категории. Надлежащее качество промышленных и продовольственных товаров, медицинских средств и лекарств положительно влияет на физическое и моральное здоровье людей, способствует улучшению жизненного комфорта, а также повышению производительности труда и условий отдыха. Однако несоблюдение требований относительно качества порождает для потребителей дискомфорт в быту, наносит им материальный и моральный вред и снижает производственный потенциал страны. Качество товара (продукции) в экономическом смысле представляет собой комплекс позитивных свойств, которые обеспечивают его эффективное и безопасное использование (потребление) по назначению в соответствии с существующим уровнем научно-технического прогресса. Обеспечение соответствия товара таким свойствам осуществляется для подавляющей части товаров в нормативном порядке, который предоставляет качеству товара признаки правовой категории.

Важнейшим критерием качества продукции является ее полезность, изложенная в степени пригодности, а способность продукции удовлетворять соответствующие потребности людей обуславливается ее свойствами, в частности, надежностью, долговечностью,

эффективностью, безопасностью, новизной, экономичностью, эстетичностью, экологичностью, которые отвечают нормативным требованиям и договорам.

На высоком международном уровне, Международная организация из стандартизации (ISO, в 1946 г., г. Лондон) в 1986 году сформулировала требования относительно качества для всех отраслей бизнеса и промышленности. Организацией установлено 15 тысяч международных стандартов, которые обеспечивают совместимость производственных процессов и технологий. Стандарты ISO сегодня являются унифицированным механизмом для оценки качества производства и управления в мировом содружестве. Они применяются во всех традиционных отраслях, начиная от сельского хозяйства и строительства, производства бытовых товаров и самого сложного медицинского оборудования до новейших направлений информационных технологий [5].

Стандарты ISO способствуют прогрессу бизнеса, развития потребительского сектора и экономики в целом. Наиболее известные и признанные в мире стандарты ISO 9 000 – стандарт управления качеством и ISO 14 000 – стандарт управления безопасностью окружающей среды.

Сегодня в Украине особенно остро появляется вопрос обеспечения качества продуктов питания. Если в случае с непродовольственными товарами чаще всего речь идет о каком-либо дискомфорте, вызванном приобретением некачественных товаров, то в случае с продуктами питания мы практически всегда можем говорить об угрозе здоровью конечного потребителя.

Поэтому для обеспечения высокого качества продукции или услуг на рынке, Украине необходима четкая система управления качеством, которое бы учитывало научно-технические достижения, стимулировало добросовестный труд всего коллектива предприятия и ориентировалось на запросы рынка.

Это позволяет отечественным предприятиям своевременно принимать требования к системам управления качеством. Внедряя же подобные стандарты, украинские производители имеют возможность выходить на международные рынки с продукцией

надлежащего качества, подтверждая тем же свою конкурентоспособность и компетентность.

Ст. 4 Закона Украины «О защите прав потребителей» обязывает государство обеспечить не только создание информационной системы о качестве товаров, которые реализуются всеми субъектами предпринимательства, но и определить необходимые требования, которым должны отвечать эти товары, а также обеспечивать осуществление государственным органами контроль за соблюдением субъектами предпринимательской деятельности этих и других требований. Собственно, в Украине уже существует соответствующая государственная система защиты прав потребителей. В соответствии с ч. 3 в. 5 Закона «О защите прав потребителей», защиту прав потребителей осуществляют: центральный орган исполнительной власти, который реализует государственную политику в сфере государственного контроля за содержанием законодательства о защите прав потребителей, местные государственные администрации, органы, которые осуществляют государственный санитарно-эпидемиологический надзор, другие государственные органы, органы местного самоуправления, а также суды.

Гарантия качества продукции, на какую может рассчитывать потребитель, является условием безопасности его здоровья. На сегодня очень остро проявляется вопрос о товарах, которые приходят в розничную торговлю. Они должны обеспечивать потребности потребителей на протяжении определенного промежутка времени. Согласно ст. 8 Закона Украины «О защите прав потребителей», в случае выявления в течение установленного гарантийного срока недостатков потребитель, в порядке и в сроки, которые установлены законодательством, имеет право требовать:

- 1) пропорционального уменьшения цены;
- 2) бесплатного устранения недостатков товара в разумные сроки;
- 3) возмещения расходов на устранение недостатков товара.

В случае выявления в течение установленного гарантийного срока существенных недостатков, которые возникли по вине производителя товара

(продавца, исполнителя), или фальсификации товара, подтвержденных при необходимости выводом экспертизы, потребитель, в порядке и в сроки, которые установлены законодательством и на основании обязательных для сторон правил или договора, имеет право по своему выбору требовать от продавца или производителя:

1) расторжение договора и возращение оплаченной за товар денежной суммы;

2) замены товара на такой же товар или на аналогичный, из числа имеющихся у продавца (производителя), товар.

Одним из важнейших механизмов управления качеством продукции в Украине, есть сертификация продукции, которая исходя из объективной оценки третьей стороны, может предоставить для потребителя не только подтверждение о ее пригодности и качестве, но и безопасность и конкурентоспособность.

Сертификация – процедура, с помощью которой признанный в установленном порядке (уполномоченный) орган документально подтверждает соответствие продукции, систем управления качеством, систем управления окружающей средой, систем управления охраной труда персонала, установленным законодательством требованиям, которые действуют в Украине.

Сертификация является основой государственного регулирования безопасности товаров и услуг. Ее основной функцией является защита человека, его имущества и естественной среды от негативных последствий современного научно-технического развития, от недобросовестных производителей и продавцов, а также создания условий для честной конкурентной борьбы. Сертификация имеет цель: защита потребителей; содействие потребителю в компетентном выборе продукции; подтверждение показателей качества продукции, которые заявлены изготовителем; создание условий для участия субъектов ведения хозяйства в международном, экономическом, научно-техническом сотрудничестве и международной торговле; предотвращение реализации продукции, опасной для жизни, здоровья и имущества граждан, окружающей среды.

Сертификат подтверждает безопасность и экологическую чистоту продукции для потребителя, а производства – для окружающей среды. Он способствует участию субъектов предпринимательской деятельности в международном экономическом сотрудничестве. В украинской практике применяются разные методы подтверждения соответствия того или иного вида продукта необходимым требованиям. Это могут осуществлять производители, заказчики, продавцы или независимые органы и организации. Независимым может быть государственный надзор за соблюдением обязательных требований стандартов, технический и санитарный надзор за безопасностью, а также ведомственный контроль и принятие продукции для государственных потребностей.

Обязательная сертификация проводится в соответствии с требованиями действующих национальных законодательных актов и обязательных требований нормативных документов, национальных и международных стандартов других государств. Работы по обязательной сертификации осуществляются органами по сертификации и испытательными лабораториями, аккредитованными в установленном порядке в рамках действующих систем обязательной сертификации. Обязательная сертификация осуществляется в пределах государственной системы управления субъектами ведения хозяйства с целью определения соответствия продукции требованиям стандартов. Обязательная сертификация продукции проводится с целью определения ее безопасности и экологичности для выхода на международный рынок.

Добровольная сертификация в Украине может проводиться по инициативе самих субъектов ведения хозяйства на соответствие продукции требованиям, которые не подлежат обязательной сертификации. Без добровольной сертификации продукция реализуется, обычно, по ценам в несколько раз более низким чем мировые. Поэтому она, подтверждая высокое качество продукции, является необходимым условием укрепления рыночной позиции предприятий.

Все мероприятия, которые связаны со стандартизацией и сертифика-

цией систем качества и безопасности предприятий, позволяют создавать конкурентоспособное производство и эффективно реализовывать конкурентоспособную продукцию на основе организации тотального управления этими процессами.

Потребители во время приобретения, заказа или использования продукции, которая реализуется на территории Украины, для удовлетворения своих личных потребностей имеют право на: защиту своих прав государством; возмещение имущественного и морального вреда; обращение к суду и другим уполномоченным государственным органам за защитой нарушенных прав; объединение в общественные организации потребителей. Именно статья 42 Конституции Украины предоставляет право потребителю, права которого нарушены, обратиться непосредственно в суд за их защитой, проходя все другие инстанции.

По нашему мнению, приобретение продукции неподобающего качества тянет за собой нежелательные негативные последствия для потребителя. Во-первых, он лишается возможности пользоваться вещью по назначению. Во-вторых, использование вещи с недостатками может привести к причинению вреда его жизни и здоровью. В результате этих обстоятельств для потребителя важное значение приобретает возможность быстрого возобновления нарушенного права и устранения негативных последствий, вызванных недостатками товара. Бесспорным является то, что добросовестный и дисциплинированный продавец (производитель или исполнитель) может самостоятельно оперативно устранить негативные последствия приобретения потребителем товара неподобающего качества. В иных случаях, необходимые меры принудительного влияния. Поэтому для потребителей актуально установление эффективного механизма возобновления их нарушенных прав. Для этого в законодательстве предусматриваются соответствующие санкции относительно продавцов (производителей, исполнителей) и определенный порядок удовлетворения требований потребителей.

В частности, к субъектам ведения хозяйства могут применяться санкции в виде:

1) исключение некачественных образцов товаров и неподобающих документов;

2) аннулирования сертификатов и лицензий;

3) временного прекращения и прекращения деятельности субъекта ведения хозяйства;

4) запреты на реализацию (продажа) товаров, которые не отвечают требованиям нормативных документов;

5) наложение административных взысканий;

6) уголовная ответственность.

Выводы. Решение проблемы защиты прав потребителей на государственном уровне не даст стопроцентных результатов в защите интересов всех потребителей. Как известно, для того, чтобы закон работал, прежде всего, необходимо, чтобы граждане о нем знали и умели отстаивать свои права. А для этого необходимо освещать в средствах массовой информации, на радио и телевидении права потребителей, стимулировать создание разнообразных блоков теле- и радиопрограмм, которые освещают вопрос качества продукции, а также усилят ответственность за

предоставление потребителю неполной или недостоверной информации о товаре (работу, услугу).

Законодательство Украины должно предоставлять возможность потребителю не только приобрести статус равноправного субъекта на рынке товаров и услуг, но и грамотно подойти к выбору товара надлежащего качества на основе полной и достоверной информации о нем, а в случае необходимости, защитить свои нарушенные права.

Список использованной литературы:

1. Про захист прав споживачів: Закон України від 12. 05. 1991 р. Відомості Верховної Ради УРСР. 1991. № 30

2. Цивільний кодекс України від 16. 01. 2003 р. База даних «Офіційний веб-портал Верховної Ради України. Законодавство України». URL: <http://zakon0.rada.gov.ua/laws/show/435-15> (Дата звернення:09.07.2018)

3. Господарський кодекс України від 16. 01. 2003 р. Відомості Верховної Ради України. 2003. № 18–22

4. Великий енциклопедичний юридичний словник. Ю.С. Шемчушенко, В.П. Нагребельний [2-ге вид., переробл. і доповн.] К.: Юридична думка, 2012. 1020 с.

5. ISO and consumers. База даних «Офіційний веб-портал International Organization for Standardization». URL: <https://www.iso.org/iso-and-consumers.html>(Дата звернення:09.07.2018)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Яновицка Галина Богдановна – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Львовского государственного университета внутренних дел Украины

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yanovitska Galina Bogdanovna – Candidate of Legal Sciences, Docent, Head of the Department of Civil Law Disciplines of Lviv State University of Internal Affairs

gyanovytska@gmail.com

NOTIȚE

Culegere și paginare computerizată. Bun de tipar 03.08.2018. Formatul 60x84-1/8. Tipar ofset.
Coli tipar conv. 17,67. Tiraj-1020 ex. Imprimat la SRL «Tipocart Print», mun. Chișinău.